АЗБУКА ВЕРЫ

Дмитрий Михайлович Володихин

Патриарх Гермоген

Художественная литература · azbyka.ru

Патриарх Гермоген – электронная книга православного портала «Азбука веры».

Читайте эту и тысячи других книг бесплатно: azbyka.ru/fiction/patriarh-germogen

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект. Мы бесплатно открываем людям сокровищницу православной веры и лучшие книги русской и мировой литературы. Если книга оказалась для вас полезной, поддержите портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Патриарх Гермоген

Дмитрий Михайлович Володихин

Книга создавалась по благословению Высокопреосвященного Климента, митрополита Калужского и Боровского.

О великое Божье милосердие!
Еще не до конца прогневался Он на христианский род.
О чудо и диво! И воистину великого плача достойно,
как мать городов Российского государства
со всеми ее крепостными стенами и великими умами
и душами врагам и губителям покорилась и сдалась
и на волю их отдалась, кроме лишь того нашего великого,
стойкого и непоколебимого столпа,
духовного и крепкого алмаза, и с ним еще многих
православных христиан, которые хотят
за православную веру стоять и умереть!

Новая повесть о преславном Российском царстве

Одинокая твердыня

Читатель!

Автор этих строк приносит извинения.

Книга, которую ты взял сейчас в руки, представляет собой неудобное чтение. Нет в ней легкости.

Патриарх Гермоген для русской истории — громадная фигура. В эпоху Смуты Московская держава, словно ветхое здание, покрылась трещинами от основания до сводов и едва не рухнула окончательно. Вся российская государственность около года висела на волоске: ее защищала от полного разрушения воля дряхлого старика, на которого обрушивался один удар за другим. И не было бы, скорее всего, ни Первого земского ополчения, ни Второго, ни освобождения Москвы от поляков, ни восшествия Романовых на престол, если бы Гермоген не выдержал все эти удары. Долгое время он представлял собой одинокую твердыню — живую крепость, единственную изо всех в России, какую не взяли ее враги.

И очень хотелось бы написать о нем яркими красками, живо, трепетно… Да вот беда, надо писать иначе. Причины к тому — самые серьезные.

Начать объяснение придется издалека.

Из двух стадий состоит нормальный путь получения какой-либо исторической личностью громкой славы у образованной публики.

На первой стадии ученые занимаются анализом исторических источников, повествующих об этой персоне. Специалисты читают летописи, документы, мемуары; выясняют, насколько они достоверны; реконструируют с помощью научных методов биографию героя.

На второй стадии за дело берутся публицисты, журналисты, популяризаторы. У них уже есть основа, созданная трудами ученых. Теперь к этой основе добавляются художественные образы, философские размышления, живая литературная речь. В таком виде образованной публике легче принять биографию крупной исторической личности: чистый научный язык — это ведь сухое сено академщины, таким блюдом не полакомишься! Требуется совсем другое изложение. Такое, чтобы читатель не остался равнодушным, чтобы он увлекся, получил удовольствие, а не только мучил себя расшифровыванием ученых ребусов.

Но построить популярное повествование, не имея научного фундамента, — верх легкомыслия. А потому без первой стадии нельзя обойтись.

Резонно?

Вот только не всегда так получается. Порой вторая стадия обгоняет первую.

Порой какая-нибудь крупная фигура вызывает столь сильный интерес у любителей родной истории, что о ней сразу, без подготовительного — строго научного — этапа, начинают писать популярные опусы. Да и не только популярные, но и разного рода историософские: окружают исторического персонажа заковыристыми теориями, придают ему глобальное политическое значение… А по следам подобных сочинений вскоре идут романы, пьесы, фильмы, тексты для детей, хлесткие статейки в прессе.

В результате миллионы людей получают несокрушимую уверенность в неких добродетелях, подвигах или, напротив, злодействах этой персоны, хотя ученые многого еще не выяснили, хотя идут еще полемики о главнейших фактах в ее судьбе. И всё величественное здание популярных текстов может быть разрушено парой строк из какого-нибудь не до конца освоенного учеными документа. Под сотнями книг, статей, художественных произведений зияет страшная пустота.

Как ни парадоксально, подобное случается сплошь и рядом.

Именно так произошло и с патриархом Гермогеном.

В конце этой книги помещена библиография книг, статей, эссе, где ему уделяется особое внимание. В ней около восьмидесяти позиций, но она очень и очень неполна. Только самое основное. Подавно, туда не вошли художественные произведения. Но и по такой, весьма краткой, библиографии видно: о Гермогене писали исключительно много. Притом в большинстве случаев — люди, не имеющие к науке никакого отношения. Отсюда странное, можно сказать, пугающее положение: в популярной литературе без конца повторяются фразы из немногочисленных, в основном довольно старых научных работ, благоглупости полудюжины дореволюционных публицистов, а также прекрасные слова из источников XVII века: «твердый адамант», «новый исповедник», «непоколебимый столп», «муж-исполин» и т. п. В научной среде между тем развернулись дискуссии о важнейших поворотах на жизненном пути Гермогена, поставлены под вопрос ключевые толкования его поступков. Однако всё это в наши дни редко замечают. Словно наука живет сама по себе, своей замкнутой жизнью, а популярная сфера — сама по себе…

Имя патриарха Гермогена украшено величественными б*о*разами, вышедшими из-под пера патриотических литераторов. В них нет недостатка. Какой смысл плодить то, что и так — в изобилии?

Нет, о Гермогене, к сожалению, сейчас нужна совсем другая книга. Не столь легкая по стилю, не столь насыщенная образностью, не столь много воспаряющая к небесам теоретических

рассуждений, а, напротив, очень приземленная. Каждый факт его жизни должен быть связан с источниками, которые пройдут критическое осмысление, каждый спор, возникший вокруг его слов и действий, должен получить разрешение.

Вот по какой причине мне пришлось извиниться в самом начале.

Эта книга о Гермогене насыщена цитатами из летописей, повестей и документов XVII века, элемент изучения преобладает в ней над беззаботным повествованием. Ничего легкого! Книга потребует определенного умственного труда, и если нет желания совершить его, то лучше сразу отложить эту биографию.

Автор этих строк понимает, что поставил себя в довольно неудобное положение, но… так надо. Поздно писать о Гермогене иначе. Нехорошо писать о Гермогене иначе.

Глава первая. Казань

Образованной публике Гермоген известен в основном как политический деятель, боровшийся с засильем польско-литовских захватчиков. Мало кто знает, сколь много он сделал до Смуты, в бытность свою митрополитом Казанским.

Лишь немногие глубоко воцерковленные люди да специалисты по истории Казанского края знакомы с поворотами в судьбе святителя, предшествовавшими звездному часу в его жизни.

Задолго до переезда в Москву Гермоген прославился как выдающийся миссионер. Он действовал на землях, не до конца «замиренных». Он показал себя мужественным человеком, просвещенным пастырем и церковным администратором, обладающим твердой волей. Он строил храмы, читал проповеди, знакомил новокрещенов со Священным Писанием. Он способствовал канонизации новых святых, связанных с Казанской землей. А когда ситуация требовала, проявлял жесткость, борясь за чистоту веры.

К сожалению, мало кто теперь вспоминает об этих его трудах. Необычную петлю сделала биография святителя: он жил очень долго, трудился, не покладая рук, но за полтора года до кончины вошел в полосу тяжелейших испытаний; претерпел муки духовные, поношение и плен в подземном узилище; всё выдержал, не колеблясь в вере; был прославлен за духовную твердость и бесстрастное отношение к страданиям, на которые его обрекли. Долгий век принес Гермогену репутацию церковного деятеля с большими заслугами, но не более того. Лишь на закате жизни состоялось его духовное возвышение. Фигура святителя обратилась в лампаду, горевшую для всей России, всему народу освещавшую путь. И эта ослепительная вспышка как будто поглотила все прочие события его судьбы. Она сделала Гермогена одной из славнейших личностей русской истории.

Однако не будь длительного восхождения к духовному подвигу, не произошло бы и самого подвига. В житии святого всё значимо, ничего случайного нет. Следовательно, понять, что двигало Гермогеном в пору закатную, когда его терзали, а он бесстрашно стоял за веру, можно лишь обозрев реку его лет от истока и по всей длине.

О происхождении, детстве, юности и зрелых годах святителя почти ничего не известно. Его жизнь выходит из тумана неопределенности после того, как лента ее размоталась до середины. Всё предшествующее состоит из догадок, гипотез, фактов сомнительной ценности и колоссального «белого пятна».

Польский офицер Александр Гонсевский в 1615 году присутствовал на переговорах между

представителями короля Сигизмунда III и царя Михаила Федоровича. С его слов в дипломатических бумагах закрепилось известие: пятью годами ранее Гонсевский познакомился с Гермогеном, обстоятельства сделали их врагами; пытаясь разобраться, что за личность ему противостоит, поляк занялся сбором сведений о Гермогене; один из московских священников сообщил ему: в молодости Гермоген был в донских казаках{1}.

Нет никаких причин оспаривать показания Гонсевского. Его сообщение о казачьем прошлом святителя имеет критический оттенок, но эта окраска является плодом удивления и негодования Гонсевского, а вовсе не результатом его стремления загрязнить доброе имя Гермогена. К 1615 году святитель вот уже несколько лет как покоился в гробу, к тому же высказывание Гонсевского было адресовано московским дипломатам, которые лучше его знали, из какой среды вышел Гермоген. Общаясь с дипломатическими представителями России, Гонсевский в принципе не мог рассчитывать хоть сколько-то ухудшить репутацию Гермогена. И он, неглупый, опытный человек, разумеется, прекрасно понимал это. Просто выказал раздраженное изумление: да как же глава Церкви мог подняться из полуразбойничьей вольницы лихих донцов?

Таким образом, Гонсевский, скорее всего, не лгал, и его слова о казачьем прошлом Гермогена следует принять как правду.

Однако… это дает биографам святителя немногое.

В нашей литературе устоялась одна сомнительная цифра — год рождения Гермогена. Какой справочник ни возьми, какую энциклопедию ни открой, везде стоит 1530 год.

Казалось бы, дата принята обоснованно: через раз авторами биографических текстов о Гермогене делается ссылка на материалы переговоров 1615 года, а то и прямо на Гонсевского, будто бы сказавшего, что в 1610 году ему противостоял «восьмидесятилетний старик». Пользуясь данными, идущими от Гонсевского, надо лишь отнять от 1610 года 80 лет, и получится 1530-й. Вот только… ничего подобного Гонсевский не говорил. Мало того, *никто из польских дипломатов, ни один из официальных документов,* сохранившихся от переговорных бесед 1615 года, ничего подобного не сообщает. Удивительно!

В попытках приписать хоть кому-то сообщение о «восьмидесятилетнем старике» авторы некоторых биографических очерков о Гермогене давали ссылки… ведущие в никуда. Так, в соответствующей статье из «Православной энциклопедии» стоит ссылка на документ, где вообще не упоминается Гермоген[1]. У этого документа одно достоинство: он опубликован в одном томе с бумагами тех самых переговоров 1615 года…

Откуда же взялся 1615 год? Откуда взялся Гонсевский?

Скорее всего, из историографической ошибки.

Она уходит корнями в высказывание Николая Михайловича Карамзина, сделанное на страницах «Истории государства Российского»: «Упорствовал в зложелательстве нам — пишут Ляхи — только осьмидесятилетний патриарх, боясь государя иноверного, но и его уже хладное, загрубелое сердце смягчалось приветливостью и любезным обхождением гетмана, в частных с ним беседах всегда хвалившего греческую веру, так, что и патриарх казался, наконец, искренним ему другом»{2}.

Речь идет о польском гетмане Жолкевском, который летом — осенью 1610 года вел переговоры с московскими духовными и светскими властями. О Жолкевском, а вовсе не о Гонсевском! О

1610 годе, а не о 1615-м!

Карамзин в этом месте дал ссылку на сборник исторических материалов польского историка Юлиана Немцевича «Dzieje panowania Zygmunta III»[{3}]. Вот каковы «ляхи» Николая Михайловича.

У Немцевича есть упоминание «восьмидесятилетнего патриарха», с коим беседует гетман[{4}], и карамзинский перевод его фраз вполне точен. Но одно обстоятельство мешает доверять сообщению Немцевича. Повествуя о событиях лета и начала осени 1610 года в Москве, он почти дословно повторяет памятник мемуарной литературы, давно введенный в научный оборот и превосходно известный исследователям, — записки Жолкевского. Причем фрагмент о переговорах гетмана со святителем в очень большой степени копирует записки Жолкевского. Разница состоит главным образом в напыщенных литературных оборотах Немцевича, коими он «украсил» простую и ясную речь полководца. Иных смысловых добавок — ничтожно мало.

А сам Жолкевский назвал Гермогена «весьма старым человеком»[{5}]. По-польски: «bardzo stary»[{6}]. Но нигде не употребил слова «восьмидесятилетний», оно появилось у Немцевича. Да и о «греческой вере» гетман тоже ничего не сказал.

Скорее всего, у Немцевича не имелось никакого другого источника: польский историк, ничтоже сумняшеся, поменял неопределенный оборот Жолкевского на свой, звучащий весомее, «литературнее». Таким образом, цена его добавке о «восьмидесятилетнем» старце стремится к нулю. Всё это — чистое «художество». А значит, *больше нет никакого смысла объявлять 1530-й годом рождения Гермогена.* Пора его вычеркивать изо всех справочных статей о святителе.

Да, остается ничтожная вероятность того, что у Немцевича под руками имелось какое-то письмо или иной документ, почему-то не названный им в тексте[2], однако снабдивший его сведениями о возрасте Гермогена. Но подобное предположение совершенно бездоказательно.

Первая точная дата в судьбе Гермогена — 1579 год. Будущий патриарх сам о себе сообщает: «Я же тогда бывши в чине священника у святого Николая, который зовется Гостиным»[{7}]. Речь идет о казанском храме Николы Гостинодворского.

Канонический возраст рукоположения во священнический сан — не ранее тридцати лет. В критических условиях, когда кандидатов на иерейское служение по каким-либо причинам не хватало, рукополагают и более молодых мужчин, но — в виде исключения. А Россия середины XVI века вовсе не испытывала нехватки в попах. Таким образом, даже если Гермогена рукоположили незадолго до указанного срока, в том же году, он, скорее всего, родился не позднее 1549 года. Судя же по тому, какое доверие оказал ему архиерей при событиях 1579-го (подробнее о них будет рассказано ниже), Гермоген уже считался опытным иереем, был, что называется, «на хорошем счету». То есть, скорее всего, его поставили в сан несколько раньше, а значит, и родился он все же ранее 1549 года. Но здесь приходится соскакивать с твердой почвы знания в зыбкие воды гипотез.

Итак, *святитель родился не позднее 1549 года*. Ничего более определенного сказать нельзя.

Происхождение его вызвало длительную дискуссию между историками. По сию пору оно определено лишь предположительно.

То, что святитель в молодые годы казаковал, не столь уж значимо. Он мог уйти в казаки из крестьян, из посадских людей, из государевых военных служильцев «по прибору», даже из

обедневших дворян. Нет ни малейших оснований утверждать, как это делают некоторые публицисты{8}, будто и отец святителя принадлежал к донскому казачеству. Неизвестно, как долго он пробыл среди казаков и достиг ли начальственного положения меж ними. Ясно лишь одно: иереем Гермоген сделался, оставив казачьи дела.

Неизвестно, как окрестили мальчика его родители. Но тут разногласий между историками гораздо меньше. Обыкновенно называют два имени: Ермолай и Григорий, притом абсолютное большинство биографов святителя отдают предпочтение первому варианту.

Основания к подобному выводу таковы: в старину на Руси, принимая иноческий постриг, меняли имя, сохраняя лишь первую букву. Исчезал Федор, появлялся Филипп. Исчезал Дмитрий, появлялся Даниил. Исчезал Василий, появлялся Варлаам. Порой это правило нарушалось, но чаще его все-таки соблюдали. Когда будущий патриарх решит постричься в монахи, он получит имя, известное ныне в двух версиях: Гермоген и Ермоген. Притом Гермогеном его стали называть относительно поздно. Большей частью в литературе XIX–XX столетий. При жизни подавляющее большинство современников именовали его «Ермоген». Так звался он в документах, исторических повестях, публицистических сочинениях, летописях и хронографах{9}. Исключения довольно редки{10}. Современный казанский историк Е.В. Липаков в труде «Архипастыри казанские» высказался эмоционально: «Именно “Гермогеном”, а не “Ермогеном”, называл себя казанский митрополит в грамоте 1592 года патриарху Иову и патриарх Иов в своем ответе»{11}. Но тут встает вопрос о качестве публикации: издание документов того же времени (1593) дает вариант «Ермоген», а не «Гермоген»{12}.

Еще более весомый аргумент — дошедшие до наших дней документы с подписью святителя. Удостоившись архиерейского сана, он подписал на протяжении двух десятилетий множество самых разных бумаг. Везде он собственноручно выводил: «Ермоген». И если позднее к этому слову добавилась литера «Г», то лишь из-за привычки людей петербургской эпохи к другой форме того же имени[3].

Первое имя его, до-иноческое, скорее всего, было Ермолай. Его дали, как пишет один из биографов Гермогена, в память о святом мученике Ермолае, «служившем пресвитером… в Никомидии. Он пострадал за открытое исповедание Христа перед языческим императором в дни гонений. Память его совершается Церковью 26 июля, отсюда можно предположить, что будущий патриарх родился в июле»{13}. Но почему Ермолай, а не как-нибудь иначе? Имен, начинающихся на «Е», не столь уж мало! Весомый аргумент привел другой биограф святителя, историк С. Кедров: «В Москве, на Садовой улице, существует церковь во имя св. Ермолая. В летописях ее значится, что она получила свое начало при патриархе Гермогене в 1610 г. на патриарших землях и сначала была небольшая, деревянная. Весьма вероятно, что патриарх, вообще отличавшийся храмоздательством, воздвиг эту Церковь в честь святого, имя которого носил в миру»{14}.[4] Действительно, священномученик Ермолай, что называется, из «редких» святых. Нечасто во имя его освящались храмы Московского царства. И появление церкви при Гермогене легко объясняется особым почитанием святого, который до принятия патриархом иночества являлся его небесным покровителем.

Предположение, согласно которому до иночества святитель носил имя Григорий, основано на двух доводах, притом оба — довольно сомнительные.

В церковной традиции утвердилось именование «Гермоген», и каков бы ни был древний бытовой обычай, а правильнее говорить именно так, и во время пострига именно так произнесли это имя. Следовательно, и прежнее имя святителя могло начинаться с буквы «Г».

Но это, допустим, весьма шаткое и недоказуемое построение. Протоиерей Николай Агафонов объяснил, какова цена этой «правильности»: «Имя “Ермоген” греческого происхождения… у греков оно пишется со знаком придыхания перед… “Е”. В греческом языке это придыхание перед “Е” означает произношение звука, среднего между “Г” и “Х”, но в славянской грамматике придыхание не читается и не произносится»[{15}].

Второй довод пусть и сомнителен, но хотя бы опирается на свидетельства источников. В 1895 году вышла весьма основательная работа Е.М. Лебедева о Спасо-Преображенской обители в Казани. Гермоген там недолгое время настоятельствовал. Поскольку версия, высказанная автором книги, исключительно важна для биографии святителя, имеет смысл привести обширную цитату.

Е.М. Лебедев пишет: «На основании некоторых… намеков в предисловии к “житию” свв. Гурия и Варсонофия, составленному Гермогеном, хотят заключить, что он был до священства клириком в Спасском монастыре[5]. Но намеки эти столь неясны, что делать на основании их какие-либо… решительные предположения невозможно. Что касается службы при гостинодворской церкви, то есть данные предполагать, что она началась задолго до 1579 года. Так, в предисловии к “житию” есть упоминание о клирике, в миру живущем, которому св. Варсонофий послал предсказание со своим духовником; под клириком этим многие разумеют Гермогена, но если так (хотя можно возражать против этого), то Гермоген в 1576 году уже был в Казани, так как только в этом году скончался св. Варсонофий. Но, кажется, начало службы его здесь можно относить и к более раннему времени. Можно думать, что во время написания писцовой книги 1567 года Гермоген был уже в Казани и уже священником при той же гостинодворской церкви. Обращаясь к описанию гостинодворской церкви в писцовой книге, мы читаем: “Церковь Никола чудотворец Гостин ружная, позади Рыбного ряду; поставление и все церковное строение попа Григорья да мирское. У церкви во дворе поп, дьякон, в кельях пономарь, проскурница, да в двух келиях живут старцы, питаясь от церкви”… В упоминаемом здесь попе Григории можно видеть будущего Гермогена. такому мнению весьма благоприятствует и то, что здесь сказано о попе Григории и его церкви: он сам на свои средства устрояет церковь и привлекает к тому же мирян, хотя церковь его, будучи ружною, то есть получавшею содержание от казны, долженствовала и по своему строению быть казенною же[6]; он же — поп Григорий — имеет при своей церкви нечто вроде богадельни. Все это так похоже на Гермогена, будущего митрополита Казанского — строителя церквей и монастырей, радетеля о бедных, бесприютных старцах… Правда, этому предположению будет, по-видимому, противоречить выражение предисловия о клирике, которому св. Варсонофий послал предсказание. Но, во-первых, нельзя с несомненностью утверждать, что под клириком Гермоген разумеет здесь именно себя, а во-вторых, название “клирик” могло быть употреблено здесь Гермогеном в общем смысле — принадлежности к клиру..»[{16}]

Версия о том, что упомянутым «клириком» являлся сам Гермоген, подвергнется разбору ниже. В данном случае важно другое: некий поп Григорий, судя по писцовой книге, служил у Николы Гостинодворского за 13 лет до того, как там же, по неопровержимым данным, подвизался герой этой книги. Очень соблазнительно приравнять одного к другому. Сторонники у подобного мнения уже есть, их немало.

Е.В. Липаков, автор книги «Архипастыри казанские», исправляет датировку писцовой книги, относя ее к 1566 году[7]. Далее он обращает внимание на второе упоминание попа Григория тем же источником: иерей считался владельцем двора, находившегося в Кремле[8]. А дворы в Кремле имели чаще всего «старожилы Казани, поселившиеся здесь в первые пять лет после 1552 года, когда в крае продолжалась война». Другой ученый, С.М. Каштанов, анализировавший раннее русское землевладение на территории Казанского края, считал, что

дворяне, приезжавшие сюда на годовую службу, строили дворы в Кремле, а после окончания срока пребывания в Казани продавали их сменщикам. Позднее «Кремль перестал быть популярным местом для проживания, писцы отметили множество пустых дворов и дворовых мест, где строения уже были разобраны. Но двор попа Григория был жилым. Можно предположить, что сщмч. Гермоген был из служилых людей, прибывших в Казань на годовую службу, или в числе первых собственно казанских дворян, которых перевели сюда в 1557 году из разных мест и наделили поместьями»[{17}]. Почти все они многие годы, пока не обустроились в поместьях, жили в Кремле и около него. Это позволяет Е.В. Липакову пойти в своих выводах еще дальше: «Если сщмч. Гермоген и Николо-Гостинодворский поп Григорий — одно лицо, то во священники его, скорее всего, рукоположил святитель Гурий (первый архиепископ Казанский. — *Д. В.)*»[*{18}*].

Все эти построения многое разъяснили бы в биографии святителя Гермогена, если бы не одно печальное обстоятельство. Они разбиваются вдребезги о самый простой контраргумент: невозможно доказать идентичность попа Григория, служившего у Николы Гостинодворского во второй половине 1560-х, и будущего святителя Гермогена, служившего там же в 1579 году. Остается отложить вопрос до обнаружения каких-либо новых источников, способных прояснить его.

Итак, первая версия более правдоподобна. Далее по тексту история священника при казанском храме Святого Николы на Гостином дворе будет связана с именем «Ермолай».

Нет определенности и в вопросе, из какого общественного круга вышел Ермолай. На сей счет опубликовано несколько версий.

П.И. Бартенев считал святителя выходцем из древнего аристократического семейства князей Голицыных. Он, в частности, писал: «В царствование Михаила Федоровича князья Голицыны, в память его, воздвигли церковь св. Ермолая в Москве на нынешней Садовой улице». При этом Бартенев сослался на мнение С.М. Соловьева, нигде печатно не высказанное[{19}]. Сомнительно тут всё. И то, что так думал Соловьев, и то, что храм строили именно Голицыны, и то, что здание возводилось при Михаиле Федоровиче. Никаких документов в пользу своего мнения Бартенев не привел.

В пользу его версии можно бы привести один факт: в 1610 году Гермоген явно поддерживал кандидатуру князя В.В. Голицына на русский престол, освободившийся после свержения Василия IV. Однако это соображение слишком умозрительно.

Д.М. Глаголев приписал Гермогену родство с иным семейством высшей аристократии — князьями Шуйскими. Он указал на место в «Дневнике» Марины Мнишек, где говорится: «Шуйский, по совету клевретов, составил от имени патриарха, своего родственника, определение». По словам Глаголева, «Дневник» Марины Мнишек «отличается вообще значительной точностью», а потому историк уверен: Гермоген был родственником Шуйского. Возможность родственной связи с Шуйскими, хотя бы и не близкой, допускал и Н.В. Мятлев[{20}].

Конечно, подобный поворот подвел бы кровнородственные основания под ту самоотверженную поддержку, какую оказывал Гермоген царю Василию Шуйскому. Но при ближайшем рассмотрении открывается явная неисправность в переводе «Дневника».

Глаголев пользовался переводом из многотомного издания Н.Г. Устрялова «Сказания современников о Димитрии самозванце» (1834)[{21}], каковой, мягко говоря, оставляет желать лучшего.

В переводе Ядвиги Яворской (1907) указанное место выглядит следующим образом: после неудач в войне с болотниковцами царя посетили «10 лучших бояр», по мнению коих, «он явно отвратил от себя сердца почти всех москалей и земли… одни явно воюют против него, а другие предаются противной стороне, третьи же тайно действуют на благо неприятеля. Те же, кто еще при нем обретаются, делают это не из уважения или доброжелательности, как должны бы, но из боязни жестокостей, которые угрожают и им самим, и братье их, и всем домам их. И никто не заботится ни о чем другом, как только об имуществе и детях, которых царь отбирает и подвергает опасности». Сказав царю это, бояре стали уговаривать его, «чтобы он лучше постригся в монахи, а государство отдал тому, кому оно будет принадлежать по справедливости. Разгневанный Шуйский приказал отобрать имущество у этих панов и заключить их в тюрьму. Когда они, таким образом, откровенными речами и советами своими от тирана ничего не смогли добиться, другие, видя это, стали подбрасывать подметные письма и пасквили ему и его ближним. Чтобы пресечь это, царь созвал совет и от имени московского патриарха, своего подданного, издал эдикт»[{22}]. Все-таки не «родственник», а «подданный». Но и у Яворской неточность. В этом месте стоит польское слово «powinny»[{23}], которое нельзя перевести ни как «родственник», ни как «подданный». В данном случае его следует толковать следующим образом: «человек, который кому-то обязан повиноваться».

Польский язык знает слово, весьма похожее по звучанию, — «powinowaty», то есть «свойственник» — оно-то, а не только неудачный перевод на русский, и могло обмануть Глаголева с Мятлевым. Но всё же это два разных слова.

Верный перевод не оставляет никакой почвы под гипотезой о родстве святителя с Шуйскими.

Помимо этого есть и другие соображения, не позволяющие причислить Гермогена к выходцам из аристократической среды. Некоторые из них изложил С.Ф. Платонов: «Что патриарх не был высокого рода, в этом можно не сомневаться. Если бы он был из служилого класса (то есть дворянства или аристократии. — Д. *В.),* то, по тогдашнему обычаю, с иноческим именем писал бы свою мирскую фамилию, но мы ее ни разу не встречаем в памятниках, относящихся к Гермогену»[{24}].

Кроме того, вписывать попа-бельца из провинциальной Казани в немногочисленную, но весьма привилегированную группу высшей аристократии, по меньшей мере, легкомысленно. Так может поступить лишь человек, слабо осведомленный о статусе названного слоя в русском обществе XVI века. Для представителя высшей знати нормальным делом было занимать воеводские посты, заседать в Боярской думе, наместничать в крупных городах. Удалясь от мира во иночество, персона, принадлежащая к одному из боярских родов, могла сделаться настоятелем крупного монастыря, архиереем, на худой конец — иноком, коротающим век на покое, но в роскоши, то есть сохранив материальный достаток. А что такое белый иерей в посадском храме провинциальной Казани? К концу XVI столетия Казань располагала примерно полутора десятками храмов, не считая монастырские. Церковь Николы Гостинодворского среди них не выделялась ни выдающимся богатством, ни какой-либо другой значительностью. Храм, благодаря своему расположению, оказывался в центре внимания казанского купечества и, вероятно, его обставили изрядно. Но — и только. Он не чета более крупным храмам Кремля, особенно соборному — Благовещенскому. Должность иерея в такой церкви по большому счету заурядная. Вряд ли отпрыск Шуйских или Голицыных, да любой, скажем так, боярской фамилии опустился бы до столь скромного положения. А если бы и пошел по такому пути, родня моментально вытащила бы его с малого прихода, не позволив позорить семейство.

Будь святитель столь знатным человеком, никогда бы не подвергся он оскорбительным нападкам со стороны М.Г. Салтыкова и князя Ф.И. Мстиславского, как это произошло во

второй половине 1610 года. Оба они, безусловно, личности аристократического происхождения, явно не считали Гермогена себе ровней и не ждали, что за него вступится какое-либо сильное семейство.

Никаких сомнений: Гермоген не относится ни к Шуйским, ни к Голицыным, ни к каким-либо иным родам высшей аристократии.

Высказывалась и другая гипотеза — о происхождении Гермогена из церковной среды: «Судя по тому, что в его родстве были и священники, и иноки, можно подумать, что он был духовного происхождения»[{25}]. Первым высказал ее тот же Д.М. Глаголев, который прежде приписывал Гермогена к родне Шуйских. Он основывал свои соображения на записи в синодике Троице-Сергиевой лавры № 814, где в числе родичей патриарха записан «священноиерей Феодор»[{26}]. Однако один тот факт, что среди родственников святителя был иерей, еще не делает его самого выходцем из духовенства. На этом основании невозможно построить ничего, кроме самых общих предположений.

Остаются две наиболее вероятные версии.

Первая из них, принятая большинством специалистов, восходит к одной публикации позапрошлого века. Некий С.А. Вятка составил «Историю рода Рязанцевых» (1884). Там, среди прочего, сообщалось: на одной из вятских икон сохранилась древняя надпись, из которой следует, что в 1607 году патриарх Гермоген благословил иконой «зятя своего Корнилия Рязанцева» — посадского человека на Вятке. Отсюда следует: скорее всего, и сам святитель происходил из рода посадских людей, иначе говоря, ремесленников или торговцев. Данную версию поддержали прежде прочих С.Ф. Платонов и П.Г. Васенко, а затем множество других историков. Самое общее значение ее Васенко высказал в двух словах: «Скорее всего, знаменитого патриарха следует считать человеком из народа»[{27}].

К данному мнению присоединяется и автор этих строк. Темпераментный сын небогатого купца или ремесленника из провинции вполне мог пуститься в приключения с казаками, а потом, отвязавшись от авантюристических дел юности, встать на духовную стезю. Ничего странного, ничего невозможного. А вот выход *поповича в казаки* помыслить труднее. Могло быть, да. Куда только не срываются удалые сыновья примерных отцов! Но вероятность подобного поворота — ниже.

С. Кедров попытался примирить две версии, изложенные здесь последними: «С достоверностию можно заключить только одно, что патриарх происходил из среднего класса и, может быть, из духовного»[{28}]. Но примиряй не примиряй разные гипотезы, а без новых сведений из источников ничего не добавится к твердым знаниям о происхождении Гермогена.

Поиск в ином направлении предпринял Н.В. Мятлев, и к его словам стоит прислушаться, поскольку за Мятлевым стоит честно заработанная репутация хорошего специалиста по истории старого русского дворянства. Про запись на иконе, известную по «Истории рода Рязанцевых», он пишет: «Запись эта приобретает особое значение при сопоставлении ее со сведениями, находящимися в старинном списке надгробий Троице-Сергиевой лавры… и списке погребенных в этом монастыре лиц… где говорится, что на Лаврском кладбище в четвертом ряду от мосту, “что из Троицы ходят к государевым хоромам по правую сторону”, лежит род Шаховских и в числе других лиц, погребенных в этом ряду, указан князь Ермолай, во иноцех Ермоген, “преставися [7]139 году[9] июня в 6 день”, в ногах у коего и у князя Мирона Михайловича Шаховского, во иноцех Мисаила, покоится инок Антоней Резанцов — чашник, скончавшийся 30 ноября 1633 года»[{29}].

С точки зрения Мятлева, совместное погребение инока Антония Рязанцева с князьями Шаховскими и помещение его надгробия в списке XVII века под общей рубрикой надгробий членов этой фамилии «вне всякого сомнения устанавливает существование родственной связи между Рязанцевыми и князьями Шаховскими, в роде коих в первой четверти XVII века было лицо, носившее в мире имя Ермолая и принявшее в иночестве имя Ермогена, то есть одноименное патриарху Ермогену, свойство которого с вятчанами Рязанцевыми… также не подлежит сомнению». Мятлев отвергает случайное совпадение мирского и иноческого имен патриарха и пережившего его на 20 лет современника князя Шаховского. Слишком уж совпадение это поразительно! Если патриарх был свойственником Шаховских, продолжает свое теоретическое построение Мятлев, то не случайно один из них — князь Семен Иванович — в составленной им «Повести о некоем мнисе, како послася от Бога на царя Бориса во отмщение крове праведного царевича Димитрия», восхваляя Ермогена, называет его «мужем чудным зело и благочестивым и по Бозе ревнительным». Такова наиболее сильная часть версии Мятлева[{30}].

Дальнейшее развитие его гипотезы откровенно слабо. Мятлев ищет уже не родство, а некое «свойство» (то есть непрямую брачную связь между представителями двух родов) святителя и царя Василия Шуйского, вновь поминая «любопытный намек дневника Марины». Родословная князей Шаховских принадлежит к числу наименее разработанных княжеских родословных, пишет Мятлев (и это совершенно справедливо); о брачных союзах семейства Шаховских до конца XVII века не имеется достаточных сведений (и это тоже абсолютно справедливо); так не поискать ли ниточки брачной связи, протянувшейся между ними и Шуйскими? Но последнее соображение уже ни на что не опирается, являясь пустым теоретизированием. Особенно в свете того, какую ошибку допустили при переводе «Дневника» Марины Мнишек и сколь бессмысленно искать после нее хоть родство, хоть свойстве, пролегшее меж святителем и монархом.

Находка Мятлева стоит того, чтобы обсудить ее более подробно. Допустим, князь С.И. Шаховской сказал о Гермогене добрые слова точно так же, как сказали их многие другие публицисты того времени. Похвала его вовсе не выглядит как нечто неординарное, из ряда вон выходящее. Иные авторы говорили и больше, и затейливее. Допустим, князь Ермолай Шаховской мог принять во иночестве имя Ермоген, зная высокий пример личности с таким именем — покойного патриарха. Тоже ничего сверхъестественного.

А вот связь между князьями Шаховскими и Рязанцевыми чрезвычайно любопытна. Трудно пройти мимо идеи Мятлева о неслучайности подобного совпадения. Возможно, какая-то связь с родом святителя у князей Шаховских имелась. Но какая? Невозможно представить себя брачное соединение между представителями княжеского рода Шаховских — пусть он тогда пребывал в довольно слабом состоянии, считался знатью второго сорта — и родом посадских людей. Слишком уж велика меж ними разница в социальном статусе… Но *особенное почитание* ученого монаха, возможно, связанного с семейством самого Гермогена, — возможно.

К тому же Шаховские поколение за поколением оказывались связаны с Патриаршим домом — служили первоиерархам, неоднократно достигали чина патриарших стольников. Какая-то «ниточка» тут может существовать.

Возникает ряд вопросов: к тому ли роду Рязанцевых принадлежит инок Антоний, какой оказался в свойственниках у Гермогена? Из служилых людей по отечеству происходил покойных монах, погребенный с Шаховскими, или из посадских? Пока невозможно дать ответы на эти вопросы. С уверенностью можно сказать лишь одно: какие-то новгородские дворяне Резанцевы действительно существовали в XVI веке, вместе с князьями Шаховскими попали у

Ивана IV в опалу по Новогородскому делу; но никогда ни к аристократии, ни даже к верхам провинциального дворянства они не относились[31]. Более ничего не известно. А значит, находка Мятлева остается всего лишь интересной зацепкой, не получившей продолжения.

Существует и еще одна гипотеза. По мнению Я.Г. Солодкина, Гермоген мог происходить из мелких «неродословных» провинциальных дворян — к этому слою принадлежали потомки святителя Андрей Семенович Крылов и Петр Чурин. Мнение Солодкина принято авторами биографической статьи о Гермогене в «Православной энциклопедии»[32]. Выглядит оно вполне обоснованным. Во-первых, между богатыми посадскими людьми и малоземельными детьми боярскими, служащими на окраине царства, пропасть не столь велика. Провинциальное дворянство стояло на социальной лестнице бесконечно ниже московской аристократии. Брачная связь тут выглядит делом вполне вероятным, ничего «непроходимого». Во-вторых, один из младших сыновей бедного дворянина мог податься в казаки. Особенно если ему не удавалось получить сколько-нибудь значительное поместье.

Внук Гермогена А.С. Крылов в 1610 году состоял «сыном боярским» в свите митрополита Ростовского Филарета под Смоленском. Позднее он был отозван в Москву и пытан: поляки и их русские приспешники подозревали, что Крылов участвует в заговоре против них. При Михаиле Федоровиче А.С. Крылов, уфимский сын боярский, приобрел пустошь, взял ее на оброк, основал там село Крылово, а потом был пожалован от государя ею в вотчину. Эта земля позднее перешла от него другому внуку Гермогена — Петру (по иным документам — Прокопию) Чурину, из мелких провинциальных дворян. Чурина именуют «племенником» Крылова. Скорее всего, они приходились друг другу двоюродными братьями[33].

Итог: скорее всего, Гермоген — выходец из провинциальной городской среды, то есть из небогатых дворян или посадских людей. Таковы наиболее вероятные варианты.

Пришло время вернуться к первой твердо установленной дате в биографии Гермогена: в 1579 году будущий патриарх служил священником-бельцом в посадском храме Казани.

Для того чтобы продолжить повествование, следует прежде сказать несколько слов о том, на каком историческом фоне протекала жизнь православного духовенства в этом крае.

О, чрезвычайно сильно отличалась она от размеренного покоя, доставшегося на долю священников и монахов коренной Руси!

В центральных областях державы иным было очень многое. Прежде всего, ординарный труд иерея — богослужения и требы — вовсе не сопрягался с риском для жизни.

А Казань… В 1552 году ее взяли штурмом войска Ивана IV. Ту победу многие исторические публицисты и даже настоящие ученые воспринимают как завершающий акт присоединения огромной области к Московскому царству. Правда же состоит в том, что взятие Казани явилось лишь первой страницей в книге покорения большой многолюдной области.

Мечети в городе были закрыты, создание новых оказалось под строгим запретом. Значительное количество татар выселили за пределы бывшей столицы ханства. Каменный кремль стал резиденцией русских воевод. Гарнизон составили стрельцы, пушкари, дворяне. Появились первые православные храмы. Возникли первые монастыри. Часть татар крестилась, обретя православие.

Но укрепление позиций Руси, а с нею и христианства неуклонно происходило только на территории самой Казани, да еще в Свияжске — старом оплоте русской мощи, прежнем

форпосте Москвы. Совсем иначе жила земля Казанская за пределами двух городов.

Десятилетие за десятилетием она полыхала большими восстаниями. Вооруженная борьба шла с переменным успехом. Порой казалось: еще немного, и Россия упустит Казанскую землю, опять станут править ею ханы.

Несколько больших походов русской армии на казанские земли в 1550-х годах отнюдь не решили проблемы, хотя имели характер крупных тактических операций и сопровождались значительными потерями. Иван IV, четверть века бросавший лучшие силы на войну в Ливонии, до самой своей смерти в 1584 году не сумел «замирить» огромную Казанскую область. Ему просто не хватало воинских ресурсов. На закате его царствования там вновь вспыхнул огонь беспощадной борьбы. Лишь при царе Федоре Ивановиче удалось ликвидировать громадный очаг мятежа в Казанском крае. Несколько раз полки, отправленные против «луговой черемисы», вступали в масштабные боевые действия. Окончательный успех принесла трехполковая армия во главе с князем И.А. Ноготковым[{34}]. Он огнем и мечом прошел по черемисским улусам. Такой разор, кажется, сломил волю черемисы к сопротивлению. Область покорилась.

Но в центре державы не без основания ждали новых мятежей. Действительно, волнения случались и позднее. 1592 год окунул те же самые черемисские области в новую пучину беспорядков.

Не надеясь на одну вооруженную силу, московское правительство прибегло к испытанному средству. Русские принялись усердно строить крепости, ставить туда гарнизоны, сооружать храмы, выводить на новую землю собственное население. Крепости разрастались в городки, городки — в города, а те становились мощной опорой Московского государства на территории завоеванной страны. Только таким способом удалось утвердить власть российских государей.

Гермоген, а прежде того Ермолай, всё это видел, жил в этом. Одна кровавая бойня за другой проходили перед его глазами и, как знать, не с его ли участием. Жизнь простого приходского попа на земле, еще недавно подчинявшейся чингизидам, долгое время оставалась делом опасным. Иногда она по необходимости превращалась в настоящий духовный подвиг.

Православному иерею следовало прилагать все силы для обращения покоренного населения в христианство. Но каждый решительный шаг мог завершиться расставанием с жизнью, пожаром в доме, гибелью близких… да чем угодно. Миссионеру тех лет требовались недюжинная твердость, редкая отвага и беззаветное упование на Бога. Он не мог позволить себе уныние. Дело не только в том, что уныние — тяжкий грех. Выжить в столь суровых условиях и выполнять свой долг как надо мог лишь тот, кого ни одно несчастье не лишило бы веры и надежды. Православный иерей в Казани времен Ивана Грозного, Федора Ивановича да и Бориса Годунова должен был чувствовать себя воином Христовым на передовой линии духовной битвы.

Таковы условия, в которых протекали зрелые годы Гермогена. Характер его, вера, ум проходили закалку огненной купелью и ледяной землей чужбины. Год за годом святитель учился тому, как вести себя, без конца встречая ожесточение, насмешки и прямое сопротивление, как стоять в истине, когда вокруг большинство ей противятся.

Неизвестно, когда именно Гермоген обосновался в Казани.

Существует версия, согласно которой он жил там до взятия города полками Ивана Грозного (чуть ли не отец его там поселился!)[{35}]. Ссылаются даже на некое «глухое предание», согласно

которому Гермоген — уроженец Казани[36]. Настолько, впрочем, глухое, что его источник никем не указывается.

Подругой версии, Гермоген вошел в город вместе с победоносными русскими войсками. Протоиерей Николай Агафонов предположил даже, кем именно являлся молодой человек, участвовавший в осаде 1552 года. По его словам, Гермоген-Ермолай мог числиться ратником, а мог — «чтецом или пономарем одного из трех походных шатровых храмов, находившихся при войсках, осадивших Казань»[37].

Однако и первая гипотеза, и вторая не имеют под собой ничего, кроме желания их создателей хоть как-то представить юность святого. Источники не позволяют ответить на вопрос, был ли Гермоген участником казанского взятия, тем более был ли он жителем города еще до присоединения его к России.

Можно привести лишь самые общие соображения.

Во-первых, трудно представить себе, что русский православный человек поселится во враждебной Казани, когда по владениям хана рассеяны десятки, если не сотни тысяч пленников — бывших подданных московского государя, обращенных в рабское состояние.

Во-вторых, одно из сочинений святителя содержит описание большого казанского пожара; автор замечает, что огненное бедствие случилось «по взятьи града в 26 лето, яко достовернейши сами видехом»[38]. Звучат его слова двусмысленно: Гермоген называет себя достовернейшим очевидцем… то ли пожара, то ли взятия Казани. По форме высказывания больше похоже на второе. Это, разумеется, всего лишь косвенный аргумент, но он — в «копилку» гипотезы, согласно которой Гермогена привела в Казань осада 1552 года.

А теперь настал момент перейти от предположений к фактам.

В 1594 году святитель Гермоген взялся за перо и в подробностях описал достопамятные события пятнадцатилетней давности. Когда Казанской архиепископией правил Иеремия, а главою всей Русской церкви являлся митрополит Антоний, на Казань обрушилось страшное несчастье. В полуденный час 23 июня 1579 года загорелось близ церкви Святителя Николая, именуемого Тульским, во дворе «воина царского» Даниила Онучина. Большая часть посада и Спасо-Преображенская обитель стали пеплом. Началось медленное, трудное, горестное восстановление домов и храмов.

Среди татар бедствие, разорившее Казань, вызвало скверные толки. «Людей же неверных, — пишет Гермоген, — много еще было в городе, и веры среди них многоразличные; и были им в притчу и в поругание истинная православная вера; источника же целебного не было тогда в городе. Инородцы же, одержимые в сердцах своих неверием, уничижали нас, не ведая Божией милости и силы, ибо видели, окаянные, Божие к нам милосердие: что, милуя нас, Бог послал нам наказание за наши согрешения, как чадолюбивый отец, очищая наши грехи».

Но вместе с наказанием пришло и ободрение. Богородичная икона чудесным образом явила себя «юной дочери простого, искусного в военной стрельбе воина, имеющей десять лет от роду, по имени Матрона…». В то же лето и в том же месяце начала она являться оной Матроне, повелевая пойти в Кремль и рассказать об иконе «архиепископу и воеводам, чтобы они пошли и вынули из недр земли образ… причем указала и место, где могут обрести честное сокровище…».

Девочка от растерянности сообщила про видения одной лишь матери, хотя икона являлась ей

не раз. Матрона просила мать поведать властям о чуде. Это ни к чему не привело. Тогда икона явилась ей во время полуденного сна в страшном огненном виде и пригрозила, что уйдет из города и явится в другом месте, а девице тогда предстоит сделаться больной до скончания дней ее.

Матрона кричала и плакала, рассказывая матери об увиденном. Та, испугавшись, привела девочку к воеводам. Но воеводы не обратили на их слова никакого внимания. Так же и архиепископ Иеремия «отослал ее без дела». Это случилось 8 июля 1579 года.

Мать пошла домой, рассказывая встречным о своем горе. Люди к ней присоединились. Мать взяла заступ, начала копать в названном месте; икона не появлялась; тогда иные казанцы, заинтересовавшиеся ее словами, стали помогать ей, «вскопали уже все место то, но ничего не нашли». Матрона, отойдя, начала копать там, где стояла раньше печь. Выкопали на два локтя, и там-то и явилась икона; на ней был ветхий рукав одежды из вишневого сукна.

Казанцы известили архиепископа и воевод. Иеремия велел звонить в колокола, собрал духовенство и начальных людей, пошел крестным ходом к тому месту, где обрели чудесную икону. Там владыка молился и призывал милости и прощения за свой грех. «Так же и воеводы с плачем просили милостивого [прощения] за то нерадение и неверие, которым согрешили…»

О себе Гермоген рассказывает немногое: «Я же тогда бывши в чине священника у святого Николая, который зовется Гостинным. Хотя и был каменносердечен, однако прослезился и припал к Богородичному образу».

Гермоген испросил у архиепископа дозволения отнести икону в храм Николы Тульского. Там совершилось «молебное пение», и оттуда большой крестный ход отправился к Кремлю. Надо полагать, Никольский иерей ранее того заслужил доброе отношение Иеремии: архиерей доверил ему важное и в то же время почетное дело.

С чудотворного образа списали копию и отправили Ивану IV в Москву. Иван IV и его сыновья повелели поставить на месте явления чудотворного образа храм, а также устроить девичий монастырь. Царь «положил оклад годовой» «священному собору и игуменье, и 40 сестрам». Матрону постригли там же с именем Мавра. Большой деревянный храм действительно скоро был воздвигнут. Рядом поставили вторую церковь, теплую, Богородицерождественскую.

По сообщению Гермогена, 16 чудес совершилось через Казанский Богородичный образ. Большей частью — исцеления ослепших людей[39].

В 1579 году Гермоген стал свидетелем настоящего большого чуда и пронес этот мистический опыт через всю жизнь. Вот она, главная опора будущего «твердого стояния» его в вере.

На протяжении трех десятилетий Гермоген, как мог, взращивал в русских людях почитание Казанской иконы Божией Матери. И в то время, когда он, уже будучи патриархом, медленно умирал в заключении, на дне темного подземелья, список с Казанской помогал земским ополченцам бороться за Москву.

Что представляла собой церковь, где служил Ермолай-Гермоген?

Описание Казанского кремля, относящееся к 1560-м годам, показывает: если сравнивать Николу Гостинодворского с богатыми кремлевскими церквями, то храм этот займет последнее место. Но если посмотреть на иные посадские церкви (то есть находящиеся вне Кремля), то Никольская слегка «опережает» их[40]. О ней сказано очень мало, очевидно, храм не отличался

ни изрядными размерами, ни роскошными архитектурными украшениями, ни богатством утвари. Не на чем было задержаться взгляду царских писцов. Однако лишь здесь имелся причт из четырех человек: поп, дьякон, пономарь, просвирница («проскурница»). При прочих церквях обычно жили один-два человека. А тут еще и содержали «старцев» по двум кельям — в дополнение к причту. Для посада это означало зажиточность.

Итак, Никольский священник вовсе не первенствовал среди казанских иереев, он занимал скромное место. Но для посадского духовенства его персона выглядела значительно. Не имея формального старшинства, тамошний священник, очевидно, считался влиятельной личностью.

Таким образом, подтверждается мысль, ранее высказанная С. Кедровым: «Церковь Св. Николая, что на “Гостыне дворе”, очевидно, должна была выделяться из ряда других, как находившаяся в торговом центре города; очевидно, что и человек, занимавший в этой церкви место священника, должен был являться более видным по своим личным качествам сравнительно с клириками других казанских церквей»[{41}].[10]

1555-й — год рождения Казанской православной архиепископии, подчинявшейся митрополиту Московскому. Числился ли Гермоген в ту пору среди казанского духовенства, нет ли, точно сказать нельзя. Однако в будущем он возьмется изучать историю православной миссии среди народов присоединенной территории. По его собственным сочинениям видно: Гермоген превосходно знал судьбы казанских архиереев и монашеских властей, имел весьма полное представление об их трудах и духовных подвигах. Память о жизнях этих незаурядных личностей была в его глазах истинным сокровищем.

В 1596 или 1597 году Гермоген написал «Жития казанских чудотворцев» — Гурия, первого архиепископа Казанского, и Варсонофия, настоятеля Спасо-Преображенского монастыря. Он сам, пятый настоятель Спасо-Преображенской обители после Варсонофия и девятый владыка Казанский после Гурия, трепетал от благоговения перед ними. Отношение Гермогена к их деяниям видно по «Житиям…». И косвенным образом через это отношение узнаются и некоторые обстоятельства его собственной биографии. Последнее подвигло многих историков и публицистов на поиск в сочинении Гермогена не только прямых свидетельств, но и каких-то полускрытых намеков на факты его жизни. Порой высказывались здравые предположения, иногда — малообоснованные, время от времени — совершенно фантастические.

«Я не нашел людей, кто знал бы жизнь этих святителей и преподобных отцев[11] с младенчества, — пишет Гермоген, — однако дерзнул записать всё, что узнал о святых от очевидцев. Сам же я был свидетелем обретения их честных нетленных мощей и первым осязал своими руками их святые и чудотворные мощи».

О кончине святого Гурия Гермоген сообщает: «Говорят, что болезнь его мучила три года». Значит, сам рядом не был. А умер Гурий 4 декабря 1562 года. Его погребли в Спасо-Преображенском монастыре, и «предали земле… тело святого Гурия с почестями…». Из этих слов можно понять — не сам Гермоген предавал останки святого Гурия земле и, следовательно, вряд ли находился в ту пору среди иноков Спасо-Преображенского монастыря.

Даже если Гермоген уже пребывал тогда в сане священника, сомнительно, чтобы он проходил в обители, среди монахов, какую-то особую школу, как пишут иные историки. Некоторые идут столь далеко, что объявляют Гермогена духовным воспитанником Гурия. Но тот нигде не пишет о личном своем знакомстве с архиепископом. Для Гермогена общение со всяким благочестивым человеком — повод для похвалы и добрых воспоминаний. Так, он хорошо знал архиепископского боярина Ивана Застолбского и его сына Нестора, весьма благочестивых людей и, видимо, духовных последователей Гурия. Сын принял постриг. Гермоген говорит о

них немало хороших слов, что не может не привести к выводу: знал бы святого Гурия, так рассказал бы о нем гораздо больше. Но, похоже, никакого общения меж ними не случилось.

Напротив, когда останки Германа (Полева)[12], владыки Казанского, погребали в созданной им же Успенской обители Свияжска, Гермогена, по его словам, Бог сподобил «осязать после соборного пения панихиды честные мощи». На протяжении почти четырех лет святитель Герман являлся архиепископом Казанским. Как большой книжник и энергичный миссионер, он успел сделать для христианизации края исключительно много. Весной 1566 года, после добровольного ухода митрополита Афанасия с Московской кафедры, Германа нарекли новым митрополитом и, следовательно, главой Русской церкви. Но из-за ссоры Германа с царем по поводу опричнины «нареченный митрополит» был отставлен, на его место взошел святой Филипп. В ноябре или декабре 1567 года Герман, теперь уже вместе с Филиппом, на соборном совещании вновь выступил против опричнины и за то поплатился жизнью[13]. Документы вскрытия его гробницы и осмотра останков свидетельствуют: Герману отрубили голову[14]. Святитель Гермоген рассказывает, что четверть века спустя ученики святого Германа попросили у царя Федора Ивановича мощи его, а затем вывезли их из Москвы, дабы похоронить в Успенском монастыре. Гермоген погребал их в сентябре 1591 года[15]. Здесь повествование Гермогена оставляет впечатление несомненного присутствия и активного участия его в происходящем. Относительно Гурия ничего подобного сказать невозможно.

Святой Варсонофий создал в Казани Спасо-Преображенский монастырь. Впоследствии обитель сделалась «столицей» казанского иночества. Варсонофия почитали как личность с великими духовными заслугами.

Гермоген сообщает, что видел в этой обители тела святых Гурия и Варсонофия, но не говорит, что видел их самих при жизни. Иными словами, ему вряд ли можно приписать знакомство и со святым Варсонофием. Скончался Варсонофий 11 апреля 1576 года. Его погребал в Спасо-Преображенском монастыре архиепископ Казанский Тихон. Гермоген, видимо, не присутствовал на погребальных богослужениях — о себе он не говорит ни слова, ни о каком «осязании» на сей раз и речи нет.

Рисуя образ этого святого, Гермоген обращает внимание на те способности Варсонофия, которые ему самому показались первостепенно важными. Со слов Гермогена, святой Варсонофий, зная «сарацынскую грамоту и нечестивое учение Магомета и умея говорить на многих языках… мог состязаться с неверными, обличать и опровергать их, к крещению приводить и наставлять».

В 1589 году сам государь Федор Иванович беседовал с Гермогеном. Царь сказал: «Хочу исполнить то, чего не доставало». По царскому повелению 14 апреля 1594 года в казанской Спасо-Преображенской обители заложен был каменный Богородичный храм с приделами во имя Успения Пречистой и святого Александра Невского. Храм освятили 27 октября 1594 года (ошибочная дата в некоторых публикациях — 1595 год). «Святыми местными иконами, книгами, ризами и прочими церковными потребными вещами повелел снабдить [сию церковь] государь». Саму чудотворную икону «предивно украсил» золотой ризой с драгоценными камнями и жемчугом Деменша Иванович Черемисинов. Хлеб, деньги и всё потребное для шестидесяти четырех инокинь выдали из царской казны.

Осенью 1595 года при строительстве нового каменного храма работники копали рвы и сняли каменные надгробия над могилами Гурия и Варсонофия. Когда дошли до гробов, на место прибыл Гермоген с «освященным собором». Он обрел мощи обоих святых нетленными, притом мощи святого Гурия — плавающими в благоуханном мире. Только тогда Гермоген прикоснулся

к мощам «казанских чудотворцев»[16].

Он известил о том царя Федора Ивановича и патриарха Иова письмом. Царь велел построить особую церковь «с южной стороны алтаря большой церкви» и положить там мощи святых отцов{42}.

Гермогену приписывали ученичество то у святого Германа (бывшего под духовным водительством Гурия), то у святого Варсонофия, когда тот уже пребывал на покое{43}. Это один из самых спорных и самых темных вопросов во всей биографии Гермогена.

Святой Варсонофий, как уже говорилось, является первым настоятелем Спасо-Преображенского монастыря в Казанском кремле. Для православного иночества Казани эта обитель на протяжении многих лет играла роль главного центра. По понятиям того времени, Спасо-Преображенский монастырь — «честнейшая» из казанских обителей. На несколько лет святой Варсонофий оставил монастырь, дабы занять Тверскую епископскую кафедру, но в 1571 году вернулся, чтобы окончить век «на покое». Прожив здесь пять лет, Варсонофий тихо ушел из земного бытия.

Мог ли он окормлять Гермогена духовно в 1570-х? Мог ли дать ему богословские знания? Мог ли обогатить опытом аскезы? Теоретически — да. Практически же… что делать посадскому попу-бельцу в монастыре?

П. Рублевский пытается обойти это соображение. По его словам, Гермоген, еще мирянин, в юношеском возрасте находился в Спасо-Преображенском монастыре, где прошел хорошую духовную школу. Тогда святой Варсонофий являлся духовным наставником Гермогена: «Руководствуясь его (Варсонофия. — *Д. В.)* примером и наставлениями, он скоро показал, что не для степени клирика призвал его Господь в эту обитель; почему св. Варсонофий и сказал однажды, чрез духовника своего, прозорливое слово клирику, жившему еще в мире, и это слово впоследствии сбылось. Так говорил сам Гермоген в предисловии к житию св. Гурия и Варсонофия, под клириком, которому сказано прозорливое слово, разумея самого себя»{44}. П.Д. Глаголев и протоиерей Николай Агафонов приняли идею Рублевского.

Но аргументы Рублевского внушают скептическое отношение. Во-первых, ни в сочинениях самого Гермогена, ни в каких-либо иных источниках нет ни малейшего намека на ученичество его в стенах Спасо-Преображенской обители — хоть до принятия иерейского сана, хоть после. Во-вторых, да, действительно, Гермоген писал о неком пророчестве, переданном от Варсонофия через духовника некому клирику-мирянину. Но в этом месте житийного повествования о Варсонофий он приводит пример чуда, совершившегося при жизни святого и через него, *не называя* клирика и подавно нигде *не говоря, что Варсонофий предрекал ему, Гермогену, архиерейство.*

Если не выходить за пределы твердо известных фактов, то ученичество Гермогена у Варсонофия следует оставить под сомнением.

Гипотеза о том, что святой Герман был наставником Гермогена, имеет больше сторонников. Но свидетельств, коими они прямо подтверждались бы, не существует. На что же ссылаются сторонники этого мнения?

Осторожнее и разумнее всего высказался по этому поводу С. Кедров. Гермоген и жители Свияжска обратились к государю Федору Ивановичу с прошением перенести тело покойного Германа, владыки Казанского, просветителя Казани и учителя самого Гермогена из Москвы в Свияжск. Гермоген в этом деле принял на себя труды «главного ходатая». Прошение было

удовлетворено. Впоследствии Гермоген лично присутствовал на погребении Германа в Успенском монастыре Свияжска. «На этом основании предполагают, что Гермоген был учеником Германа…»[{45}]

Но сам Гермоген рассказал о погребении святителя Германа совершенно иначе: «Преставился сей преподобный архиепископ Герман в царствующем граде Москве, в лето седмь тысящ седмдесять шестаго [1567], ноября в 6 день; пас церковь Божию три лета и месяц восемь; бе же тогда на Москве мор силен; повеле же себе положити в чину святительском, якоже поведают ученицы его, обаче тогда не сподобися святителски погребен быти, не сушу бо тогда митрополиту, ни иному кому обрестися от святитель во граде Москве грех ради наших. Но тако просто погребен бысть архимандритом паствы своея свияжским Иродионом и казанским Иеремием, в чину святителском, якоже повеле, у церкви святаго Николая, яже зовется Мокрый, и лежа тамо, дондеже у благочестиваго государя царя Феодора Иоанновича всея России испросиша мощи его ученицы его и привезоша в монастырь…»[{46}]

Формально, если бы Гермоген, владыка Казанский, не поддержал прошение братии Свияжского монастыря о перенесении мощей, если бы он воспротивился ему, вряд ли Москва согласилась на это. Но откуда следует, что он оказался «главным ходатаем» по челобитью свияжских иноков? Откуда следует, что он и себя причислил к «ученикам», молившим перенести дорогие для них останки учителя? Гермоген вовсе не называет себя таковым! Откуда появилось предположение, согласно которому «главных учеников» Германа к 1591 году не было в живых? Мы ведь ныне не знаем реестра его учеников, тем более нет возможности выделить среди них «главных» и «второстепенных».

Протоиерей Николай Агафонов — современный сторонник гипотезы об ученичестве Гермогена у Германа[{47}]. Резоны его понятны: Герман — «книжный» человек, идеальный наставник-богослов. «У такого-то высокообразованного человека Ермоген, имея начальное школьное образование, мог расширить и пополнить свои познания до того уровня, который мы наблюдаем в нем, по его литературным трудам. Под влиянием своего учителя Германа будущий патриарх мог познакомиться с библейской и святоотеческой литературой, памятники которой находились в монастырской библиотеке, довольно богатой для того времени». Подобное преемство само по себе красиво, величественно.

Но три соображения заставляют воздержаться от поддержки этого утверждения и оставить его под вопросом — так же, как и мысль о наставничестве Варсонофия.

Первое из них приводит сам же отец Николай Агафонов: «Архимандрит Иеремия[17], в будущем архиепископ Казанский… был в тесном общении с Ермогеном. От него-то и мог узнать Ермоген подробности кончины святителя Германа»[{48}]. Иеремия — духовное чадо Германа. В бытность архиереем Казанским он простирал определенное покровительство на Ермолая-Гермогена. Это видно из того доверия, которое выказал он в отношении простого посадского священника, когда открылась чудотворная икона Казанской Божией Матери. Он, человек, явно связанный с судьбой Гермогена, к тому же сам получавший монашескую науку из рук Германа, более вероятен как учитель Гермогена, нежели сам Герман.

Второе основывается на том факте, что ходатайствовать перед царем о переносе мощей большие монастыри в ту пору могли сами, без посредничества епархиальных архиереев. Например, братия Соловецкой обители в 1590 году добилась у того же Федора Ивановича переноса останков митрополита Филиппа из Твери на Соловки, где он игуменствовал на протяжении двух десятилетий[{49}]. Для этого им не понадобилось ходатайство митрополита Новгородского. Возможно, по примеру соловчан и свияжские иноки отправились в столицу с

челобитьем о переносе мощей Германа…

Третье исходит из сочинений самого Гермогена. В подробностях рассказал он о характере второстепенных личностей Казанского архиерейского дома (тех же Застолбских, например). Но ни единым словом не затронул собственное ученичество у святителя Германа.

Приходится сделать вывод: нет достаточных оснований, чтобы говорить о какой-либо учебе Ермолая-Гермогена, духовной или книжной, у святого Германа.

В 1587 году посадский поп Ермолай принял иноческий постриг. Он стал монахом казанского Спасо-Преображенского монастыря.

Возможно, к тому времени умерла его жена, и переход к иноческой жизни стал естественным шагом.

По другой версии, супруги по обоюдному согласию решили прекратить брачную жизнь ради монашества, принятого ими одновременно, как произошло это у святых Петра и Февронии Муромских[{50}]. Житийную повесть о Петре и Февронии Гермоген, как будет показано ниже, знал превосходно. Случайно ли он проявил особое внимание к истории их судеб? Его собственная жизнь могла содержать схожий сюжет… В синодике Гермогенова рода названа некая инокиня Анисья, возможно, бывшая жена его.

В любом случае дети Ермолая должны были к тому времени вырасти и стать взрослыми людьми, то есть в заботе отца они уже не нуждались. За то, что отпрысков у священника имелось как минимум два, говорит следующий факт: известны его внуки, приходящиеся друг другу «племенниками» — двоюродными братьями.

В грамоте 1592 года, обращенной к патриарху Иову, святитель упомянет московский Чудов монастырь (там он читал «Книгу Степенную царского родословия»), употребив в этом контексте слово «обещание». Это слово расшифровывают как обозначение места, где бывший посадский священник давал иноческие обеты[{51}].

Нет полной уверенности, что расшифровка верна, текст грамоты[{52}] можно толковать и по-другому, но ничего немыслимого тут нет. Можно предположить особое покровительство со стороны архиепископа Казанского Тихона II. В ту пору он управлял епархией и мог, заметив способности священника Ермолая к духовному просвещению, отправить его на учебу к чудовским инокам. А если и не для обучения, то хотя бы для знакомства с богатствами тамошнего книгохранилища.

О тех временах, когда Гермоген являлся иеромонахом, или, как выражались тогда, «черным попом», известно крайне мало. Как, впрочем, и о кратком периоде, когда он настоятельствовал в Спасо-Преображенской обители.

Среди своих знакомых того времени святитель позднее выделял лишь одного-двух людей. В первую очередь — некоего инока Арсения Высокого. Тот жил с Гермогеном в одной келье. При государе Федоре Ивановиче его назначили архимандритом Спасо-Преображенского монастыря, вероятно, по ходатайству Гермогена[{53}]. Арсений возглавлял братию Спасо-Преображенского монастыря между 1594 и 1606 годами, являясь деятельным строителем, личностью с «экономической складкой» ума и человеком, которому прочная вера иной раз доставляла истинные чудеса[{54}]. Должно быть, Арсений Высокий был правой рукой Гермогена.

В 1588 году Гермоген становится архимандритом Спасо-Преображенского монастыря. В эту

должность он вступил не ранее весны 1588 года, поскольку «в несудимой грамоте царя Федора от 15 мая этого года упоминается еще архимандрит Герман»[55]. Настоятельство Гермогена длилось менее года, притом значительную часть его пришлось провести в Москве. Старший по чести среди монастырских властей Казанской епархии, Гермоген обязан был сопровождать архиерея в поездке на Собор, где учреждалась Московская патриаршая кафедра. Двум лицам, первенствующим среди казанского духовенства, конечно, следовало присутствовать при столь важном событии.

Уже 17 января 1589 года Гермоген вместе с архиепископом Казанским Тихоном II находится в Москве, на заседаниях Думы и Освященного собора.

Происходило не только учреждение патриаршества в Москве, но также избрание первого патриарха. В нем участвовали и Тихон с Гермогеном.

Вскоре после этого было принято решение ввести в иерархию Русской церкви три новых митрополичьих места. Одно из них связывали с Казанью.

Первым митрополитом был наречен, видимо, Тихон. Но он весьма быстро ушел на покой. 13 мая 1589 года на Казанскую кафедру рукоположили Гермогена. В одной из редакций Соловецкого летописца конца XVI века северные иноки, как видно, не до конца уверенные в том, кто занял Казанскую кафедру, оставили пробел, перечисляя новых митрополитов: «А в Великом Новеграде поставлен бысть митрополитом бывшей архиепископ Александр, на той же неделе в четверток. А в граде в Казани поставлен бысть митрополитом… А во граде Ростове поставлен бысть митрополитом бывшей архиепископ Варлаам, на Масленой недели во вторник. Сарский и Подонский на Крутицах поставлен бысть митрополитом Геласия…»[56]

Май 1589 года — первый переломный месяц в судьбе святителя. Таких месяцев в его жизни будет еще два: июль 1606-го и декабрь 1610 года. Тогда совершались самые значительные повороты на его пути. Происходящее касалось не одного только Гермогена лично, а всей страны.

Весной 1589-го Гермоген впервые вышел на подмостки в театре большой политики. Митрополиту Казанскому надлежало считаться третьим по «старшинству чести» в Русской церкви. Этот архиерей оказывался не только пастырем духовным, но и крупным администратором, значительной персоной в сонме ведущих политиков России.

Казанская архиерейская кафедра — юная, пребывающая едва ли не в младенческом возрасте, если сравнить ее, скажем, с Ростовской или Крутицкой, — возвысилась тогда над более древними, более именитыми. Для церковной иерархии это была маленькая революция, проведенная сверху. Без воли патриарха Иова, а также самого государя ничего подобного не произошло бы.

В самом изменении ее статуса кроется загадка.

Конечно, громадное поле для проповедования Благой вести само по себе достойно было очень высокого места. Казанский край представлял собой единую миссионерскую проблему, требовавшую и сильного архиерея, и почтительного отношения к этому архиерею со стороны всего церковного Священноначалия.

Полагают также, что Москва возлагала особенные надежды на Гермогена, видела его деятельную натуру, книжность и твердость в вере. Вот уж сомнительно: в ту пору столица едва знала Гермогена.

Думают, что святитель был в учениках у святого Германа Казанского, а того в столице знали превосходно — знатный, влиятельный человек. К тому же сам патриарх Иов одно время находился под его духовным водительством. «Вполне вероятно, что оба святителя — и Иов, и Гермоген — были учениками одного и того же человека, глубоко ими почитаемого. Такая связь порою сближает людей крепче, чем кровные узы»[57]. Но тут слишком много гадательного: уже говорилось — являлся ли Гермоген учеником архипастыря Казанского, до сих пор непонятно.

Скорее всего, не какие-то тонкие связи между главой Русской церкви и настоятелем провинциального монастыря сыграли свою роль, а гораздо более прозаическое обстоятельство. Со времен учреждения Казанского архиерейского дома прошло 34 года. Он вырос чрезвычайно. Дело не только в том, что духовная власть казанских владык распространилась на Астрахань, замиренные черемисские земли, а также другие территории Поволжья, недавно присоединенные к России. Тут другое важнее: на бывших владениях казанских ханов скорыми темпами шло строительство русских крепостей. Кое-что уже появилось, но гораздо больше московское правительство планировало поставить в ближайшем будущем. Новая крепость, новый городок означает — новые храмы. И таковых появилось изрядно. При всем «младенчестве» Казанского архиерейского дома тамошнему владыке на рубеже 1580–1590-х годов подчинялось великое множество церквей и монастырей, разбросанных по неизмеримым просторам. Нелепо было бы делать его «младшим коллегой» архиереев, управлявших древними, но сравнительно небольшими церковными областями. Казанская митрополия имела столь непомерный масштаб и столь быстро прирастала новыми приходами, что в 1602 году часть ее выделили и подчинили специально учрежденному Астраханскому архиерейскому дому, поставив во главе него владыку Феодосия. Гермоген нимало не сопротивлялся: под его духовным началом всё еще оставалось необозримое пространство.

Летопись сообщает о майских событиях 1589 года следующее: «Царь… Федор Иванович по благословению Иерусалимского патриарха Еремея повелел патриарху Иову благословить по городам митрополитов и архиепископов. И по повелению царя Федора Ивановича поставлены были по городам митрополиты и архиепископы: в Новгороде первый митрополит Александр, в Казани первый митрополит Гермоген, в Ростове первый митрополит Варлаам, на Крутицах первый митрополит Геласий; а по иным городам архиепископы — на Вологде, в Суздале, на Рязани, в Смоленске, во Твери, епископы на Коломне, во Пскове»[58]. Русская церковь преобразилась! Назначение новых митрополитов и архиепископов, открытие новых епископий — события громадного значения, они попали на страницы многих летописей[59].

Итак, возвышение святителя происходило стремительно. Это заставило историков заняться поисками тайного покровителя, который двигал Гермогена по ступеням церковной иерархии с немыслимой быстротой. Дескать, его «вела какая-то могучая рука»[60].

Наиболее здраво высказался по этому поводу протоиерей Николай Агафонов, современный биограф святителя. Кто и почему содействовал возвышению Гермогена? «Разгадкалежит на поверхности, — считает отец Николай. — Этим человеком… был архиепископ Казанский Тихон. Именно он как правящий архиерей заметил дарования своего клирика и благословил его на иноческий постриг в 1587 году, а буквально через год еще новоначального монаха тот же архиепископ Тихон возводит в сан игумена, а затем и архимандрита Спасо-Преображенского монастыря. Всё это было исключительно во власти казанского архиерея и никого другого»[61]. В высшей степени логично! Кто бы ни был учителем или наставником Гермогена, а в настоятели Спасо-Преображенского монастыря определил его именно Тихон. И в Москву привез Тихон. И позволил занять Казанскую митрополичью кафедру фактически *вместо себя* тоже Тихон. Кто, как не этот архиерей, — первая и главная кандидатура на роль неопределенного, но влиятельного покровителя Гермогена?

Вскоре после того, как Гермоген стал митрополитом Казанским, он совершил громкое дело.

В январе 1592 года святитель отправил патриарху Московскому Иову грамоту. Там с печалью говорилось о тяжком упущении Церкви на Казанской земле. Давным-давно, 40 лет назад, множество царских ратников легли в землю, выполняя волю государеву[62]. Россия приняла под свою руку Казань, но много ли вспоминают о православных бойцах, павших тогда в титанической борьбе? По сию пору, сетует Гермоген, не установлены «общая память» и «летние годины» православным русским воинам, пролившим кровь «на бранех» на Казанской земле.

Стоит уточнить: подобная традиция на Руси существовала. Например, в Димитриевскую субботу с XIV века поминались ратники, сложившие головы на поле Куликовом. Взятие Казани стоит в одном контексте с Куликовской битвой, да и масштаб событий вполне соотносим. Приравнивая убиенных под казанскими стенами к тем, кто погиб на Дону, Гермоген, по сути, требует для них большой, но заслуженной чести.

Далее он просит у Иова «учинить указ», в какой день «по тех православных благочестивых воеводах и воинах, пострадавших за Христа под Казанью и в пределах казанских в разные времена, в соборной церкви и по святым монастырем, тако ж соборне, пети по всем Божиим церквам во градах и селех Казанския митрополии, пети по них панихиды и обедни служити, чтобы… память сих летняя по вся годы была безпереводно».

Кроме того, святитель молит Иова о позволении вписать в синодики и петь «память вечную» трем мученикам и исповедникам, в разное время убитым магометанами за твердую приверженность к православной вере: святым чудотворцам Иоанну Новому, Стефану, Петру. А это ни много ни мало — просьба о канонизации! Обосновывая свое моление, Гермоген подробно излагает, какими подвигами украшен каждый из трех новых святых, чем заслужил он причисление к лику святых. Иными словами, создает своего рода малые жития[63].

И все они напрямую связаны с борьбой на Казанской земле православия с исламом.

Иов во всем идет навстречу Гермогену. Для него столь деятельная фигура на Казанской кафедре — истинный подарок Божий.

Уже к исходу февраля из Москвы летит ответ Гермогену: «По всем православным воинам, убитым под Казанью и в пределах казанских, совершать в Казани и по всей Казанской митрополии панихиду в субботний день после Покрова Пресвятой Богородицы и вписать их в большой синодик, читаемый в Неделю Православия». Ныне установленный Иовом день выпадает на 2–9 октября по старому стилю (15–22 октября по новому). Туда же Иов повелел вписать и трех мучеников казанских, а день их памяти следовало назвать самому Гермогену. Святитель объявил патриарший указ в своей епархии, добавив, чтобы по всем церквям и монастырям служили литургии и панихиды по трем казанским мученикам, поминали их на литиях и на литургиях 24 января (ныне это 6 февраля) — по дню мученической кончины Иоанна Нового.

Уже во времена Российской империи, в 1823 году, на месте упокоения русских воинов появился храм-памятник. Он существует по сию пору.

Послание Гермогена, поддержанное из Москвы, комментировали на разные лады. Почему именно он взялся за столь крупное дело? Почему именно тогда, а не раньше или позже?

Самое простое и ясное объяснение исходит из характера Гермогена. Его возвысили до степени,

о которой он еще несколько лет назад и мечтать не мог. Сделавшись из посадских иереев митрополитом, он принялся с жаром тратить всю мощь своей энергичной натуры на миссионерские усилия. А твердость святителя, неуклонность и способность браться за, как бы сейчас сказали, «масштабные проекты» подвигли его на решительные действия.

Некоторые видят в письме Гермогена желание почтить боевых соратников — друзей, возможно, родичей, погибших за 40 лет до того. Усматривают в нем косвенное подтверждение гипотезе, согласно которой молодой боец или священнослужитель Ермолай пришел к стенам казанским под стягами царского воинства.

Но прямых доказательств тому нет, а гадание следует оставить гадалкам.

Более веское предположение связано с событиями начала 1590-х, вздыбившими Казанскую землю новым мятежным буйством. По словам одного иноземца, «возмутилось *(muyteneerderi)* множество черемисов на Волге, и стали они разорять окрестные местности, и то была развращенная шайка, подстрекаемая несколькими негодяями, бывшими ее атаманами; против них выслали большой отряд из немцев, поляков и русских, состоявших на службе у великого князя, но они никого не нашли, ибо мятежники сами разошлись и рассеялись»[{64}]. Русские документы показывают отправку войск и назначение на исходе 1592-го родовитого князя И.М. Воротынского казанским воеводой[{65}]. Иван Михайлович по знатности своей мог возглавлять большую армию. Прежде его уже отряжали действовать вооруженной силой «по казанским делам». Кроме того, он приходился сыном грозного для местных жителей Михаила Воротынского, героя казанского взятия 1552 года. Очевидно, назначение сделали «с намеком».

По всей видимости, пока воеводы оружием железным действовали против новых бунтарей, Гермоген вел бой словесным мечом. Он желал поднять авторитет Церкви, стремился показать: у православия на Казанской земле выросли глубокие корни, их уже не вырвать.

12 февраля 1591 года Гермоген созвал татарских и черемисских «новокрещенов» в соборную церковь, поучал их там на протяжении нескольких дней, объяснял главные смыслы Священного Писания, а еще того более — бытовые правила жизни христиан.

Зная казанскую паству, видя беспорядки вооруженные, он также осознавал уровень беспорядка духовного. Те из местных жителей, кто крестился, оставались в мусульманской среде, а потому легко отпадали от святого креста. Но чаще просто относились к своему новому положению пренебрежительно. Жили полухристианами-полумусульманами, не держали постов, избегали посещать храм, исповедоваться и причащаться, презирали венчальный обряд, соединяющий супругов. Словом, переменили веру лишь по названию. Гермоген поступил с ними честно: прежде вразумлял словом, обращаясь к разуму и душе.

Ну а тех, кто поставил митрополичьи поучения ни во что, ожидали другие меры воздействия.

Летом 1593 года казанские воеводы князья И.М. Воротынский и Аф. И. Вяземский получили из Москвы грамоту, посланную 18 июля от имени царя. Она представляла собой ответ на послание митрополита Казанского и содержала инструкцию для проведения своего рода «религиозной реформы».

Грамота начинается словами: «Писал к нам богомолец наш Ермоген, митрополит Казанский и Астороханский, что в нашей вотчине в Казани и в Казанском и в Свияжском уездах живут новокрещены с татары и с чувашею, и черемисою, и с вотяки вместе, и едят и пьют с ними с одного, и к церквам Божиим не приходят, и крестов на себе не носят, и в домех своих Божиих образов и крестов не держат, и попов в домы свои не призывают, отцов духовных не имеют; и к

роженицам попов не зовут, только не сам попов, сведав роженицу, приехав, даст молитву; и детей своих не крестят, только поп не обличит их; и умерших к церкви хоронить не носят, кладутся по старым своим татарским кладбищам; а женихи к невестам по татарскому своему обычаю приходят, а венчався в церкви, и снова венчаются в своих домех попы татарскими; а во все посты, и в середы и в пятницы, скором едят; и полон у себя держат немецкой, мужиков, и женок, и девок некрещеных, и с женками и с девками некрещеными живут мимо своих жен, и родив женка… робенка, живет с ними в одной избе и пьет и ест из одного судна, а молитвы роженице и робенку нелзе дать для того, что добывают не у крещеных, и те новокрещенские добытки у полонянок некрещены умирают; да и многие-де скверные татарские обычаи новокрещены держат бесстыдно, а крестьянской веры не держатся и не навыкают. И он, богомолец наш, Ермоген митрополит, в прошлом [70] 99 году февраля в 12 день, со всего Казанского уезду призывал новокрещенов в соборную церковь Пречистая Богородицы и поучал их от божественного писания и наказывал, и не по один день, как подобает крестьяном жити. И новокрещены ученья не принимают и от татарских обычаев не отстают, а живут в великом бесстрашье и конечно от крестьянской веры отстали, и о том добре скорбят, что от своей веры отстали. А в православной не утвердились, что живут в неверными с одного, и Божьих церквей неблизко, и со крестьяны не вместе, и видя в новокрещенах неверие, татаровя иные не токмо не крестятся в православную веру, а поругаются крестьянской вере»[{66}].

Гермоген также сообщал, что недавно местные мусульмане опять начали ставить мечети близко к посаду — на расстоянии выстрела из лука от Татарской слободы. По сути, оспаривался давний запрет. Митрополит просил «указ учинить» по поводу всех этих отступлений.

Очевидно, не просто так запрос в Москву отправился вскоре после больших черемисских волнений. Порядок на землях бывшего Казанского ханства вновь расшатался. Если черемисы то и дело выступали против русских с оружием в руках, то для татар, скорее, характерной была оппозиция по делам веры — более тихая, но упорная и весьма деятельная.

Москва устами государя Федора Ивановича повелевала: переписать в Казани «на посаде и по слободам» и в Казанском уезде «новокрещенов по имяном, с женами, и с детьми, и с людьми, служилых и черных людей» и в «Казанский во весь уезд и в пригорода» послать детей боярских и подьячих, чтобы те, переписав новокрещенов с родней и слугами, велели им прибыть в Казань. «А как съедутся, и вы б, собрав их, молвили им: “крещены они во имя Отца и Сына и Святого Духа, по их воле и челобитью, и обещанье их всех было, что было им житии в православной крестьянской вере крепко, а к своей прежней мусульманской вере не обращатися”». Теперь им надлежит переселиться в Казань, в одно место. Специально для них предписывается устроить особую слободу «меж русских людей», особый храм, где станут служить поп и дьякон, будут своя «проскурница», свой пономарь, «устроенные ругой». В этой слободе пускай ставят себе дворы. У кого из новокрещенов пашни расположены далеко от Казани, тем земли их надо будет поменять с тамошними татарами — с помощью русского начальства в Казани. Тех, кто не станет ставить двор, — отправлять на поруки, «а иных в тюрму» сажать, но так или иначе дворы должны быть поставлены. Заведование новой слободой следует передать какому-либо сыну боярскому, ветерану, который со службы уже «поотбыл». Ему надлежит присматривать за тем, чтобы жители слободы «крестьянскую веру держали крепко».

Гермоген выражал беспокойство печальным положением русских, попавших в тяжелую зависимость от инородческого элемента. Он писал в столицу о том, что у татар, черемисы и чувашей живут русские пленники, а попривыкнув, там и женятся. Кроме того, русские «сверстные и недоросли» живут у «немцев» по слободам, «добровольно и в деньгах» (то есть

как вольнонаемные работники и несостоятельные должники, отрабатывающие долг). «Литва» и «немцы» составляли дополнительный военный контингент, прибывавший в Казань волнами. Видимо, очередная волна докатилась в начале 1590-х, когда потребовалось «замирять» очередные черемисские волнения. Европейских наемников (порой бывших пленников) нередко использовали на востоке державы. Московское правительство предпочитало бросать их в бой против нехристианских народов, а не против соплеменников и единоверцев. Это, так сказать, вопрос лояльности. Но они приносили на новые места католицизм, протестантизм, притом жили весьма обеспеченно, могли нанимать слуг и работников. А значит, возникал мощный поток иноконфессионального влияния. В отдельных районах он мог представлять не меньшую угрозу, чем магометанство. Ведь итог подобного влияния один: русские отпадают в чужую веру — в ислам ли, в католицизм или в протестантизм. Завязался узел духовного противостояния. Не напрасно Гермоген обзавелся сборником, содержавшим чины «принятия в Церковь латинян, магометан»[{67}]. Святитель не только крестил татар, литовцев, латышей, приходивших к чаше православия; он прежде всего возвращал к восточному христианству русских, на время убредавших от него.

Правительство обеспокоилось всерьез: русскими переселенцами на новых землях дорожили, именно они составляли опору Москвы в далеком пограничье. Их подчиненное положение и тем более перемена ими веры прямиком вели к ослаблению или даже размыванию самой надежной общественной группы.

Воеводам приказали переписать русских, забрать от татар и немцев, впредь запретить им жить и служить «добровольно и в деньгах» татарам и немцам, отправить их в посад или на пашню в дворцовые села. Небольшие долги за них велели заплатить из казны татарам и немцам. Других (видимо, более погрязших в долгах) предписывалось передать новокрещенам, а у тех забрать литву и латышей, чтобы отдать взамен татарам и немцам. На будущее иноземцам к себе русских в услужение не принимать, денег им взаймы не давать. В отношении литвы, латышей, татар и мордвы этот запрет не действует, в них правительство не видело пока ни часть большой народной семьи, ни надежные «блоки» в основании державы, ни, разумеется, братьев по вере.

Особое внимание в царском указе уделялось детям: «А которые новокрешены прижили с некрещеными… детей, и они бы тех своих детей крестили ж, а которые татаровя и чуваша и черемиса не крестятся, и они бы их поотпускали или роспродали татаром и черемисе и чуваше».

Для смутьянов, которые предпочтут воспротивиться реформе, припасены более суровые меры. Тех, кто не пожелает крепко держаться веры, слушать поучения митрополита и духовных отцов, воеводы должны были наказывать. «Вы бы… велели смиряти, в тюрму сажати, и бити, и в железа и в чепи сажати», а иных — отправляли к митрополиту, а он бы им «чинил епитимьи», — велит Москва казанским воеводам. Но применение драконовских методов оставлено для особых случаев. Упор делается все же не на тюрьму и кандалы, а на проповеди и поучения духовенства. Новокрещенов призывают «приходити… к Ермогену… часто… поученья его слушати и [их] держатися».

В отношении мечетей, устроенных вопреки официальному запрету, делалось строгое распоряжение: «посметать» и впредь не давать ставить[{68}].

Сколь адекватными были суровые меры Гермогена и русских властей для Казанской земли? На сей счет даже в самой Церкви ведется осторожная полемика.

Один церковный историк с чувством явного неприятия старается отодвинуть Гермогена от жестких действий Москвы в религиозной сфере. По его мнению, едва ли их можно относить

всецело к Гермогену. Скорее, такова воля царского правительства[{69}]. Другой напоминает: «Главным мотивом таких суровых мер была забота о спасении новоприобщенных». Кроме того, подобные меры «были в духе тогдашнего времени и не только в России, но и по всей Западной Европе, где они проводились строже, как, например, в случаях применения знаменитого постановления Аугсбургского религиозного мира — чья страна, того и вера… или как столетием позже во Франции при отмене Нантского эдикта. Справедливость требует сказать, что в России суровые меры правительства осуществлялись гуманнее: переселенцев из уездов в Казанскую слободу приказывалось наделять землями из татарских, а татары получали земли новокрещеных; если этого обмена нельзя было устроить, то переселенцы получали земли из ближайших к Казани дворцовых и, таким образом, вознаграждались за убытки по переселению»[{70}].

Полемика, думается, не завершена. А для наших дней она важна исключительно.

Современный читатель вряд ли всегда поймет смысл действий Гермогена. И никакие сравнения с европейским варварством, столь обычным в религиозной сфере, ничего не объясняют, ничего не извиняют. Дело тут не в том, сколь груба и жестока была тогда Европа. Не в том, что Русская церковь могла дать и католицизму, и радикальным силам протестантизма 100 очков вперед по части отношения к иноверцам.

Дело тут в другом. Хотелось бы напомнить: *речь идет вовсе не об иноверцах?..*

Новокрещены, кем бы они ни являлись до принятия Христовой веры, после него — православные. Иными словами, паства Гермогена, и не только его, но и любого из иереев казанских. А когда пастырь видит, что от веры, которую он обязан оборонять, в умах и душах остается самая малость, когда он видит натиск на веру извне, когда он видит полное небрежение ею со стороны самих неофитов, он обязан сначала увещевать словом, а потом принять любые меры к исправлению такой «кривизны». Хотелось бы подчеркнуть, любые! Если он этого не сделает, то погубит и их души, и свою.

Православие на Казанской земле многие принимали, желая обрести для себя больше легкости, больше привилегий и больше возможностей общественного роста под властью монархов-христиан. Получив такую возможность, некоторые новокрещены сочли, что «сделка» завершена и более можно не трудить себя духовными усилиями. Но всё это — лукавство! Гермоген напомнил: вера, помимо всего прочего, еще и груз обязательств, принятых на себя до самой смерти. Раз впрягшись, надо тащить его до конца. Иные варианты неприемлемы. Митрополит Казанский никого не грабил, не терзал, не лишал благ — сверх того, что любой верующий сам добровольно соглашается отдавать Богу.

Если обстоятельства сложились против христианина, если ему трудно следовать духовному долгу, а сам он ленится противостоять внешним тяготам, тогда власть церковная *помогает* ему, изменяя эти самые обстоятельства, убирая от него внешние тяготы. Иногда это очень болезненный процесс.

Но горькое лекарство не перестает быть лекарством.

Гермоген — большой «книжник» и крупный духовный писатель русского Средневековья. Так писали о нем как те, кто испытывал к святителю почтительное отношение, так и те, кого он раздражал, огорчал, злил. Даже прямые недоброжелатели его не осмеливались отрицать склонность Гермогена к «винограду словесному», знания его и просветительские заслуги.

Дореволюционный историк церкви С. Кедров высказался веско: «Его творения изобличают в

нем человека с глубоким религиозным чувством, хорошо знающего Священное Писание, церковную и гражданскую историю, первую — по преимуществу агиологическую литературу, каноны, церковные уставы»[{71}].

Ныне даже звучат голоса, что святителя «специально готовили к его роли» — просветительской, миссионерской. Дескать, не напрасно он получил «образование… значительно выше среднего для монахов и архиереев XVI века»[{72}].

Пребывая на Казанской архиерейской кафедре, Гермоген много писал. Два его произведения уже упоминались выше: во-первых, «Житие Гурия и Варсонофия, казанских чудотворцев» со службой на обретение их мощей; во-вторых, «Повесть (сказание) о явлении и чудесах иконы Казанской Богоматери» (сохранился автограф). К последней прилагались стихиры и «Канон Пресвятой Богородице Казанской».

Возможно, Гермоген создал и краткий вариант «Сказания», отправленный духовенством Ивану IV[{73}].

Святитель располагал келейным собранием богословских книг, необходимых в постоянной работе. Ему принадлежали рукописный сборник с текстами поучительных слов Симеона Нового Богослова и ряда других сочинений; «Толкования» на 16 ветхозаветных пророков (создан в 1599–1600 годах), Евангелие тетр, оболоченное бархатом; уже упоминавшийся сборник с «чинами» перевода иноверцев в православие (написан в 1598-м)[{74}].

В середине XVI века родилась знаменитая «Повесть о Петре и Февронии». По форме повествования она представляет собой настоящий приключенческий роман. Однако глубинная суть ее куда как серьезнее: «Повесть…» заключала в себе трактат по этике и богословию православного супружества, построенный на основе сложной системы символов и ассоциаций[{75}]. Это литературное произведение стало в Московском царстве настоящим «бестселлером», оно обрело народную любовь, его без конца переписывали для новых и новых читателей. Гермоген, как сторонник консерватизма в церковной литературе, переработал «Повесть…», придав ей больше соответствия канонам житийного стиля. Кроме того, он добавил в текст напоминание о греховности человеческого рода, создав тем самым новый смысловой акцент. Об этом извещает одно из старейших изданий «Повести…»: «Божиею милостию смиренный Ермоген, митрополит Казанский и Астраханский, потрудихся написать моею бренного рукою Житие благоверных князей Петра и Февронии, Муромских чудотворцев, от [7]102-го лета и соверших 7103 в марте месяце», — сказано там[{76}]. Если перевести даты от Сотворения мира, привычные для русского книжника, в принятое ныне летосчисление от Рождества Христова, станет ясно: митрополит Казанский работал над текстом между сентябрем 1593-го и мартом 1595 года. Трудно сказать, ограничился ли святитель редактированием «Повести…» (об этом сообщает приписка) или же действительно переписал объемистое повествование от начала до конца.

При Гермогене в Казани работала типография. Неясно, когда она появилась: то ли уже после того, как Москва обзавелась большим и благоустроенным Печатным двором и смогла «поделиться» оборудованием, то ли, напротив, еще до московской. Последнее выглядит не столь уж невозможным делом: «крещаемая» область требовала колоссального количества церковных книг, прежде всего богослужебных; отчего же не решить эту проблему, основав типографию? Завоз тяжелых и громоздких книг из Центральной России — дело дорогое, долгое… Россия знает несколько изданий без выходных данных (так называемых «анонимных»). Все они относятся к 1550 или 1560-м годам. Казанские книжки печатались тем же шрифтом, что и некоторые из них. Так где же располагалась «анонимная типография» — в

Москве или Казани? И кто ее основал? Нет четкого ответа на эти вопросы. Но одно, во всяком случае, ясно: митрополит Казанский Гермоген активно пользовался услугами печатников. Так вышла в свет созданная им Служба Казанской иконе Божией Матери{77}.

То, что делал Гермоген как «книжник», сопоставимо по масштабу с тем, что делал он как архиерей. Кажется, лишись он высокой власти, с удовольствием предался бы в келье писательским трудам. Бог весть, не стал бы в таком случае даже более знаменит, чем ныне — пастырским служением?!

Церковный администратор высокого ранга, Гермоген обязан был работать с «текущими делами» не покладая рук.

Одной из главных его забот стало храмовое строительство. Количество православных постоянно возрастало — и за счет крещаемых татар с черемисами, и за счет потока русских переселенцев. Требовались новые и новые церкви.

За 17 лет пребывания на митрополии святитель совершил по этой части весьма много.

Гермоген лично ходатайствовал перед царем Федором Ивановичем: надо построить каменный храм в женском монастыре на месте явления иконы Казанской Божией Матери, а эту последнюю достойно украсить. Как уже говорилось, в 1594 году каменный Богородичный храм был освящен.

При содействии Гермогена строился Преображенский каменный храм Спасо-Преображенского монастыря.

На средства Казанского архиерейского дома был возведен приходской Михайло-Архангельский храм. В Ягодной слободе митрополит поставил новый храм во имя Димитрия Солунского[18]. Село Борисоглебское близ Казани получило Борисоглебскую церковь. В Свияжске, при Иоанно-Предтеченском монастыре, появился каменный Сергиевский храм. Кроме того, Гермоген учредил в Казани Федоровский монастырь{78}.

Особенную заботу проявил Гермоген в отношении Михайло-Архангельской церкви. По словам дореволюционного церковного историка И.М. Покровского, святитель уступил митрополичью Забулацкую (Забулачную) слободу казанскому посаду, и оттуда «служилые митрополичьи люди постепенно переведены были в деревню Кульмаметову, преобразованную митрополитом Ермогеном в село Архангельское, ныне казанская пригородная слобода. Тамошний Михайло-Архангельский храм был построен всецело на средства митрополичьего дома. Всё — образа, подсвечники, Евангелие, ризы, сосуды, колокола и всякое церковное строение — было митрополичье. При церкви в 1603 году были устроены кельи для нищих…»{79}.

Была у Гермогена и повседневная архиерейская «рутина»: он давал грамоты на владение землями и поставление в сан, а также подтверждал грамоты, выданные прежними владыками. Так, например, сохранилась духовная (завещание) старицы Марии Ивановой дочери Радилова, вдовы Ивана Писемского от 14 июля 1602 года с «явочной записью» 3 сентября 1602 года митрополиту Казанскому Гермогену. Содержание «явочной записи» таково: «Великий господин, выслушав сю изустную память, да к ней руку свою приложил и печать свою велел приложить лета 7111-го, сентября в 3 день». Далее говорится: «Да у той же изустной рука и печать Ермогена митрополита Казанского и Астороханского». А наверху свидетельства написано: «Смиренный Ермоген, Божиею милостию митрополит Казанский и Астраханский»{80}.

Таковы обыденные труды любого архиерея, особенно если он обладает деятельным характером. Гермоген — обладал.

В начале 1598 года скончался милостивый, богомольный, глубоко верующий царь Федор Иванович. При таинственных обстоятельствах, вызвавших толки об убийстве, за семь лет до смерти царя погиб его младший брат Дмитрий. Единственная дочь государя, царевна Феодосия, умерла, не покинув младенческого возраста. А значит, Федор Иванович не оставил прямых наследников. С его уходом пресеклась династия московских Рюриковичей-Даниловичей — потомков князя Даниила, сына Александра Невского.

Место монарха занял его шурин, Борис Федорович Годунов. Многие с изумлением и неприятием отнеслись к превращению вельможи в царя. Однако патриарх Иов, а вместе с ним и Русская церковь поддержали Годунова.

Эти события вызвали долгую поездку Гермогена в столицу. Оттуда рассылались грамоты, призывавшие на Земский собор, которому следовало решить судьбу престола. «Ермоген, митрополит Казанский и Астраханский» назван среди участников Собора, утвердившего Бориса Федоровича на царстве в феврале 1598 года{81}.

Новый государь не торопился короноваться. Прежде он всеми доступными методами укрепил свою власть. Он не искал политических неожиданностей… Лишь полгода спустя Борис Федорович решился пройти через церемонию венчания на царство. Скорее всего, Гермогена, как одного из высших лиц церковной иерархии, обязали присутствовать. Сентябрь 1598 года, надо полагать, застал его в Москве.

Вернувшись домой, Гермоген скоро получил от патриарха Иова грамоту, призывавшую казанское духовенство отныне молить Бога за нового царя — Бориса Федоровича{82}.

Не видно, чтобы Гермоген хоть словом, хоть малым поступком выразил несогласие с восшествием Бориса Федоровича на трон. Скорее всего, митрополит был далек от московских дел большой политики и полагался на духовный авторитет патриарха Иова.

Глава вторая. Меж Москвой и Казанью

Летом 1605 года Россию постигло бедствие.

Государь Борис Федорович скоропостижно скончался, оставив молодого сына Федора. Однако тот правил совсем недолго. Он даже не успел принять царский венец. От отца к сыну перешло незавершенное дело, вовсе не казавшееся гибельно опасным, пока правил отец, но сына сгубившее весьма быстро. На юге России обосновался с небольшим войском авантюрист, объявивший себя законным наследником престола — «царевичем Дмитрием». Царские воеводы вели с ним упорную борьбу — то успешную, то не слишком. Однако все боевые действия развивались на изрядном отдалении от сердца державы. Кто мог предсказать, что вслед за смертью Бориса Федоровича разразится военная катастрофа?

Болезненная язва на окраине, едва тлевшая, вдруг начала разрастаться. Юный царь выслушивал самые неутешительные доклады: с юга на Москву надвигается войско Лжедмитрия I; города, земли и большие воеводы один за другим переходят на его сторону. Роты Самозванца обрастали полками, всё бежало перед ним.

Вскоре и столица превратилась в союзницу пришельца. Несчастный Федор Борисович и вся его ближайшая родня были умерщвлены. Самозванец добрался до Москвы и вслед за тем

триумфально взошел на освободившийся престол.

Прежний порядок еще не рушился, он всего лишь дал трещину. Восшествие Самозванца на престол производилось под бесконечные словеса о восстановлении Божьей правды и человеческой справедливости. На троне оказался человек, называвший себя истинным Рюриковичем из Московского княжеского дома, братом царя Федора Ивановича, сыном царя Ивана Васильевича. Иными словами, по внешней видимости возвышение Лжедмитрия не отменяло, а восстанавливало русскую державную старину в прежнем ее блеске. Но ядовитое зерно будущих несчастий уже попало в почву старомосковской государственности.

Ведь суть-то, правда-то страшных обстоятельств того времени состояла в том, что «Рюрикович» — поддельный! И с каждым его словом, с каждым шагом его ложь вокруг российского престола разрасталась.

Для многих современников Самозванец выглядел как настоящий сын Ивана Грозного, то есть как «правильный» государь, вернувший своему роду изначально принадлежавшую ему власть над Россией. Это из нашего времени видно, до какой степени фальшивой являлась интрига ложного монарха. А тогда многие честно обманывались насчет «царевича Дмитрия Ивановича».

Французский наемный офицер Жак Маржерет, служивший тогда в Москве, привел в своих записках аргументы, убедившие его в подлинности новоявленного Рюриковича. Вот его «вердикт»: «Я считаю, что раз ни при его [Лжедмитрия I] жизни, ни после смерти не удалось доказать, что он — некто другой; далее, по подозрению, которое питал к нему Борис, и по тирании, к которой он поэтому прибег; далее, по разногласиям во мнениях о нем; далее, по его поступкам, его уверенности и другим бывшим у него качествам государя, качествам, невозможным для подложного и узурпатора, и также потому, что он был уверен и чужд подозрений… я заключаю, что он был истинный Дмитрий Иванович, сын императора Ивана Васильевича, прозванного Грозным!»[{83}] И видно, что этот военачальник, тертый калач и свирепый боец, действительно убежден в своей правоте! Насколько же правдоподобнее выглядело «возвращение монаршего отпрыска» для тех, кто по уровню осведомленности стоял ниже видного военного деятеля…

Для многих царствование династии Годуновых выглядело «неправдой»: если не полным беззаконием, то все же чем-то сомнительным.

Что касается боярско-княжеской элиты России, то значительная ее часть таила обиду на царствующий род Годуновых. Во-первых, множество семейств жестоко пострадало от них: Мстиславские, Шуйские, Романовы, Воротынские, Куракины, Татевы, Головины, Колычевы, Нагие, их близкая родня и политические сторонники. Во-вторых, для русской аристократии царствование годуновского рода стало пощечиной, растянувшейся на семь лет. Годуновы входили в число знатных родов, но являлись знатью второ-, если не третьестепенной. По понятиям того времени, знатнее Годуновых стояло *несколько десятков семейств.* Не менее полусотни. И в каждом из них, наверное, хотя бы раз обсуждалась тема: «Почему эти Годуновы, род невеликий и захудалый, государствуют? *Почему немы?»* Борис Федорович Годунов, занявший русский престол в 1598 году, приходился последнему законному царю Рюриковичу шурином. Но ведь это всего лишь свойстве, а не кровное родство!

Пока правил Борис Федорович, его собственные вельможи, надо полагать, не раз и не два задавались вопросом: не ложный ли он царь? Но открыто высказываться не рисковали.

Борис Федорович, взойдя на трон, повел наступление на казацкую вольницу и тем приобрел

себе на юге России массу недоброжелателей в казачьей среде.

Он ухудшил положение помещичьих крестьян, и те также не испытывали к нему добрых чувств.

Провинциальное русское дворянство, лишенное всяких возможностей сделать хорошую карьеру, с надеждой смотрело на разгорающуюся Смуту: авось в темных водах ее удастся отыскать пути к возвышению!

К тому же Годуновы оказались замараны слухами об их причастности к убийству настоящего царевича Дмитрия Ивановича. Смерть мальчика официально объявили результатом несчастного случая (играл в «тычку» и напоролся на нож). Однако Годуновы были, по всей видимости, замешаны в этом деле, и не напрасно молва приписывала им злодейство[19]. Смерть царевича, произошедшая в Угличе в 1591 году, избавила их от самого серьезного конкурента на пути к трону. Дети царя Федора Ивановича, последнего монарха из московских Рюриковичей, не выживали. Дольше всех оставалась в живых царевна Феодосия, на нее возлагались большие надежды. Но и она умерла, не достигнув двухлетнего возраста{84}. Младший брат Федора Ивановича, Дмитрий, мог бы стать его преемником, если бы нож не напился кровью царевича, когда он сам еще не достиг совершеннолетия…

Когда расстриженный монах Григорий Отрепьев объявил себя «настоящим царевичем», по воле Божьей спасшимся от рук палачей, он собрал не столь уж много соратников. Авантюрист сделался силен не воинскими отрядами, а нелюбовью больших общественных групп к Годуновым. Пока волевой и умный правитель Борис Федорович был жив, натиск Самозванца успешно сдерживался, его даже поставили на грань полного разгрома. Но когда царя Бориса заменил на троне юный сын, дело Годуновых рухнуло в одночасье.

Результат общественного брожения против Годуновых — возвышение мятежника, лжегосударя, двуличного лукавца. Его царствование не имело даже той доли законности, какую получил когда-то Борис Годунов, приняв царский венец от Земского собора. Итог свержения Годуновых вышел намного хуже того, что ему предшествовало…

Странное наступало время! Ложь бродила по улицам Москвы, кичась роскошными одеждами и высоким званием. Правда боялась рта раскрыть, ибо лишнее слово могло стоить жизни. Обманулся ли народ насчет Самозванца в большинстве своем? Трудно сказать. Но так или иначе меньшинство, решившее служить ему и за страх, и за совесть, сноровисто замыкало уста правдолюбам. Многие, наверное, дивились в ту пору: при свете дня невозможно отличить белое от черного, кривду от честно сказанного слова! Правда обличаема ложью, так не ложь ли она сама, облачившаяся в одеяние правды?

Гермоген оказался в трудном положении. Церковная власть сменилась, и новый первоиерарх с восторгом приветствовал нового властителя.

Это одна из самых печальных страниц в истории Русской церкви. Иов, первый патриарх Московский, относился к Гермогену благожелательно. И он, конечно, знал правду об углицком деле, а потому не мог обманываться: к трону спешит враль, душегуб, изменник! Иов до последнего поддерживал Федора Борисовича. Но партия сторонников Самозванца была слишком сильна, мнение против Годуновых слишком крепко, а потому Иов, поступивший по чести и правде, подвергся поношению. Немногие поддержали его. Доверенные люди Лжедмитрия «патриарха Иова с престола свели, привели его в соборную церковь и начали с него снимать святительское платье. Он же, взяв с себя панагию, подошел к образу Пречистой Богородицы, который писал богогласный евангелист Лука, и начал со слезами у образа

Пречистой Богородицы говорить: “О Всемилостивая Пречистая Владычица Богородица. Сия панагия и сан святительский возложен на меня, недостойного, в храме Твоем, Владычица, у честного образа Твоего, чудотворной иконы. Сею же [панагией] я, грешный, исправлял слово Сына Твоего Христа Бога нашего девятнадцать лет, сия православная христианская вера нерушима была; ныне же, грехов ради наших, видим на сию православную христианскую веру нахождение ереси. Мы же, грешные, молим: 'Умоли, Пречистая Богородица, Сына Своего Христа Бога нашего, утверди сию православную христианскую веру непоколебимо'“. И плакал много часов, и ту панагию положил у образа Пречистой Богородицы. Они же, те его [Гришки] посланцы, взяли его [патриарха] и положили на него черное платье, и вывели его из соборной церкви и посадили его в телегу, и сослали его в Старицу в монастырь Пречистой Богородицы, где он когда-то принял постриг»[{85}]. Патриарха может лишить его сана и тем более лишить архиерейства лишь церковный Собор. Таким образом, слуги Самозванца совершили беззаконие.

На место Иова пришел архиепископ Рязанский Игнатий, выезжий грек. Притом самую удобную для себя кандидатуру назвал духовенству Лжедмитрий, а судьба опозоренного и сосланного Иова представляла собой «намек» на то, как могут сложиться судьбы остальных архиереев, если они воле Самозванца не покорятся.

Владыка Макарий (Булгаков), церковный историк, дал этому эпизоду уничтожающую характеристику: «Одним из первых действий нового царя, показавшим, по-видимому, его заботливость о православной Церкви, но вместе и пренебрежение к ее уставам, было избрание нового патриарха. По церковному правилу избрание патриарха в России было предоставлено Собору русских святителей, а государю принадлежала только власть утверждать одного из избранных Собором кандидатов на патриаршество. Лжедимитрий поступил иначе: он сам избрал патриарха, и, как можно догадываться, еще прежде, чем вступил в Москву. Выбор его пал на Игнатия, архиепископа Рязанского. Это был грек, занимавший прежде архиепископскую кафедру на острове Кипре. Вынужденный турками бежать из отечества, он поселился в Риме и будто бы принял там унию. Но, наслышавшись о благочестии русского царя Федора Ивановича и об его благосклонности к греческим иерархам, в 1595 г. прибыл в Москву, прожил в ней несколько лет и с 1603 г. получил в управление Рязанскую епархию. Игнатий угодил самозванцу тем, что первый из русских архиереев открыто признал его царевичем Димитрием и с царскою почестию встретил его в Туле, а по своей расположенности к латинству, о которой легко могли проведать сопровождавшие самозванца иезуиты, представлялся самым надежным орудием для осуществления их замыслов в России… Царь приказал архиереям возвести Игнатия в сан патриарха, и Игнатий был возведен 24 июня, то есть спустя три-четыре дня по вступлении самозванца в Москву»[{86}]. За это ничтожное время, конечно, ни на какой Собор архиереев со всей России созвать не успели бы. Кто из них и без того пребывал в столице, поставили Игнатия в сан, подчинившись приказу Самозванца.

Русская церковь, по крайней мере первое время, почитала за благо считать, что победа Лжедмитрия I — восстановление попранной справедливости. Поляки ходят по храмам, бряцая оружием? Ну, на то они и поляки, им, варварам, московский церковный обычай неведом. Авось уйдут, и вновь благочестивая тишь московская восстановится. Патриарха поставили без Собора? Некрасиво, да… Но ведь на то есть воля государя, как его ослушаться? Католические попы явились на Москву? Так у великого государя ляхи с литвою в союзниках, на то и попов своих привезли. Наш-то царь — русский православный человек, кровь от крови московских Калитичей! Опамятует и прогонит латыну.

Современный историк В. Ульяновский пишет: «Иерархия в полном составе приняла Самозванца как царя»[{87}]. Ульяновский оговаривается, что Феодосии Астраханский признал его

не сразу, а Иов не признал совсем. К этому надо добавить, что когда Самозванец лишал патриарха Иова кафедры, вместе с ним были согнаны со своих мест еще три настоятеля больших московских монастырей. Они поддержали Иова, не признававшего Самозванца. Но в целом, надо признать, Церковь приняла Лжедмитрия примерно так же, как и все классы русского общества: оппозиция осталась в меньшинстве, до поры она слабо влияла на ход дел. Как только победа его сделалась явною, сейчас же число охотников противостоять свирепой открытой силе сократилось до ничтожных величин. Большинство народа, вельмож и духовных властей предпочитало либо славословить странному пришельцу, либо тихо примириться с его главенством.

Гермоген стоял слишком высоко в иерархии Русской церкви, чтобы спокойно, без столкновений пережить царствование лжеца. Митрополит Казанский — не большинство. Он стоял близко к Самозванцу и много увидел такого, чего православному архиерею не следует оставлять без обличения; характер не позволял ему молчать; теперь он не надеялся провести остаток лет в тиши. К тому же волею лукавого правителя, Гермоген оказался передвинут еще ближе к трону, чем раньше. Можно сказать, на расстояние вытянутой руки.

При Лжедмитрии I важным проявлением политического курса, направленного к сотрудничеству «священства» и «царства», стало участие иерархов в Боярской думе. Это засвидетельствовано в так называемом списке «сената», составленном 10–13 апреля 1606 года персоной из польского окружения Самозванца. Реестр членов «Духовного совета» предшествовал в нем списку членов Боярской думы. Здесь названы были только титулы иерархов, без имен, которые нетрудно восстановить по другим источникам. Звания сенаторов давались русским архиереям по порядку «первенства чести» в церковной иерархии. Свойства личности, занимавшей ту или иную кафедру, не имели значения, учитывалось формальное старшинство самой кафедры. После патриарха (Игнатия) и митрополита Новгородского (Исидора) третьим идет митрополит Казанский, пост которого занимал тогда Гермоген. «Духовный совет» не имел особенной силы. На заседания Думы, по свидетельству современника, архиереев приглашали «для виду», чтобы спросить мнение патриарха с несколькими епископами. На одном современном изображении приема иностранных послов помимо патриарха присутствует еще семь архиереев, хотя официально в «Духовный совет» входит еще 14 архиереев{88}.

Гермоген вряд ли застал те дни, когда Москва бурлила, когда совершилось падение Иова. Неизвестно, участвовал ли митрополит Казанский в поставлении Игнатия на патриаршество. Скорее всего, нет. Примерно в то время Гермоген находился за пределами столицы, но и не в своей епархии. Он выполнял важную миссию, свидетельствуя мощи святого Романа Углицкого[20]. Смолчал бы столь ревностный хранитель устоев веры, как Гермоген, при виде чудовищного нарушения церковных обычаев? Вряд ли. Он загорался обличением и от меньшего. Но никаких известий о его сопротивлении до наших дней не дошло.

Однако введение «Духовного совета» при «сенате» сократило дистанцию между ним и Самозванцем до минимума. Теперь они оказались лицом к лицу.

Осенью 1605 года в Москве состоялся Собор духовенства, решавший судьбу Марины Мнишек, будущей царицы. Лжедмитрий I желал не только брака с нею, но и обретения Мариной венца как государыни московской.

Такого русский политический обычай не знал. Бывало, вдовы князей московских играли значительную роль при детях. Так, Дмитрий Донской завещал своей супруге Евдокии заведовать вопросами родового землевладения Калитичей. А великая княгиня Елена Глинская после кончины своего мужа Василия III пять лет правила Россией как регентша при

малолетнем сыне Иване IV. Вдову Федора Ивановича Ирину недолгое время рассматривали в качестве его формальной преемницы. На них отчасти переходили права «местоблюстителей» трона. Но не более того. Женщина в Московском княжеском доме не имела монарших прав. Монаршая жена не могла стать самовластной монархиней. Русские царицы не проходили обряда венчания на царство. Лжедмитрий вводил, как тогда говорили, «новину». Поскольку он взошел на трон силой, а к врагам проявлял свирепость, «новина» его имела все шансы претвориться в жизнь, и духовенство вряд ли решилось бы роптать.

Но Самозванец хотел сделать русской царицей католичку! Такого наши архиереи допустить без сопротивления не могли. Если б они еще знали, что Лжедмитрий годом раньше обещал содействовать распространению католичества в России, проблема могла стать просто неразрешимой…[21]

Требовалось «перекрестить» Марину, сделать ее православной.

Как действия на Соборе русского духовенства в целом, так и действия лично митрополита Казанского получили в научной литературе две принципиально разные трактовки.

Первая из них, традиционная, поддерживается большинством светских и церковных историков со времен позапрошлого века. Ее когда-то сформулировал митрополит Макарий (Булгаков): «Русские были убеждены, что Марина, латинянка, не может сделаться супругою их царя, если не отречется прежде от латинства и не примет православия, а русские святители в самой своей архиерейской присяге давали клятву не допускать браков православных с латинами и армянами. И нашлись святители, каковы Казанский митрополит Гермоген и Коломенский епископ Иосиф, также протоиереи, которые смело говорили самозванцу, что невеста его должна быть крещена по-православному, иначе брак его на ней будет беззаконием. Самозванец велел разослать этих смельчаков из столицы, одних — в их епархии, других — в другие места. Но увидел необходимость сделать некоторые уступки и православным»[89].

Он просил (15 ноября) папского нунция Рангони, чтобы Марине дозволено было, хотя бы наружно, исполнять обряды православия, ходить в русскую церковь, поститься в среду, а не в субботу, принять святое причастие из рук представителя русского духовенства в день венчания на царство, — иначе она коронована не будет. Однако столь необходимое разрешение получить из Рима не удалось. Ни для Лжедмитрия I — тайного католика, ни для Марины Мнишек — католички явной никакие послабления по части веры не дозволялись[90].

О том, что из этого проистечет, разговор пойдет ниже. Здесь же хотелось бы отметить только одно: вместе с Макарием множество крупных историков придерживались и придерживаются мнения, согласно которому Гермоген на Соборе 1605 года выступил за перемену Мариной Мнишек исповедания и пострадал от разгневанного Самозванца[91].

Эта точка зрения опирается на ясные свидетельства целого ряда источников.

Например, один из хронографов того времени рисует устрашающую, может быть, драматизированную картину: «Дмитрий Самозванец собирает архиереев и бояр и говорит им: “Благословите мя женитися и венчатися в Соборной церкви, не крестя, а костел Римскому закону устроити, и каштан поставите по нашему царскому возлюблению”. Патриарх же Игнатий, советник Ростригин, благословляет его, глаголя: “На твоей воле буди”. Оные власти молчаху и не смеяху глаголати противу, понеже бо многих побивает [Самозванец]. Великий же преосвященный митрополит Гермоген Казанский и Свияжский и Коломенский епископ Иосиф, православию поборники и истинные пастыри и учители, святым Духом отвещаша же ему наставляемы: “Христианскому царю не достоит поимати некрещеную и во святую Церковь

вводити, и костелы римские и ропоты строити. Не буди, царю, тако сотворити, никоторые бо прежние цари тако не творили…” Он же, окаянный Ростригa, возъярився великою яростию и гневом великим, повелел митрополита Гермогена сослати в Казань, и тамо повеле с него сан святительский сняти и в монастырь заточити, но милостию Божиею сохранен бысть до умертвия Ростригина; а Иосифа, епископа Коломенского… хотел сослать в заточение…»[92]

Смысл известия прозрачен: Гермоген непреклонно отстаивал основы веры и за то поплатился опалой от Самозванца. Пастырская его смелость могла бы стоить ему дороже, однако гибель Лжедмитрия положила конец гонениям на митрополита Казанского.

Современный историк В. Ульяновский выдвинул иную версию.

Он уверен: на Соборе русские архиереи не сомневались в необходимости перевода Марины Мнишек из католичества в православие. Собор постановил поступить с нею именно так. И даже Самозванец как будто *согласился* — речь шла о троне, он имел самые серьезные основания идти на уступки. Но, как говорится, бес кроется в мелочах…

Православная церковь знала несколько способов перехода из одной христианской конфессии в другую — более и менее обременительные. Большинство русских архиереев во главе с патриархом Игнатием, как полагает Ульяновский, сочли достаточным перевод Марины в новую веру через более легкий вариант «миропомазания», канонически допустимый. Ныне, кстати, наша Церковь считает канонически допустимым еще более «легкий» вариант: католику достаточно отречься публично от католицизма и власти римского первосвященника.

Но в древней России, по крайней мере со второй половины XVI века, более употребимым считался «тяжелый» чин — отречение от старого крещения и принятие нового, по православному обряду. Иначе говоря, «перекрещивание». Очевидно, Гермоген и Иосиф, считает Ульяновский, предлагали этот второй чин, более традиционный для Московского государства. Но доказательства Игнатия со ссылками на каноны, по-видимому, убедили собравшихся, и «инициаторы второго предложения не стали настаивать на нем»[93]. Собор, следуя логике историка, общим мнением одобрил чин, предложенный Игнатием.

Сведения о том, что многие иерархи и протопопы решительно возражали против свадьбы без «перекрещивания» невесты, не уступали своего и за то подверглись ссылкам, восходят к показаниям секретарей Самозванца, Яна и Станислава Бучинских[94], а также исторических повестей и Хронографа, процитированного выше. То есть принадлежат и польской, и русской стороне. Но Ульяновский с избыточной страстью и без достаточных доказательств объявляет их недостоверными[95].

В. Ульяновский приписывает Гермогену значительно менее решительную и радикальную позицию на Соборе 1605 года, нежели принято в традиционной версии. Митрополит Казанский высказывался, вероятно, в пользу иного чина — полного перекрещивания. Однако он отступился от своего мнения, присоединился к большинству. А значит, итогом Собора стало *единогласное* решение русских архиереев: применить чин «миропомазания». «Тем не менее, — разъясняет автор, — сама высылка Гермогена из Москвы в Казань ясно дает понять, что и после Собора вопрос о способе присоединения Марины к православию продолжал обсуждаться в церковных кругах. По-видимому, именно Гермоген развивал аргументацию в пользу первого чина (то есть перекрещивания)… Дискуссия была прекращена простой высылкой в Казань главного и единственного среди членов Освященного собора адепта нового (повторного) обряда крещения над Мариной, митрополита Гермогена. Вопрос был решен без него. Заточение и лишение Гермогена сана были излишни и только возбудили бы новую (светскую) оппозицию, обострив ситуацию вокруг и без того не простой проблемы. В Казани же

митрополит ничего не мог сделать…»[{96}]

Иначе говоря, митрополит Казанский если и фрондировал против Самозванца, то лишь одним способом, — позволяя себе в кулуарах нелестные высказывания о решении Собора.

С точки зрения Ульяновского, Гермоген пользовался не только уважением, но и доверием Лжедмитрия I, а вместе с ним патриарха Игнатия. Ранее они поручили владыке Казанскому весьма ответственную миссию: «В 1605 году митрополит Гермоген освидетельствовал мощи князя Романа в Угличе… Комиссия во главе с митрополитом Гермогеном отправилась в Углич после воцарения Самозванца, но до сентября 1605 года… так как 7113 годом[22] датируется “отписа Ростриге с Углеча” от Гермогена, симоновского архимандрита Ионы и богородицкого протопопа Терентия “о чюдесях благоверного Романа Углицкого и о свидетельстве их и о мощах ево”… Интересно, что Гермоген “не заметил” в Угличе могилы царевича Дмитрия, тем самым демонстрируя принадлежность целиком к признававшему Самозванца сыном Ивана IV “священству”. Однако митрополит Казанский оказался в Угличе в довольно щепетильном положении: он единственный из архиереев лично присутствовал там, откуда пошли правда и ложь легенды о царевиче, умершем и “спасенном”. Этот вопрос был, конечно, более принципиален, чем венчание Марины. Тем не менее здесь Гермоген не проявлял оппозиционной инициативы. Последнее обстоятельство может быть еще одним штрихом к объяснению выступления Гермогена на Соборе и последующего отказа от своего мнения… то есть, когда он предложил как вариант перекрестить Марину, но не настоял на этом категорически»[{97}].

Эта новая трактовка событий, связанных с Собором 1605 года, заслуживает самого пристального внимания. В рамках позиции, заявленной В. Ульяновским, Гермоген выглядит не как непримиримый борец за чистоту православия, а как безобидный старый ворчун. Митрополиту Казанскому не нравилось предпочтение, оказанное «легкому» чину, однако никаких официальных шагов оппозиционного свойства он не предпринял. Просто на Соборе высказал сомнение, а потом побурчал, не одобряя решения, к коему все же присоединился.

Мнение это в частностях находит подтверждения, но в главном тезисе имеет под собой чрезвычайно хрупкую основу.

Очевидно, В. Ульяновский прав, когда определяет главную ось конфликта на Соборе. Речь шла не о том, менять или не менять Марине Мнишек вероисповедание, тут русское духовенство стояло твердо — менять, разумеется! — а о том, каким способом воспользоваться для этого действия. Возобладало «миропомазание». В конечном-то счете для свадьбы Лжедмитрия I и Марины Мнишек был разработан «чин»[23], пусть странный и, мягко говоря, компромиссный, но всё-таки содержавший слова: «Архидиакон и протодиакон зовут государыню цесаревну на помазание и к причастию, и государыня пойдет к причастию, а государь пойдет с нею ж. И после совершения обедни, туто же, перед царскими дверьми, быти венчанью, а венчати протопопу Федору, а патриарху и властем стояти на своем месте»[{98}]. Это значит: всякие увертки и смягчения продолжаются вплоть до того момента, когда надо принять святое причастие из рук православного священника. Так может поступить лишь православный человек, при духовных властях и светской знати подтверждающий: «Я православный». Причащение — момент истины. Его нельзя ни обойти, ни обмануть. Не произойдет причащения, так и весь обряд окажется под вопросом: имеет ли он в таком случае законную силу? Или это какая-то подделка?!

Как иначе мог быть составлен подобный чин, если не по требованию Собора русских иерархов? Остается сделать вывод: суть обсуждения, которое велось на Соборе, В. Ульяновский

определил верно.

Но поведение митрополита Казанского реконструировано им неточно.

Прежде всего, ни один источник не говорит об отказе Гермогена от своего мнения.

Так на чем основывает Ульяновский этот свой вывод? На одном довольно ненадежном свидетельстве. Он приводит несколько фраз из «Временника» Ивана Тимофеева — историософского сочинения, принадлежавшего перу московского дьяка. Вот эти фразы: «Вскоре после того, как нечестивая его (Лжедмитрия I. — *Д. В.)* супруга прибыла в царский город, злой участник ее скверностей, созвав собор православных, прельщает их лестью и, делая вид как бы справедливого совещания, лживо советуется с ними о крещении своей подруги. Он спрашивает: следует ли ей второй раз креститься? Этим обманом он, окаянный, вменяет ей латинское богопротивное крещение в истинное христианское рождение через купель, говоря: зачем ей второй раз креститься? Ясно, что он не хотел привести ее к истинному просвещению. Потом, когда, по соборным правилам, для суждения об этом пред лицом лжецаря в помещении его дворца сошлись все священные судьи, одни — немногие — из отцов справедливо не соглашались, чтобы она — непросвещенная — взошла с ним в церковь, — прочие же по слабости человекоугодия, сильно желая мирской славы, поддались ему, хромая, как больные, на обе ноги, не по-пастырски, а по-наемнически прельстились и вместе побоялись и, повинуясь, допустили исполниться его воле. Видя это, и первые умолкли, так что слова беззаконных пересилили, и все перед ним отступили»[{99}].

Картина эта была бы убедительной, если бы не два «но».

Прежде всего, Иван Тимофеев, хотя и служил при Лжедмитрии I, все же не занимал столь высокого поста, чтобы лично присутствовать на Соборе[24]. Его свидетельство — из чужих рук, и бог весть, сколь точно переданы им слова другого человека (им мог быть, например, высокородный аристократ князь Иван Михайлович Воротынский, покровитель дьяка). Бучинские стояли ближе к Самозванцу, их свидетельство взято прямо от самого источника всего конфликта.

Кроме того, Ульяновского почему-то не смущает чудовищная хронологическая нестыковка в словах Ивана Тимофеева. Дьяк пишет, что Собор духовенства состоялся после приезда Марины Мнишек (май 1606-го), хотя на самом деле он прошел за несколько месяцев до ее появления в Москве (осень 1605-го). О какой же точности его свидетельств можно говорить?

Ульяновский также пытается подкрепить свою позицию ссылками на «Новый летописец» и записки греческого архиерея Арсения Елассонского, явно участвовавшего в Соборе. Там якобы сообщается о всеобщем потворстве русского Священноначалия и бояр Самозванцу во всем, что связано с венчанием Марины Мнишек.

Превосходно.

Вчитаемся в «показания» этих памятников.

«Новый летописец», созданный через четверть века после описываемых событий, — источник, мягко говоря, не лучший. Но всё же посмотрим, как там описана история с этим самым «всеобщим согласием». Вот соответствующее место: «Бояре же все и всяких чинов люди, не убоясь праведного суда Божия, не восхотели от Бога принять венца страстотерпческого, все ему, Гришке, потакали: посылали грамоты в Литву за подписями святителей и бояр и называли его истинным прирожденным государем»[{100}]. Можно убедиться, что описания Собора как

такового в «Новом летописце» нет; все ли святители подписали «грамоты в Литву» или подпись Гермогена отсутствовала — сказать невозможно.

Арсений же Елассонский вообще постарался обойти стороной неприятные воспоминания. По его словам, Лжедмитрий I посоветовался «…с боярами, синклитом двора относительно того, чтобы взять себе в жены Марину, дочь польского сендомирского воеводы Георгия… все порешили взять ее, если она будет перекрещена в нашей Восточной церкви»[{101}] О каком-либо «советывании» фальшивого царя с духовенством не сказано ни слова. А под фразой «если она будет перекрещена в нашей Восточной церкви» — Гермоген подписался бы, не раздумывая.

Остается разобрать последний довод В. Ульяновского в пользу относительной лояльности Гермогена Самозванцу. А именно слова ученого о том, как митрополит Казанский «не проявил оппозиционной инициативы».

До наших дней дошла краткая запись из дипломатического архива Московского царства: «Отписка к Розстриге с Углеча от митрополита Ермогена Казанского и Свияжского и от архимандрита Ионы симоновского, и от богородицкого протопопа Пантелеймона о чюдесех благоверного князя Романа Углецкого и о свидетельстве их и о мощех ево»[{102}]. Здесь всего лишь самым беглым образом пересказывается содержание письма, не дошедшего до наших дней. Больше нет ни слова. Документ относился приблизительно к сентябрю 1605 года[25]. Именно на него и ссылается историк.

Как мог В. Ульяновский из нескольких строк, приведенных выше, реконструировать целую программу лояльности митрополита Казанского в отношении Самозванца?! Из чего сделал он вывод о том, что Гермоген «не заметил» могилы убиенного царевича Дмитрия Ивановича? Откуда он знает, какие вести отправил из Углича Гермоген?

Возможно, святитель составил подробный рассказ о могиле Дмитрия. Из описания грамоты никаких заключений на сей счет сделать невозможно. Но, допустим, о могиле несчастного царевича там действительно не говорилось ни слова. Может ли молчание святителя означать выражение какого-то подобострастия к Лжедмитрию? Да бог весть. Гермоген со товарищи занимался совсем другим делом, его и выполнил. Мог ли он выступать свидетелем или «экспертом» по делу о смерти четырнадцатилетней давности, обстоятельства коей митрополит знал у себя в Казани лишь по слухам да по официальным документам? Нет. Если бы он на свой страх и риск разрыл погребение Дмитрия, какие улики он там обрел бы? Лежит труп мальчика. Гермоген, допустим, публично заявит: «Могила — не пуста!» На что Самозванец спокойно ответит: «Так я ведь не из могилы вылез…»

Краткую запись из архива Посольского приказа нельзя использовать как источник по истории отношений Гермогена и Лжедмитрия I: она ничего не дает.

Остается резюмировать: более вероятно, что на осеннем церковном Соборе 1605 года возникла полемика о чине перевода Марины Мнишек в православие, Гермоген высказался за «перекрещивание» и не отступился от своей позиции. Самозванец одержал победу, поскольку его поддержало большинство архиереев — большинство, а не все. Вкупе с соглашательской позицией Игнатия этого оказалось достаточно, чтобы создать у русского общества ложное впечатление: Церковь пребывает в согласии с царем и дает ему благословение. Ну а те, кто сопротивлялся воле Самозванца, отправились подальше от Москвы.

Скудость источников не позволяет сказать, как сложилась судьба Гермогена между отправкой его в Казань и свержением Лжедмитрия I.

На сей счет в исторической публицистике и науке высказывались разные предположения. Согласно самым радикальным из них митрополита Казанского лишили архиерейской кафедры, а то и сана, заточили в монастырь «на покаяние» и даже (апофеоз беспочвенности!) собирались убить, предварительно удалив из столицы. Но сколько-нибудь серьезных подтверждений всем этим гипотезам ни документы, ни исторические повести того времени не дают. Нет даже уверенности в том, что ссылка Гермогена продлилась до самой гибели Самозванца.

Один из публицистов того времени, князь Шаховской, написал о печальной судьбе митрополита Казанского: «Этот патриарх Гермоген при Расстриге в заточении был, потому что не одобрял его деяния, а про женитьбу его на соборах перед всеми людьми бесстрашные речи говорил: “Недостойно-де православному христианину иноверную в жены брать”. И часто угрожал ему Расстрига смертью и поносил его. Он же, как непоколебимый воин нисколько того не боясь, постоянно его божественным словом укорял. И за это заточен был»[{103}]. Слова Шаховского свидетельствуют в пользу того, что Гермоген все же провел какое-то время в заключении и ему могла угрожать казнь. Однако достоверность этого фрагмента у Шаховского вызывает сомнения. Созданная им «Летописная книга»[26] писалась через много лет после возвышения и падения Лжедмитрия I, в те времена, когда большой русской Смуты и след простыл. Бог весть сколь хорошо князь помнил события давнего времени. На воспоминания о 1605–1606 годах у него могли наложиться впечатления от гораздо более поздней эпохи. В 1611–1612 годах Гермоген действительно провел немало времени под стражей, в подземном узилище. Реальное заточение патриарха могло перепутаться в сознании Шаховского с теми временами, когда Гермоген был опальным митрополитом, и породить второе, фантомное.

Вероятнее всего, события развивались следующим образом: Гермоген лишился сенаторского звания, отправился в Казань и там провел полгода, управляя епархией. Какое-то время его могли продержать под стражей. В Москву митрополит вернется не ранее мая — июня 1606 года.

Таков наиболее правдоподобный вариант.

Прав или не прав был Гермоген, требуя самого «тяжелого» чина для перевода Марины Мнишек из католичества в православие — «перекрещивания»?

По канонам православной церкви, перевод из католичества «миропомазанием» вполне допустим. Но три разных чина возникли не на пустом месте. Их применяли в разных ситуациях, с учетом местных условий.

У себя в Казани Гермоген, надо полагать, не раз сталкивался с такого рода ситуациями. Московское правительство расселяло на новых землях иноземцев, в том числе поляков и литву. Время от времени кто-то из поселенцев решал перейти в православие. В условиях зыбкости восточного христианства, крайней уязвимости его на территории, где еще вчера безраздельно господствовал ислам, местному архиерею, очевидно, «перекрещивание» виделось наиболее правильным чином — самым надежным!

Гермоген когда-то немало времени потратил, изучая тонкости, связанные с переходом иноверцев и инославных в православие. Перу его или хотя бы составлению приписывают «Сборник, созданный в 1598 году; в нем изложены чины о принятии в Церковь латинян, магометан…»[{104}]. Но требовалась ли подобная надежность в Москве, когда решались сложные вопросы большой политики? Акт демонстративной верности Марины Мнишек и ее супруга православию настроил бы против них прежних союзников — шляхту Речи Посполитой, короля Сигизмунда III, католическое духовенство.

Думается, Гермоген мыслил тогда не только как столп веры, но и как настоящий стратег, в то время как Самозванец и патриарх Игнатий всего-навсего пытались «проскочить» неудобную ситуацию. То есть решали «тактическую», чуть ли не «техническую» проблему.

Гермоген, как никто другой, понимал: Россией может управлять только православный государь. И русский народ захочет полной уверенности в православном исповедании монарха. А коли вместе с монархом появляется еще и монархиня, то в отношении нее потребуется точно такая же уверенность, если не большая: она-то католичка, схизматик, с рождения не знала истинной Церкви… Следовательно, ее личное удобство, а заодно удобство ее мужа отступают перед интересами всей страны, всего народа. Не удовлетворить эти интересы — значит поставить Москву на грань большого восстания.

К тому времени на Руси научились уживаться с иноземцами. Их терпели и даже порой любили — за науку, а еще того больше за торговую прибыль, от них исходившую. Иноверного же чужеземца, вознамерившегося править оплотом восточного христианства, терпеть не стали бы. И какие бы у него ни объявились союзники — литовцы ли, поляки ли, хоть король Сигизмунд, хоть сам папа римский, — а русские будут упорно отрицать законность его правления, пока не вышибут из-под него престол.

И лучше бы сразу, с первой минуты правления предъявить народу свою веру, во всем согласную с его верой.

А Лжедмитрий с Игнатием принялись юлить, суетиться, делать полегче себе и милой даме, ехавшей в Московское государство за короной. Дама-привереда, как видно, искала всех благ разом: и государыней сделаться, и веру не переменить. Но такой вариант не проходил; требовалось не то что переменить веру, а тысячу раз подчеркнуть: «Я — такая же, как вы, мои подданные!» Полтора столетия спустя подобным образом поступит Екатерина Великая… Марина Мнишек могла стать русской царицей, искренне и твердо приняв православие. Могла и остаться католичкой, оставив мечты о монаршем венце. Но нет, она не хотела уступать ни в чем. Или, может быть, выразила готовность к уступкам, но иезуиты, за ней стоявшие, воспретили всякое «маневрирование». А православный патриарх Игнатий проявил легкомысленную уступчивость — его поведение говорило: «Мы готовы склониться весьма низко! Мы готовы услужить!»

Следовало соглашаться с Гермогеном. Не как фанатик он вел себя, но как мудрец.

Лжедмитрий и Марина уверили себя, что никакой беды не будет, даже если они пренебрегут и тем «легким», сглаженным чином обряда, каковой предоставило им окружение патриарха Игнатия.

8 мая 1606 года состоялась странная церемония, объединившая два действа: официальное соединение Марины и Самозванца, а также обретение полькой венца русской государыни. «После божественной литургии благовещенский протопоп Феодор повенчал их посредине церкви пред святыми вратами. И после венчания своего *оба они не пожелали причаститься Святых Тайн.* Это сильно опечалило всех, не только патриарха и архиереев, но и всех видевших и слышавших»[{105}].

Стихли праздничные торжества.

Минула неделя.

17 мая Лжедмитрий был убит, а его супруга навсегда лишилась положения монархини.

Следовало слушаться Гермогена…

Глава третья. Москва: царство

Престол кремлевский пустовал недолго. Минуло несколько дней после убиения Лжедмитрия, и определилась персона нового государя. Им стал князь Василий Иванович Шуйский. 1 июня 1606 года состоялся обряд венчания на царство. Его провели с большим нарушением церковной традиции. Обычно церемониальным действом распоряжался глава Церкви, но на этот раз главным лицом от духовенства был архиерей, вовсе не наделенный правами первоиерарха.

Четыре с лишним года Василий IV правил Россией. Знал великие достижения и трагические неудачи. Царствование его завершилось позорно, страшно, мерзко. Много худого сказано о государе Василии Ивановиче его современниками, а более того — потомками: историками, публицистами. Перед современным любителем истории предстает крайне отталкивающий образ этого монарха. Лукавый старичок, интриган, выходец из среды вероломного боярства, человек жестокий, властолюбивый, к тому же обладающий безобразной внешностью.

И… вот парадокс: патриарх Гермоген чтил Василия Шуйского, всегда и неизменно проявлял абсолютную лояльность к нему, призывал к тому же паству, поддерживал царя всеми доступными способами — не за страх, а за совесть.

Почему?

Уместно назвать несколько причин.

Главная из них — сама фигура Василия Шуйского подверглась темной мифологизации. Слишком черен, слишком страшен этот царь перед мысленным взором образованных людей России, чтобы видеть положительные черты его личности. Гермоген мог видеть в нем совсем иное.

Полно, так ли плох государь Василий Иванович?

Он лжец — это обвинение верно. Но, во всяком случае, он обманывал не ради обогащения или возвышения, а ради спасения жизни — своей и, еще того более, родни. При Иване Грозном на семейство Шуйских дважды обрушивались страшные опалы. При Федоре Ивановиче этот род подвергся ужасающему разгрому, лучшие мужи его расстались с жизнью, иные отправились в ссылку, лишились состояния. И вот некоронованный правитель России, царский шурин Борис Годунов отправляет Василия Ивановича расследовать убийство царевича Дмитрия в Угличе. Князь — следователь опытный, возглавлял когда-то Московский судный приказ. Он докапывается до сути, и логика разбирательства ведет его к Годуновым. Как поступить князю? Рассказать во всеуслышание о том, что ему открылось? Его дед лишился жизни в опале. Его отец согласился на позорный брак одного из сыновей с дочерью худородного выскочки, чтобы восстановить благосостояние семьи и открыть дорогу собственной карьере. Сам Василий Иванович угодил в опалу при Иване Грозном. Его брат убит Годуновыми. Его родня унижена и раздавлена. Сказать правду? А в ответ Годуновы не только уничтожат его, но еще и дотопчут родню. Опыт собственных несчастий говорил ему, что это будет сделано незамедлительно и беспощадно. Василий Иванович доложил: несчастный случай. Роду вернули кое-что из прошлого величия. Шуйские заседают в Думе. Шуйские водят полки. Василий Иванович рассуживает местнические тяжбы, воеводствует в богатом Новгороде, по праздничным дням бывает приглашен к царскому столу. Относительное благополучие его — и рода — длится весь остаток царствования Федора Ивановича, продолжается при Борисе Годунове (1598–1605

годы). Что ему этот царевич Дмитрий? Бастард из рода московских Даниловичей, нагло присвоившего себе всю власть над Русью! Жалко его? Да нимало. Братьев своих жалко. Земель своих жалко. Эта ложь, благотворная для рода, вернется к Василию Ивановичу еще трижды, и под занавес так ударит облагодетельствованный им род, что он навсегда сойдет со сцены большой политики.

Есть в судьбе Василия Ивановича великая трагедия. Бог требовал от него правды, род — лжи. Выбрав родную кровь, отвернувшись от неба, Шуйский высоко поднялся. Но теперь он и рухнет больнее, чем прежде. Вот умер Борис Федорович, на троне его сменил Федор Борисович. Князь Василий, как сообщает современник-иноземец, публично «клялся страшными клятвами, что истинный Димитрий не жив и не может быть в живых, и показывал свои руки, которыми он сам полагал во гроб истинного [Димитрия], который погребен в Угличе, и говорил, что это расстрига, беглый монах, наученный дьяволом и ниспосланный в наказание за тяжкие грехи, и увещевал [народ] исправиться и купно молить Бога о милости и оставаться твердым до конца»[106]. Иначе говоря, Василий Шуйский оказался в числе твердых сторонников годуновского семейства. На поле боя он проявил отвагу. На московских площадях — верность государю. Твердости Василия Ивановича хватило ровно до того момента, когда стало ясно, что Годуновы проиграли большую политическую игру и власть им не удержать. Шуйский отправился ко двору Самозванца, стоявшего в Туле, и там присягнул ему. Но уже в царство Самозванца вел разговоры, что это ложный царь, а настоящий Дмитрий лежит в гробу. За это его едва не казнили; но князь вновь солгал — отперся от прежних своих слов, признал Лжедмитрия. Вертясь ужом, Василий Иванович выторговал себе сначала жизнь, а потом свободу… чтобы чуть погодя возглавить заговор и прикончить Самозванца. И только тогда он позволил себе сказать правду: царевич Дмитрий убит, ему нанесли смертельную рану душегубы, подосланные Годуновыми; отрок не выжил, тело его покоится в земле. Итак, и Гермоген, и весь народ знали: царь — лжец. Но… много ли чистых душ осталось в ту пору? Василий Иванович хотя бы имел мужество признаться во вранье и покаяться. Кающийся грешник, он нравственно превосходил великое множество смутьянов, творивших тогда зло с беззаветной уверенностью: ничего, авось забудется, ведь все таковы, жизнь пошла такая!

Он жесток — и это обвинение основано на правде… Василий Иванович бестрепетно казнил тех, кто восставал против него. Но ведь и они знали, на какое дело шли. Взяв в руки оружие, явившись под Москву свергать законного царя, они сделались разбойниками, бунтовщиками. Их смиряли железом, а потом казнили за очевидную измену, мятеж и разорение царства. Как еще должен был вести себя царь? Гладить по головке «полевых командиров», у которых руки по локоть в крови? Вот уж странное было бы поведение!

Мало кто замечает достоинства Василия Ивановича, хотя они лежат на поверхности.

Прежде всего, это опытный полководец, неоднократно ратоборствовавший за отечество. И против мятежных армий он, немолодой уже человек, также не побоялся выйти в поле, возглавив верные полки.

Надо полагать, Гермоген видел в затягивании междуцарствия путь к скорейшему торжеству социального хаоса. Видимо, он надеялся восстановить в стране порядок, воспрепятствовать распространению Смуты. А князь Василий Иванович имел самые серьезные основания выжигать Смуту, не щадя сил. Сделавшись правителем России, он в какой-то степени оправдал упования Гермогена и всей Церкви: если не остановил, то хотя бы притормозил страшную болезнь Смуты.

Василий IV на своем хребте четыре года удерживал Русское царство от окончательного развала. Он представлял в России не просто традиционную монархию, но еще и весь старый

государственный порядок, борющийся против новоявленного хаоса. Только Василий Шуйский имел волю и власть смирять неистовых мятежников, раздиравших державу в клочья. Только он мог восстановить прежний государственный строй и всеми силами стремился сделать это. В самых отчаянных ситуациях он не сдавался. Даже перед лицом смертельной опасности Василий Иванович не отрекся от царского сана, не отринул ответственности перед Богом, лежавшей на нем за всю страну. Он ошибался порою, но от ошибок избавлены только те, кто бездействует. Гермоген искал в царе защитника православной веры и Русской церкви. Василий Иванович соответствовал ожиданиям патриарха.

Дореволюционный ученый П.Б. Васенко уже говорил об этом: «Поведение Гермогена во время царствования Шуйского позволяет утверждать, что патриарх всегда верно служил царю, несмотря на все невзгоды и промахи царствования… Можно с уверенностью думать, что самая верность патриарха правительству Шуйского, мероприятий которого он часто не одобрял, обусловливалась политической программой первосвятителя, неизменно стоявшего за сохранение и восстановление государственного порядка. А нельзя отрицать, что правительство Шуйского при всех своих недостатках было в ту эпоху единственной надеждой сторонников этого порядка». Современный историк А.П. Богданов точно и емко высказался по этому поводу: «Мы не можем сказать, что его истовая защита царя Василия не имела, помимо моральных, неких рациональных оснований. В условиях “войны всех против всех”, гражданской распри, усилия правительства Шуйского имели некоторые шансы на утверждение гражданского мира…»[{107}]

Борьба и падение Василия Шуйского — одна из величественных трагедий русской истории. Она наполнена эпической силой характеров. Царь проиграл, царь пал, страна обрушилась в бездну. С низвержением правителя ушла сила «удерживающего»… Но, во всяком случае, пребывая на троне, Василий Иванович делал свое монаршее дело честно, как ему подобало. Может быть, неподдельное мужество истинного государя, а затем унижение, страдания и гибель на чужбине искупили прежние грехи его криводушия. Он познал, какова вершина и какова пропасть. Он имел время для раздумий о собственных прегрешениях и для молитв о прощении. Хорошая судьба для христианина…

Вторую причину на разные лады формулировали дореволюционные историософы и публицисты. Последнее время ее, так или иначе, принялись озвучивать современные их коллеги.

Так, П. Рублевский считал, что Гермоген при Василии Шуйском «ни о чем столько не заботился, как о том, чтобы поддержать колеблющийся трон царя и внушить всем русским глубочайшее уважение и благоговение к верховной власти монархической»[{108}]. От сказанного Рублевским нетрудно перейти к выводу: личность Василия Ивановича не имела для патриарха особенного значения, но само царское звание взывало к «благоговению».

Биограф святителя С. Кедров выразил эту идею с полной ясностью: «На первых же порах своего служения Гермоген, встретившись с тяжелым политическим положением… стал на сторону царя. Теоретически патриарх имел самое высокое представление о царской власти… По-видимому, без всякого отношения к господствовавшей в XVII в. в Западной Европе теории о божественном происхождении королевской власти русская политическая мысль, поскольку она воплощалась в учительном человеке начала века — патриархе, одинаково с западными мыслителями смотрела на царя, как на источник закона, власти, всякой справедливости и порядка, вытекавший из божественных полномочий… Отсюда даже безразлично к вопросу о том, как и кем поставлен царь и насколько он отвечает своему назначению, — все обязаны ему повиноваться. Отсюда и защита Гермогеном царя, несмотря на то, что фактически Шуйский

далеко не соответствовал патриаршему идеалу»[{109}]. А учитывая всё сказанное выше о Василии Шуйском, государь, возможно, не столь уж не соответствовал идеалу патриарха. Идеолог православного монархизма В. Щукин развил целую теорию на сей счет: «Патриарх Гермоген не только терпимо, но и в высшей степени благожелательно относился к царствованию Василия Шуйского, несмотря на то, что не питал ни малейшего расположения к его личности… В данном случае всё зависело от общей национально-религиозной точки зрения патриарха: каков бы ни был Василий Шуйский сам по себе, для *теократически* смотрящего на Русь патриарха было важно то, что Шуйский — царь законный, *православный* и, значит, вполне соответствующий национально-религиозному характеру и призванию св. Руси»[{110}]. Современный автор Андрей Самохин пишет в том же ключе: «Всё несчастное время правления Василия Шуйского святитель Гермоген горячо ратовал и убеждал соотечественников быть верными этому царю. Почему? Для православного историка здесь нет загадки. Плохой или хороший, царь Василий был православным и не был самозванцем»[{111}].

Историк Н.И. Костомаров высказался грубее и с неприятным оттенком фамильярности. Но, по сути, за вычетом хамоватого похлопывания первоиерарха по плечу, он изложил то же самое: «Гермоген был человек чрезвычайно упрямый, жесткий, грубый, неуживчивый, притом слушал наушников и доверял им. Подчиненные его не любили: он был человек чересчур строгий. Но при всем том это был человек прямой, честный, непоколебимый, свято служивший своим убеждениям, а не личным видам. Находясь постоянно в столкновениях с царем, он, однако, не только не подавал руки его многочисленным врагам, но всегда защищал Василия. Строгий приверженец формы и обряда, Гермоген уважал в нем лицо, которое, какими бы путями ни достигло престола, но уже было освящено царским венцом и помазанием… Для Гермогена существовало одно — святость религиозной формы»[{112}].

Идеал «симфонии», то есть соработничества между светской и духовной властями, был унаследован Московской державой от Византии; он предполагал почтительное отношение государя к первоиерарху и в свою очередь честную поддержку монарха со стороны главы Церкви. Устои русского православия, да и если взять шире, древние устои христианства в целом обязывают Священноначалие признавать монаршую власть, ибо она от Бога. Патриарх никогда, ни при каких условиях не может быть мятежником, революционером, ниспровергателем государей. Он может лишь противиться власти откровенно безбожной, уничтожающей веру, разрушающей Церковь, насаждающей еретичество или атеизм.

Василий Шуйский, безусловно, не проявлял никаких признаков любви к иноверию, безбожию, еретичеству. Напротив, он взошел на трон в ореоле борца с католической экспансией, защитника Русской церкви. Гермоген имел поводы сурово порицать поведение царя как личности, но в общественном смысле у него не имелось никаких причин оставить монарха без поддержки. В этом смысле Гермоген должен был стать не только духовным наставником нового царя, но и его опорой. Так и произошло. Тем, кто противился воле монарха, святитель напоминал: «Возсташа [вы]… на царя, его же избра и возлюби Господь, забывше писаного: “Существом телесным равен есть человеком царь, властию же достойнаго его величества приличен Вышнему иже надо всеми Богу”»[{113}]. Здесь нет ничего выходящего за пределы общественной нормы русского социума тех времен.

Наконец, *причина последняя и решающая.* Хорош ли, плох ли князь Василий Шуйский как человек, а на российский трон у него имелись *твердые права.* Он получил царский венец *легитимно.*

О том, как происходило его избрание на царство, написано много скверного. Уже в XVII веке говорили: московская толпа выкликнула его в государи! Всю землю о нем не спросили! Но

правда гораздо сложнее.

Вот три взаимодополняющих показания иноземцев о событиях того времени.

Английское известие 1607 года: «Нынешний государь Василий Иванович достиг власти по праву наследования и соответственно утвержден по избранию его боярством, дворянством и общинами Москвы…»

Заметки грека-архиерея Арсения Елассонского: «Через три дня по кончине царя Димитрия все бояре и синклит и народ великой Москвы, без согласия всего народа великой России и прочих городов и начальников, провозгласили царем великой Москвы и всей России Василия Шуйского».

«Московитская хроника» немца-наемника Конрада Буссова: «Князь Василий Шуйский без ведома и согласия Земского собора *(ohne Wissen und Bewilligung saemtlicher Land-Staende),* одною только волею жителей Москвы, столь же почтенных его сообщников в убийствах и предательствах, всех этих купцов, пирожников и сапожников *(Piroschnicken und Saposchnicken)* и немногих находившихся там князей и бояр, был повенчан на царство патриархом, епископами и попами, и присягнул ему весь город, местные жители и иноземцы».

Все-таки не выкликнули из толпы. Избрание обошлось без Земского собора, конечно, но, видимо, в результате полной поддержки московского посада, с которым у Шуйских имелась давняя приязнь, а также по итогам какого-то совещания служильцев государева двора — дворян и большой знати. Церковь тоже одобрила его кандидатуру. Желая упрочить свое положение, новый царь дал крестоцеловальную запись никого не карать бессудно, не наказывать без расследования, не мучить невинных людей за преступления их родни и не слушать клеветников.

Но отчего же не был созван Земский собор? В 1598 году Борис Годунов, желая подкрепить свою власть над Россией согласным мнением всей земли, собрал его и воцарился, заручившись одобрением страны. Василий Иванович пренебрег Земским собором. Судя по историческим сочинениям того времени, современников это покоробило. Торопился? Возможно. Опасался конкуренции со стороны других родовитых аристократов? Безусловно. Однако, вероятнее всего, сыграло роль иное соображение. Сейчас оно может показаться странным и даже необоснованным, но 400 лет назад звучало веско. Англичане, судя по приведенному выше известию, восприняли его серьезно.

Как уже говорилось, Василий Иванович имел неоспоримые наследственные права на трон. Шуйские считались при дворе «принцами крови». Их предок по прямой, суздальско-нижегородский князь Дмитрий Константинович в 1360–1363 годах занимал великокняжеский престол[27]. Да и прежде Дмитрия Константиновича, еще в XIII веке, иные предки Шуйских бывали в великих князьях.

Аргумент серьезный. Зачем потомку великих князей, дождавшемуся своей очереди на их наследие, созывать Земский собор ради подтверждения своих прав? Он ведь не из Годуновых — семьи, не имевшей царственной крови… Он — *знатный Рюрикович на русском троне.* Василий Иванович, конечно, не знал, что займет в череде государей-Рюриковичей финальное место; он мечтал, надо полагать, об утверждении суздальской ветви на царстве. Удержись Василий IV в царском звании, «прав крови» явно хватило бы для легитимизации новой династии.

Так почему, по какой причине нашей Церкви, а вместе с нею и святителю Гермогену следовало бунтовать против законного государя? Против царской крови? Против первого Рюриковича,

взошедшего на престол после царя Федора Ивановича? Восшествие Василия Ивановича не нарушало традицию, а восстанавливало ее. Для Церкви было уместно с благожелательностью воспринять подобное обстоятельство.

Еще один парадокс или, скорее, загадка стоит в прямой связи с коронацией Василия IV 1 июня 1606 года.

Разные источники дают противоположные известия относительно места, где пребывал в тот день Гермоген.

Летопись, правда поздняя, сообщает: «По всем же городам привели [людей] к крестному целованию. Царь же Василий венчался царским венцом… в соборной апостольской церкви Пречистой Богородицы, а венчал его казанский митрополит Гермоген с иными [духовными] властями в лето 7114 (1606) году»[{114}]. Никаких сомнений, твердое высказывание: Гермоген присутствовал в столице, он играл роль первенствующего архиерея при короновании Василия Ивановича.

Но от времен Смуты до наших дней дошел важный документ — чин венчания на царство государя Василия IV. Там столь же однозначно сказано: «А действовати на его царьском поставленье митрополиту Ноугородскому со всем собором»[{115}]. Притом документ явно современен коронации в отличие от летописного известия. Более того, первенство митрополита Новгородского Исидора выглядит естественно: при отсутствии патриарха именно владыка Новгородский формально считался «старшим по чести» среди русских архиереев (митрополит Казанский числился вторым «по чести» после Новгородского). А патриарха тогда на церемонии быть не могло. Старого, Игнатия, лишили кафедры и святительства сразу после смерти Самозванца, а нового еще не избрали. Игнатия, как простого чернеца, приняли на покаяние стены Чудова монастыря…

Один из архиереев того времени также пишет: «Во всечестном храме Пречистой Богородицы архиереи, имея во главе Исидора, преосвященнейшего митрополита Великого Новгорода, короновали сего царя Василия Шуйского»[{116}].

Как будто, всё говорит о том, что Гермоген не мог вести церемонию. Более того, специалисты высказывают сомнение: да успевал ли он вообще добраться до Москвы к тому времени?

От Казани до Москвы по прямой более 700 километров. Даже если бы Гермоген использовал для перемещения в столицу ямскую гоньбу (дело по большому счету совсем не архиерейское), он ни при каких обстоятельствах не успел бы к венчанию нового монарха на царство. Нет уверенности даже в том, что сама весть о смерти Лжедмитрия долетела бы до Казани ко времени коронации Василия Шуйского.

С. Кедров, лучший ученый жизнеописатель Гермогена, высказался на сей счет без затей: по его мнению, святитель «прибыл из Казани к июлю 1606 г. Он не был ни на избрании царя, ни на коронации его… которую совершал Новгородский митрополит Исидор»[{117}].

Современный историк В.Н. Козляков с ним соглашается: «Не присутствовал в Успенском соборе в день венчания царя… казанский митрополит и будущий патриарх Гермоген, его имя даже не названо в “Чине венчания”. Митрополит Гермоген просто не успел по отдаленности Казани приехать в Москву, хотя именно ему “Новый летописец” впоследствии приписал поставление царя Василия Шуйского на царство»[{118}]. Того же мнения придерживается новейший биограф Гермогена протоиерей Николай Агафонов[{119}].

А вот другой современный специалист, А.П. Богданов, высказывается в ином ключе. По его мнению, «нет убедительных сведений, что Казанский митрополит находился именно в своей епархии»[120].

И к нему стоит прислушаться. Чин венчания Василия Ивановича на царство мог быть составлен и сохранен в архиве, но на деле его совершенно не обязательно исполнили с точностью до буквы. Если Гермоген добрался до Москвы хотя бы днем раньше церемонии, ее порядок могли существенно изменить. Такое случалось в старомосковской административной практике множество раз. Составлялся, например, «разряд» для большого похода против крымцев, «на украйну», однако армия по каким-то причинам не выходила в поле или же все-таки выходила, но с другим составом воевод. Тогда старый, так и не получивший применения «разряд» записывали в «разрядную книгу», а вслед за тем сообщали: «Полки по тому разряду не выходили». В ином случае ниже следовал новый разряд. Но чин венчания на царство — не «разрядная книга». Там просто нет места, куда можно вставить визу: «Произошли изменения такие-то». Значит, мог быть еще один чин, более поздний, но до наших дней не дошедший.

А как же записки деятеля Церкви, присутствовавшего на церемонии и назвавшего Исидора человеком, стоящим «во главе» русских архиереев? Здесь тоже всё не столь однозначно. Автор мог просто указать на формальное старшинство Исидора по отношению к прочим митрополитам, не имея в виду ничего сверх того.

Гермоген — сильная фигура: архиерей, бесстрашно споривший со Лжедмитрием, украшенный миссионерскими добродетелями. Чего мог ждать от него Василий Шуйский, губитель Самозванца? Очевидно, решительной поддержки. Ясно, почему князь желал поставить во главе столь важной для него церемонии именно митрополита Казанского.

Но почему не подходил государю Исидор, опытный архиерей, вышедший из блистательной школы соловецкого иночества? Трудно сказать. Москва 1606 года представляла собой клубок гибельно опасных политических интриг. Василий Шуйский взошел на престол, решительно оттеснив иных претендентов. Он мог всерьез опасаться, что один из них попытается «отыграть» ситуацию назад, если получит поддержку от Церкви.

Очень серьезную угрозу для него представлял могущественный деятель Церкви — Филарет, митрополит Ростовский. Формально он уступал в «старшинстве чести» и Гермогену, и Исидору. Но реальность порой выстраивает комбинации власти, никак не согласующиеся с буквой церковных правил.

Филарет подвергся постригу насильно, по велению Бориса Годунова. Он происходил из знатнейшего боярского рода Захарьиных-Юрьевых-Романовых. До пострига именовался Федором Никитичем Романовым, имел боярский чин. В жилах Романовых вовсе не текло царской крови. Но их предки находились при дворе московских государей как минимум с середины XIV века; родоначальником этого семейства и нескольких других является крупный великокняжеский служилец Андрей Кобыла[121]. На протяжении всего XVI века предки будущего царя Михаила Федоровича оказывались в Боярской думе, ходили в чинах окольничих и собственно бояр, воеводствовали в больших городах, водили в бой полки и целые армии. Романовы и их предки — Юрьевы, Захарьины, Кошкины — высокий род, пусть и род слуг княжеских, а не князей. И вместе с ними роль таких же слуг, не имеющих царской крови, играли многочисленные старинные роды московского боярства — Салтыковы, Колычевы, Пушкины, Шереметевы, Шеины, Морозовы, Плещеевы, Вельяминовы, Бутурлины. Все эти роды и множество других, не столь именитых, составляли социально близкую Романовым среду. Их свойственниками являлись и княжеские роды — Черкасские, Голицыны, Сицкие, Оболенские-Лыковы, Троекуровы, Литвиновы-Мосальские. Такая же, через брачное свойство, близкая связь

объединяла их с древними боярскими семействами Ховриных-Головиных, Салтыковых и Тучковых. В кровном родстве они состояли с могущественными Шереметевыми и влиятельными Колычевыми. Таким образом, в нужный момент за интересы Романовых могла вступиться большая «партия» аристократов.

Тетка Филарета, Анастасия Романовна, стала первой женой Ивана IV. А его отец, Никита Романович, женился на Евдокии Александровне Горбатой-Шуйской. Князья Горбатые-Шуйские являлись высокородными Рюриковичами, такими же потомками великих князей из Суздальско-Нижегородского дома, как и сам Василий Шуйский. Для того чтобы всерьез претендовать на престол, этого было более чем достаточно. Сам Филарет, как монашествующий, не имел права занять трон. Однако у него имелись младший брат Иван и — лучшая кандидатура изо всех возможных! — сын Михаил.

Громадная сила, стоявшая за Филаретом, давала ему наибольшее влияние на дела среди всех архиереев Русской церкви. Он располагал первенством, опирающимся на чрезвычайно высокий статус его рода. В условиях мая 1606 года именно он и никто другой шел к патриаршей кафедре. Самый очевидный претендент! И ему следовало, в соответствии с негласным, но очевидным первенством, венчать Василия IV на царство.

Собственно, Филарет являлся какое-то время «нареченным патриархом», то есть персоной, которую все воспринимают как патриарха, еще не прошедшего поставление в сан, но уже получившего твердые гарантии этого.

С.Ф. Платонов писал по поводу странного положения Филарета весной 1606 года следующее: дело с поставлением нового патриарха не случайно затянулось до 3 июля. Им в конечном итоге станет Гермоген, однако он придет *на место Филарета.*

Произошло это, с точки зрения Платонова, «оттого, что первый названный патриарх, т. е. Филарет, был “скинут” после 27 мая (6 июня по новому стилю), а второй, Гермоген, не мог скоро приехать из Казани, где он был митрополитом. Если в Москве только в конце мая пришли к решению вызвать его в Москву, то он не мог поспеть в столицу ранее конца июня: обсылка с Казанью требовала около месяца времени». Платонов считает, что причиной охлаждения Шуйского к Филарету могли быть действия Шереметевых, родни Романовых, в пользу боярина князя Ф.И. Мстиславского, которого некие заговорщики прочили на смену Василию Ивановичу[{122}]. Кроме того, Филарета считали сторонником Лжедмитрия. Наконец, еще одно обстоятельство: как уже говорилось, Романовы находились в свойстве с князьями Голицыными. А один из Голицыных, князь Василий Васильевич, сам проявил амбицию занять российский престол.

Таким образом, митрополит Ростовский оказался в сгустке связей, содержащих чрезвычайно сильные угрозы для Василия Шуйского.

При таких условиях опасно отдавать Филарету еще и формальное первенство в Церкви! Не менее опасно доверять ему церемонию венчания на царство. Несколько обличительных слов, сказанных первенствующим архиереем прилюдно, могли навсегда похоронить проект с коронованием Василия Шуйского… И если другой архиерей, тот же Исидор, например, покажет опаску перед столь влиятельной фигурой, как Филарет, не возникает ли тогда риск отдать жизненно важное дело в руки робкого человека, который может пойти на поводу у неприятелей Василия Шуйского?

Таковы, надо полагать, причины, заставившие Василия Ивановича отвернуться от Исидора.

Гермоген, обладавший решительностью и твердостью, очевидный враг Самозванца, деятель, не завязший в столичных интригах, выглядел предпочтительнее Исидора и на порядок предпочтительнее Филарета.

Что же касается Филарета, то ему поручили дело на первый взгляд весьма почетное, но по сути своей означавшее удаление от двора в решающий момент. Митрополит Ростовский вместе с владыкой Астраханским Феодосием, боярином князем Иваном Михайловичем Воротынским и пышной свитой отправился в Углич. Им следовало привезти оттуда гроб с останками царевича Дмитрия Ивановича. Честное погребение отрока могло, как казалось Шуйскому, многое прояснить в судьбе ложного царя, назвавшегося именем мертвеца. Филарет, обласканный Лжедмитрием I, проходил своего рода «проверку на лояльность». Кроме того, он оказывался на изрядном расстоянии от Москвы, когда политический соперник Романовых готовился взойти на царскую ступень.

Итак, ясно, почему Василий Шуйский желал приблизить к себе именно Гермогена, почему именно Гермогену он предпочитал вверить собственную судьбу, а затем и патриаршую кафедру. У него имелись самые серьезные основания призвать митрополита Казанского в столицу как можно скорее. А у историка нет причин слепо верить в то, что Гермоген непременно находился тогда в Казани.

Но где в таком случае мог обретаться митрополит Казанский, когда восставшие москвичи убивали Лжедмитрия I? Откуда его спешно вызвал князь Василий Иванович?

Неизвестно. За много месяцев до того Самозванец выслал святителя в его собственную епархию или — менее вероятно, но возможно — отправил под стражей в какую-нибудь дальнюю обитель. Нет сведений о том, что происходило со святителем впоследствии. Гермоген мог оказаться неподалеку от Москвы по многим причинам.

Не столь уж трудно представить их себе.

Допустим, перед свадьбой Самозванец, более не опасаясь за судьбу своего брака, отправил «милостивую грамоту», вызывая строптивого архиерея на празднества. Ведь тот уже ничего не успел бы испортить своими обличениями… Допустим, Гермоген знал о заговоре Шуйского и рассматривался в качестве крупной «фигуры поддержки». Тогда его известили о скором восстании, а также дали совет поторопиться. Допустим, Лжедмитрий всерьез опасался противодействия со стороны Гермогена, а потому перевел митрополита Казанского «за приставами» поближе — под бдительный присмотр. Да сколько угодно существует причин, по которым казанский владыка мог оказаться вовсе не в Казани, а значительно ближе к столице!

Всё это гипотезы, высказанные в популярной (и даже научной!) литературе, но не имеющие под собой ничего, кроме логических спекуляций.

Намного более серьезный аргумент заключен в одной публикации середины XIX века. На нее, к сожалению, редко обращают внимание.

Знаменитый историк русской литературы А.Д. Галахов напечатал речь митрополита Гермогена… на коронование Василия IV. В «Исторической хрестоматии» Галахова она неверно отнесена к 1608 году и, что самое печальное, там не указано, откуда составитель извлек ее. В прочих случаях у него указаны, скажем, «Акты исторические» или другие собрания документов допетровской эпохи. В данном случае никакого указания нет. Это заставляет думать, что Галахов видел некую бумагу, ныне утраченную, либо нашел какой-то древний хронограф, содержавший митрополичью речь. Отсутствие ссылки на источник делает весьма

трудным оценку ее достоверности. Но нет оснований и для отказа пользоваться ею.

Обращаясь к Василию Шуйскому, митрополит Казанский говорит: после смерти Федора Ивановича, завершившего череду законных представителей московской династии Рюриковичей-Даниловичей, на престол взошел человек «не от царского корени» — Борис Годунов; его заменил и вовсе «христианской веры гонитель… самонареченный царь Дмитрей» — второй Юлиан Отступник; но и тот скоро лишился жизни. «Ныне же тобою, великий богоизбранный государь паки благочестие обновляется… тебе, великому государю, довлеет быти на престоле прародителей своих и венчатися царским венцом по древнему вашему царскому обычаю…»{123}

В сущности, Гермоген с большим умом обосновывает права князя Василия Ивановича на шапку Мономаха. Митрополит, во-первых, напоминает всем присутствующим родословие Шуйского — природный Рюрикович, притом из ветви, где не столь уж давно бывали государи. Во-вторых, глава Церкви указывает на особую роль князя как защитника веры: именно он сверг ложного царя, чьи действия угрожали устоям православия.

Далее Гермоген, под видом благих пожеланий, напутствует нового правителя: «Да… укрепит [Господь Бог] мышцу твою на вся видимыя и невидимыя враги и покорит тебе вся варварския языки иже браням хотящая, и да вселит Господь в сердце твоем божественный страх свой и еже к послушным милостивное и к повинующимся милосердое, и соблюдет же тя Господь в непорочней истинней христианской вере, и покажет тя опасна хранителя святыя своея соборныя апостольския Церкви в повелениях…»{124}

Архиерей не просто озвучивает «этикетные» фразы. Он сообщает царю: будь крепким, тебе придется много воевать, в том числе с поляками и с татарами (которые скоро наводнят весь юг России); будь милостивым и справедливым, столица не примет казней; будь благочестивым, ибо наступило шаткое время и Церковь нуждается в тебе, как в честном оберегателе ее покоя.

Можно было бы заподозрить, что речь Гермогена вовсе не является таковой, а представляет собой послание, написанное после коронации Василия IV. Тогда мозаика сложилась бы наилучшим образом: Гермоген явился в Москву, опоздав к венчальной церемонии, но оказал новому государю неоценимую услугу, составив грамоту, обосновывающую его права на престол.

Однако подобный вариант, что называется, «не проходит».

Текст, опубликованный Галаховым, безусловно, не является посланием. Там есть слова: «…по данной нам благодати от святого и животворящего Духа, се ныне от Бога поставляешися, и помазуешися, и нарицаешися Богом венчанный царь и великий князь Василей Иванович, всеа Русии самодержец!»{125} К тому же учительные послания Гермогена, как правило, весьма объемны, а его выступление, связанное с венчанием Василия Шуйского на царство, невелико. Его нетрудно прочитать во время церемонии, да и по всему строю своему оно полностью соответствует ходу торжества. До наших дней дошла речь митрополита Дионисия, произнесенная во время коронования царя Федора Ивановича (1584). Многие обороты, использованные тогдашним главой Русской церкви, а также сама «конструкция» текста обнаруживают явное сходство с речью Гермогена{126}. Так говорить мог лишь архиерей, не просто присутствующий на церемонии, но ведущий ее. Таким образом, речь, напечатанная Галаховым, имеет признаки подлинности[28].

Вопрос о том, где находился митрополит Казанский 1 июня 1606 года, нельзя считать решенным окончательно, но для обоснованного предположения почва уже имеется. Вероятнее

всего, Гермоген тогда был в Москве. Видимо, именно он венчал на царство Василия IV.

Что же касается «чина», специально составленного для церемонии, то документ, очевидно, подвергся изменениям незадолго до торжества — когда митрополит Казанский добрался до Москвы.

Июль 1606 года — второй переломный месяц в судьбе святителя Гермогена.

Василий Шуйский выбрал преемника Игнатию, назвав митрополита Казанского. На протяжении месяца после коронации Василия Ивановича Церковь могла обсуждать его державную волю. Летописи и прочие источники не донесли до нас каких-либо сведений о борениях, происходивших внутри духовенства. После того как царь твердо высказался за кандидатуру Гермогена, не видно, чтобы митрополит Исидор или митрополит Филарет пытались как-то оспорить его выбор.

Возвышение Гермогена происходило спокойно.

В начале июня, опоздав ненадолго к венчанию Василия Ивановича на царство, Филарет доставил из Углича останки убитого отрока — царевича Дмитрия. Еще из Углича он отправил Василию Шуйскому известие: обретены нетленные мощи царевича, через них происходят исцеления. Мощи вскоре были перемещены в Архангельский собор Московского Кремля.

Тело, положенное у всех на виду, выглядело нетленным. Одежды за 15 лет нимало не обветшали. От покойного отрока происходили чудесные исцеления. Люди подходили к открытому гробу, видели это, узнавали об исцелениях и приходили к разным выводам. Кто-то заговорил о святости невинноубиенного царевича, кто-то — о фальсификации. Так, иноземцы Конрад Буссов, Исаак Масса и Петр Петрей сочли чудеса, совершавшиеся у гроба, ловкой проделкой царя Василия[29]. Процессию с телом Дмитрия встречал по дороге из Углича, близ Москвы, сам государь в окружении духовенства; тогда на него напали те, кто верил в Самозванца более, чем в святого отрока. «Шуйский, как говорят, был едва не побит камнями, хотя дворяне усмирили народ прежде, чем он собрался»{127}, — сообщает французский наемник Жак Маржерет.

Однако Церковь, весьма осторожная в таких случаях, не нашла ничего поддельного в том, что происходило вокруг останков Дмитрия. Царевич был прославлен в лике святых. По городам отправились посыльные с грамотами, возвещавшими о новоявленной святости.

Таким образом, Филарет Никитич идеально выполнил поручение царя и ничем не помешал ему во время коронации. Но государь уже выбрал иного архиерея на патриаршее место; оставалось лишь покориться монаршей воле.

Гермоген, еще не поставленный в сан, вместе с Василием Ивановичем встречал мощи царевича Димитрия, и уже тогда его именовали патриархом: «Первосвятительный Гермоген, всеа Россия великий патриарх, всесоборне иконам воследуя во сретении новомученика, таже во славе своей царь и по нем того синклита чин, потом несочтенное всенародное множество»{128}.

Филарет, кажется, не воспринял Гермогена как личного врага. Он понимал: восхождение Гермогена на высшую ступень церковной иерархии совершилось не какими-то интригами казанского владыки, но одной лишь волей царя.

Впоследствии меж ними не случалось открытых конфликтов. Гермоген неизменно проявлял к Филарету доброе отношение. Быть может — из смирения, быть может — из соображений

политических: Филарет все же имел большое влияние. Внука своего, Андрея Крылова, Гермоген отдал в чине сына боярского на службу к митрополиту Ростовскому{129}.[30] В свою очередь Филарет, сделавшись патриархом в 1619 году, сохранил о Гермогене хорошие воспоминания. На страницах летописей, возникших уже в патриаршество Филарета, Гермоген неизменно выступает как праведник, добрый пастырь, светоч твердой веры во тьме Смуты. Более того, время от времени он изображается духовным наставником самого Филарета, чуть ли не нравственным образцом для подражания{130}. Странно было бы проявлять подобное отношение к врагу или недоброжелателю…

Помимо тихого, безгласного Исидора, могущественного, но нелюбимого государем Филарета и духовного ратоборца Гермогена претендовать на патриаршую кафедру мог еще тот… кто совсем недавно покинул ее. Притом не по своей воле.

Речь идет об Иове, занимавшем патриаршее место с 1589 по 1605 год. Он честно выступил против Самозванца. Его свергли вопреки желанию духовенства. Так отчего бы не вернуть столь достойному человеку положение главы Русской церкви?

Этого не произошло.

Объяснений может быть два.

Во-первых, из разных источников известно, что Иов к тому времени потерял зрение. Так, создатель Хронографа говорит о нем: «На престол патриаршеский возведен был Гермоген, казанский митрополит, хотя Иов патриарх еще тогда был жив, но не возвратился на свой престол, ибо доброзрачные зеницы его замутились и свет сладостный был отнят от очей его»{131}. То же сообщают и другие источники. К тому же летом 1606-го Иову оставалось жить менее года: дряхлость подступила к нему.

С другой стороны, к слепоте Иова добавлялось, вероятно, подозрительное отношение Василия Шуйского. Слишком явная дружба установилась между первым русским патриархом и семейством Годуновых. А для Шуйских Годуновы — никак не друзья.

Так или иначе, а патриаршую кафедру Иову возвращать не стали.

3 июля 1606 года совершилось главное событие в жизни Гермогена. Он взошел на кафедру патриарха Московского и всея Руси. Обряд совершался в Успенском соборе и повторял в деталях церемонию 1589 года, когда поставлялся в сан Иов. Как сообщает Чин поставления Гермогена на патриаршество, роль «поставляющего святителя» сыграл митрополит Новгородский Исидор. Он держал во время церемонии лампаду и посох. Гермоген отдал поклоны царю и поставляющему архиерею, митрополит Новгородский провозгласил: «Благодать Пресвятого Духа нашим смирением имеет тя патриархом в богоспасаемом граде царствующем Москве и всего Российского царствия». Древняя московская святыня, посох святого Петра-митрополита, перешел от него к новопоставленному патриарху. Затем царь передал Гермогену золотую панагию, «манатею» и белый клобук{132}.

Гермогену предстояло без малого пять лет патриаршества и около года мук в узилище…

Эта книга посвящена святителю Гермогену, а не Василию Шуйскому и не России времен патриаршества Гермогена. Поэтому нет никакой пользы в подробном пересказе всех перипетий Смуты, пришедшихся на те годы, когда Московскую патриаршую кафедру занимал Гермоген, а царский престол — Василий IV. Однако проповеди, послания, поступки главы Русской церкви нерасторжимо связаны с главнейшими событиями эпохи и вне их контекста

просто непонятны. Значит, хотя бы в самом кратком виде следует представить канву титанической борьбы государя с изменами, мятежами, а затем и с вооруженной интервенцией Сигизмунда III.

Ей отдано несколько страниц, следующих ниже.

Слухи о том, что вместо «царя Дмитрия Ивановича» в мае 1606 года убили какого-то «литвина», «немчина» или же «ляха», начали распространяться сразу после того, как власть в Москве перешла к Василию Шуйскому. Огромная часть южнорусских земель оказалась заражена ими в первые же месяцы нового царствования.

Любимцы Лжедмитрия бежали из Москвы в те места, которые когда-то явились колыбелью Смуты и плодородной почвой, отдавшей лучшие соки армии Самозванца. Там беглецы всеми силами поддерживали слухи о том, что «истинный государь» скрывается от Василия Шуйского, но скоро явится с новыми силами — восстанавливать справедливость.

Самозванчество сделалось популярным. Из исторического небытия возник самозваный «царевич Петр» — неистовый казачий вожак. То одна темная личность, то другая порывалась выдать себя за «тайного государя Дмитрия». Не какая-нибудь голытьба, «народные массы», «несчастное крестьянство», а в первую очередь дворяне и даже аристократия «второго ранга» баламутили русскую провинцию. Князья Григорий Шаховской и Андрей Телятевский (блистательный полководец!), видные дворяне Михаил Молчанов, Истома Пашков, Прокофий Ляпунов сделались лидерами антимосковского брожения. Молчанов какое-то время выдавал себя за Лжедмитрия I и даже официально назначил «царским воеводой» искусного военачальника Ивана Болотникова — слугу князя Телятевского.

Присяга Василию IV на колоссальном пространстве южных окраин России, Северской земли, Рязанщины оказалась сорванной. Путивль и Елец превратились в столицы мятежа. Казаки, посадские люди и все прочие, кто пожелал примкнуть к бунту, влились в отряды восставших дворян провинции.

Летом — осенью 1606 года Болотников и прочие «полевые командиры» мятежа с боями двигались к Москве. В октябре они уже заняли позиции неподалеку от южных стен русской столицы. Но Василий IV подтянул войска, договорился о переходе на свою сторону части повстанцев и разгромил болотниковцев. Зима 1606/07 года — время ослабления мятежа, час торжества законной власти.

Однако весной 1607 года мятеж вновь набрал обороты. Калуга, Алексин, Тула заняты болотниковцами, правительственные войска терпят поражения.

Летом 1607-го сам государь Василий Иванович выступил в поход с отборным войском. Болотниковцы проигрывают бои, отступают… В октябре пал главный оплот восстания — Тула. Болотниковщина окончательно раздавлена; два ее лидера — сам Болотников и «царевич Петр» оказались пленниками царя. Первый из них будет сослан на север и там утоплен, второго прилюдно казнят после возвращения победоносной армии в Москву. Князя Шаховского отправили каяться на Кубенское озеро, в Спасо-Каменную обитель, окруженную глухими лесами. Другие командиры бунтовской армии ранее перешли на сторону законного монарха.

Царь дал отдых измученной армии, а сам сыграл свадьбу с княжной Марьей Петровной Буйносовой-Ростовской. Однако значительная часть южнорусских земель еще оставалась в «незамиренном» состоянии. Смута продолжала там тлеть и без тяжелой государевой руки скоро вспыхнула с новой силой.

На смену Болотникову, «воеводе царя Дмитрия», явился авантюрист куда более опасный. Он назвался гибельным именем «государя» Дмитрия Ивановича и вошел в русскую историю как Лжедмитрий II, или «Тушинский вор». Польская шляхта оказала ему поддержку. Целые отряды «вольных шляхтичей» пополнили армию Самозванца.

Первое время он терпел поражения от второстепенных отрядов царского воинства. Настоящей силой движение его сторонников сделалось лишь весной 1608 года, с приходом новых шляхетских ополчений с запада и присоединением большого контингента казаков.

Вооруженное противостояние царских воевод с новым Самозванцем на пути его к столице не привело к победе московских полков. Летом 1608 года Лжедмитрий II во главе русских изменников, буйной казачьей вольницы, польских и литовских авантюристов укрепился близ Москвы, в Тушине. Кремль ведет с Тушинским лагерем постоянную войну, сражение следует за сражением. То удача сопутствует мятежникам, то полкам законного государя. Вельможи Василия Шуйского, вплоть до выходцев из знатнейших родов, переходят к тушинцам — князь Михаил Шейдяков, князь Дмитрий Трубецкой, князь Дмитрий Черкасский…

«Царик» сформировал самое настоящее, хотя и совершенно незаконное правительство. У него свои бояре и своя Боярская дума. Свои приказы-«министерства» и свои казначеи, к коим стекаются денежные потоки из десятков городов, поклонившихся ему. У Самозванца появился даже собственный «патриарх» — всё тот же Филарет, митрополит Ростовский (по официальной версии, плененный тушинцами). Его нарекли главой Церкви, то ли принудив к тому, то ли осуществив, под видом принуждения, его собственное потаенное желание. Игрок столь значительный, как Филарет Никитич, имел самостоятельный политический вес. В соединении с саблями тушинцев и архиерейским саном этот вес позволил Филарету получить пусть и беззаконную, но очень значительную духовную власть на юге России. В 1608–1609 годах Тушинский лагерь бывал грозен, тут собралась большая сила, тут находилась столица колоссальной области. Слуги Лжедмитрия разъезжали по дальним городам царства, стремясь подчинить их Тушину вооруженной силой или уговорами. Многие земли им поддались.

Для Василия Шуйского особую опасность представляли не столько даже Болотников или «Тушинский вор», сколько волнения, то и дело вспыхивавшие против его власти в самой Москве. Обычно их инспирировал кто-то из вельможных аристократов или знатных дворян, притом до истинного «кукловода» обыкновенно доискивались. Но сначала монарху приходилось по нескольку часов испытывать все неудобства диалога со взбешенной толпой. Власть его то и дело оказывалась подвешенной на волоске. Осажденная Москва жестоко страдала от голода. Продавцы зерна искусственно взвинчивали цены. Василий Иванович пытался запрещать им, но его власти не хватало даже для этого: «Царствующему граду всеми злыми одержиму бывшу во обстоянии ложнаго царя с польскими и литовскими людьми и с русскими изменники и гладу велику належащу… Купцы же московстии во един совет сопокуплъшеся и повсюду от имений своих дающе на закуп, еже бы им и от прочих градов и сел всяко жито изкупити; и сиа собирающе не вскоре продаваху, но ожидающе, дондеже отягчится цена, и сугубо десяторицею прикуп хотяще восприяти. И немощнии имением всяко до конца оскудеваху… Всяко убо богатство к житопродавцем преходит, убозии же от глада зле мучими скончевахуся. Сицевая убо зря, царь Василий стесняется болезнено сердцем и повелевает житопродавцем во едину цену продавати и купити; но никако о сем небрегше житопродавцы. Державный же покусися не единою градским законом смирити сих. Сего же ради, елико убо в прочих градех и селех закупленаа ими, сташя недвижима и к царьствующему граду не проходима. Царь же и от прочих градов мнев (желал. — *Д. В.)* искоренити сих умысл, но никако же возможе; паче же на горшая обратишася»[{133}].

Не имея достаточно сил, чтобы избавить Москву от осады, царь обратился за помощью к

шведам. В феврале 1609 года дипломаты Василия Ивановича заключили соглашение с доверенными людьми шведского короля Карла IX. Русский государь отдавал шведам город Корелу[31] и обещал щедрые выплаты наемникам. За это он получал восемнадцатитысячный корпус ландскнехтов, набранных по всей Европе.

Родственник царя князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, молодой, но одаренный полководец, присоединил наемников к новгородско-псковской рати и вышел на помощь к Москве 10 мая 1609 года. Воевода медленно двигался, громя отряды тушинцев, очищая уезды и крепости от неприятеля. Его армия освободила от осады Троице-Сергиеву обитель, нанесла врагу поражения под Торжком, затем у Твери, близ Калязина и в Переяславле-Залесском. На реке Ходынке полки самого царя разгромили тушинцев и едва не разогнали весь их лагерь. Напрягая оставшиеся силы, тушинцы атаковали Михаила Васильевича под Александровской слободой, однако и там были отбиты. Воинское счастье изменило им окончательно. Скопин-Шуйский, неотвратимо двигавшийся к столице, получил у восхищенных современников славу спасителя. Ему даже предлагали заменить на престоле Василия Шуйского, но полководец благородно от этого отказался.

Тем временем в большую военную игру, шедшую на просторах Московского царства, включилась новая сила. От нее исходила несравненно более серьезная угроза русскому престолу, чем от всех отрядов Лжедмитрия II, вместе взятых. Король Сигизмунд III, непримиримый враг Шведской короны, воспринял союзнические действия Карла IX и Василия IV как идеальный предлог для вторжения в Россию. Август 1609 года застал его в походе на Смоленск. За столетие до того Москва отбила Смоленск у Великого княжества Литовского. Теперь Сигизмунд III решил, что настал отличный момент для реванша. Королевское войско осадило город и стояло под ним до середины 1611 года. Воевода Михаил Борисович Шеин, возглавлявший смолян, сковал армию вторжения искусными оборонительными действиями. Однако само ее присутствие на территории России сыграло чрезвычайно важную роль.

В марте 1610 года победоносные полки М.В. Скопина-Шуйского добрались до Москвы. Между ними и отрядами Сигизмунда пока еще не произошло боевых столкновений. Тогда же, в марте, Тушинский лагерь наконец-то распался. На протяжении нескольких месяцев тушинцы находились меж двух огней. С одной стороны, на них нажимал Михаил Васильевич, а также силы, сосредоточенные в самой Москве. С другой стороны, Сигизмунд III не признал легитимность Лжедмитрия, не оказал его сторонникам политической, военной или хотя бы финансовой помощи. Самозванца просто проигнорировали. «Царик» сбежал из-под Москвы и сделал своей новой столицей Калугу. Оставшееся без вождя воинство несколько месяцев колебалось, а затем разошлось. Кто-то поспешил к «калужскому государю», а кто-то решил присоединиться к армии польского короля.

Михаила Васильевича встретили в Москве пышно, окружили почетом, одарили подчиненных ему шведских офицеров. Столица гремела пирами.

Русские полки постепенно очищали города и уезды, всё еще занятые тушинским сбродом. Однако главной задачей стало изгнание Сигизмунда III из-под Смоленска. Весна 1610 года прошла в приготовлениях к большому походу. Идеальным лидером для московского войска, усиленного наемными отрядами, являлся, безусловно, тот же князь М.В. Скопин-Шуйский. Перед Российской державой вновь забрезжила надежда: авось придет конец Смуте! Еще один-два решительных усилия, и Русская земля очистится от бунтовщиков и чужеземного присутствия.

Однако 23 апреля молодой полководец, претерпев лютую болезнь, скоропостижно скончался. Его смерть имела для всего старого русского порядка катастрофические последствия. За

несколько месяцев рухнуло всё, чего тяжкими усилиями добивались в течение года!

Кончина Михаила Васильевича приняла вид эпического бедствия. Москвичи стекались ко двору князя, печалились, плакали. Шведские офицеры пришли, желая почтить его память, и отозвались об умершем с великой похвалой. Явился царь с братьями. А патриарх Гермоген, понимавший значимость этой фигуры, собрал на похороны Скопина-Шуйского «митрополиты, и епископы, архимариты, и игумены, и протопопы, и весь освященный собор, и иноческий чин, и черноризцы, и черноризицы… и не бе места вместитися от народнаго множества»[{134}]. Народ потребовал царских почестей покойному воеводе: «Подобает, чтобы такой муж — воин, и воевода, и врагов победитель, был положен в соборной церкви архангела Михаила, вместе с гробами царскими и великих князей, ради его великой храбрости и побед над врагами, а также и потому, что происходит он из их же рода и колена». Василий Шуйский не стал этому противиться. «Достойно и справедливо так поступить», — сказал он. Когда гроб понесли к Архангельскому собору, за ним шествовали Гермоген со всем «освященным собором», государь Василий Иванович и его приближенные. Патриарх плакал над телом князя, весь «освященный собор» пел «надгробное пение». А на совершение погребального обряда патриарх вновь привел всё высшее духовенство московское, и оно отдавало князю последний долг молитвенными песнопениями[{135}].

Царскую родню многие обвиняли тогда в отравлении: дескать, позавидовали славе полководца, испугались, что пожелает он взойти на престол… Неизвестно, так ли это на самом деле. Царь Василий был очень заинтересован в Скопине-Шуйском, ведь ему еще предстояла вооруженная борьба с королевским войском, и армии требовался талантливый вождь. Так что укоры в адрес Шуйских, возможно, являлись злою клеветой. В любом случае репутация государевой семьи много потеряла от этих слухов.

24 июня русские полки и корпус наемников-иноземцев потерпели от поляков тяжелое поражение у деревни Клушино. Командующий, царский брат князь Дмитрий Иванович Шуйский, бежал с поля боя. Часть его подчиненных легла на месте, прочие разбежались. Лишь незначительная часть русской силы отошла в Можайск.

Царь оказался лишен армии, преданных вельмож и честных доброжелателей. Род его, очерненный и опозоренный, вызывал у столичных жителей презрение.

Потеря трона превратилась в неизбежность.

Теперь следует мысленно вернуться к началу правления Василия Ивановича и со вниманием вглядеться в поступки Гермогена, делившего с царем общую борьбу с проказой Смуты.

Василий Шуйский всеми силами старался защитить себя и страну от разрушительной болезни самозванчества. Он использовал как силу меча, так и силу слова — ведь противостояние шло не только на бранном поле, но и в сфере идей. Именно здесь Гермоген оказал царю неоценимую помощь. Некоторые затеи государя были в принципе неосуществимы без участия патриарха. Они стали общим делом главы Церкви и главы светской власти.

Надо отдать Василию Шуйскому должное: он сделал немало. Порой царь демонстрировал готовность действовать, наступая на горло собственным желаниям. Так, он с почтением отнесся к Годуновым, когда-то унизившим его семейство, обрекшим на смерть самых знаменитых его деятелей. Формально Годуновы обрели достоинство монаршего рода — пусть и сомнительным способом. Иными словами, они являлись последними более или менее законными государями перед восшествием на престол самого Василия IV. Опираясь на эти обстоятельства, Василий Иванович повел любопытную игру.

Уже летом 1606 года Василий IV получил известия о заговорах против него на юге, царские воеводы впервые столкнулись с сопротивлением в тех местах, начал распространяться слух о новом «чудесном спасении царя Дмитрия Ивановича». Это заставило Василия Ивановича насторожиться. Он приказал объявить народу, что вся земля «находится в великой опасности». Государь велел повсеместно напоминать о том, сколько зла наделали поляки русским, используя Самозванца: казна растрачена, пролита кровь тысяч людей, «превосходный и благоразумный великий князь, Борис Федорович, погиб… с женой, с сыном и всем родом; теперь поляки и некоторые негодные изменники и разорители страны разносят, что вор и блядин сын ушел, а не убит, а это, как всем известно, не было на самом деле; да хотя бы и было так, он все же не истинный Димитрий, а плут, обманщик и соблазнитель». Василий Иванович напомнил также, что принять нового Лжедмитрия или помочь ему означает пособничать утверждению «папской» веры. После этого, как гласит одно иностранное известие, «чтобы еще лучше расположить народ к христианскому состраданию, Шуйский велел вырыть тела великого князя Бориса, его жены и сына, уже три года лежавшие в земле[32], перенести их в Троицкий монастырь и похоронить по-княжески, с большою пышностью; каждое тело должны были нести 12 миль от Москвы до Троицы 20 монахов. Великий князь, думные бояре, дворяне и весь народ следовали за ними, также и патриарх, епископы, монахи и священники. Дочь Бориса, Аксинья, ехала возле тел в закрытых санях, рыдала и причитала: “Горе мне бедной, горькой, покинутой сироте! Наглый вор, плут и изменник, назвавшийся Димитрием, истинный обманщик и соблазнитель, погубил моего отца, мать, брата и всех друзей. Теперь он и сам погиб за свое бесчинство и безбожную жизнь, а при жизни, да и по смерти, наделал этой стране много великого, лютого горя. Покарай его, Боже, осуди его в здешней, временной, и в той, вечной, жизни!”»{136}.

Эта затея, стоит заметить, получила поддержку со стороны Гермогена — он участвовал в траурном шествии. Возможно, сама мысль о честном перезахоронении Годуновых принадлежала именно ему. Почтительность к останкам Бориса Федоровича означала почтительность к царскому сану вообще, безотносительно личности государя.

Канонизация святого Димитрия Углицкого и громкое его прославление также были совместным делом Василия Шуйского и Гермогена: «Царь… и патриарх, видя дар Божий, что проявил Бог Своего угодника, сделали раку, и положили его в раке над землей… и составили праздничные стихиры и каноны, и установили праздник праздновать трижды в году: первое празднование на рождение, второе на убиение, третье на перенесение мощей в Москву»{137}.

Когда вооруженная борьба с многочисленными врагами приняла скверный оборот, Василий IV по совету с Гермогеном решил доставить прежнего первоиерарха Иова в Москву. Царь, вельможи, духовенство во главе с патриархом и весь народ должны были молить его о прощении. Иов — чуть ли не единственный, кто не совершил первого страшного предательства, не отстал от Годуновых и не признал Самозванца. Мало кто из духовенства пошел за ним на муку, а народ вовсе не прислушался к его обличениям. Теперь следовало исправить ошибку и тем снискать Божье благоволение.

По словам голландского купца Исаака Массы, идея привезти Иова в столицу и обратиться к нему с покаянными мольбами возникла после того, как с фронта борьбы против нового Самозванца пришли печальные вести. Бой у Венёва закончился поражением правительственных войск; хотя в Москву и доставили несколько пленных оттуда, зато всё дело пошло прахом. Кроме того, воеводы Василий Мосальский и Андрей Телятевский перешли со своими людьми на сторону врагов Василия IV. «Это известие, — говорит Масса, — произвело такой страх в Москве, что они вызвали из Старицы низложенного Димитрием старого патриарха Иова… он, слепой от старости, просил оставить его в покое, однако, [невзирая на

это], его привезли в Москву… Его совет вместе со всеми другими советами ничему не мог помочь…»[{138}]

Но мировидение людей Московского царства не исчерпывалось строго рациональными соображениями, свойственными протестантизму. Всё русское общество «от царя до псаря» твердо знало: любые беды и испытания приходят по воле Божьей — в наущение «по грехам». От них спасают прежде всего искреннее покаяние, умение «встягнуться от греха», а не какая-нибудь суетливая практическая деятельность. Бог поучил — Бог же простит, помилует, явит ласку свою. Но когда согрешили все — кто сильнее, кто слабее, а в стороне от общего греха остались считаные единицы — как тогда каяться? Перед кем? В какую сторону повернуть ум народный?

Иова позвали не напоказ, не пытаясь, говоря современным языком, срежиссировать акт охранительной пропаганды, а в искреннем стремлении заслужить от Господа милость Его. Слишком много несчастий свалилось на державу. Чаша страданий становилась всё тяжелее и тяжелее. Может, единственный большой праведник простит народ и помолится за него Богу?

3 февраля 1607 года Гермоген, два других архиерея, архимандриты и игумены присутствовали на совещании у царя. Было решено послать в Старицу за Иовом митрополита Крутицкого Пафнутия, симоновского архимандрита Пимена и других почетных посланников с закрытой зимней повозкой из царской конюшни. Посольству надлежало уговорить старого больного, смертельно обиженного Иова, «приехав к Москве, простити и разрешите всех православных крестьян в их преступлении крестного целованья и во многих клятвах»[{139}].

5 февраля посольство отправилось из столицы с грамотой Гермогена. Патриарх «бил челом» Иову, «молил с усердием» и «колени преклонял», чтобы тот приехал и чтобы молился о мире для России, о здравии для Василия Ивановича и о царском одолении «на враги». 14 февраля Иов был привезен в Москву. Два дня спустя он вместе с Гермогеном и другими столпами духовенства определил порядок всеобщего покаяния: молить Бога о прощении им самим и «всем православным христианам», ибо они «преступили крестное целование», царицу Марию и царевича Федора Годуновых свергли и на смерть предали, совершили «многое бесчиние» против святой Церкви; приняли на царство «злодея и прелестника, и разорителя християнския веры», а потом целовали ему крест; прервали течение патриаршей литургии, скопом вырвали Иова из алтаря, таскали по площади и позорили, а потом «люторы и жиды» оскверняли храмы, а сам «царь» венчал свою невесту, «лютеровой веры девку»[33], царским венцом. «И в тех бы во всех клятвах и в преступлении крестного целования просити нам милости Божией… и православных всех крестьян Российского государства от толиких клятв разрешити и прощении им и всем нам вкупе подавати, да о том бы о всем и грамоту нам прощальную и разрешительную изложити». Такая грамота была принята от имени Иова и всего Освященного собора 16 февраля[{140}].

20 февраля Гермоген и Иов были в Успенском соборе. Гермоген отстоял молебен. А потом «всенародное множество» просило у Иова прощения. Бывший патриарх зачитал «прощальную и разрешительную грамоту». Иов, Гермоген и весь Освященный собор «простили», «разрешили» и благословили собравшихся[{141}].

Далеко не всегда Гермоген действовал по просьбе Василия Ивановича или, вернее, содействовал с царем в каком-либо масштабном деле. Святитель очень многое предпринимал как самостоятельная политическая фигура.

Патриарх использовал то орудие защиты престола, а с ним и всего старомосковского государственного порядка, какое давала ему власть духовная. Он призывал духовенство всей

страны молиться за победу государя, увещевать паству, обличать изменников.

До наших дней дошли «богомольные грамоты» патриарха. Две из них, адресованные митрополиту Ростовскому Филарету, содержат целую идеологическую программу: тут и порицание безбожных мятежников, и утверждение прав Василия Шуйского на трон.

По словам Гермогена, Самозванец «своим умышлением так прельстил люди Божия государства Российского, что не токмо поклонишася ему, но множество сильных и великих, прочих же и без числа, и острием меча падоша, побораючи по нем злое». Но сам Бог «воздвиг» на Самозванца Василия Шуйского. Князь сыграл роль очистителя, своего рода «бича Божьего». Василий Иванович сначала «велегласно» обличал Лже-Дмитрия, за что «множество бед претерпел от того злодея», а затем, следуя Богом данными «советом и мудростию, с любящими Христа и с нехотящими повинутися сотоне… конечно погубиша того злодея и скаредное его тело огню предаша». Таким путем «от смерти в живот претвори нас Бог и от тьмы во свет приведе нас». Что означает слово «нас»? Весь русский православный народ, всё царство. Таким образом, у восшествия Василия Шуйского на престол появляется не одна лишь генеалогическая подоплека (знатный Рюрикович, наследник древних государей), но и мистическая. Гермоген подводит к тому, что сам Бог поставил царем Василия Ивановича за его «веру и мужество, и крепость, и разум», проявленные в борьбе с Божьим врагом и «разорителем» веры. Более того, правильность его воцарения получила мистическое же подтверждение от самого Господа: «К сему же [Бог] еще истину объяви нам, страстотерпца своего и мученика царевича Дмитрия многими чудесы прослави и царьствующему преславному граду Московскому яко многоценный дар подал: неоскудные исцеления подает всем, с верою приходящим к нему…»[{142}]

Обосновав истинность нового монарха, Гермоген требует от Филарета, чтобы тот устроил со всем духовенством большой молебен в соборной церкви о мире, о благосостоянии святых церквей, о здравии великого государя Василия Ивановича и покорении врагов его, о христолюбивом воинстве. Велит неоднократно прочесть грамоту в соборной церкви, разослать копии по храмам епархии с поучением, «чтоб отпадших крестьянския веры разбойников и губителей крестьянских, злодеев, воров, не слушали никак ни в чем, надеяся на милость Божию… стояли бы против воров крепко»[{143}].

Но и столь серьезного обоснования прав Василия IV на престол, и собственного пастырского авторитета Гермогену кажется недостаточно. Дабы отвратить измену, он применяет оружие иного рода — простое и честное объяснение того, какие беды и несчастья обрушатся на города, по наивности или из корысти открывающие ворота перед бунтовскими войсками. Как трезвомыслящий, прагматичный политик, Гермоген знает: иной раз к золотому слову духовному полезно добавить каменное слово жизненной правды. А как бывший казак он способен со знанием дела рассказать, к чему приведет беснование казакующих окраин.

Разъясняя, что несут с собой орды Болотникова, патриарх добавляет: «А ныне, по своим грехом, забыв страх Божий, восста плевел, хощет поглотити пшениценосные класы (колосья. — *Д. В.).* Скопясь разбойники, и тати, и бояр и детей боярских беглые холопи в той же прежепогибшей и осквернённой Северской украйне, и сговорясь с воры с казаки, которые отступили от Бога и от православные веры и повинулись Сатане и дьявольским четам, и оскверня всякими злыми делы Северские городы, и пришли в Рязанскую землю и в прочая городы, и тамо тако ж святыя иконы обесчестиша, церкви святыя конечно обругаша, и жены и девы безстудно блудом осрамиша, и домы их разграбиша, и многих смерти предаша». Для верхушки посада, дворян и приказных людей грозно звучит и другое предупреждение Гермогена: «А стоят те воры под Москвою, в Коломенском, и пишут в Москву проклятые свои листы и велят боярским холопем побивать своих бояр, и жены их и поместья, и вотчины им

сулят. И шпыням и безымянникам ворам велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити, и те призывают их, воров, в себе и хотят им давати боярство, и воеводство, и окольничество, и дьячество»[{144}].

14 октября 1606 года, когда положение Василия Шуйского в борьбе с болотниковцами стало критическим, патриарх на несколько дней объявил пост и непрерывную молитву. Московские храмы наполнились народом. Первоиерарх напоминал пастве о крестоцеловании, данном на имя нового царя, обличал «злых еретиков, и грабителей, и осквернителей» из мятежных отрядов, призывал ополчиться и мужественно стоять против них.

Летом 1607 года отправляются в поход государевы полки, возглавляет их Василий Шуйский лично. Гермоген сейчас же пишет новое богомольное послание, призванное ободрить воевод и ратников, но более того — обличить врагов царя, врагов государственного порядка, смутьянов, изменников, богоотступников. Патриарх выражает отношение Церкви к войску болотниковцев с решительной прямотой. О неприятеле, двигающемся к Москве, он пишет: «Царь… Василий Иванович… пошел на свое государево и великое земское дело против врагов креста Христова, которые изменники, воры, тати и розбойники, и холопы боярские, и казаки донские и Вольские[34], отступив от Бога жива и от православной христианской веры и крестное целование преступив разбойнически немилостивне церкви Божие оскверняют и кровь христианскую несытне проливают, и чужие имения грабят, и жены и дети насилуют, и хотят до конца разорити святую нашу православную христианскую веру и святые Божий церкви и с собою прельщают малодушных людей»[{145}].

Историкам послание Гермогена известно по тому его варианту, который был отправлен к Филарету, тогда еще не тушинскому «патриарху», а владыке Ростовскому. Гермоген велит разослать копии с грамоты по всей митрополии, а ростовскому духовенству во главе с Филаретом устроить молебен в соборном храме о прекращении междоусобной брани, царском здравии и победе государя.

Кампания 1607 года сложилась для государя успешно. Он взял Алексин и Тулу, а его воеводы нанесли болотниковцам поражение на реке Восьме. Особенно отличился на Восьме князь А.В. Голицын. Осенью дело бунтовщиков было проиграно окончательно.

В июне 1607-го Гермоген опять садится за перо, вновь пишет послание, извещая паству о победе царских полков. Патриарх сообщает о победе князя Голицына над болотниковцами. Он велит читать грамоту в соборных церквях, рассылать копии с нее повсюду, устраивать большие молебны о том же, что было в предыдущих грамотах, плюс еще о том, чтобы «люди б… государевы, которые вражиею прелестию ему, государю, изменили, пришли в познание и к нему, государю, обратилися». Гермоген возвещает: победа совершилась милостью сил небесных, ибо воинство Болотникова творило беззаконие и отступило от Господа[{146}].

Подавление болотниковщины — величайший успех русского государственного порядка в царствование Василия IV. Вторая половина 1607 года — апогей его правления. Казалось, близок конец Смуты, забрезжила надежда на покой, на переход к мирным делам восстановления страны от разрушений, произведенных кровавым вихрем. Солнце новой династии поднялось в зенит.

Роль святителя Гермогена в преодолении болотниковщины чрезвычайно велика. Его учительное слово подкрепляло дух городов, областей, полков, оставшихся верными Василию Ивановичу, а его обличения и проклятия отбивали охоту к измене у тех, кто примеривался — не присоединиться ли к мятежу.

Однако Смута, к несчастью, не прекратилась. После опасного промедления Москва разглядела нового врага — фальшивого «царика» в окружении польских и казачьих отрядов. Наконец, пусть и с опозданием — вынужденным ли, неизбежным ли — начинается борьба против Лжедмитрия II и его союзников. Первое время царские воеводы не имеют успеха в столкновениях с новыми мятежниками.

Но опаснее боевых поражений для царя Василия — новая шатость в умах, намного превосходящая всё то, что произошло при Лжедмитрии I. Теперь уже никто не верит в царственное происхождение Самозванца и тем более в его очередное «чудесное спасение». Ложный «царик» становится живым знаменем для всех тех, кто ищет простой, понятной, низкой корысти: взять Москву, разграбить казну, захватить руководящие посты, обогатиться, поставив под контроль государственные доходы. Никакого обмана или самообмана! Всё прозрачно: мерзавец во главе бунтовщиков, пришедших к столице вовсе не ради восстановления попранной справедливости, а лишь для того, чтобы набить кошели.

Те, кто не видит для себя иного способа возвыситься, те, кто обижен Шуйским или просто боится, что назавтра все чины, поместья, почести, пожалованные от его имени, превратятся в дым, «перелетают» из Москвы к тушинским «милостникам» фальшивого монарха. Их родичи остаются за спиной у государя Василия Ивановича: их интерес — предотвратить падение всего рода в условиях, когда исход титанической борьбы неясен. Какая-то часть рода окажется среди проигравших, зато другая будет в стане победителей. Авось те, что взлетят высоко, со временем вытащат из ямы тех, кто упадет глубоко.

Милость Лжедмитрия II переменчива. Он и сам во многом — фигура зависимая. Польско-литовские офицеры всегда могут принудить его то к одному решению, то к другому. Станет «царик» нехорош — и знатный человек, недавно прибывший из Москвы в его лагерь, опять «полетит» к истинному царю, а тот одарит, радуясь новому, хоть и совершенно не надежному стороннику-Василию IV повезло: хотя бы первоиерарх нимало не «шатался», но твердо держался государя. Гермоген не меняет своего отношения к тем, кто пошел против законного царя. Ему все равно, кто во главе войска — полководец мнимого монарха или сам мнимый монарх. Для него оба мерзки в равной степени. И он неоднократно обрушивается на армию «Тушинского вора» с проклятиями.

Одно из его посланий прямо обращено к ратникам Самозванца, а также мятежникам, поддерживающим его в самой столице: «Оставя веру, в ней же родишася, в ней же и крестишася, в ней же и воспитани быша… ныне безумнее всех явишася; оставльше свет — во тьму отпадоша, оставльше живот — смерти припрягошася, оставльше надежу будущих благ и безконечнаго блаженнаго живота и царства небесного — в ров отчаяния сами си ввергоша, и аще и живи, а отпадением от веры, паче же и от Бога, — мертви суть»[{147}].

Он призывает к покаянию, но сетует на жестковыйность тех, к кому адресует слова свои: все сроки прошли, когда они могли приступить к «исправлению ума», но по сию пору ничего подобного не происходит!

«Мы чаем, что здрогнетеся, и воспрянете, и убоитеся праведного и нелицемерного судии Бога, и к покаянию прибегнете, и у возлюбленнаго Богом царя государя отпущение винам своим испросите, — восклицает Гермоген, — Вы же не тако, но противно сему содеваете и отнюдь несть страха Божия пред очима вашима. Веру свою… в ней же родишася, и крестишася, и воспитани быша, и вся полезная от Бога и от християнских государей царей восприяша, — ту ж и разоряете, и святыя церкви и образы Божия обругаете, и сродственныя своя крови проливаете, и землю вашу хощете конечно пусту сотворити, забывше сия, яко с нами Бог и есьмы по милости его у него и с ним, и молитвы преславныя владычицы нашея Богородицы и

святых Божиих угодников помогают нам, и ангели наши хранители неотступно нас хранят, понеже не отступихом от Бога. Вы же всех сих благих отпадосте и чюжи бысте. И яко во мраце и тьме, и не яко во дни, но яко в нощи пребывание ваше. И несть в вас радости и веселия, но печаль, и плач, и воздыхание, и болезнь, понеже отпадосте от Бога, и не смеете призвати святаго имени его, понеже остависте (оставили. — *Д. В.)* Его, да Той и не послушает вас, понеже отвергостеся (отвергли. — *Д. В.)* Его и… востасте на веру, и на люди, и на вся любимая ему… Кого ни убьете с нашия стороны благословенных воинов — те все идут в небесное царьство, с мученики святыми в безконечную радость веселитися, и о сих мы радуемся и молим их о нас молити, дабы их молитвами и нас сподобил Господь с ними быти. А с вашия отпадшия стороны кто ни будет убьен или общею смертию умрет — тот во ад идет и во святых церквах приношения за таковых, по писанному, неприятна Богом и конечно отвержено и идут таковии без конца мучитися»[{148}].

Патриарх напоминает, что прощение еще возможно, однако его не обрести без нелицемерного раскаяния.

Другая его грамота времен борьбы с тушинцами содержит обещание: Гермоген берется лично просить у царя о милосердии для всех, кто решится отстать от дела Самозванца. О самом же Василии Ивановиче он пишет как о государе «милостивом» и «непамятозлобном»[{149}].

Когда патриарх не видел решимости к борьбе в самом царе, он укреплял державную твердость Василия Ивановича, обращаясь к нему во время проповедей. Одно из таких обращений пересказано на страницах Карамзинского хронографа. Оно прозвучало в то страшное время, когда отряды Лжедмитрия II после череды больших воинских успехов подошли к Москве. Страшно было вновь выходить на бой с ними. Царское воинство, усталое и разочарованное, не сохранило в сердцах желание победить. Сам государь, как видно, переживал тяжелое время: он мог лишиться власти со дня на день.

Тогда заговорил Гермоген: «Великий государь… молю тебя, приклони ухо твое и увеждь, коликая… пагуба содевается от безумных человек державе твоей!.. Тебе способствуют… всемирная заступница Владычица Богородица и московские чюдотворцы… таковое злодейство разорити!.. Есть воля Божия благочестивым делателям безумных человек обуздовать неразумия. Благодать Господня да будет с тобою. Хощет Бог… хищного волка, названного царьским именем Дмитреем, в руки твои предати. Та благодать Божия и тебя да спасет и избавит от лукавого многоплетейных сетей, яко же в первыя дни спасе праведных своих: Эноха от прелести совета исполинска и Ноя от вселенского потопа… и Лота от содомлян, и Моисея от фараона, и Давыда от Саула… Тако ж и ты, великий государь, буди Богом спасаем и соблюдаем от такого злого совета! Господь тебе… способствует… врагов своих побеждати за их злокозненное похищрение»[{150}].

Василий Шуйский собрался с силами, укрепил сердце и дал отпор мятежным ратям.

Итак, патриарх Гермоген в царствование Василия Шуйского действовал и как преданный его помощник, надежнейшая опора трона, и как самостоятельный политик. Царь — по своему политическому курсу — принял роль консерватора, охранителя; он мог уступить некоторые политические права и привилегии высшей аристократии, но только не революционному элементу, надвигавшему на Москву под знаменами «царя Дмитрия Ивановича». Патриарх еще более государя ратовал за сбережение старомосковского порядка, где Москва являлась «третьим Римом», «вторым Иерусалимом» и «домом Пречистой», где царь выполнял функцию высшего светского покровителя Церкви и оберегателя православия, где народ относился к монарху как к отцу, чья власть ограничена одной лишь Божьей волей.

Как при Василии IV, так и после него основной принцип политики Гермогена сводился к формуле: что хорошо для Бога и Церкви, то хорошо для русского народа и Московского царства. Никакие всплески бунтарства не получали его одобрения и получить в принципе не могли.

Мэтр исторической науки и замечательный знаток Смутного времени С.Ф. Платонов весьма категорично высказался по поводу реального влияния Гермогена на дела большой политики при Василии Шуйском: «Личный авторитет и личное влияние Гермогена в царствование Шуйского были ничтожны. Мятежный народ не раз брал патриарха “насильством” из Кремля… на свои изменничьи сходки. Толпа не только не повиновалась словам патриарха, но даже ругалась над ним… Бессильный перед толпою, патриарх был столь же бессилен и перед Шуйскими. Он не мог остановить ни гонений, ни казней… Хотя Гермоген, по словам Хронографа, впоследствии и начал враждовать с Шуйскими, однако же не видно, чтобы его оппозиция отразилась хотя бы в отдельных случаях на политике правительства Шуйских… Словом, бурное течение московских дел увлекало собою Гермогена не в том направлении, какого он сам хотел держаться»[{151}].

Принципиально иначе смотрит на роль патриарха при дворе Василия Ивановича С. Кедров. Он не раз подчеркивал в своем биографическом труде спасительность действий Гермогена для Шуйского и его сторонников. Кедров указывает на очевидные (и уже известные нам) вещи, мимо которых отчего-то прошел Платонов: святитель «грамотами и посланиями укреплял законную власть и порядок». Таковым было всё действо с Иовом и его публичным всепрощением. Оно касалось чуть ли не в первую очередь Шуйского — клятвопреступника по делу о Дмитрии Углицком и Самозванце. Далее, «тушинская агитация» против Василия IV не удалась «благодаря, главным образом, стойкости патриарха». И это бесспорный факт, а не преувеличение. Кто еще учительным словом мог тогда отбивать яростные наскоки тушинских пропагандистов? Чью работу в пользу государя московского можно назвать? Гермоген чуть ли не в одиночку противостоял действию «прелестных писем», разлетавшихся из лагеря Лжедмитрия II. Наконец, резюме Кедрова: «Гермоген стоял на стороне законнейшего царя и, хотя был ненавидим противной партией, но — насколько мог — отсрочивал его падение»[{152}].

Другой биограф Гермогена, А.П. Богданов, уверен, что действия патриарха иной раз оказывались спасительными для царя. Так, во время болотниковщины «грамоты Гермогена сыграли свою роль: Москва устояла, силы уравновесились, затем чаша весов качнулась в пользу Шуйского»[{153}].

Л.Е. Морозова высказывается еще радикальнее: «Именно благодаря Гермогену Шуйский продержался на троне четыре года… Будучи патриархом, Гермоген, считая Василия законным царем, убеждал в этом современников и “словом Божиим” не раз спасал Шуйского от гнева народа»[{154}].

Создается впечатление, что Платонов сетует о слабости Гермогена лишь по одной причине: патриарх оказывается не властен исправить ошибки Василия Шуйского да выпрямить всю кривизну его личности. Ученый опечален тем фактом, что сама оппозиция патриаршая не привела к каким-либо осязаемым результатам.

Но Гермоген-то силен был вовсе не в отстаивании «социальной правды» казачества и служилой провинции, вышедших под знаменами Болотникова. И уж подавно не имел он действенных рычагов прямого влияния на военные операции или дела международной политики. Духовный пастырь, а не «думный человек», не вельможа, не воевода, он мог вместе с государем удерживать царство от распада территориального и нравственного. И не только мог, но и

удерживал самым действенным образом на протяжении нескольких лет. Вот где сказалось его влияние, вот где видна его сила!

Сам царь, сознавая, до какой степени важна поддержка Гермогена, не выводил войска против болотниковцев, уже почти достигших Москвы, без патриаршего торжественного богослужения. Показательно свидетельство Хронографа: «Когда же угрожала царствующему граду Москве великая беда и нападение злых мятежников, тогда по благоговейному повелению царя Василия патриарх Гермоген со всем священным собором у гроба святого мученика царевича Дмитрия совершил молебен и воду освятил и кропил ею всех ратников, и честной покров святых мощей его вынесли к Калужским воротам. И так всех людей, выходивших в поход на врага, благословляли в тех воротах и осеняли их честным Животворящим Крестом Господним, им и вооружались на битву и бесстрашно выходили навстречу неприятелю. И так молитвами святого нового почестоносца Христова Дмитрия даровал Бог такую победу на врага, что ни один не был убит из благочестивого воинства, а врагов их и безбожных мятежников пало бесчисленное множество, а также многие живыми в руки попали; все же остальные и с предводителями своими бежали со срамом от стен царствующего града»[{155}].

То же самое, только другими словами, сообщает создатель «Вельского летописца»: «Царь Василей Иванович всеа Русии со всеми бояры своими, и со всеми ратными людьми служилыми, и со всеми жилецкими с московскими и с черными людьми посоветовав… пришел в соборную и вселенскую церковь ко Пречистой владычеце нашей Богородице и к московским чюдотворцом, со слезы прося милости у пречистые Богородицы, дабы избавила всех православных крестьян от толика вражия навоженья и от кровопролития междуусобного, и молебное пение звоном повеле служить. И по молебном пенье и по благословенью святейшего патреарха Ермогена Московского и всеа Русии отпустил от себя с Москвы царь Василей Иванович всеа Русии бояр своих и воевод со многими ратными людьми. И государевы бояре и воеводы вышедчи с Москвы со многими ратными людьми служилыми и вора Ивашка Болотникова побили, и взяли в Заборье казаков, осадили и приступом взяли, а иные здалися за крестным целованьем. А вор, заводчик Ивашко Болотников с того бою убежал ис-под Москвы со многими казаками и з зарецкими и северскими людми, и прибежал и сел в Колуге»[{156}].

Иной раз, кажется, духовное укрепление, исходившее от патриарха, становилось последней надеждой для царского воинства, павшего духом после многих неудач.

Что же касается беснования народных толп, то очень сомнительно, чтобы их действия являлись свидетельством в пользу слабости патриарха. Прежде всего, никакая толпа в Москве никогда не собиралась сама собою, без подстрекательства со стороны «сильных людей». Такого не случалось ни разу со времен Ивана Грозного по наши дни. «Скоп» всегда и неизменно является частью заговора. Так что у «народа» в каждом случае имелись поводыри. Они приводили якобы стихийно собравшуюся толпу в Кремль, выдергивали патриарха из его палат, а потом принуждали его осудить царя, дать духовную санкцию бунту. И что же? Как мог Гермоген проявить свою «силу»? Приказать немногочисленным патриаршим дворянам выйти против толпы, стрелять, рубить, умереть за него? Вот уж странное поведение для духовной особы! Зато способ, каким святитель все-таки показывал свое превосходство, достоин почтительного любования: никакая «толпа» никогда не добивалась от него исполнения планов злых ее вожаков. В положении «бессильного» Гермоген не бывал; напротив, вытащив старика на площадь, тайные лидеры бунта оказывались бессильны перед его твердостью. Народ смотрел на патриарха, слушал его речи, а затем начинал расходиться: не благословил святитель! Все кошели, набитые «чешуей» серебряных московских копеечек, ушедших на создание «скопа», оказывались опустошенными напрасно.

Вот характерный пример. Во времена противостояния Москвы и Тушинского лагеря против царя поднялось волнение, возглавленное знатными дворянами. И только твердая позиция патриарха дала Василию Шуйскому возможность устоять: «Князь Роман Гагарин, Григорий Сумбулов и Тимофей Грязной и иные многие пришли в Верх, к боярам, и начали говорить о том, чтобы царя Василия сменить. Бояре же им отказали и побежали из града по своим дворам. Они же [заговорщики] пошли к патриарху и взяли его из соборной церкви от [святительского] места и повели его на Лобное место. Он же, как крепкий адамант, утверждал [правду] и заклинал [их], не ведя на такую дьявольскую прелесть прельщаться. И пошел патриарх на свой двор, они же послали за боярами; и бояре отнюдь к их дьявольскому совету не поехали, один к ним приехал боярин князь Василий Васильевич Голицын. Из полков же бояре, собравшись, пришли к царю Василию. Те же [заговорщики] с Лобного места пришли с шумом к царю Василию. Царь же Василий вышел против них мужественно, не боясь убийства от них. Они же, видя его мужество, ужаснулись, и побежали от него все из города, и отъехали в Тушино человек с триста. Царь же Василий в Москве с боярами, осаду укрепив, сел в осаде»[{157}].

Другой бунт пришелся на период жесточайшей борьбы со Лжедмитрием II. Он вспыхнул во второй половине февраля 1609 года, «на сыропустную субботу».

Сам Гермоген подробно описал столкновение с разгневанной толпой, принудившей его к диспуту на Лобном месте.

Зачинщики волнений принялись выкрикивать обвинения в адрес Василия Ивановича: «Он тайно убивает и бросает в воду нашу братию, дворян и детей боярских, не щадит жен их и детей! Убил уже тысячи с две!» Поскольку слухи о чудовищных жестокостях Василия Шуйского, очевидно, имели под собою мало правды, патриарх спокойно ответил: «Как такое можно утаить!» Но те не переставали волноваться. Тогда он спросил: «Хорошо же, назовите, когда и кого коснулась эта пагуба?» Толпу взяла оторопь: сколь ни силились, а никого вспомнить не могли. Не то что две тысячи, а хотя бы одну-единственную жертву тайных казней… Сбавив тон, оппоненты Гермогена все же попытались продолжить дискуссию: «Ну… это вот только сейчас такой приказ вышел: наших — топить! Мы против него и собрались». Святитель поинтересовался: «Кого ж ныне топить повели?» Он услышал смущенный ответ (назвать-то некого): «Мы как раз за ними послали, возвращать. Сами потом их увидите…» Лидеры волнений, переменив тему, взялись ругать царя, но ничем своих укоризн подтвердить не могли, «ничто бо в их речах обрелося праведно, но все ложно». Отбив первую атаку, Гермоген встретил грудью и вторую. Зачинщики достали откуда-то «прелестную» грамотку, писанную тушинцами для москвичей. Там говорилось: «Князя… Василья Шуйского одною Москвою выбрали на царство, а иные де городы того не ведают. И князь Василей де Шуйской нам на царстве не люб, и его де для кровь льется и земля не умирится. Чтоб де нам выбрати на его место иного царя!» Гермоген легко отвел удар: «Дотоле Москве ни Новгород, ни Казань, ни Астрахань, ни Псков и ни которые городы не указывали, а указывала Москва всем городом. А государь царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии возлюблен, и избран и поставлен Богом, и всеми русскими властьми, и московскими бояры, и вами, дворяны, и всякими людьми всех чинов, и всеми православными християны. Да и изо всех городов на его царьском избрании и поставлении бьии в те поры люди многие, и крест ему государю целовали вся земля, что ему государю добра хотети, а лиха и не мыслити». Иными словами, святитель напомнил: за царя — Церковь, боярство, дворянство московское, которые ныне, забыв о собственной присяге, вышло буянить; за царя высказались и выборные люди из городов. Видно, хоть и не Земский собор утверждал кандидатуру Шуйского на престол, но кое-каких представителей из городов собрать успели. Гермоген намекал: ну а те города и земли, где крест Василию Ивановичу не целовали, имеют ли право указывать прочим? Его оппоненты не

унимались. Они пеняли Василию IV: из-за него-де «кровь льется и земля не умирится». О, нет! — отвечал патриарх, — не того государя волею столь ныне худо Руси! Сам Царь Небесный попустил ей многие страдания: «Своими живоносными усты рек Господь: “Возстанет язык на язык и царство на царство, и будут глади, и пагубы, и трусы[35]”, — ино все то в наших летах исполнил Бог, да и ныне исполняет слово Свое». Ради чего голод, мор, нашествие иноплеменников, междоусобная брань и прочие беды обрушены теперь на головы русских? Они встали на «царствующих», — объяснил Гермоген. Зачинщики, исчерпав аргументы, сделались неинтересны толпе. Вместо бурной борьбы, вместо доброго согласия с духовной властью она увидела лишь невнятные словопрения, в коих вожди ее оказались слабее патриарха. Люди начали разъезжаться: «…иные в город, иные по домом поехали, потому что враждующим поборников не было и в совете их к ним не приставал никто. А которые и бьии немногие молодые люди — и оне им не потакали ж, и так совет их вскоре разрушился»[{158}].

Порой выходило так, что патриарх с духовенством решал проблемы, с коими царю справиться не удалось. Так, выше уже говорилось о голоде в осажденной тушинцами Москве и о ценах на хлеб, искусственно задранных торговцами. Василий ГУ очень долго не мог освободить дороги, перекрытые неприятелем, для свободного притока продуктов в столицу. Не мог справиться и с непокорными продавцами зерна.

Тогда за дело взялся Гермоген. Как столп Церкви, он начал с проповеди в Успенском соборе, обращенной к народу «всякого чину», специально созванному по такому случаю. Патриарх «много поучая, дабы в любовь и в соединение тех привести и на милосердие превратить». Потом царь молил всех от вельмож и до простых людей, чтобы на торгу всенародном продавали всяко зерно «во едину цену и не возвышали цены и сильнии имением не закупали б на много время и не оскудевали маломощных». В ответ послышалось: «Ни, царю праведный! Ни, владыко святый! Вси не имамы чрез потребу, но токмо на мало время».

Тогда святитель решает действовать с помощью духовенства и подает царю совет обратиться за помощью к монастырским властям. Они призывают к себе келаря Троице-Сергиевой обители (одной из богатейших в России), инока Авраамия Палицына, и дают распоряжение: «Елико убо имаши жит в житницях чудотворцовых, продаждь от сих на купилищи всенародном малейшею ценою». Келарь продает 200 мер зерна по указной цене. Сам он потом будет с иронией вспоминать: «Житопродавцы… зелне гневахуся и оцепеневаху. Слышано бо бысть им, яко вся запасная сокровища великаго чюдотворца распродавати и на долго время прострется обнижение цене и бедам их велик убыток будет. Добрейши же начашя спускати цену…» Мера, придуманная патриархом, имела ошеломляющий, но временный эффект. Впоследствии зерноторговцы опять повышают цены — горше прежнего. Гермоген и Василий IV желают прибегнуть к испытанному средству — распродаже хлеба из закромов Троице-Сергиева монастыря. Но тут келарь принимается возражать: а чем тогда питаться самим инокам? Царь обещает: если цены вырастут даже в десять раз по сравнению с нынешними, он будеть «питать» троицких иноков на казенные средства. На рынок уходит еще 200 мер зерна. «И паки бысть радость миру и болезнь житопродавцем»[{159}].

Таким образом, Гермоген вовсе не являлся второстепенной фигурой на доске большой политики. Он имел влияние на дела и проявлял, несмотря на изрядный возраст, большую энергию в решении практических проблем.

Общие слова Хронографа о неприязненных отношениях, установившихся между царем и патриархом, получат развернутое объяснение ниже, в начале следующей главы. Однако прежде стоит задаться вопросом: та «вражда», о которой пишет С.Ф. Платонов, могла, конечно, повлиять на личный авторитет Гермогена и его возможности вмешиваться в крупные

политические проблемы, но в каких конфликтах она проявилась на практике? И какие последствия имела для диалога между царем и святителем? Речь идет не о столкновении характеров, а о конкретных действиях, предпринимаемых Василием ГУ и Гермогеном.

Источники донесли до наших дней только одно прямое и ясное известие о конфликте государя с главой Церкви[36]: «Царь… Василий начал советоваться с патриархом Гермогеном и с боярами, как бы ему совокупиться законным браком. Патриарх же молил не сочетаться браком. Царь же Василий взял за себя боярина князя Петра Буйносова дочь царицу Марию»[{160}].

В октябре 1607 года закончилась эпопея с осадой Тулы, к концу месяца или, может быть, к началу следующего Василий Иванович вернулся в Москву. Отгремели праздничные пиры, и тогда, очевидно, встал вопрос о браке. Скорее всего, заседание Боярской думы, на котором присутствовал и Гермоген, состоялось не позднее ноября 1607-го.

Для Василия Ивановича брак был исполнением мечты и, кроме того, делом насущно важным для утверждения новой династии. В 1607 году ему исполнилось 55 лет. Первая его супруга, княжна Елена Михайловна Репнина, ушедшая из жизни давно-давно, не оставила мужу наследников. Позднее обзавестись потомством мешал прямой запрет царя Бориса Федоровича, затем — перипетии политической борьбы. Наследником Василия Ивановича являлся его старший брат Дмитрий. Но он, очевидно, не слишком подходил для этой роли. В русскую историю он вошел как антигерой: трус, скверный воевода, проваливший важнейшие военные предприятия. Кроме того, Дмитрий Иванович был женат на крайне худородной дочери Малюты Скуратова — опричного фаворита времен грозненского царствования. Такой преемник, скорее всего, привел бы династию к падению… Царь желал иного: родить собственных детей, дабы им передать престол. Теоретически ничего невозможного в том не было. Доживи он до семидесятилетия, удержи престол, и дети его оказались бы самыми лучшими, самыми очевидными наследниками. Помимо того, брак царя, заключенный сразу после военного триумфа — разгрома болотниковцев, — выглядел уместно. В глазах подданных он как бы продолжал серию успехов государя, выглядел новым его достижением. А рождение сына восприняли бы как еще одно обстоятельство в его пользу…[37]

Всё логично, всё на месте… Но почему же тогда Гермоген выступил против? Неужели он подошел к делу как строгий моралист, осудив брак пожилого человека и юной красавицы? Не увидел надобности совершать брачное таинство ради одних лишь династических удобств?

Вряд ли.

Гермоген по натуре своей, по опыту своему — человек с хорошо развитой практической жилкой. Он видел другое: рано обрадовался царь Василий, победа над повстанцами вышла далеко не полной. Надо бы царю направить освободившиеся полки из-под Тулы на Стародуб, Орел и прочие города, где закрепились приверженцы Лжедмитрия II. И лучше бы сам монарх приглядел за своими воеводами. Лично. Со всей твердостью и требовательностью, на какие он только способен.

А тот вместо нового похода занялся свадебными торжествами…

Свидетельство одного из хронографов XVII века наводит на мысль о беспечности Василия Ивановича, за которую, видимо, и укорял его Гермоген: после взятия Тулы царь «пошел к Москве со своими государевыми бояры… и со всеми московскими людьми, а городы замосковные… и рязанцев велел всех отпустить по домам. И пришел к Москве с радостию великою, что врагов изменников своих победил. И всемилостивому Спасу и Пречистой

Богородице… и московским чюдотворцом Петру и Алексею, и Ионе… хвалу воздал и молебная совершал. А на Москве был в то время святейший Гермоген, патриарх Московский… А *Северские городы в те поры были в измене, в воровстве, царю Василию не добили челом… И царь Василий Иванович под те городы — под Путивль и под Брянеск, и под Стародуб не послал, пожалел ратных людей, чтоб ратные люди поопочинули и в домах своих побыли* (курсив мой. — *Д. В.).* И того же 116 году[38] в великий мясоед царь Василий… браку совокупися… Того же году после радости своей царь Василий Иванович послал по зимнему пути на северские города бояр своих и воевод…»[{161}]. Послал князя Д.И. Шуйского, князя В.В. Голицына, князя Б.М. Лыкова. Стоит запомнить: «после радости своей», то есть после брачных празднеств. А пока они длились, Лжедмитрий II постепенно усиливался.

Прав ли был Гермоген, пеняя царю на его нераспорядительность?

На этот вопрос нет однозначного ответа.

С одной стороны, никто не мог предположить, до какой степени опасным сделается Самозванец, окруженный невеликой компанией других авантюристов. Никто не мог предсказать, что к его бойцам присоединятся весьма значительные подкрепления из Польши, Литвы, с казачьих окраин, превратившие горсть банд в настоящую армию. Лжедмитрий II выглядел не столь уж серьезным врагом, особенно после разгрома страшной болотниковщины. До поры до времени с ним справлялись воеводы, располагавшие относительно небольшими силами. Государевой армии не требовалось. Да и как ее поднять на новое большое дело, если она провела много месяцев в походах и боевых действиях, истратила провизию, утомилась, понесла тяжелые потери? Служилые люди, вышедшие в поле, — не железные. Василий Шуйский, как опытный полководец, прекрасно понимал: заставь усталые, поредевшие полки воевать по осенней мокреди, и они назавтра начнут разбегаться… У государя имелись очень серьезные резоны распустить воинство.

Но с другой — Гермоген понимал кое-что, не доступное разумению Василия Ивановича. Бывший казак гораздо лучше, чем бывший воевода, представлял себе, сколь быстро распространяется пламя казачьей вольницы, если не сдерживать ее железной рукой. Если дать ей бесконтрольно расти хотя бы несколько месяцев, то на месте костра возникнет пожар. А за спиной Лжедмитрия II стояло, среди прочего, мятежное русское казачество, да и пришельцы из Речи Посполитой не слишком от него отличались. Быть беде!

Патриарх пытался повлиять на Василия IV, но ничего не добился. А полгода спустя Лжедмитрий вырос мрачным призраком у стен Москвы.

Да, в этом случае святителю не удалось добиться решения вопроса по его воле. Но ведь никто и не утверждает, что отношения Василия Шуйского и Гермогена имели вид полнейшей безоблачности. Такое вообще редко случается в делах большой политики. Нормой, думается, надо считать иное положение вещей: идет постоянный диалог между светской властью и духовной; духовная время от времени предлагает свои проекты решения неких чисто политических проблем за пределами вопросов вероисповедания; светская власть не обязательно принимает их (у нее могут на то быть резоны, неизвестные Церкви), но неизменно со вниманием прислушивается к голосу первоиерарха; иногда он отступает, а порой добивается своего.

Гермогену удавалось, даже имея позицию, диаметрально противоположную царской, получать от Василия IV положительное решение.

Такое произошло, например, в связи с осадой Троице-Сергиевой обители, чье зерно спасло

москвичей от голода. В 1608 году войска тушинцев обложили монастырь, приступали к нему с боем, потом наладили плотную блокаду. Что такое Троица для Василия Шуйского? Мощная крепость неподалеку от Москвы, одна из многих. Что такое Троица для Гермогена? Средоточие величайших святынь, дом преподобного чудотворца Сергия. Разумеется, патриарх мыслит иными категориями и видит со своей горки лучше государя: отдать такую твердыню духа бандитствующим войскам Самозванца означает подрубить корни веры в душах русских людей. Более того — не совершить того, в чем Господь будет первым и сильнейшим помощником…

Государевы воеводы не могут да и не хотят, видимо, оказать монастырю действенную помощь. Им кажется, что сил едва хватает для защиты самой Москвы. Из обители в столицу тайно пробирается гонец от настоятеля Иоасафа: без воинской поддержки монастырь падет! Василий Шуйский обещает послать людей, но на практике не делает ничего, его слишком занимает положение дел под стенами столицы. Тот же келарь Авраамий Палицын идет с молением к братьям царя, однако и те оставляют его просьбу безответной. Тогда он бросается к патриарху. Гермоген созывает Освященный собор и от лица всего русского духовенства заявляет Василию IV с громом в голосе: «Аще, царю, взята будет обитель преподобнаго, то и весь предел Российский до Окиана моря погибнет; конечне же Москве теснота будет!»[{162}] Это не объяснение, это требование. Притом требование, поданное публично, в исключительно неудобных для царя условиях. Василию IV жалко людей, у него каждый ратник на счету, но главе Церкви в таких обстоятельствах нельзя отказывать. Монарх все-таки отряжает 60 казаков во главе с атаманом Суханом Останковым и дает им 320 килограммов казенного пороха. Казаки отправляются 15 февраля 1609 года. Для истекающей кровью Москвы 60 бойцов — отнюдь не мелочь.

Летопись и документы времен Василия IV показывают, что государь постоянно приглашал патриарха для совместного обсуждения крупных дел, интересовался его мнением, поддерживал тот самый диалог, о коем говорилось выше.

Например, большой поход Василия Шуйского под Тулу (1607) начался с общего совета царя, патриарха и Боярской думы. Лишь посовещавшись «с патриархом Гермогеном и с боярами», Василий Иванович принял окончательное решение отпустить бывшую жену Лжедмитрия I Марину и ее отца Юрия Мнишка в Литву (июль 1608-го). Получив осенью 1609-го известие от Елизария Безобразова, гонца М.В. Скопина-Шуйского, о скором прибытии последнего на подмогу осажденной Москве, государь первым делом сообщил об этом патриарху; «патриарх же начал петь молебны и по всем церквям повелел петь молебны со звоном»[{163}]. Весной 1607 года Василий IV призвал на заседание Боярской думы Гермогена и весь Освященный собор для решения вопроса общегосударственной важности. Собравшиеся слушали доклад Поместного приказа («Поместной избы»), «что… переходом крестьян причинялись великиа кромолы, ябеды и насилия немосчным от сильных, чего-де при царе Иване Василиевиче не было, потому что крестьяне выход имели вольный; а царь Федор Иванович, по наговору Бориса Годунова, не слушая советов старейших бояр, выход крестьяном заказал и у кого колико тогда крестьян где было книги учинил, а и после от того начались многие вражды, кромолы и тяжи [суды]. Царь Борис Федорович, видя в народе волнение велие, те книги отставил и переход крестьяном дал, да не совсем, что судии не знали, како по тому суды вершити. И ныне чинятся в том великие разпри и насилиа, многим разорения, и убивства смертные, и многие разбои, и по путем грабления содеяшася и содеваются»[{164}]. Итогом совещания стал ввод нового чрезвычайно важного документа — «Уложения о крестьянах и холопах»[39].

В итоге надобно оставить мнение С.Ф. Платонова о политической слабости Гермогена, ибо не находится ему сколько-нибудь серьезных подтверждений.

Многое в судьбе Гермогена связано с историей Василия Шуйского. Жизнь и деяния двух незаурядных личностей переплелись неразрывно. Однако помимо трудностей и печалей борющегося со Смутой царя у святителя хватало иных забот. Прежде всего, он, блистательный миссионер, получил ни с чем не сравнимые возможности развить духовное просвещение в Русской церкви.

Вся охранительная работа Гермогена, связанная с предотвращением политического краха, уступает, быть может, по практической пользе, его действиям в области просвещения. Тут он оказался в родной стихии. Тут всякий новый шаг приносил ему радость.

Не то что — писать грозные послания о врагах царя, изменниках и душегубах…

Кровавые повороты Смутного времени когда-нибудь исчерпаются, уйдет война, уйдет боль, зарастут шрамы на теле Русской цивилизации, а книги, созданные по воле Гермогена, останутся и еще послужат высокой культуре отечества.

Именно при нем появилось новое «превеликое» здание Печатного двора на Китай-городе, именно при нем на Печатном дворе работали блестящие книжники Анисим Радишевский, Иван Невежин и Аникита Фофанов, именно при нем печатникам установили новое оборудование[40]. В патриаршество Гермогена из стен Печатного двора вышли: «Минея общая», четыре месячные Минеи (с сентября по ноябрь и часть декабря), а также устав «Око церковное»[41]. Кроме того, печатники выпустили две книги, работа над которыми началась до патриаршества Гермогена, а при нем лишь была доведена до выхода тиража: богато украшенное напрестольное Евангелие 1606 года и Триодь постную 1607 года.

Особого внимания заслуживает судьба Устава (Типикона), изданного в 1610 году. Он потребовал поистине титанического труда! Его готовили более трех лет. До «Ока церковного» московские типографы не тратили столько времени ни на какое издание.

Однако впоследствии в Уставе отыщут ошибки, сочтут его не вполне каноничным и принудят изъять из церковного обращения. Печальный финал книги бросает тень и на святителя Гермогена: он имел обыкновение просматривать то, что готовили к тиражированию печатники, давал благословение далеко не сразу, а с разбором; так неужели он, человек высокой книжной культуры, ошибся?

Неточности в Уставе есть. Однако их наличие обусловлено отнюдь не злонамеренностью или невежеством помощников святителя[42] и, разумеется, не его небрежностью, а окружавшей весь цикл работ чудовищной обстановкой. Издание, огромное по объему, новаторское для России, прежде никогда не выходившее из печати, подготавливалось в прифронтовом городе. Всех тонкостей учесть не могли.

Но, во-первых, книга все-таки послужила какое-то время нуждам русского духовенства и к ней относились безо всякого подозрения, безо всякой критики.

Во-вторых, она дала тот фундамент, на котором позднее составлялись уже исправные варианты церковного Устава.

Наконец, в-третьих, сама «неполная каноничность» Устава в наши дни отчасти объяснена внутрицерковными столкновениями XVII века, не имеющими к содержанию «Ока церковного» никакого отношения. Ряд «ошибок», найденных в Уставе, является плодом конкуренции разных подходов к книжной справе того времени. Ныне каждая из них нуждается в изощренном богословском анализе, и лишь после этого можно будет с уверенностью сказать,

действительно ли допущен просчет… или же просчет имелся в критике Устава.

Что же касается конфликта, вызвавшего суровое осуждение логгиновско-гермогеновского Устава, то о нем с большим знанием дела высказался протоиерей Георгий Крылов: «Славянские Типиконы не издавались до этого времени, а в югославянских землях не публиковались и позже — книга… принадлежит к числу “избыточных” и не является книгой “первой необходимости”, без которой богослужение не совершить. Однако совсем иначе отнеслись к Уставу в Московской Руси — он воспринимался средневековым русским сознанием как структурная основа богослужения вообще… Впервые подобный подход был предложен Патриархом Гермогеном. Отсюда и патриарший “заказ” на Око Церковное. Предполагалось не просто переиздать один из рукописных Типиконов… но опубликовать принципиально новый Устав, объединяющий и систематизирующий многочисленные разрозненные рукописные указания… Это первая “авторская” богослужебная книга. Ее составителем и редактором является Логгин Шишелев Корова, головщик и уставщик Троице-Сергиева монастыря. Вероятно, выбор на нем остановил сам Патриарх. Для издания подобного уровня требовался знаток богослужебного устава и книжник…» Несколько лет спустя между справщиками (редакторами Печатного двора) возник конфликт при подготовке иного издания. Двумя персонами, вовлеченными в него, стали уже упомянутый Логгин и настоятель Троице-Сергиевой обители преподобный Дионисий Зобниновский. В 1612 году преподобному Дионисию была поручена справа Потребника, однако «итоговые тексты и сами принципы справы не были приняты соотечественниками, и коллектив справщиков осудили “за ересь” и наказали. Одним из главных обличителей “ереси” стал авторитетный уставщик Логгин, который мог испытывать личную неприязнь к игумену. Конфликт можно интерпретировать как столкновение “консервативной” и “модернистской” концепций. Логгин опирался на опыт благоговения и авторитет древности (правда, не во всем) и представлял консервативную позицию. Преподобный Дионисий был прогречески настроенным “модернистом”, о чем говорит сформированное им богословие справы. Принципы справы преподобного Дионисия, во-первых, не изучены, а, во-вторых, во многом тенденциозно и неверно освещены в курсах по истории… Исследования показывают, что систематической сверки с греческими источниками справщиками не производилось, почти вся справа основывалась не на греческом оригинале, а на сторонних богословских выкладках, с современной точки зрения весьма примитивных. Новым было мировоззрение справщиков, определявшееся непривычным сверхкритичным отношением к сакральному тексту, над которым ставился научный критерий проверки его правильности (подобное отношение будет характерно для Нового времени). Именно с этим подходом никак не могли согласиться “консерваторы”. Осуждение лаврского игумена показывает меру средневекового благоговения по отношению к сакральному слову». Однако позднее «дело игумена Дионисия» было пересмотрено. К тому времени Логгин уже покоился в земле, и пострадало его творение — Устав 1610 года[{165}].

По поводу участия Гермогена в работе над Житием нового чудотворца — царевича Димитрия Ивановича — идут споры. Некоторые историки уверены: Гермогену принадлежала инициатива его составления или даже авторство; другие ставят под сомнение даже первое[{166}].

Он же, совершенно определенно, создал «Слово об обретении мощей митрополита Алексея»[{167}]. Там святитель дает описание чуду, случившемуся при митрополите Фотии и великом князе Василии П. Произошло обрушение в храме Чудова монастыря, притом во время литургии; при расчистке места под строительство новой церкви «нашли тело блаженного Алексия, целое и невредимое, и не истлевшие одеяния его». Когда воздвигли новую церковь, мощи переложили в раку в Благовещенском приделе, после чего начались обильные исцеления от них. Гермоген рассказывает о восьми чудесах, связанных с мощами святого Алексия[{168}].

Гермоген написал также «Послание наказательное ко всем людям, паче же священникам и дьяконам, об исправлении церковного пения», где высказался против многоголосия в церковном пении[169]. «Послание наказательное…» — одно из центральных произведений в творчестве патриарха как духовного писателя, на нем стоит остановиться подробнее.

Гермоген выступает прежде всего как ревнитель твердого следования церковным правилам. В первую очередь он порицает духовенство, позволяющее себе послабления: «Священным мужам… церковные правила твердо и непоколебимо поведено соблюдати; аще ли не брегут о порученном им деле, в конечную пагубу себя влагают…» Патриарх прямо обращается к иереям и знатокам богослужения из числа прихожан: «И только… будет тако делаться небрежением вашим во святых Божиих церквах, страшен ответ за сие вам дати в день Суда Христова… не без истязания же и тии будут, котории прихожане, знающи Божественная Писания, попущают вам такое неисправление творити и Бога гневити, а котории на то поощряют вас, тии месть равну с вами примут». Святитель укоряет в исполнении на службах церковного пения на два, три и даже пять-шесть (!) голосов, в «недоговаривании» служб, в произвольных перестановках во время богослужения. Призыв Гермогена прост и прям: «И вы, господие и братие, освящении мужие, иноцы и мирстии, о сих всех порадейте от всея души и с прилежанием, говорите согласно со святыми отцы всякое пение во един глас, а в два и три никако не говорите, прочее пойте по уставу, за что бы чаяти милости от Бога получити и от нынешних великих бед освободитися»[170].

Гермоген заботился о восстановлении древних служб. При нем появился перевод с греческого языка полной службы апостолу Андрею Первозванному, восстановлена была традиция торжественно праздновать память святому Андрею в Успенском соборе.

Святитель возобновил летописание на Московской патриаршей кафедре.

«Летописец» гермогеновых времен по сию пору не обнаружен, однако его существование несомненно. Сам Гермоген в одном из посланий 1609 года сообщает о ведении летописи в его патриаршество и о собственном распоряжении, отданном летописцу. Москва сотрясалась тогда от волнений, направленных против Василия IV. Одно из них, после диспута заговорщиков с патриархом, закончилось чудесно — скорым распадом злонравного «скопа». Гермоген велит, ради «научения» потомков, зафиксировать в летописи вмешательство Господа, рассеявшего толпу: «И преславно Божиим праведным судом те враждотворцы сами от Бога в мгновении ока месть возсприяша и разоришася, ни от кого, но сами от себя. Маломощна бо крепость земнородных, Бог же великомощен, и кто убо может противитися силе его, понеже той един владеет царством человеческим и ему же хощет — дает его… И то чюдо в летописцех записали мы, да… прочий не дерзают таковых творити»[171].

Вероятно, летописный памятник, составлявшийся при Гермогене, отразился в более поздних произведениях.

А.Н. Насонов высказал предположение: «Следы его надо искать в Хронографе 2-й редакции, в части до 7118 (1609) г. включительно». Я.Г. Солодкин уверен, что во многих статьях «Нового летописца» использованы летописные заметки из этого произведения. С его точки зрения, «“Летописец”, который велся Гермогеном или под его наблюдением, а после ареста и смерти этого “нового страстотерпца” мог быть продолжен неким лицом из патриаршего клира, допустимо отнести к повествовательным источникам обширной “книги о выслугах и изменах”, сложившейся в придворных кругах незадолго до кончины Филарета, в частности, глав, отражающих судьбу “апостолообразного” патриарха»[172].

Не столь много времени досталось Гермогену на созидание, на творчество. Удивительно, как

много он успел, действуя в условиях кровавых мятежей, всеобщей розни и озлобления!

Помимо просветительских трудов само пребывание на патриаршей кафедре обрекало Гермогена постоянно, изо дня в день, заниматься административной работой. Глава Русской церкви — это ведь не только пастырь в самом высоком значении этого слова, не только большой политик и не только персона, получившая превосходные инструменты для распространения на Руси «винограда словесного», это еще и управленец, загруженный чудовищным объемом «текучки».

До наших дней дошло не столь уж много известий об этой стороне его деятельности. Но кое-что известно.

Так, весной 1607 года святитель благословил строительство новой Никольской церкви в селе Чернышеве Костромского уезда. Прежний храм запустел «от черемисских людей войны». Сын боярский Афанасий Иванович Селиванов бил патриарху челом о возведении нового здания и получил от него антиминс, а также разрешение освятить церковь, когда строительные работы закончатся{173}.

В начале патриаршества Гермоген должен был подтвердить множество разного рода грамот, выданных его предшественниками. Среди прочего он дал подтверждающую запись на «ставленую грамоту» патриарха Иова Митрофану Иванову в попы города Хлынова от 7 апреля 1594 года{174}. 9 февраля 1607 года Гермоген «слушал» игумена Арзамасского Спасо-Преображенского монастыря с братией и подтвердил «несудимую» грамоту патриарха Иова, выданную обители в 1594 году{175}.

7 февраля 1610 года Гермоген выдал «жалованную ставленую грамоту попу Ермолаю Иванову сыну на протопопство в соборной церкви Рождества Христова в Костроме»{176}.

29 июня 1610 года патриарх отправил в Ярославль грамоту. В ней святитель отвечал на длинное письмо о чудесах, происходивших от списка с чудотворной иконы Божией Матери Казанской, перешедшей в лихолетье из Романова в Ярославль. Для Гермогена всё, что связано с прославлением этого образа, имело особенное значение, было близко и дорого. По словам патриарха, царь Василий Иванович советовался с ним; совместным решением определено: оставить в Ярославле образ, от которого происходили чудеса, «тут ему и впредь быть неподвижно»; сделать с него список или «выменяти таков же Пресвятыя Богородицы образ»[43], сделать ему дорогой оклад и «отпустить тот образ честно со всем прикладом в Романов и поставить его в церкви, где прежде стоял чудотворный образ Пречистыя Богородицы Казанския». Кроме того, ярославскому духовенству, дворянам, купцам, посадским людям и «всем православным христианам» велено собраться в девичьей Богородичной обители, выросшей вокруг иконы, чтобы пением молебнов воздать хвалу «в Троице славимому Богу и чудотворному образу Пресвятая Богородицы Казанския за неизреченныя Ея ко граду Ярославлю… милостивныя призрения и за преславныя Ея чудеса», молиться о «благосостоянии святых Божиих церквей и о мире… и о устроении земном и тишине, и умножении плодов земных и о многолетном здравии благовернаго и христолюбиваго государя… Василия Иоанновича… и обо всем христолюбивом воинстве, и о всем христианстве»{177}.

Два катастрофических пожара, нанесших русской столице неисчислимый урон, — 1611 и 1626 годов — уничтожили большую часть центральных архивов. Притом в равной степени досталось светским и церковным хранилищам документов. Поэтому деятельность Гермогена как администратора освещена весьма скупо: грамот, раскрывающих эту грань его личности, до

наших дней дошло крайне мало. Однако поиск в современных архивах документов, связанных с трудами святителя, может дать богатые находки. Ведь значительное число патриарших бумаг расходилось по провинции. Там они могли сохраниться.

При всей лихорадочной деятельности Василий IV не имел достаточно средств к тому, чтобы унять Смуту и обезопасить державу от новых самозванцев. Почти всё правление его оказалось потраченным на подавление мятежей.

Причины к тому можно назвать разные.

С одной стороны, современники укоряли государя — трудно сказать, до какой степени справедливо, — в жестокости и вероломстве, проявленных ко враждебным персонам после восшествия на престол. Будто бы царь мстил им, разорял, отсылал на дальние службы, даже убивал, хотя клялся проявлять миролюбие. Василий Иванович ангельским характером никогда не отличался. Возможно, при начале правления он расправился с кем-то из самых опасных фаворитов Лжедмитрия I. Но масштаб этих его действий вычислить невозможно. Вероятнее всего, они имели единичный характер, а молва раздула свирепость царя до небес: источники не называют ни одной крупной персоны, казненной в ту пору. Нельзя исключить и того, что казней вообще не случилось: царь едва-едва удерживал престол в городе, постоянно сотрясаемом волнениями; откуда бы у него взялись силы и решимость для столь радикальных действий?! Вроде бы Василий Иванович утеснял семейство Нагих, а также князей В.В. Голицына и И.С. Куракина. Странное же то было «утеснение»! Все перечисленные деятели сохранили свое положение при дворе и Боярской думе. Один М.Ф. Нагой потерял чин конюшего, полученный им из одного лишь фальшивого родства с Самозванцем… Лишь осенью 1606-го, под давлением московского посада, государь вынужденно объявил несколько опал: «Народ домогался того, чтобы все бояре, возвысившиеся при Димитрии, или расстриге, были казнены, хотя они были невинны, и к числу их принадлежали: Михаил Татищев и Афанасий Власьев, отправленный в Польшу за невестою. И хотя вельможи просили за них, но это не помогло утишить народ: многих пришлось для виду отправить в опалу или ссылку. Афанасия и Никиту Годунова отправили в Казань, [город] при реке Каме (Cham), Михаила Татищева отправили в Новгород, а прочих в другие места»[{178}]. Боярин Глеб Салтыков получил непочетное назначение в Ивангород. Таков предел «ужасов» и «расправ», творившихся в ближайшие месяцы по воцарении Василия Шуйского. Позднее государь повел себя с гораздо большей суровостью, но и подавлять ему приходилось не глухой ропот, а открытое вооруженное сопротивление.

С другой стороны, кипение русского общества не прекращалось и по причинам, никак не связанным с личностью очередного монарха.

Прежде всего, «кипящий котел» постоянно подогревался извне. Польско-литовская шляхта видела в продолжении русской Смуты превосходный инструмент для получения политических выгод. Установление прочного порядка ставило ее лицом к лицу с единым сильным государством. А междоусобие позволяло надеяться на территориальные приобретения или, если повезет, на полное подчинение когда-то могучего соседа. Вскоре после того, как пал первый Самозванец, за пределами России начали раздумывать о состряпывании второго.

Но хватало в русском доме и внутренних трещин.

Крайне угнетенное состояние крестьянской массы заставляло ее приходить в движение. Земледельцы в поисках лучшей доли покидали села и деревни, нападали на своих вотчинников и помещиков, подавались в казаки. Ничто не ослабляло утеснения, вынужденно предпринимаемого правительством в отношении крестьян. Но теперь они нередко

предпочитали восстание и смертельный риск терпению и размеренному быту прежней жизни.

Недовольство испытывало и военно-служилое сословие. Провинциальное дворянство было прочно заперто на нижних ступенях служилой лестницы. Никакого хода наверх! Там, наверху, в Москве, — «родословные люди», их и без того очень много, им самим места не хватает. Семьдесят-восемьдесят родов делят меж собою лучшие чины и должности, еще сотня родов подбирает менее значимые, но всё же «честные» назначения, а остальным достаются гораздо менее почетные посты. И шел русский дворянин к Ивану Болотникову, и шел к иным «полевым командирам» Великой смуты, осененным «святым» именем «царя Дмитрия Ивановича». Как уже говорилось, не крестьяне и не казаки составляли основную силу повстанческих армий ранней Смуты. Служилый человек по отечеству шел из дальнего города к Москве, желая силой оружия вырвать повышение по службе, закрытое для него обычаями прежней служилой системы. Наконец, череда заговоров и переворотов в самой столице развратила воинский класс. Он видел относительную легкость захвата власти и разучился сдерживать себя мыслью о данной им присяге.

Подлая суета, связанная с прекращением старой династии московских Рюриковичей, а также совершенные ради трона преступления донельзя обесценили и сакральность царской власти, и общественный идеал верного служения государю. Еще он сохранялся, но сильно обветшал. Соображения простой личной пользы всё больше побеждали долг и веру как традиционные основы русской жизни.

Смута кормила Смуту, пожирая всё здоровое, крепкое, правильное в старомосковском социуме, переваривая поглощенное, а затем извергая из себя больное, ослабленное, искаженное…

Россия могла бы постепенно, путем реформ, прилагая усилия ко всеобщему примирению, преодолеть кризис. Но только в спокойных условиях. То есть, прежде всего, без давления извне. А такого в ближайшее время не предвиделось.

Так что Василию Шуйскому, хорош он или плох, достался целый букет неподъемных проблем. Справиться с ними царь мог только чудом.

Чуда не произошло.

Но он весьма долго удерживал государственный строй России от катастрофы. А не будь рядом с ним Гермогена, думается, государь продержался бы на троне значительно меньше.

Последние месяцы царствования Василия IV наполнены мрачными предзнаменованиями. Москвичи видели в них свидетельства скорой смены правителя и скверной судьбы для государя Василия Ивановича.

Под 20 октября 1609 года и 18 февраля 1610 года летопись отметила устрашающие мистические явления. Сначала «в церкви Архистратига Михаила… идеже лежащу телеса великих князей и всех благочестивых царей Русьския земли, се слышахуся гласы плачевныя и шум, аки некия сопротивоборньы беседы, и потом бысть псаломского священнословия глас поющих — отшедшим душам вечныя благодати… Рекоша… тогда мнози, яко царство Василия царя вскоре с плачем скончатися имат…». Затем «в церкви Пресвятыя Богородицы, честнаго ея рожества… в нощи… возжеся сама о себе огнем небесным свеща пред святым… Богородичным образом… Егда же бысть третий час дни… тогда убо сильну належащу ветру в двери церковныя дохнувшу, и… свешу самовозженую погаси…»[{179}]. Многие задумались: благодать светилась немного, но уже «мимо иде». Так и правление Василия Шуйского — идет к завершению четвертый год его, не столь уж обильно; доброго случилось мало; света впереди

также не видать; не истекает ли невеликий срок царского державствования для Василия Ивановича? Не пришло ли время затухнуть его свечке?

Летом 1610 года, после Клушинского разгрома, положение монарха ухудшилось до крайности. Не имея под рукой воинской силы, он мог ждать удара откуда угодно. Столица более не давала ему верных слуг. У подножия трона не осталось влиятельных вельмож, кто мог бы защитить царя, пока он не соберет полки вновь. Один Гермоген все еще оставался на стороне Василия Ивановича.

Чуть ли не единственный, первоиерарх сохранял государю верность до самого падения. Чуть ли не единственный, он защищал правителя, когда заговорщики взялись свергать его. Чуть ли не единственный, он подавал падающему монарху действенную помощь.

Перебороть общее недоброжелательство к царю Гермоген не смог. Но он хотя бы сохранил за Русской церковью честное имя, не дал ей осквернится черным изменным делом.

По словам Н.М. Карамзина, в критический момент «раздался один голос в пользу закона и царя: Ермогенов; с жаром и твердостию патриарх изъяснял народу, что нет спасения, где нет благословения свыше; что измена царю есть злодейство, всегда казнимое Богом, и не избавит, а еще глубже погрузит Россию в бездну ужасов»[{180}].

По сведениям поляков, имевших немало доброжелателей в Москве, 17 июля к царю Василию Ивановичу пришли дворяне большой толпой в несколько тысяч человек. Заводчиком бунта выступил Захарий Ляпунов, брат знаменитого воеводы Прокофия Ляпунова, да и сам человек заметный — мятежник до мозга костей. Ляпунов подступился к царю и «начал говорить ему сурово: “Долго ли за тебя будет проливаться христианская кровь? Земля наша опустошена, в Царстве ничего доброго в твое правление не делается, сжалься над упадком нашим, положи жезл (то есть скипетр), пусть мы постараемся о себе другими средствами”. Тяжки были эти слова для Шуйского, он начал ругать его срамными… словами: “Как ты мне это смел сказать, когда бояре (то есть сенаторы) не говорят мне сего?” И он бросился на Ляпунова с ножом; Ляпунов был мужчина большого роста, дюжий и смелый; он закричал на него громко: “Не бросайся на меня, — как возьму тебя в руки, так всего изомну”»[{181}].

Трудно сказать, кто стоял за Ляпуновым и его людьми.

Поляки объявляли, что теневыми руководителями дела являлись Прокофий Ляпунов (давно мечтавший о смене царя) и князь Василий Голицын.

Многие видели в Захаре Ляпунове слугу «Тушинского вора». Уже упоминавшийся келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын сообщает: как минимум Москва не избежала пропаганды в пользу Лжедмитрия П. Сторонники «царика» обратились к жителям столицы с клятвенными заверениями: «Вы убо оставьте своего царя… и мы такожде отставим своего и изберем вкупе всею землею царя и станем обще на Литву». Москвичи, обрадовавшись такой перспективе, легко одобрили свержение Василия Ивановича. Но когда оно произошло, представители Лжедмитрия II, встретившись с защитниками города у Данилова монастыря, объявили: «Вы праведно сотворили, неправедного царя изринувше; и служите царю нашему истинному, прямому вашему»[{182}]. На поклон Лжедмитрию Москва не пошла, хотя игры его слуг явно облегчили дело переворота.

В центре заговора, по-видимому, стояла другая сила. Участие в мятеже представителей рода Салтыковых и Михаила Молчанова, в будущем немало послуживших королю Сигизмунду III, свидетельствует о собственно польской затее в основе всего бунта.

Притом никто из родовитой знати, помимо Салтыковых, не принял в нем участие — ни на стороне изменников, ни на стороне царя. Славнейшая аристократия русская либо уже договорилась: отдать государя полякам! — либо истратила весь запас добрых упований на власть Василия Шуйского и теперь осталась равнодушна к его судьбе. Она, пользуясь современным языком, «сдала» своего монарха толпе злых выскочек. Свойственник государя, князь И.М. Воротынский, уговорил его миром отдать царский посох.

Действия изменников говорят не о случайной вспышке «народного гнева», а о заговоре, участники которого тщательно разработали план действий.

Бунтовщики вышли на Лобное место перед Кремлевской стеной и принялись собирать народ. Но прежде всего они позвали патриарха Гермогена и «думные чины» — бояр, окольничих, думных дворян. Люди всё время прибывали. Видимо, опасаясь давки, а может, сопротивления со стороны друзей Василия IV, Ляпунов со своими подручными перенесли место всеобщего сборища за город. Там, прямо в поле, они объявили: отныне царь лишен власти! К нему послали гонца с распоряжением: удалиться в наследственный дом Шуйских. У покоев свергнутого монарха встала стража. Его братья Дмитрий с Иваном также оказались под арестом. Сундуки и кладовые были опечатаны.

Гермоген, узнав о печальной судьбе царя Василия Ивановича, прилюдно обращается к москвичам с просьбой: пока не поздно, верните государя в царские палаты, отдайте ему власть, неправедно отобранную! В тех обстоятельствах патриарх рисковал собственной головой, однако от царя не отступался.

«Святейший же отец отцем Ермоген патриарх, — замечает Палицын, — молит весь народ, дабы паки возвести царя. Его же словес мудрых никто же не послуша, но вси уклонишася и вкупе непотребни быша…»[183] Тогда, не дожидаясь конца «злого совета», патриарх покинул сборище заговорщиков, умасливавших московскую толпу[184].

Один из публицистов XVII века повествует о поношениях, принятых Гермогеном за Василия Шуйского. Наверное, хотя бы некоторые из них относятся к лету 1610 года, когда святитель сыграл роль последнего стража при государе: «Когда увидел этот добрый пастырь, что царь упал духом, он многократно пользовал его своими наставлениями, но не смог ничего достичь. Многих бед он натерпелся от всех людей из-за царя, так что однажды его волочили грубо и повалили на землю праведника и святителя Божьего, воистину истинного пастыря нашего и учителя замечательного. Порой ополчались люди на него, порой он, будучи хранителем правосудия, им противоборствовал, божественными словами и огнем святого Духа, бывшей у него святой водой — как будто тремя заостренными копьями пронзал он трех врагов. Иногда он был охвачен страхом из-за волнений среди мятежных людей, а иногда бесстрашным становился, словесную пищу людям щедро раздавая, некоторых же наставлениями поучая, к благочестию направляя, подражая владыке Христу, кроткого учителя кроткий ученик…»[185]

Москва все же колебалась. Помня значение царского сана, знать, дворяне и прочие москвичи хотя бы целовали Василию Шуйскому крест «на том, что над ним никакова дурна не учинити и тесноты никакой не делать»[186]. Но живой, умный, энергичный царь — очень неудобная фигура. Как его можно терпеть? Как не стеснять его, когда он самим фактом своего существования угрожает жизням изменников?!

Дабы поставить окончательную точку, 19 июля заговорщики, придя к плененному царю, велели: прими постриг! Монаху в государях не бывать… Василий Иванович явил отвагу — будучи в руках у смертельных врагов своих, он отказался покориться их воле. Тогда «Захарей Ляпунов да князь Петр Засекин со своими советники царя Василиа силою постригошя в

чернеческий чин. Обещание (иноческие обеты. — *Д. В.)* же за царя отвещеваше князь Василей Туренин; и предашя под начало в Чюдов монастырь. И потом вскоре и царицу его Марию постригошя силою же и отдашя в Ивановской монастырь; а братию его, князя Дмитреа да князя Ивана Ивановичов Шуйских отдашя за приставов»[{187}].

Однако слово Гермогена испортило всю игру. Глава Церкви своей властью объявил пострижение недействительным, поскольку оно сопровождалось насильственными действиями и сами постригаемые не отрицались мира. Летопись сообщает: «Патриарх же Гермоген… царя… Василия называл мирским именем, а того князя Василия (Туренина или, по другим сведениям, Тюфякина. — *Д. В.)* проклинал и называл его иноком»[{188}]. Заговорщики представляли свергнутого монарха «иноком Варлаамом», но вся Москва знала, что с падением царя монашеской братии в городе не прибавилось.

Василий Шуйский оставался под арестом, но уже не в своих палатах, а в Чудовой обители.

Надеясь спасти царя хотя бы и самым тягостным для него самого способом, Гермоген уговаривал отправить Василия Ивановича в дальний Соловецкий монастырь, на Белое море. Однако заговорщики не согласились. Государь и на Соловках останется государем… Фальшивого инока Василия Шуйского перевели в Иосифо-Волоцкий монастырь[44], а оттуда его, прихватив из Москвы и братьев, увезли поляки. Патриарх сумел помочь ему напоследок. «И князь великий, едучи в Литву, — рассказывает летопись, — с собя платье черное скинул, а царица с собя платье черное скинула же по благословению патриарха Гермогена… а жила в Покровском монастыре в Суздале»[{189}].

От 20 июля 1610 года сохранился документ, красноречивым молчанием своим превосходно характеризующий позицию Гермогена в той подлой ситуации. Избавившись от Василия IV, заговорщики, в добром совете с Боярской думой, разослали «окружные грамоты», где суть переворота объяснялась всем городам России в самых уклончивых и «округлых» выражениях. Вот слова одной из грамот: «Василий Иванович… по челобитью всех людей государство оставил и съехал на свой на старый двор и ныне в чернцех. И мы, бояре и окольничие, и приказные, и стольники, и стряпчие, и дворяне, и дети боярские всех городов, и гости, и торговые люди, и стрельцы, и казаки, и пушкари, и всякие служилые и жилецкие люди целовали животворящий крест на том, что нам всем против воров стояти всем государством заодно и вора на государство не хотети; и вам бы всем, всяким людем, стояти с нами вместе заодно и быти в соединенье, чтоб наша православная христианская вера не разорилась. И матери бы наши, и жены, и дети в латынской вере не были; а на Московское б государство выбрати нам государя всей землею, сослався со всеми городы»[{190}].

Как всё красиво выглядит: за веру собираются стоять! Царь «по челобитью» с престола сошел! Против воров вся масса людская согласилась «быть в соединенье»! Но имя и сан патриарха отсутствуют. Не признал Гермоген пользы и правды совершившегося. Не благословил, не одобрил. Не покрыл приветливым словом мерзость измены.

И хорошо.

Остался у народа столп истины.

Глава четвертая. Москва: междуцарствие

С августа 1610 года начинается самый тяжелый и одновременно самый значимый для русской истории период в жизни святителя Гермогена. События пойдут вскачь, одно тягостнее другого,

вера и воля патриарха подвергнутся испытаниям, каких он не знал за всю свою долгую жизнь. Личность его окажется под ударом холодной хищной стихии — как утес, выдающийся далеко в море, оказывается под натиском неистовых волн в штормовую погоду. Тело седобородого старика изнеможет, но дух выдержит. И прежде чем разговор о Гермогене продолжится, следует всмотреться в судьбу его и характер, какими предстали они взорам современников.

Развернутое суждение о личности Гермогена содержится в так называемом Хронографе 1617 года — памятнике, где известия по русской истории соединены со сведениями по истории всемирной, а события Смуты представлены с исключительной подробностью. Хронограф получил широкую популярность, он известен во множестве копий. Вот место в нем, где говорится о нраве и поступках Гермогена: «В первый год царствования Василия царя возведен был на престол патриаршеский великой церкви Гермоген, бывший прежде казанским митрополитом. Был он образованным мужем и красноречивым, но не сладкогласным. В божественных словах постоянно упражнялся, и все книги Ветхого закона, и Новой благодати, и уставы церковные, и законоположения постиг в совершенстве. А характер имел тяжелый и не спешил прощать наказанных[45]. Дурных людей от хороших быстро не мог отличить, а к льстецам, а более того — к людям хитрым, прислушивался и доверял сплетням[46]. Об этом некто сказал: “Из всех живущих на земле склонен к греху ум человеческий и от обычаев добрых к злым совращается”. Так вот и этот совращен был некими мужами, подобными змиям, которые шьют клевету, козни сплетают и любовь обращают в ненависть. Так и Василия царя зло оклеветали мятежники словами лживыми, а он поверил всему, сказанному ими. И поэтому с царем Василием всегда говорил грубо[47], а не благожелательно, ибо в душе носил огонь ненависти, зажженный наветами, и о коварстве супостатов никогда с отеческой любовью[48] не совещался с царем, как тому быть подобало. Мятежники же сначала в удобный час царский венец попрали, а потом и святительскую красоту, надругавшись жестоко, обесчестили… Когда же после царя Василия оказалась Москва во вражеских руках, тогда хотел он предстать непоколебимым заступником народа[49], но уже минуло время и час прошел, словно приняли идущего за стоящего, и во время лютой зимы вздумал зацвести миндаль. Тогда хоть и ярился он на клятвопреступных мятежников и обличал их борьбу с христианами, но схвачен был немилосердными руками и, словно птицу в сетях, голодом его уморили, и так умер он»[{191}].

Любопытно, что иная редакция Хронографа содержит опровержение худых словес о патриархе, притом не менее подробное, не менее основательное. Там столь критическая оценка Гермогена названа хулой и приписана перу мятежному. В ней, по словам отвечающего на «хулу», истины нет.

Обличитель по пунктам раскрывает суть лжи, преследовавшей патриарха.

Что касается обвинения о «несладкогласности» Гермогена, ответ таков: «Мудрость словесная и хитрое речеточество от Бога дается ко сказанию на пользу; и се есть сладость разума слышащим. А глас красный или светлоорганный шумящ — от Бога же и се дарование есть, и сим украшается Церковь Божиа в пениях и во чтениях. А Духа Божиа дар кождо действует дело во свое подобное время, а не всем дается от Бога и мудрость, и глас»[{192}].

Замечание о «грубости нрава» отвергается безо всякой полемики: «писавый о нем сам глуп»[{193}].

Далее следует ответ на укоризны в тяжелом нраве, нежелании проявить милосердие и неумении вести «благолепные» беседы с царем Василием Ивановичем. Обличитель напоминает: когда патриаршествовал Гермоген, стояло «время злое», и если бы Господь не дал Церкви такого светильника, как он, то многие бы «во тьме еретичества люторского и

латынского заблудили». Россия погрузилась в пучину бед, умылась слезами. «И если все овцы стада Христова в расхищении были, то пастырю самому где мир, где любовь, где союз показати к кому? Всегда о всех плач, о всех рыдание! И какую бы любовь показывати к преступником заповедей Божиих, понеже на государя царя мнози тогда злая строяще и лестию от правды отводящее и к непреподобныя пути низводящее?! Он же не со царем враждовашеся, но с неподобными советники его, о них же зде мало явим». Далее перечисляются эпизоды, в которых царя увлекали к гибельным поступкам советы «прелестников», то есть вельмож, льстивших царю и обманывавших его. Не послушавшись пастыря, государь Василий Иванович горько жалел впоследствии, «возрыда и восплакася». А Гермоген «непрестанно утешаше его». Иными словами, раздоры между монархом и главой Церкви сильно преувеличены.

Да и тяжесть патриаршего характера, по словам обличителя, диктовалась не природной злобой, но лишь необходимостью наводить порядок в условиях смуты, всеобщего мятежа и хаоса. Особенно доставалось от него «крамольникам от священного чина с мирскими прельстившимися». Их Гермоген смирял, руководствуясь апостольскими правилами, «понеже тогда возбесишася многие церковники, не токмо мирстии людие, четцы и певцы, но и священники, и дияконы, и иноки многие крови христианския проливающее и чин священства с себе свергше, радовахуся всякому злодейству». Смотря по тяжести злодеяния, Гермоген наказывал одних епитимьями, требовавшими многих молений, других запретом в служении, а тех, кто проливал кровь и не желал в том покаяться, — проклинал. Но если кто-то приносил покаяние искренне и честно, то встречал от патриарха любезный прием и даже заступничество перед светскими властями. Еще надо удивляться, замечает автор обличения, сколько терпения и милости находил Гермоген, общаясь со злодеями! Как кроток и как неответен на чужую хулу! Да, патриарх был «прикрут в словах и в воззрениях, но в делах и в милостях ко всем единый нрав благосерд имея, питал всех на трапезе своей часто — и доброхотов, и злодеев своих, добре изобилуя пищею и питием и неоскудно. И подаваше многу милостыню и нищим, и ратным людем… И до толике творяше милостыню, яко и сам в последнюю нищету прииде»[{194}].

Так два голоса современников противоречат один другому. В том, что Гермоген был «книжным человеком», обладавшим «словесной мудростью», сходятся оба. Неудивительно: список дел, совершенных святителем на ниве духовного просвещения, лучше любых похвал от современников свидетельствует в его пользу.. В остальном они решительно расходятся.

Определяя, кто ближе к истине, надо внимательно перебрать доводы обеих сторон один за другим. Автором первого, критического в отношении Гермогена текста называли разных лиц, в том числе протопопа Терентия, находившегося под запрещением, вероятно, от Гермогена, — за особое расположение к первому Самозванцу[{195}]. Но, во-первых, нет прочных оснований, чтобы остановиться на одной из кандидатур, в том числе и на Терентии, озлобленном против патриарха. Одни домыслы. Во-вторых, пусть даже автор и затаил гнев на Гермогена, обязательно ли дурное расположение духа делает человека лжецом? Иной раз он высказывает под действием ярости вещи, каковые постеснялся бы сообщить, если бы оставался спокоен, но в них-то и содержится правда.

Понять, кто из двоих прав, а кто нет, можно лишь сопоставляя два известия между собой и с другими источниками.

С.Ф. Платонов осторожно высказал доверие к первому тексту: «Трудно, разумеется, проверить эту характеристику. Высокий подвиг патриарха, запечатленный его мученичеством за народное дело, закрыл от глаз потомства всю предшествующую деятельность Гермогена и поставил его на высокий пьедестал, с которого стали незаметны действительные черты его личности. Но историк должен сознаться, что тонкая характеристика писателя-современника,

звучащая сочувственным сожалением о судьбе Гермогена, не может быть опровергнута другими данными о патриархе»[196].

Итак, «несладкогласие» Гермогена, очевидно, стоит принять на веру, поскольку и второй, добрый к нему рассказчик, нехотя признает его. Как видно, святитель являлся умным и опытным оратором, но меда и елея голос патриарха не содержал. О каком недостатке может идти речь? Слишком тонкий голосок? Слишком визгливый? Слишком хриплый? Заикание? Неудобная тихость? А бог весть.

П.Б. Васенко высказал гипотезу о необычном «произношении» Гермогена: «Патриарх был начетчиком в духовной литературе и обладал большим даром слова. Лишь внешние недостатки произношения мешали ему стать первоклассным оратором»[197]. Что ж, возможно говор провинциала звучал необычно и даже неприятно для московского духовенства, привычного к утонченному пению, речам «книжных мужей» и… родному «аканью».

Можно остановиться на двух версиях, наиболее правдоподобных с точки зрения здравого смысла.

Прежде всего, Гермоген, дожив до патриаршества, пребывал в возрасте дряхлости. А дряхлость способна добавить в голос дребезжание, шамканье, что угодно, только не благозвучие.

Кроме того, патриарх, казаковавший по молодости лет, мог посадить связки от сырости, мороза, сильного ветра и прочих «прелестей», сопровождающих военный быт казачества. Голос его мог стать хриплым и грубым. От этого, кстати, могло происходить впечатление о грубости его нрава.

На этой самой «грубости» следует остановиться подробнее.

К началу Смуты Русская церковь пережила почти 20 лет духовного правления Иова — человека весьма кроткого, к тому же дружественного Годуновым. Иов не пререкался с властью, предпочитая самые спокойные отношения. Было тут благо: симфония меж Церковью и государством процветала при нем. Но… у всякого земного блага есть оборотная сторона. Церковь слишком уж приучилась «нести шлейф» правителя. Она уже и не знала, как сказать ему слово поперек. Явился суровый Лжедмитрий, и мало кто из архиереев осмелился выступить против него.

Из русского языка ушло меткое слово «ласкательство», бывшее в ходу очень долго, не исключая и старомосковскую эпоху. По значению своему оно примерно равно современному, несравненно более грубому слову «подхалимаж». С тем лишь отличием, что подхалим ищет прямых выгод для себя, а ласкатель просто не умеет обходиться без угодничества, такова его манера, таков его обычай. Наша старина всегда придавала понятию «ласкательство» дурной оттенок: оно исключало прямоту и предполагало неполную честность в поведении того, кто принимал роль угодничающего. Так вот, кажется, ласкательство за два десятилетия слишком уж вошло в плоть и кровь нашей Церкви, поставив ее на грань бесхребетности.

Возможно, дело в том, что Иов, до того, как он сделался главой Церкви, прошел долгую школу, возглавляя столичные монастыри. Он очень долго жил рядом с царским двором при Иване Грозном. Видел казни духовных лиц, посеченных царем во множестве. Привык чуять грозу над собой. А возможно, мягкость и незлобивость его характера имели природный источник. Но приняв их как стиль, подражая Иову, духовенство московское не всегда принимало и внутреннюю чистоту Иова как духовный образец для себя. Сам-то Иов при Самозванце не солгал, не покорился неведомому злодею, остался чист; да кто держался крепко своего

патриарха?

До Иова на Московской кафедре бывали несгибаемые «провинциалы», не боявшиеся обличить за тяжкий грех хоть самого царя. Святой Филипп, у которого за спиной стояла иная школа иночества — соловецкая, непостижимо тяжкая; «премудрый грамматик» Дионисий, проходивший древнюю хутынскую школу. Эти вели себя смело, прямо, а потом платили за свои слова дорого. Филипп — жизнью, Дионисий — саном и свободой.

Из Казани явился новый «провинциал». Он хоть с юных лет и не вбирал душою монашескую науку, зато при каких обстоятельствах служил! Бывший казак, белец на земле, сто раз умытой кровью, гневной к кресту Христову, неласковой к слугам его! Где ему навыкать обходительным манерам? В храме на торгу? В скитаниях казачьих? В бедных монастырьках на краю русской ойкумены? Он там учился решительности, твердости, умению смотреть гибели своей в самые очи, но дела не бросать. С тем и пришел на Патриарший двор. К тому времени поздновато ему было менять нрав — стоя одной ногой в гробу. Конечно, легко оказалось Гермогену прослыть среди московского духовенства сущим грубияном! Как же, говорит государю то, что думает и прямо теми самыми словами! Да еще этим своим казачьим голосом! Ну, невидаль… никакого ласкательства. Долго ли протянет на кафедре?

Шептали ему в уши дурное о государе Василии Ивановиче? Наверное. Впрочем, и без шептунов Гермоген знал о царе много скверного.

Стоит напомнить: тот был когда-то главной следственной комиссии по делу почившего в Бозе царевича Дмитрия. Именно он вынес тогда заключение о «несчастном случае». При Самозванце пытался было обличать — какой же тот Дмитрий Иванович, если окровавленное тело мальчика, ушедшего из жизни полтора десятилетия назад, давно легло в гроб! Василий Иванович много времени провел тогда в Угличе, видел труп царевича, знал правду. Лжедмитрий I за эту правду хотел казнить его, на плаху привел, но потом отпустил, заставив отречься от обличительных слов. Взойдя на престол, Василий Шуйский заговорил иначе — так, как говорят люди, не опасающиеся за свою жизнь и жизни родичей. Во всеуслышание прозвучала официальная версия: царевич пострадал от убийц, посланных Годуновыми.

Вот она и *правда об углицком деле.*

Эта правда легла в основу канонизации невинноубиенного царевича Димитрия Иоанновича.

Лжив царь Василий Шуйский? Да. Знал об этом патриарх Гермоген? Да. Об этом уже говорилось выше, остается лишь повторить сказанное.

Точно также, как знал святитель об испорченности человеческой натуры, искаженной, загрязненной в мире, где между праведностью и грехом всегда можно выбрать грех. Точно так же, как знал он и о том, что нет безгрешных людей власти… и о том, что каждая душа, пусть даже она страшно искалечена грехом, все-таки может быть спасена.

Царь Василий Иванович был для патриарха одной из овечек в «стадце словесном» — пастве. Пусть очень сильной, очень могущественной, но всё же овечкой. В делах государственных патриарх обязан был покоряться, но отнюдь не в нравственных. Как пастырь, Гермоген мог в этой овечке распрямлять искривленное, чистить запачканное, а также давать духовный совет в делах великой важности.

Он этим и занимался. Спорил с царем, когда считал, что тот совершает роковые ошибки, — как, например, в случае со Лжедмитрием II, коему поздновато начали всерьез давать отпор. Обличал желание государя поскорее возлечь на брачном ложе с юной красавицей, забыв о

мятежах, сотрясающих державу, — как понимал череду обстоятельств сам Гермоген. Эти поступки святителя ясно отражены в других источниках.

По ним видно: у патриарха нашлись предлоги для острых разговоров с царем безо всяких «шептунов»! Активность патриарха вряд ли понравилась вельможам: они-то ведь успели привыкнуть к великой кротости Иова, а за нею — к чрезмерной уступчивости Игнатия. Суровость Гермогена оказалась для знати большой неожиданностью. Вот и ось конфликта между главой Церкви и «прелестниками» вокруг трона, о коих сообщает второй текст.

Автор пассажа в Хронографе, наполненного раздражением против Гермогена, намекает на вину святителя в падении Василия Ивановича. Не прямо объявляет о ней, а именно намекает, впрочем, довольно прозрачно: «С царем Василием [Гермоген] всегда говорил грубо, а не благожелательно, ибо в душе носил огонь ненависти, зажженный наветами, и о коварстве супостатов никогда с отеческой любовью не совещался с царем, как тому быть подобало. Мятежники же сначала в удобный час царский венец попрали, а потом и святительскую красоту, надругавшись жестоко, обесчестили…» В сущности, речь идет о том, что патриарх, ведя недружелюбные речи с царем, подрывал власть последнего; а был бы помягче, авось и «мятежникам» тяжелее пришлось бы, когда они явились свергать монарха.

Тут видно ложное толкование роли Гермогена в судьбе Василия Шуйского. Трудно сказать, явилось ли оно плодом осознанного старания или представляет собой плод слабой информированности. Но итог один: суть отношений между царем и первоиерархом передана искаженно.

Выше цитировались грамоты Гермогена с воззваниями в пользу царя и против его врагов. Когда народ принимался бунтовать в самой столице, патриарх — худо ли, хорошо ли он *лично* относился к государю — принародно всегда становился на его сторону. Так происходило до последней крайности, до того дня, когда Шуйский безнадежно пал и заговорщики попытались сделать его монахом. И тут ведь Гермоген вмешался, запретив считать царя иноком. Каждый шаг патриарха, многое множество раз поддерживавшего Василия Ивановича, прочитывается по летописям и документам того времени. Тут нет никаких сомнений.

Все годы царствования Василия Шуйского Гермоген являлся самой надежной его опорой.

Остается констатировать: в этом пункте хулитель Гермогена либо жестоко ошибается, либо возводит напраслину на святителя.

Следующий пункт — тяжелый характер Гермогена: немилосердие, нежелание прощать, неумение отличить дурных людей от хороших, склонность прислушиваться к сплетням, доверять лукавым советчикам…

Опустим вопрос о том, до какой степени подобная оценка субъективна. Забудем на минуту о том, что второй, сочувствующий святителю автор нарисовал принципиально другую картину, чуть ли не прямо противоположную.

Поищем независимых свидетельств, подтверждающих или же опровергающих это мнение.

К 22 декабря 1606 года относится грамота патриарха митрополиту Казанскому и Свияжскому Ефрему. Суть дела вкратце такова: царю Василию Ивановичу подали челобитную свияжские дворяне, стрельцы, купцы и «черные люди» — жаловались, что тех, кто прельстился посулами болотниковцев и целовал крест «царевичу Дмитрею Углецкому», Ефрем «велел их отцем духовным запрещати и приношения к церквам Божьим у них имати не велел». Иными словами, Ефрем проявил строгость к своей пастве, наставлял ее не изменять законному государю,

вразумлял доступными средствами. Позднее свияжские жители повинились, царь и патриарх простили их. Об этом Гермоген говорит прямо, однозначно: «И великий государь… по своему царскому милосердому обычаю *и по нашему прошению* их пожаловал, вины их отдал; да *и мы их також соборне простили и разрешили».* Теперь же Гермоген говорит митрополиту Казанскому: «Тебя же, со всем освященным собором, яко доблественного пастыря… благословляем… и похваляем за усердие твое, то не попутаешь словесному стаду паствы твоея путем погибели идти…» То есть одобряет за твердость, проявленную в мерах вразумления. Но затем велит свияжан *«простить и разрешить» и «приношения» принимать от них «по прежнему».* Далее он пишет: «Да и в Казани бы еси оберегал от той Смуты накрепко, чтобы люди Божий не погибали душою и телом, да смотрил бы еси и над попы накрепко, чтоб в них воровства не было; а больше всех смотри над Софейским, да над Покровским, да над Ирининским; только оне не переменят своих обычаев, и им в попех не быти»[{198}]. Как видно, недавно оставив Казанскую кафедру, Гермоген все еще помнил, от кого из священников можно ожидать лиха, а кто смирен и к шатости не склонен.

Что видно из патриаршей грамоты? Безоглядную суровость? Несклонность прощать? Вовсе нет. Гермоген — сторонник справедливых решений. Не слишком жестких и не слишком мягких, а именно справедливых. Если человек коснеет в грехе, его следует наказать — простой ли он мирянин, священник ли, монах ли — всё равно. Но если он покаялся и «переменил свой обычай», то и наказание с него следует снять.

А вот и другой документ, свидетельствующий против чрезмерной суровости Гермогена. На закате царствования Василия Ивановича патриарх обратился с посланием ко всем тем, кто бунтовал против царя. Прежде всего, имелись в виду, конечно же, тушинцы. Против их бесчинств и своеволия направлено острие патриарших слов. Гермоген грозит мятежникам отлучением и адскими муками: «С вашия отпадшия стороны кто ни будет убьен или общею смертию умрет — тот во ад идет и во святых церквах приношения за таковых, по писанному, неприятна Богом и конечно отвержено и идут таковии без конца мучитися… И о сих нам, православным християном, рыдание и плач, понеже братия суть наша и от нас изыдоша, но не с нами быша и изволиша вместо радости без конца мучение»[{199}].

Однако Гермоген прекрасно понимает: многие из тушинцев не столько сознательные изменники, злодеи, корыстолюбцы, сколько несчастные люди, которых гражданская война закрутила, как речное течение крутит щепку на водовороте; им боязно вызвать гнев вожаков, им страшно возвращаться на сторону законного государя; но они служат не за совесть, а за страх. Так почему бы не ободрить их, почему бы не показать им, что их вина может быть прощена? Во всяком случае, перед Богом у них нет того отягощения грехами, какое висит на душах прямых и явных бунтарей.

Поэтому он делает важную оговорку: «Сие… слово[50] не ко всем пишем, но к тем, которые, забыв смертный час и страшный суд Христов и преступив крестное целование, отъехали, изменив царю государю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русии, и всей земле, и своим родителем, и женам своим, и детем, и всем своим ближним, паче же и Богу. А которые взяты в плен, как и Филарет митрополит, и прочие, не своею волею, но нужею, и на християнской закон не стоят, и крови православных братии своих не проливают… таковых мы не порицаем, но и молим о них Бога велика сила, чтоб Господь от них и от нас отвратил праведный свой гнев и в полезная б подал им и нам по велицей его милости… Аще же кто от таковых пленников в таковых нужах и бедах скончается, таковых должни есмы повсюду по вся дни поминать и о отпущении грехов их Бога молить, да и мы сами от таковых просим молитв их к Богу о нас, понеже, по Божественному писанию, то суть мученицы Господни и нынешняго ради времяннаго страдания небесному царствию сподобятся; праведнии бо аще и умрут —

живи суть и мука их не коснется, понеже не отступиша от Бога и Божия милость неотступна от них зде[сь] и в будущем веце»[200].

Стоит обратить внимание на одну деталь: Гермоген говорит милостивые слова в адрес не только абстрактных служильцев «Тушинского вора», приневоленных к трудам на него, но и в адрес хорошо известной всему царству персоны. Он и на Филарета, митрополита Ростовского, не пожелал излить чашу гнева, хотя основания к тому были. На месте Гермогена даже очень терпеливый, милосердный, незлобивый человек мог бы обрушиться на владыку Ростовского с проклятиями! Митрополит Филарет, если вспомнить первые месяцы правления Василия IV, являлся конкурентом Гермогена, когда решалась судьба патриаршей кафедры. Впоследствии он оказался в руках тушинцев, и те нарекли его своим патриархом. Так на Руси появилось два патриарха, притом часть городов и земель признавали духовную власть Филарета. Но нет, Гермоген не ставит ему этого в вину. «Не своею волею», — объявляет он. И когда Филарет вновь окажется в Москве, Гермоген не станет враждовать с ним, более того, одобрит его отправку с важной дипломатической миссией, рассказ о которой — впереди. Он верил в то, что действия Филарета лишены злонамеренности.

Следовательно, не столь уж «косен» был патриарх Московский и всея Руси «в разрешениях», умел не слушать клеветы и не поддаваться ненависти.

Выходит, и здесь автор «обвиняющего» текста неправ. Если во мнении его не содержалось осознанной злонамеренности, тогда объяснить столь темные краски в «портрете» Гермогена можно обстоятельствами самого времени. Глава Русской церкви столкнулся с «шатанием умов». Его же собственное «воинство», священники, то поддавались на соблазны горчайших бунтовщиков, то проявляли симпатии к «латынству». Смута плоха прежде всего тем, что «разрешает» людям без внутренних терзаний идти на отступничество, злодейство и нравственную грязь, покрывая душевную тьму именем свободы… Духовенство не стало исключением. Там приходилось наводить порядок железной рукой. Наказанные, должно быть, удивлялись: вокруг чуть ли не бесы пляшут, а патриарх карает за мелкий грешок! И у каждого, по всей вероятности, имелось свое мнение, какой грех следует по смутной поре считать ничего не значащей мелочью…

Гермоген, вступающий на путь страданий и мученичества, предстает перед потомками незаурядной личностью.

Это большой книжник, даровитый духовный писатель и хороший ритор, во всяком случае, смелый полемист. Старость и нелегкий жизненный путь лишили его доброго голоса, но ум и навыки красноречия остались при нем. Это пастырь суровый, овеянный рискованной борьбой за веру в неуютном Казанском краю, наделенный твердой волей, прямотой и стремлением отстаивать основы православия от любых посягательств. Это опытный политик консервативного склада, уверенно придерживавшийся взятого курса: поддерживать законного государя, обличать измену и бунт. Вместе с тем суровость Гермогена вовсе не лишала его ни гибкости, ни милосердия. Вера диктовала ему политические, культурные и кадровые предприятия. Как большой церковный администратор Гермоген был чрезвычайно опытен. Он знал цену людям. Но как добрый христианин он являл мягкость к тем, кто, поддавшись соблазну, нагрешив, совершив дурные поступки, затем все же исправлялся. Гермоген умел видеть в людях свет, он умел обратиться к этому свету, ведь как не быть свету в душах, если человек — Божье творение, созданное «по образу и подобию» Господню! Должен быть свет, должен откликаться свет…

Гермоген — это какой-то очень русский характер.

У нас в XVI–XVII веках книжник почти всегда был начетчиком. А как иначе? Приобрести знание можно было только большим трудом, а значительное знание — только в виде исключения. Книжное слово ценили выше золота, выше жизни. А приобретя, дарили как величайшую ценность и охраняли как невероятно хрупкую вещь. Книжного знания в стране отчаянно не хватало. Церковь — даже Церковь! — захлебывалась в невежестве. За всё столетие от Ивана Великого до ранних Романовых — ни единого вполне достоверного известия, что у нас была хотя бы одна школа! Книжником становился человек, получавший навык разбираться в премудрости словесного винограда не от школьного учителя, а от духовного наставника. Можно сказать, из рук в руки, из уст в уста. Всякий книжник у нас являлся «штучной работой», а не плодом образовательной системы. И расплескать ту малость, какую нацедили наставники, какую не убили пожары, то и дело уничтожавшие русские книгохранилища, какую принимали на Руси почтительно, считая ее не замутненной мудрованиями инославных и прямыми ересями, о, расплескать ее вроде бы могли очень легко и быстро. Но вот не расплескивалась!

Наш русский начетчик почти неизбежно принимал роль стража при истине. Или, иначе, воина при чаше.

Аввакум — пример неудавшегося стража, то есть стража, не вполне реализовавшегося в главной роли всей жизни, проигравшего, нравственно искалеченного срывом, впавшего в неистовство.

Гермоген — страж победивший. Он жизнь положил, но своего добился.

Оба — ипостаси одного характера. Их обоих называли «столпами», «адамантами», «утесами среди волн». Иначе говоря, чем-то невероятно прочным и неподвижным, словно камень. А они, скорее, имели характер, выкованный из закаленного металла. Такой характер на Руси то и дело вырастал из морозной нашей реальности, из скудости, из незащищенности границ, через которые то и дело могла с гиком и свистом перелететь свирепая степная конница. Живой металл, то и дело терзаемый попеременно нестерпимой стынью и беспощадным пламенем, уже ничего не боится, ни от чего не разрушается. Его обмануть и обойти трудно, ибо знание жизни входит в него со всеми огненно-студеными муками, а уж сломать — невыполнимая задача. Легче убить, нежели принудить к чему-либо против воли. Только вот носитель такого булата душевного и сам кого хочешь переиграет, обойдет, сломает, вгонит в гроб. В нем силы много.

Гермоген — булатный человек. Жизнь казака и попа в городе, вечно находящемся в полуосадном положении, закалила его. Монашество лишило страха перед кем угодно, кроме Господа Бога. Книжные знания дали понимание предмета, который стоит охранять. Природное стремление к правде, к справедливости — тоже очень русское, можно сказать, коренное — делало суровым к грешникам и ослушникам, но милостивым ко всем кающимся. Могучая витальная сила и огромный опыт пребывания у власти превратили его в политика, чрезвычайно опасного для любых врагов. А соприкосновение с чудом в тот самый летний день 1579-го, когда Ермолаю-Гермогену пришлось нести икону, явленную силами небесными, сделало его «стоятельным» в истине. Кто Бога видел, кто через Его чудеса получал ободрение, тот Его знает, и это знание сильнее веры…

Гермоген не был суров, он искал сохранения нормы. Знал, как должно быть то и это, быстро постигал суть искажения, если оно случалось, и любыми способами добивался выпрямления искривленного. Он принял на себя служение великого выпрямителя.

Русская сталь, выпрямляющая любую кривизну, — черная, незвонкая, на всякий удар откликается она глухим утробным рокотом, но нет на свете ничего прочнее этой стали. Город,

страну, мир и даже веру подвесить можно на крюке, изготовленном из нее, и — не сломается. Всё выдержит.

Таков Гермоген.

После свержения Василия Шуйского Москва осталась «безгосударной». С запада к ней приближались полки гетмана Жолкевского, на юге бывшие тушинцы поставили под контроль множество городов и областей. Сама столица не обижена была воинской силой: множество бояр со свитами из боевых холопов, сотни дворян, ранее составлявших государев двор, тысячи отборных стрельцов, пушкарей и прочих служильцев. Бойцов хватало! Боевой дух упал. Москвичи пребывали в растерянности.

Повсюду, от мала до велика, от нищих посадских людей до высокородных аристократов, шли споры: как поступить? Россия привыкла жить, покоряясь воле законных православных монархов. Но кто теперь законный православный монарх?

Город бурлил, «партии» сталкивались между собой, а с юга и запада надвигался враг.

Временным правительственным центром стала так называемая «Семибоярщина» — аристократическое правительство, выросшее из Боярской думы царя Василия Ивановича. В нее вошли князья Ф.И. Мстиславский, И.М. Воротынский, А.В. Трубецкой, А.В. Голицын, Б.М. Лыков-Оболенский, а также отпрыски старомосковских боярских родов И.Н. Романов и Ф.И. Шереметев[51]. Однако владычество бояр вечно продолжаться не могло. Москва да и вся Россия ждали: кто окажется новым государем?

Летом 1610 года столица обсуждала нескольких кандидатов на опустевший престол.

Агенты Лжедмитрия II мутили воду, отстаивая своего вождя как лучшего претендента. У них нашлось немало сторонников, включая митрополита Филарета и даже кого-то из бояр. Брожение в пользу «Тушинского вора» продолжалось до последней декады августа. Лжедмитрий II и его союзник Сапега вели бои на подступах к Москве. Из столицы в их лагерь поступали противоречивые сообщения: то москвичи склонялись к тому, чтобы «целовать крест» королевичу Владиславу, то выражали симпатии «Тушинскому вору»[{201}]. В конечном счете кандидатура Лжедмитрия потерпела поражение, но некоторые города отложились от Москвы, перейдя под его руку.

Рассматривался и другой вариант — избрать государя из среды русской аристократии. Иначе говоря, повторить то, что уже произошло в 1606 году, после падения Лжедмитрия I. В Москве хватало знатнейших Рюриковичей и Гедиминовичей. Хватало и выходцев из боярских родов, связанных узами брачного свойства с прежней царской династией. Было из кого выбрать. Звучали имена разных аристократов.

В Боярской думе первенствовал по знатности князь Федор Иванович Мстиславский. Гедиминович, да еще и праправнук Ивана Великого, он обладал огромным влиянием на дела, солидным опытом политической интриги, но… к царскому венцу решил не приближаться. Из трех предыдущих государей двое были убиты собственными подданными, а третий не удержался на престоле. Мстиславский, всего вернее, просто опасался за свою жизнь. Летопись пересказывает слова, прозвучавшие тогда от имени высшей знати: «Не хотим слушать своего брата! Ратные люди русского царя не боятся, его и не слушают и не служат ему». Возможно, это сказал сам князь Мстиславский.

Поляки сообщают, что Гермоген придерживался именно того варианта, которым гнушался

Мстиславский, — избрать кого-то из русской знати, но только не самого Федора Ивановича: «Патриарх побуждал, чтобы… избрали или князя Василия Голицына или Никитича Романова, сына Ростовского митрополита, — это был юноша, может быть, пятнадцати лет. Представлял же он его потому, что митрополит Ростовский, отец его, был двоюродный брат (по матери) царя Федора: царь Федор родился от царя Иоанна Тирана (Ивана IV Васильевича. — *Д. В.)* и от родной сестры Никиты Романовича, Ростовский же митрополит — сын сего последнего[52]; однако ж к патриаршему мнению более склонялся народ, а всё почти духовенство — к Голицыну»[{202}].

Собственно, польские дипломаты говорят как об общеизвестном факте, что князь Василий Голицын после свержения Василия Шуйского «умышлял» стать государем. На его стороне были Захарий Ляпунов и рязанское дворянство. Но против него встала московская аристократия, и он отказался от своего намерения[{203}].

Русские источники подтверждают свидетельства поляков. Как минимум ясно, что Гермоген не желал видеть на троне царя из чужеземцев. Вероятно, он беспокоился не столько за «этническую» сторону вопроса, сколько за вероисповедную. Не пошатнется ли вера после того, как на троне окажется монарх, воспитанный вне восточного христианства?

Псковский летописец с горечью описывает московские события лета 1610 года: «В Московском же государстве, егда прибежал князь Дмитрей Шуйской[53]… бысть мятеж велик во всех людех, ниоткуду себе помощи надеющееся, подвигошася на царя [Василия Шуйского], глаголюще: тебе ради кровь християнская проливается, тебе ради… земля разделилась, что не по избранию всея земля на царство воцарися, и множество людей погубил еси неповинных… К кому ныне прибегнем, к кому припадем, кто нас избавит от сих поганых, нашедших на ны? Несть нам ныне надежды и несть упования; сойди с царства и положи посох царской, да соединится земля и умирится. Но более же всех возненавидеша его [знать] от боярского роду, овии же восхотеша на царство немецкого королевича, инии же литовского. О горе, о горе, увы, увы, прелести, своего християнского царя возненавидеша, а от поганых и иноверных возлюбиша! Се же бысть грех ради наших. Некогда же пришедше, собрашася вси людие всех чинов ко Ермогену патриарху на совет глаголюще: не хотим сего царя Василия видети на царстве и да послеши к польскому королю Жикгимонту, да вдаст нам на царство сына своего Владислава. Патриарх же, наказуя много, глагола им, еже бе преже пакости много от них, польских людей, егда приидоша з Гришкою Отрепьевым: *а ныне же чего еще чаете, токмо конечного разорения царству и християнству и вере; или невозможно вам изврати на царство ис князей русских?»*[*{204}*]

Мнение патриарха, высказанное ясно, оказалось на стороне одного из природных аристократов Московского государства. Для Гермогена, видимо, было не столь уж важно, кто именно из знатных людей взойдет на русский престол. Более важным, надо полагать, являлось другое: был бы царь православным человеком из патриаршей паствы и притом не «подделкой», как прежние самозванцы.

Сам этот проект — избрание нового царя на царство «из князей русских» — ничего неосуществимого в себе не содержал. Именно так взошел на трон Борис Годунов. Да, его репутация оказалась подмоченной: молва приписывала ему убийство царевича Дмитрия, а род его не мог по знатности конкурировать с первостепенной аристократией России. Но всё исправимо! Можно ведь отыскать претендента среди самых родовитых семейств страны, притом выбрать человека, славного нравственной чистоплотностью, благочестием, иными добрыми чертами характера.

Три года спустя, в 1613-м, именно такой сценарий и осуществится.

Но в августе 1610 года кандидатуры, названные Гермогеном, что называется, «не прошли».

Михаил Романов, малолетний сын митрополита Филарета, выглядел сильным претендентом. Знатность его не вызывала сомнений и, безусловно, стояла на уровень выше, нежели знатность Годуновых. Кроме того, неопытный мальчик имел за спиной сильную группу бояр, спаянных родственными и брачными связями. Однако за отцом его следовала слава «тушинского патриарха». Очевидно, своя же, аристократическая, среда опасалась, как бы после возведения Михаила на трон его родитель не привел в Москву давних приятелей с юга, верных слуг и бойцов Лжедмитрия II… В том числе буйных казаков.

Князь Василий Голицын, родовитый Гедиминович, также «подходил» по критерию знатности: ею он намного превосходил Годуновых, мог соперничать с Шуйскими и Романовыми. Кроме того, князь явно не благоволил полякам и их королю. Впоследствии он станет активным участником заговора, направленного против польской власти над Москвой. Голицыны, как и Романовы, могли опереться на сильную «придворную партию». К тому же род Голицыных имел генеалогическую связь и с династией московских Рюриковичей. Прародитель Голицыных, князь Юрий Патрикеевич, женился на дочери великого князя Московского Василия I. Таким образом, их права на русский престол выглядели даже предпочтительнее, чем у Романовых. Наконец, лично Василий Голицын явно выигрывал по сравнению с Михаилом Романовым: взрослый мужчина с обширным опытом командования войсками и политической деятельности оставлял совсем другое впечатление, нежели еще не оперившийся птенец…

Но все эти достоинства не сыграли решающей роли. И Романовым, и Голицыным пришлось отступить.

Очевидно, главной политической силой, решавшей судьбу России, в августе 1610 года являлась группировка сторонников князя Ф.И. Мстиславского. И его первенство, как видно, простиралось не только на сферу родовитости. Прежде всего, Федор Иванович являлся одним из богатейших людей России, по представлениям наших дней — олигархом. До Смуты ему принадлежало около 20 тысяч четвертей земли[54], за время царствования Василия Шуйского князь приобрел еще 12 700 четвертей{205}. Фантастическое состояние! Никто из русских аристократов того времени не мог сравниться с ним по части земельных богатств. С этих владений он мог выставить в поле более трехсот ратников, маленькую армию. Между тем князь Мстиславский оказался решительным сторонником пропольского политического курса. На протяжении двух с лишним лет, до осени 1612 года, он будет ценнейшим слугой польского короля Сигизмунда III в Москве.

Мстиславский отстаивал со своими сторонниками третий политический проект — призвать на царство польского королевича Владислава, сына Сигизмунда III. Идея принять иноземного монарха у многих вызывала недоверие. Гермоген, как можно было убедиться, выразил самое негативное к ней отношение. Ни среди московских низов, ни в сообществе столичной знати эта идея не получила популярности. Однако Мстиславский и знатнейшие аристократы, видевшие в нем своего лидера, располагали двумя аргументами, перевесившими иные соображения.

Во-первых, Жолкевский шел к Москве во главе победоносного войска, а столица не имела ни храбрых вождей, ни твердой воли, чтобы собрать новую армию вместо недавно разбитой. Люди устали воевать. Люди не видели, за кого, за какую правду им следует «пить смертную чашу» и ставить головы на кон. Так не договориться ли с поляками?

Во-вторых, пришествие Лжедмитрия II явно ужасало и аристократию, и верхи московского

дворянства. А он стоял неподалеку от Москвы и мог скоро прийти к самым ее воротам. Так не использовать ли польскую вооруженную силу против воинства Лжедмитрия II?

Келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын с горечью рассказывал, как много робости проявилось в поступках государственных мужей московских, когда не стало с ними царя: «И изволиша людие се: "Лучши убо государичю (королевичу Владиславу. — *Д. В.)* служити, нежели от холопей своих (ратников Лжедмитрия II. — *Д. В.)* побитым быти и в вечной работе у них мучитися". Еще же и выступлениа вси чаяху поляков на воров. И положишя совет, еже быти царем Владиславу королевичю. Патриарх же Ермоген паки начат плакатися пред всем народом, дабы не посылали с таким молением к польским людем, но молили бы Господа Бога, чтобы Господь Бог воздвиг царя. Все же людие о сем посмеяшася. Патриарх же велиим гласом возопи пред всеми: "Помните, о православнии христиане, что Карул[55] в велицем Риме содея!" И вси заткнувше уши чювственыя и разумныя, и разыдошяся. И вскоре с поляки совет положишя, еже быти царем Владиславу королевичю»[{206}].

В обстановке общественного хаоса и шатания умов доводы высшей аристократии, как видно, для многих прозвучали убедительно. Проект Мстиславского возобладал.

Однако… в свете последовавших за победой этого проекта событий трудно не задаться вопросом: не имел ли Федор Иванович иных намерений, помимо честного желания разрешить московский политический кризис с помощью польских сабель? Он так много и так быстро «сдал» ставленникам короля Сигизмунда, что в искренность и прозрачность его изначальных устремлений трудно поверить.

Польский вариант выглядел в глазах Мстиславского привлекательнее, чем царский венец… Тут есть о чем задуматься.

Литовско-русский род князей Мстиславских оказался на службе у московских государей относительно недавно. Дед Федора Ивановича сделался служильцем великого князя Василия III всего-то восемь с половиной десятилетий назад. Потом он дважды пытался вернуться назад, перейти к прежнему сюзерену[{207}]. Мстиславские и в Литве стояли бы высоко, приняли бы роль магнатов… Как видно, их связи с западным соседом или, возможно, культурная ориентация на устои Речи Посполитой вовсе не исчезли за это время. Отец Федора Ивановича, как поговаривали иностранные дипломаты, имел симпатии к Польско-Литовскому государству.

Мстиславский, при всей его политической недальновидности, вовсе не был откровенным предателем. Скорее, он жестоко ошибался как большой политик. Желал, вероятно, устроить в России правление наподобие польского — со всесильной магнатерией и шляхетской сеймовой «демократией», а из мощной Боярской думы при особе слабого, бесправного монарха создать подобие польского «сената». Опыт уже кое-какой имелся: виднейшие люди царства при Лжедмитрии I побывали в «сенаторах», а при Василии Шуйском приобрели гораздо больше власти, нежели им давали прежние монархи… Так что, весьма вероятно, князь вынашивал планы «аристократической модернизации» по польско-литовскому образцу.

Когда гетман Жолкевский подошел к Москве, его встретили доброжелательно. Начались переговоры.

Сам полководец с некоторым удивлением воспринял тот энтузиазм, с которым отнеслась к его усталому войску московская боярская делегация. Гетман располагал не столь уж значительными силами. Правда, его армия имела за плечами Клушинский триумф, боевой дух ее был чрезвычайно высок. Но все же не настолько, чтобы всерьез планировать вооруженный захват Москвы. А вражеская столица… без сопротивления пошла навстречу самым его

далекоидущим чаяниям!

На пути к Москве Жолкевский рассылал «универсалы», предназначенные для возбуждения ненависти против Василия Шуйского. В тайных посланиях гетмана говорилось, что «в царстве Московском во время его правления все дурно, и как чрез него и за него беспрестанно проливалась христианская кровь». Эти универсалы тайно разбрасывались по улицам сторонниками поляков. В частных письмах к большим людям царства гетман делал обещания и обнадеживал. От этого «умы волновались, особенно после недавнего страха; жители опасались новой осады, которая им наскучила при самозванце»[{208}].

Государь Василий Иванович попытался было завязать переговоры с Жолкевским, однако не успел довести начатое дело до конца, поскольку лишился власти. Возможно, эмиссары гетмана приложили к этому руку.

Теперь же на переговоры охотно пошло боярское правительство. Оно уже выработало тот маршрут, коим собиралось двигаться, обсуждая договор с поляками.

Гетман отправил к Сигизмунду III, неудачно осаждавшему Смоленск, гонцов с просьбой: дать ему опытных дипломатов или крупных государственных мужей с опытом подобного рода переговоров. Король не удосужился ответить. Гетман не получил от него никакого «наставления». Между тем неподалеку от Москвы оперировал с большим войском «Обманщик» — Лжедмитрий II. Жолкевский решил взять переговоры на себя[{209}]. Впрочем, возможно, он и не испытывал желания подчинить переговоры, начавшиеся столь удачно, воле Сигизмунда. Гетман и король придерживались двух разных позиций по вопросу о политическом «освоении» России. Жолкевский мыслил более реалистично, а потому, вероятно, желал быстро добиться успеха в столь щекотливом деле, — пока его усилия не сорвал король, предпочитавший действовать напрямик и самыми жесткими методами.

Гетману предложили многообещающий политический проект: на русский престол восходит государь Владислав Сигизмундович, власть его и свобода вероисповедания оговариваются несколькими пунктами, каковые и надо обсудить.

Собственно, первая попытка реализовать этот проект производилась полугодом раньше. В феврале 1610 года группа русской знати, враждебная царю Василию IV, начала переговоры с самим Сигизмундом III. Ее уполномочила русская часть Тушинского лагеря, брошенного Лжедмитрием II, то есть на какое-то время оставшегося без вождя. Из сколько-нибудь значительных людей в переговорах участвовали Михаил Глебович Салтыков с сыном Иваном, князья Юрий Дмитриевич Хворостинин и Василий Михайлович Мосальский по прозвищу Рубец. Мягко говоря, далеко не верхушка русской аристократии, фигуры второго плана.

Уже тогда высказывалась идея привести королевича Владислава на русский трон. Соглашение о подобном шаге включало в себя пункты, удовлетворяющие политические амбиции высшей русской аристократии.

Так, в отношении дворянства и знати предполагалось сохранить старые государственные обычаи, оставить всё прежде приобретенное имущество, «законсервировать» старые размеры жалованья и время его выдачи. Но перебор людей, ныне занимающих какие-то постоянные должности, мог быть произведен в духе «кто годен». В судах следовало сохранить русское судопроизводство по статьям Судебника, а если понадобится вводить новые статьи, то их вводили бы по решению «бояр и всей земли». В Московском государстве такого, стоит заметить, не водилось. В XVI веке недолгое время работала норма, в соответствии с которой новые статьи в Судебник вводились по единогласному решению «всех бояр». Однако

впоследствии эту норму сделали не обязательной, и статьи вводились «по государеву указу», к коему время от времени (не во всех случаях) добавлялся «приговор» Боярской думы[{210}]. Кроме того, по соглашению с Сигизмундом III, королевский суд должен был производиться совместно с «боярами и думными людьми»; родственников преступника не позволялось казнить, а их имущество отбирать. Никого не разрешалось «выводить» в Польшу и Литву помимо их собственного желания, — например, совершить поездку «для науки». Иноземный государь не получал прав давать полякам и литовцам должности («уряды») в России. Тех, кто будет в придворных у царя, планировалось награждать жалованьем и деньгами по общему совету «рады обоих государств».

Всё это чрезвычайно выгодные условия для русской политической элиты: она бы получила целый ряд правовых льгот, притом не боялась бы конкуренции со стороны польско-литовской шляхты… разумеется, в том случае, *если бы* Сигизмунд III на самом деле вознамерился соблюсти все статьи в неприкосновенности!

Поляки и русские должны были произвести размен пленниками без выкупа. Совместно со всей военной мощью Речи Посполитой русские войска выходили бы для боевых действий с общим неприятелем, на кого бы он ни напал — Польшу, Литву или Московское государство; тем паче общим становилось дело обороны от татар на южных рубежах; до полного «успокоения» польские и литовские офицеры могут стоять в порубежных городах России. Вероисповедные вопросы прозвучали в договорных бумагах сглаженно: как видно, обе стороны понимали их взрывоопасность, а потому не торопились сочинять окончательные формулировки: королевич Владислав венчается в Москве царским венцом по старому обычаю (венчает его патриарх), «когды Господь Бог волю и час свой за успокоеньем досконалым того господарства пошлет». *Но о смене королевичем веры речь не шла.* Русская церковь живет по старому обычаю, ее права ни в чем не будут ущемляться, ее имущество, включая земли, за нею сохранится и даже преумножится; устои «греческой веры» останутся нерушимы; евреи не получат права свободно въезжать в Россию. Однако в Москве будет построен костел для католиков[{211}].

Теперь эти переговоры велись уже не кучкой бог весть кем уполномоченных людей, а боярским правительством, вполне официально. Во главе делегации стоит «честнейший» из бояр — князь Ф.И. Мстиславский. Однако новая версия проекта во многом напоминает старую. Изменены лишь частности. Притом видно: в этих частностях чаще проявлялась политическая воля Гермогена, нежели хитроумие Мстиславского.

Итак, суть «договорной грамоты», составленной 17/27 августа в польском обозе под Москвой, по пунктам:

1. Духовные и светские власти, а также весь народ русский просят у Сигизмунда III королевича Владислава на царство. Знать, дворяне, торговые люди, всякие служильцы и прочие люди московские «наияснейшему господару Владиславу королевичу и потомкам его целовали… крест Господень на том, што им ему, господару, и потомкам его вовеки служить и добра хотеть во всем, как и прежним прирожденным великим господарям царям и великим князьям Руси». О самом Сигизмунде III, стоит заметить, ничего не говорится. Ему царский венец не предлагают. Его кандидатура и в первом варианте не была названа, однако тогда неявно предполагалось, что имя Владислава — всего лишь способ успокоить русских, а на самом деле на первом плане будут интересы и воля самого короля.

2. Важнейшие государственные должности нельзя раздавать полякам и литовцам. Собственно, и раньше о том говорили. Но вот добавка: до заключения мира полякам и литовцам не следует занимать и более скромные посты в порубежных областях, помимо исключительных случаев. «Прежних обычаев и чинов, которые были в Московском государстве, не переменять; и

московских княженецких и боярских родов прыеждчими иноземцы в отечестве и в чести не теснити и не понижати». Еще одно важное расширение: сохранить местническую иерархию родовитых семейств, как она дошла до 1610 года. Во всем следовать заведенному порядку по части выдачи жалованья и сохранения земельной собственности, накопленной русским правящим классом. Если в сфере землевладения или же наделения иными источниками дохода Владислав задумает поступить как-то по-новому, против обычая, «то о том государю его милости советовати и думати с бояри и с думными людми; и как государь его милость прыговорит с бояры, по тому так и учинить… На Москве и по городам суду быти и совершатись по прежнему обычаю и по Судебнику Российскаго государства; а будет похотят в чем пополнити для укрепления судов, и государу на то поволити с думою бояр и всее земли, чтоб было все праведно». И здесь власть монарха-иноземца ограничивали значительнее, нежели в первом варианте.

В финале многих договорных статей (нет смысла воспроизводить их здесь даже в самых общих чертах) — о преступлениях, о государственной безопасности, о державных доходах и расходах, о землеописаниях и т. п. — стоят слова наподобие таких: «А все то делати государю с приговором и советом бояр и всих думных людей, а без думы и приговору таких дел не совершати». Боярское правительство надеялось закрепить разделение власти над Россией между монархом и узким кругом высшей аристократии с максимальной надежностью и по максимально широкому диапазону вопросов. Подобное разделение в той или иной форме существовало со времен Ивана III, то есть от рождения Московского государства. Русские монархи и русская знать десятилетиями занимались политическим «перетягиванием каната», стремясь утвердить за собою побольше прав и полномочий. Иноземный ставленник мыслился боярством как весьма полезная фигура на поле исконно русской политической игры: его правление позволит вернуть многое из того, что «забирали» в разное время то Иван IV, то Борис Годунов.

3. Речь Посполитая и Московское государство заключают нерушимый военный союз. Сообща ведется оборона от татарской опасности — это главная линия для приложения совместных усилий. По итогам боевых действий последних лет производится размен пленниками без выкупа; обе стороны забывают о преступлениях, совершенных при Лжедмитрии I друг против друга во всеобщем озлоблении и отказываются от мести. Жолкевский обязуется просить Сигизмунда о прекращении осады и обстрелов Смоленска. Все города, принадлежавшие Московскому государству до начала войны, — как те, которые заняты на текущий момент поляками, так и те, где стоят воеводы Лжедмитрия II, — будут «очищены» и возвращены в состав Московского государства.

4. Один из важнейших вопросов — борьба против Лжедмитрия II. Его воинство признается в равной степени вражеским и для поляков, и для русских. Это не «государь», а «вор» и более ничто для обеих сторон. Бояре и гетман должны совместно предпринять меры к его поимке и уничтожению. Как только «вор» лишится головы, Жолкевский должен будет отвести польскую армию к Можайску. Но до тех пор она рассматривается как дружественный воинский контингент и вооруженная борьба с Самозванцем становится ее обязанностью. Марине Мнишек, оказавшейся в стане Лжедмитрия II, «государынею московскою не называтися»; Жолкевскому после победы над Самозванцем надлежит отвезти ее в Польшу.

5. Самое важное: те самые «вероисповедные вопросы», острые, гибельные «частности», которые полугодом раньше постарались «обойти» на переговорах.

Здесь они изложены с необыкновенной подробностью, притом в категоричных формулировках, дающих очень малое пространство для маневрирования, компромиссов, уступок. Думается, стоит привести этот фрагмент полностью: «Государу королевичу Владиславу Жикгимонтовичу,

коли он, государь, придет в столичный город Москву, венчатися на Владимерское и на Московское государство и на все великия и преславные государства Российскаго царствия царским венцем и диадимою, от святейшаго Гермогена патрыарха Московского и ото всего освященного собора Греческое веры, по прежнему обычаю и достоянию, як прежние великие государи цари московские венчалисе. А будучи государу королевичу Владиславу Жикгимонтовичу на Российском государстве, церкви Божьи на Москве и по всим городам и по селам в Московском государстве и во всем Российском царствии чтити и украшати во всем по прежнему обычаю, и от разоренья ото всякого оберегати, и светым Божьим иконам и пречыстое Богородицы и всим светым и чудотворным мощем поклонятися и почытати; и светительскому и свещенническому и иноческому чину и всим православным христианом быти в православной христианской вере Греческаго закона по-прежнему, и Рымской веры и иных розных вер и всяких иных вер молебных храмов в Московском государстве и по городам и по селам нигде не ставите; але штоб в столном городе на Москве хотя один Рымский костел быти мог для людей польских и литовских, которые пры государу королевичу мешкати будут, о том государу его милости с патрыархом и всим духовным чыном и с бояры и со всими думными людми намова быти мает; и христианское православное веры Греческаго закона ничем не рушить и не безчестить, и иных никаких вер не вводити, штоб светая православная вера Греческого закону мела свою целость и красоту по-прежнему; и Российскаго государства людей православных крестиан от Греческое веры в Римскую и ни в которую иную веру силою и нужею и иными никакими мерами не отводити; и жыдом в Российское во все государство с торгом и никоторыми иными делы не ездити; целбоносные гробы и мощи светых государю королевичу Владиславу Жикгимонтовичу мети в великой чести; а светейшого Гермогена патрыарха Московского и всея Руссии, также и митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов и игуменов, попов и дьяконов, и священнический и иноческий чин, и весь освещенный собор христианское православное веры Греческаго закону чтити и беречы во всем, и в духовныя во всякия святительския дела не вступатися, и иных вер, опрычь Греческое веры, в духовный чин не поставляти. А што дано церквам Божьим и в манастыри отчыны или угодей, и што шло при прежних государех ружного хлеба и всяких угодей, и того данья всих прежних государей московских и боярскаго и всяких людей данья у церквей Божиих и у манастырей не отнимати, быти всему по прежнему, ни в чем не нарушаючи; и церковных всяких манастырских чинов ни в чем не рушати, и ружные всякие оброки церковные и манастырские, которым преж сего давано из государское казны, то все давати по прежнему из государское казны; и милости ради великаго Бога к церквам и к манастырем всякаго даяния прибавливати».

Итак, королевич Владислав, приняв царский венец от патриарха по устоявшемуся чину венчания московских государей, не просто дозволяет провести обряд как некую формальность. Нет, он обязан сделаться нелицемерным православным. Должен почитать святые мощи, иконы, окружать заботой храмы, жертвовать на Церковь. Чтить и беречь всё православное духовенство от мала до велика. Не предпринимать никаких мер по распространению на русских землях иных вероисповеданий, помимо православия, не допускать «жыдов» (иудеев) в Московское государство (последнее, впрочем, было и в предыдущем варианте). Поле для маленькой уступки сохранено лишь в отношении единственного костела для католиков из Владиславовой свиты. Но тут появляется очень существенная поправка по сравнению с февральским вариантом: решить вопрос о костеле положительно может лишь Земский собор, где председательствовать будет сам патриарх. Стоит ли сомневаться, что в этих словах звучат требования Гермогена?

Наконец, самый существенный вопрос, вынесенный в конец договорной грамоты и прописанный с особыми оговорками, — принятие Владиславом восточнохристианской веры.

Сам Жолкевский не мог его решить. Он не имел официальных полномочий даже для ведения переговоров, а уж обещать перекрещивание королевского сына от своего имени гетман в принципе не мог ни при каких обстоятельствах. Поэтому в текст договорных бумаг вошла крайне осторожная формулировка: «А о крещеньи, штоб государу его милости Владиславу Жыкгимонтовичу королевичу пожаловати креститися в православную христианскую веру Греческого закону, и быти в православной христианской Греческой вере… о чом гетман теперь от государа короля его милости науки и порученья не маю (то есть «не имею». — *Д. В.),* и о том я, гетман, прыговорил с паны бояры, что им послати о том бити челом и договор чинити к государу Жигимонту королю… и королевичу… Владиславу Жыкгимонтовичу»[{212}].

Русские источники, притом не одни лишь историко-публицистические, но и документальные, указывают на Гермогена как на персону, стоящую за жестким и неотменным требованием о переводе королевича в православие: «Патриарх Ермоген со всем освященным собором советовав и, по прошенью бояр и всех людей Московского государьства, благословил их на сьезд ехати к гетману, велел на том, что им гетману говорит, чтоб королевич Владислав крестился в православную веру крестьянскую греческаго закона, и всем бы городом быть по прежнему к Московскому государьству, как при прежних государех, а в Литву городов не отдавать и воеводам литовским и полковником по городам не быть; и будет королевич крестица, и ему быть государем царем на Московском государстве; а будет не креститца, и ево на Московское государство не хотят»[{213}].

Предварительно стороны договорились о том, что королевич доберется до Можайска, а там Гермоген окрестит его в православие, дабы к стенам Москвы Владислав подъезжал уже православным человеком. Но это была всего лишь, как говорят в наши дни, «организационная прикидка».

Обе стороны с радостью и воодушевлением смотрели друг другу в глаза, открыто, честно, щедро раздавая обещания. И с таким же воодушевлением плели дипломатические лукавства, тонко оставляя себе пути отхода от соглашений.

Поляки тут оказались в более выгодном положении: победители, к тому же единственная сила, на которую Мстиславский и его сторонники могли рассчитывать как на более или менее надежный щит против Самозванца…

Боярское правительство присягнуло на верность Владиславу, привело к присяге Москву, а затем разослало по верным городам своих представителей с крестоцеловальными клятвами. Всё это произошло, стоит заметить, *до того,* как польский король утвердил соглашения, заключенные гетманом. Парадоксальная ситуация! Владислав де-факто уже признавался русским царем, еще не добравшись до Москвы, не приняв православие, не согласившись править Россией в соответствии со статьями августовских договоренностей. Король польский не убрал войск из-под Смоленска. Поляки еще не приступили к выполнению главнейших условий московского правительства, а оно торопилось намертво закрепить монаршие права польского королевича! Вскоре с Московского монетного двора побегут по всей стране серебряные ручейки монет с надписью: «Царь и великий князь Владислав Жигимонтович»[{214}].

Гермоген, вероятно, столь поспешным действиям князя Мстиславского сопротивлялся.

Поздняя летопись доносит известие, позволяющее как будто услышать обличающий голос патриарха. «Если… крестится [Владислав] и будет в православной вере, — пересказываются речи Гермогена, обращенные к боярам-переговорщикам, — я вас благословлю, а если не… крестится, то разрушение будет всему Московскому государству и православной христианской вере, да не будет на вас нашего благословения». Бояре повели переговоры с этой позиции.

«Гетман же с ними встретился и говорил о королевиче Владиславе. И на том уговорились, что королевича на Московское государство дать и креститься ему в православную христианскую веру. Гетман же Жолкевский говорил московским людям, что “даст де король на царство сына своего Владислава, а о крещении де пошлете послов бить челом королю”». Патриарх Гермоген «укреплял» бояр, чтобы «отнюдь без крещения на царство его не сажали».

Другой русский источник того времени прямо сообщает: «мнозии людие» требовали «послати к королю укрепиться крестным целованием», а Гермоген отвечал им: «О людие Московстии! Пождите, дабы не вскоре предатись», то есть уговаривал не торопиться с присягой на имя королевича. «И много пренемогаяся… месяца августа в 3 день выехаша за град Московские боляре, и съехаша с Литовским гетманом Станиславом Желковским, много о сем изречение бысть и всячески глаголаша с ним, дабы не поручена была наша христианская вера греческого закона папежскому закону. Литовский же гетман клятвы страшныя на ся возлагая, яко быти вере неподвижно во веки, еще же вдаст и лист от короля за королевскою рукою и за печатью, в нем же пишет, яко быти вере по прежнему обычаю, також и всему государству во всем достоянии, и многу схождению бывшу. Тогда целоваше крест». Проще говоря, Гермоген сомневался: стоит ли целовать крест Владиславу, пока он не крещен в православие. Заклинал не спешить с этим актом. Договорились же о другом. Королевичу все-таки присягнули заранее, но у Москвы от польского лукавства еще оставалась иная страховка: «Литве в Москву не входить; стоять гетману Жолкевскому с литовскими людьми в Новодевичьем монастыре, а другим полковникам стоять в Можайске. И на том укрепились, и крест целовали им всей Москвою. Гетман же пришел и встал в Новодевичьем монастыре»[{215}].

Но этим далеко не исчерпывается кошмар глубочайшей политической капитуляции.

Сам текст грамот, по которым русские приводились к присяге Владиславу, ни к чему не обязывал королевича. Там сказано: приводимые к присяге целуют крест на том, что обязуются верно служить новому царю и его потомству, как служили они прежним царям московским, не мыслить себе иных государей из Московской державы или из иных стран, поддержать отправку посольства к Сигизмунду III, с тем чтобы тот «пожаловал» бы, дал своего отпрыска на царство. В последних строках имеется обнадеживающая оговорка: «А ему, государю, делати во всём по нашему прошению и по договору послов Московского государства с государем с Жигимонтом королем и по утверженой записи гетмана Станислава Станиславовича Жолкевского»[{216}].

Но как ее трактовать, эту оговорку? Гетман не поручился ни в перемене веры королевича, ни в отступлении поляков от Смоленска, он вообще, строго говоря, вел переговоры самочинно. Договор с Сигизмундом пока не заключен. А простое «прошение» присягающих русских — не то средство, чтобы вышибить слезу из умиленного польского сердца.

Что же выходит? Вся московская дипломатия августа 1610 года — игра в поддавки? Или, может быть, каскад соглашений, половину которых узкий слой высшей русской аристократии изготовился легко «потопить», лишь бы в конечном итоге его интересы не пострадали, притом интересы иных общественных слоев и не собирались всерьез учитывать?

Подобные умозаключения нередко проскальзывают в историко-публицистических сочинениях. Однако есть веские причины усомниться в столь незамысловатых трактовках.

Москва получила мир с сильным противником, недавно разбившим ее войско.

Москва столкнула лбами поляков и Лжедмитрия II. Боярское правительство допустило его чуть ли не под самые стены Москвы. Жолкевский же реально способствовал тому, чтобы рать Самозванца отступила. Гетман употребил свою воинскую силу в соответствии с договором.

Использовав чужих солдат, правительство Мстиславского обезопасило столицу от Лжедмитрия и его союзников. В Москве, правда, многие считали иначе: «Всею землею Росийскою целовали крест Господень, что Владиславу Жигимонтовичю служите прямо во всем. С Вором же вси сущий, сиа увидевши, отидошя… в Колугу. За ними же поляки не погнашя, но оставишя их, да разоряют христианство. Патриарх же зело плакася, видя таковое нестроение»[{217}]. То есть, отдавая трон польскому королевичу, москвичи ждали от его соотечественников более значительных военных услуг. Но положа руку на сердце согласимся, что Лжедмитриева рать в Калуге — совсем другое, чем она же рядом с Москвой.

Те из московских политиков, кто не был уверен в правильности выбора, получили возможность затянуть окончательное решение до исхода переговоров с Сигизмундом III.

Хотя «Семибоярщина» и выступала теперь как друг и союзник польского воинства, но всё же она предпочла договориться с Жолкевским, чтобы тот без разрешения бояр не пускал своих «ратных людей» в Москву. До поры ворота Семихолмого града были затворены для бойцов гетмана.

Представители далеко не всех общественных групп присягнули Владиславу. В крестоцеловальной грамоте сказано: аристократия, дворянство, служилые люди «по прибору», приказные и торговые люди целовали ему крест, а вот «святейший Ермоген, патриарх Московский и всеа России», архиереи, архимандриты и игумены всего лишь «на Росийское государство хотят его с радостью». Иначе говоря, русское духовенство воздержалось от присяги до решения вопроса о перемене королевичем веры.

Для Гермогена, как показывает его позиция, отраженная во множестве источников, Владислав являлся «меньшим злом». Чужой «королевич» в глазах патриарха выглядел гораздо худшим царем, чем один из своих князей. Но всё же он рассматривался как приемлемая кандидатура. Ведь не этническая же принадлежность волновала Гермогена, большую часть жизни проведшего вне коренных русских земель! Он беспокоился исключительно из-за судеб веры. Первоиерарх готов был принять монарха из поляков, а не из русских — да хоть из татар, думается! — если тот сделается православным и не станет привечать иные конфессии с высоты российского престола.

Как Гермоген, так, надо полагать, и все до поры притихшие сторонники «русского варианта» при выборе нового царя видели в оговорке — той самой, на последних строках крестоцеловальной клятвы, — отнюдь не простую формальность, а хитрую лазейку. С точки зрения поляков, правовая логика давала им неоспоримое преимущество: русские присягнули Владиславу в основном за… обещания. Но ведь и сама присяга, само целование креста — тоже всего лишь обещание, а именно обещание верной службы, данное перед лицом Господа. Тут логика другая. Не юридическая, а религиозная. В соответствии с ней нарушение одних обещаний обнуляло и другие, данные в обмен на первые.

По-польски выходило: дело сделано!

По-русски выходило: всё только начинается — не утвердите договора, так и присягу долой!

Приблизительно в это время произошли три события, многое объясняющих в политической реальности междуцарствия.

Во-первых, в Москве появились русские вельможи, давно принявшие сторону поляков и участвовавшие полгода назад в первых переговорах о призвании Владислава[56].

Видя, с каким недоверием относится к «польскому варианту» значительная часть москвичей, зная о настороженном отношении к нему самого патриарха, они повели разговоры в том духе, что сделан правильный выбор и сомневаться не стоит. Они имели письмо от Сигизмунда III, где старшего из них, боярина Салтыкова, рекомендовали в качестве доверенного лица польского монарха по московским делам{218}.

Гермоген встретил прибывших неприветливо: «Пришли во град… враги богоотступники Михаил Салтыков да князь Василий Мосальский с товарищами, в соборную апостольскую церковь Успения Пречистой Богородицы, и пришли к благословению к патриарху Гермогену. Патриарх же их не благословил и начал им говорить: “Если пришли вы в соборную апостольскую церковь правдою, а не с ложью, и если в вашем умысле нет разрушения православной христианской веры, то будет на вас благословение от всего вселенского собора и мое грешное; а если вы пришли с ложью и разрушение православной христианской вере будет в вашем умысле, то не будет на вас милость Божия и Пречистой Богородицы и будете вы прокляты от всего вселенского собора”… Тот же боярин Михаил Салтыков с ложью и слезами говорил патриарху, что будет [королевич] истинным государем. Он же их благословил крестом. Тут же пришел к благословению Михалко Молчанов. Он же ему возопил: “Окаянный еретик! Не подобает тебе быть в соборной апостольской церкви”. И повелел из церкви его выбить вон с бесчестием»{219}. Каков был дворянин Михаил Андреевич Молчанов по вере своей — про то знали Бог да святейший патриарх. К нашему времени не сохранилось источников, по которым историк мог бы здраво судить об этом. А вот то, что он имел заслуженную славу душегуба[57], изменника, развратника и вернейшего слуги поляков — факт несомненный. Салтыкова недолюбливали в Москве — слишком уж тесно он связал себя с иноземной властью. Но Салтыков, при всей его жестокости, при всем его потакании полякам, все-таки мог считаться крупным политиком, а не дюжинным корыстолюбцем с королевским ошейником на горле. Молчанов — птица иного полета. Этот в большей степени слыл отчаянным злодеем, уголовником, прорвавшимся к большой власти, «ведомым вором», как тогда говорили. Хорошего же приспешника нашел себе Сигизмунд III! Русские отшатывались от него, как от смердящей падали. Гермоген не мог благословить такого человека, это было бы нестерпимой ложью и фальшью. Какой бы ни стоял за Молчановым высокий покровитель, а власть духовная подчиняется иному долгу и падать ниц перед земным благоволением, оказанным гнусному временщику, ей неуместно.

Это столкновение, видимо, быстро ставшее пищей молвы, еще раз показывает: хотя «польский вариант» и возобладал, но его реализация с самого начала вызывала в русском обществе немалое напряжение.

Во-вторых, Гермоген сделал очень значительный вклад в Троице-Сергиеву обитель. 22 сентября 1610 года патриарх дал монастырю 100 рублей «по себе и по своих родителех»{220}.

Для весьма немолодого человека, вообще говоря, нормальное дело — позаботиться, чтобы после его кончины иноки молились о нем и о его родителях. В самом факте такого пожертвования нет ничего удивительного. Но вот размер его изумляет: это необычайно большая сумма даже для архиерейского вклада. Как правило, столь значительным вкладам придается особенное значение.

Можно предположить одно из двух. Либо святитель Гермоген почувствовал угасание сил и здоровья, а потому начал готовить душу к отходу из мира сего. Либо он провидчески воспринял скорое свое жестокое столкновение с поляками как данность. Тогда о душе следовало позаботиться весьма спешно…

Существуют серьезные основания верить в справедливость второго суждения. Ровно за сутки до того, как патриарх сделал огромный вклад, произошло третье событие, сильно изменившее расстановку сил в Москве и мощно укрепившее позиции Жолкевского. Оно связано с действиями доверенных лиц короля Сигизмунда, в первую очередь — боярина Салтыкова.

Добравшись до Москвы, он развернул бурную деятельность, привлекая на свою сторону всех активных приверженцев польской власти. Салтыков призывал доверять Сигизмунду. Между ним и Гермогеном завязалось противоборство, окончившееся поражением патриарха и крайне болезненными для «русской партии» политическими последствиями.

Жолкевский рассчитывал на услуги боярина в чрезвычайно щекотливом деле. Гетман стремился закрепить успех за польским оружием. С этой точки зрения две главнейшие опасности, которые он видел для своих соотечественников в Москве, это восстание москвичей (их Жолкевский именовал «московской чернью, склонной к возмущениям»), а также новое наступление Лжедмитрия II. Гетман желал занять главнейшие цитадели русской столицы, куда его бойцов до сих пор не пускали. Их держали на окраинах, и это не удовлетворяло польского военачальника. Знать, составившая боярское правительство, изначально готова была уступить полякам в таком деле. Она даже видела для себя выгоду в подобного рода уступке, поскольку боялась нового общественного взрыва и прихода буйных отрядов Самозванца. Патриарха и простой народ, оказывавший сопротивление, пришлось — подтверждают и сами поляки — уговаривать «разными способами».

Салтыков, как сообщает источник, «нача своя коварственная творити, овиих прельщением и муками, иных ласканиями и имениями многих уловлиша и приводя к своей прелести. Тогда же святейший Ермоген патриарх о сем много ему возбраняя и запрещая и вечному проклятию предая и из благословения изъимая и из церкви изжена и христианству чужа его именуя. Он же окаянный с патриархом вси вопреки глаголаша и святительский его сан и здравое его учение небрежению предая и ни во что вменая: помрачи бо ему злоба сердце его… По сему Михайлову злому умыслу, восприяша гетмана со всем воинством во град и предашася в руце его месяца сентября в 21 день 119 (1610) года. Той же гетман вшед во град и войско свое по главным домом поставляет во внутреннем граде превысоком Кремлю и наказа их довольне, како бы им быти от Московских людей в опасеньи и постави над ними воеводу и властелина пана некоего, Александра Гонсевскаго, королевским неправдам верна советника»[{221}].

Блистательный русский публицист того времени, сладкогласый князь И.А. Хворостинин, в ярких красках описывает печальную историю борьбы патриарха Гермогена с боярином Салтыковым: «Многие из наших именитых людей вошли в соглашение с врагами и советы давали нам, говоря, что государя у нас нет, и род властителя великого Владимира, самодержца всея Руси, дома его прекрасные наследники — наши господа исчезли, и порабощены мы теперь себе подобными: “Слушайте внимательно! Вот сын польского и литовского короля, по имени Владислав, и он подходит нам в правители: юноша прекрасный, из рода древних самодержавных владык, и никто не может его упрекнуть ни в чем, настоящий властелин и подобен он во всем нашим прежним владыкам. Видя наше несчастье и смятение, отец его, самодержец, хорошее дело нам предлагает, как будто мерило правильное, сына своего нашей земле царем дает. Послужим же ему, как законному своему владыке. Не будем упорствовать в беспорядке из-за вероучения: хотя он и не одной с нами веры, но хочет он ради нас православие принять и быть с нами вместе в единой благой совести закона нашего, а их веру не исповедовать и не распространять, и не строить свои храмы, но честно соблюдать установления нашего православия, суть веры, по правилам соборов действовать, а свои умствования отвергнуть и быть последователем вселенской святой восточной церкви”. Такими пространными речами они убеждали нас, а потом все сошлись на собор, и эти советы были

признаны правильными… Всё это видя, церковный наш пастырь, святейший патриарх, томится душой и ревностью духовной распаляется, и призывает он не верить обещаниям чужеземцев и наших предателей. Как пророк он предсказал и указал нам, что они коварно это делают, и не на пользу нам это: “Молитесь же, чтобы мы соблюли незапятнанной чистоту веры во всех делах своих, чтобы добродетельно жили. Только умоляю, чтобы вы следовали этому, и тогда Бог вскоре мир дарует нам и избавит нас от злодеяний их ради запечатленного навеки кровью обещания господа нашего Иисуса Христа!”

При этом святитель слезами лицо, одежду и бороду орошал… Хотя был отец наш украшен сединами благолепными, как нива, смотрящая на жнеца, никто не устыдился старости его и словам поучения его не внимал и даже нечто преступное против него замышляли»[{222}].

Иные русские источники подтверждают: Гермоген всячески противился проникновению иноземных войск в Москву. Более того, патриарха поддерживала в этой упорной борьбе влиятельная группа политиков. Один из них, князь И.Н. Одоевский, прямо высказался за вооруженную оборону столицы.

Как это произошло, кратко и емко объясняется в публицистическом памятнике того времени — «Казанском сказании»: «Прежереченныйже вор (Лжедмитрий II. — *Д. В.)* отъиде от царьствующего града в Калугу, по лукавному совету гетмана Желковского (Жолкевского. — *Д. В.).* Егда же окаянный гетман хотя внити во царьствующий град… от вельмож князь Иван Микитич Одоевской и мало избранных с ним от лутчих вой возглаголаша всем бояром и воем Московского государьства: “Вразумитеся, о людие, яко лестью сею гетман идет… (то есть обманом. — *Д. В.)* во царьствующий град и вручает его себе. Идем убо и мы вси единодушно и положим телеса своя на стенах градных. Лутче есть нам ныне умерети за веру свою и за образ чюдотворной иконы Пречистой Богородицы и за святыя Божий церкви и за святыя чюдотворныя мощи, нежели живым сущи злая возприяти”. Сия убо глаголы возвестили святейшему Ермогену патриярху. Он же… твердый адамант и непоколебимый столп, святейший патриарх Ермоген Московский и всеа Русии, слыша сия и возлюби совет их и глаголя со слезами: “Воистину, сынове света, изыде на градния сте[ны] и возбраните им, да не внидут во царствующий град волцы и не восхитят о[в]ца Христовы! Постойте мало во утвержении крепости своей и узрите милость Божию совершенну. Аще ли же не послушаете совета нашего и внидут сии окаяньннии во град Москву, то злая воспримете”»[{223}].

Но выступлением князя Одоевского дело не ограничилось. Мстиславскому и его сторонникам, помимо патриарха, противостояли князья Голицыны, князья Воротынские, московское дворянство, купцы. Фактически Гермоген на какое-то время встал в центр большой политической группировки, отстаивающей город от посягательств Жолкевского.

17 сентября, когда поляки уже договорились с боярами о вводе своих войск в Москву и послали офицеров «для распределения квартир», некий чернец «ударил в колокол и сказал собравшемуся народу, что [поляки] направляются к городу». Бояре попросили гетмана отложить ввод войск на несколько дней. Пытаясь загладить впечатление от «неудобной» ситуации, московское правительство пошло на важную уступку: «Они выдали гетману троих Шуйских»[{224}].

Однако временный успех не означал решительной победы Гермогена и его сторонников. Другая группировка, возглавленная князем Мстиславским, оказалась сильнее. Именно она повернула дело так, что проникновение ратников Жолкевского за городские стены сделалось реальностью, но не воспринималось большинством москвичей как враждебный акт. Во всяком случае, сначала.

По свидетельству летописи, когда боярская партия Мстиславского решила пустить «литву» в город, «за то был… патриарх Ермоген Московский и всея Русии и бояре князь Андрей Васильевич Голицын да князь Иван Михайлович Воротынский, и многие дворяне, и дети боярские, и гости, и торговые люди, *что литвы в город не пустити,* покамест послы сходят князь Василей Васильевич Голицын с товарыщи», то есть пока посольство князя В.В. Голицына под Смоленск не договорится о принципиальных вопросах с королем Сигизмундом. Но у них за спиной действовал влиятельный противник: «По грехом бояре посмутились: князь Федор Иванович Мстиславский с товарыщи, а подбил их изменник Михайло Салтыков да Фетька Андронов. А литва, как пришла в город [Москву], и стали во всех городех, и насильство почали чинить великое бояром и дворяном, и всяким московским людем»[{225}].

В отношении Гермогена этот шаг был оформлен не как прямое и очевидное нарушение его воли, а как… уступка. Правда, таковою он выглядел лишь в глазах самих вояк Жолкевского, русские же очевидцы ничего подобного не думали.

До того как гетман вошел в Москву, его резиденция размещалась в Новодевичьем монастыре, а полки встали по слободам, за пределами Белого города. Жолкевский отправил к патриарху своего родственника («сестренца») Болобана, православного, чтобы договориться о вводе своего штаба в Новодевичий. Патриарх «штоб ратным людем в Девиче монастыре стоять, не производил, для того, штоб отгуле… черниц не перепроваживать». Думные чины из боярского правительства ходили к патриарху и уговаривали отступиться. Жолкевский в обитель всё же вошел. Многие упрекали Гермогена, а боярин Иван Никитич Романов (младший брат Филарета, митрополита Ростовского) говорил ему: «Ведаешь… ты сам, какова в людех на Москве смута, надобе нам свои головы от Вора оберегати, а воинских людей польских и литовских для береженья в столицу впустити, или в Девичьем монастыре да по слободам поставите; и коли на то не производишь, и то ведаешь ты; а станется столице какое дурно от Вора. Ино наши души в том перед Богом и господарством будут чисты; а ныне только гетман пойдет с войском прочь от столицы, и нам ити за ним, а голов наших не выдати Вору». Патриарх понимал, разумеется, опасения «Семибоярщины»: как бы свои головы уберечь! Но его беспокоил вопрос куда более важный для государственного порядка: «Какой будет… московским людем сыск и управа», если польско-литовские отряды начнут нарушать покой жителей столицы?

Тогда поляки составили особые «статьи», где содержались указания гетмана «жолнерам», как им вести себя в городе. Их перевели на русский и передали патриарху. Упор в «статьях» делался на то, что польские командиры обязаны поддерживать жесточайшую дисциплину. За малую вину им вменялось в обязанность применять смертную казнь, хотя московский Судебник предписывал более мягкие наказания: батоги или тюремную отсидку (она, к слову сказать, по старомосковским законам никогда не бывала длительной). Именно строгость названных статей, по мнению поляков, дала Гермогену повод пустить гетмана с войском «не в Девич монастырь, але в столицу… и от Вора столицу оберегати». Допустим, освобождение Новодевичьей обители действительно должно было восприниматься патриархом с радостью — какая жизнь тамошним монахиням, когда рядом с ними чужие солдаты?! А вот что касается «статей», то Гермоген, надо полагать, очень хорошо понимал: их соблюдение останется на воле и здравом смысле вражеских офицеров; когда то и другое им изменят под давлением обстоятельств, самые крепкие обязательства превратятся в пустой звук.

Правая рука гетмана, Александр Гонсевский, был уверен: патриарх отступил «не для королевича его милости, але для себе, боячися, штоб его Вору не отдано, и так бы с ним от Вора не учинилося, как прежнему Иеву патриарху от Гришки Отрепьева сталося»[{226}]. Правда намного прозаичнее. Неизвестно, изъявлял ли Гермоген добрую волю на ввод гетманской

армии в столицу. Возможно, сего не произошло. Скорее всего, поляки сделали несколько малозначительных уступок, Болобан мило поговорил с первоиерархом, но добился только одного: Гермоген не стал поднимать народ для открытого сопротивления. А ворота Москвы открылись перед поляками и литовцами не по его слову, но лишь волей Мстиславского со товарищи, безо всякого патриаршего благословения.

Так или иначе, худшее следствие чудовищной уступчивости бояр обрушилось на Москву. Иноземные полки заняли Кремль, Китай-город и Белый город. Им отдали контроль над мощными укреплениями, прежде никем никогда не взятыми штурмом.

Так, не сделав ни единого выстрела, не потеряв ни единого солдата, Жолкевский одержал большую победу. Русская аристократия, увлеченная, как видно, проектом перестройки Московской державы на польско-литовский лад, шла за гетманом, ничуть не сопротивляясь его воле. Ее неразумием и ее слабостью тогда было отдано чрезвычайно многое.

Возвращать уступленное придется с боем — кровью, болью, тяжкими потерями…

Но пока о грядущей борьбе никто еще не задумывался. Пока в Москве поддерживалась иллюзия полного мира с иноземной ратью и чуть ли не благорастворения воздусей.

И лишь патриарх Гермоген, предвидя бурю, сделал тот самый громадный вклад в Троице-Сергиеву обитель…

Князь Мстиславский во главе аристократической делегации с почетом встречал у ворот Москвы войско гетмана Жолкевского. Именно он упрашивал Жолкевского остаться в русской столице, когда тот вознамерился ее покинуть. Сам гетман впоследствии рассказывал об этом эпизоде в подробностях, довольно неприятных для репутации князя Мстиславского: «В то время, когда гетман[58] должен был выезжать из Москвы, пришел к нему Мстиславский, и с ним около ста знатнейших бояр, и, запершись с гетманом, просили его о двух вещах: во-первых: не предстоит ли возможности, чтоб он не уезжал от них, ибо, говорили они, теперь в присутствии твоем мы живем смирно и согласно, а по отъезде твоем опасаемся, чтобы люди ваши, как своевольные, с нашими людьми не произвели ссоры; во-вторых, ежели иначе быть не может, и он должен ехать, то в таком случае, чтобы войско свое оставил в хорошем управлении. Они же [бояре] со своей стороны обещали стараться до прибытия королевича удержать дела ненарушимо и в спокойствии; но только чтобы гетман поехавши просил е. в. короля сколь возможно скорее отправиться на сейм, присовокупляя: “Знаем, что у вас не может быть ничего прочного без утверждения сейма; а потому, пусть е. в. король, уговорившись и определив с послами нашими все дела, касающиеся обоих государств, после сейма как наискорее приезжает к нам с государем нашим королевичем Владиславом, ибо мы знаем, что королевич по молодости своей не совладает еще с столь великими делами, то чтобы король до совершеннолетия управлял государством”. Гетман отвечал им, что иначе не может сделать, как только отправиться; однако так уезжает, что войско будет содержаться в таком же порядке, как и в присутствии его»[{227}].

Жолкевский постарался максимально укрепить власть поляков над Москвой. Часть московских стрельцов и других служильцев отправилась на Новгородчину. Под предлогом угрозы от наступающих шведов их удалили из столицы. Во главе стрелецкого корпуса встал Иван Салтыков — «верный доброжелатель короля», как называли его сами поляки. Над теми стрельцами, кто еще оставался в столице, Жолкевский поставил… поляка! А именно велижского старосту Александра Гонсевского, которому предстоит сыграть выдающуюся, но черную роль в судьбе Великого города. Главное, что делал Гонсевский, находясь на посту главы Стрелецкого приказа, была дальнейшая рассылка подчиненных по дальним городам.

Жолкевский получил официальное согласие «Семибоярщины» на все эти действия. Первую «партию» стрельцов, уходивших из Москвы, гетман задобрил подарками и угощениями, да так, что поляки довольно поговаривали: «Мужичье это готово было на всякое его изволение»[228]. Вождь поляков действовал как большой хитрец и весьма искусный политик. Ему удалось усыпить бдительность русских, уставших от войны и с радостью принявших мир. Немногие из них задумывались: так ли хороши иноземные пришельцы, как старается показать их начальник? Пока ни о заговорах, ни о каком-либо неподчинении новой власти речи не шло.

Недюжинное упорство понадобилось Жолкевскому, дабы поладить с патриархом, коего гетман опасался больше всего: «С патриархом, человеком весьма старым, ради религии (опасаясь в ней перемены) сопротивлявшимся делам нашим (польским. — *Д. В.),* гетман сносился сперва пересылаясь, а потом, сам у него бывая, приобрел (по-видимому) великую дружбу его и различными способами ухаживал до того за ним, что старец, как было слышно, возымел к нам противное прежнему расположение». Оговорки «по-видимому» и «как было слышно» показывают, что в этой самой «великой дружбе» поляки во главе с их командующим вовсе не уверились до конца. В самом начале октября, как будет показано ниже, патриарх произведет действия, прямо противоречащие этому мнению Жолкевского. Полководец еще не уехал из Москвы. Он видел, каково истинное настроение Гермогена, и все-таки написал о каких-то своих успехах в общении с ним. Но дело тут не в самохвальстве гетмана. Причины серьезнее. Как еще мог написать он? Как мог блестящий военный сознаться, что покинул свои полки, оставив за спиной громадную проблему, можно сказать, мину замедленного действия? А крайнее раздражение Гермогена против поляков и было настоящей взрывчаткой, подложенной под их власть в русской столице, притом свечка над горой пороха уже украсилась язычком пламени. С каждой неделей «фитилек» сокращался и сокращался, прогорая…

Устроив дела подобным образом, гетман покинул Москву. Это произошло на рубеже октября и ноября 1610 года.

Он уехал в высшей степени вовремя, оставив себе все лавры большой политической удачи, а своему преемнику Гонсевскому — все превратности, каковые явятся очень скоро.

Вот признание, содержащее зерно всех будущих неудач польской власти в Москве: «[Гетман] торжественно объявил думным боярам, что желает отправиться к… королю, представляя им различные причины своего отъезда: отдать отчет лично… королю обо всем, что случилось и по какой причине, послам их помочь в желанном и скорейшем отправлении и переговорить, наконец, о надлежащем содержании войска и уничтожении Калужского обманщика. Но причины эти были поверхностные, о действительной же причине он умолчал, храня ее в великой тайне, а именно, что… король как письмом, так и чрез старосту Велижского, объявил свое желание приобрести Государство Московское не для королевича Владислава, но для самого себя. Гетман, имея достаточную опытность касательно воли народа московского, который никоим образом на это не согласится, предвидел, что должны наступить великие замешательства и затруднения, когда намерение… короля будет открыто»[229].

Неумеренность политических амбиций Сигизмунда III, грубый, лобовой его курс в отношении русских еще приведут поляков к тяжелому поражению. Жолкевский, расчетливый и опытный человек власти, думал на несколько ходов дальше, нежели его сюзерен. Но верховная власть принадлежала не ему. Если бы польские дела в Москве вел гетман, а не король, как знать, удалось бы русской столице сбросить иноземную власть за два года или этот процесс затянулся бы надолго…

Еще до того, как Жолкевский убыл из Москвы, боярское правительство снарядило посольство к Сигизмунду III. Это «великое посольство» имело своей целью привезти назад утвержденный

договор и, в самом удачном случае, нового царя. А значит, ему предстояло снять несколько серьезных проблем, которым гетман не мог дать окончательное решение своим именем.

Вот эти проблемы: перекрещивание Владислава и отправка его с соответствующей свитой в Москву; снятие осады со Смоленска; возвращение порубежных земель и городов, занятых польско-литовскими войсками[59]. Почти все прочие статьи августовского договора имели под собой согласие польского монарха, так или иначе высказанное заранее. Устройство польского костела в Москве — вопрос, не входивший в сферу компетенции посольства, поскольку его мог решить только Земский собор.

Послы отправились в путь 11 сентября 1610 года, а добрались до королевского лагеря под Смоленском в начале октября. Во главе весьма значительной группы дипломатических представителей Москвы (более 1200 человек!) стояли князь В.В. Голицын и Филарет, митрополит Ростовский. Вместе с ними ехали окольничий князь Д.И. Мезецкий, думный дворянин В.Б. Сукин, дворяне, дьяки, архимандрит московского Новоспасского монастыря Евфимий, келарь Троице-Сергиевой обители Авраамий Палицын, множество «выборных людей» от «разных чинов». Казалось бы, столь значительное посольство могло быть нацелено только на успех.

Однако в действительности его… запрограммировали на неудачу.

Во-первых, сами поляки — как Жолкевский, так и Сигизмунд — уже знали: августовские соглашения обречены на пересмотр. Король хотел заменить собою сына. Деблокада Смоленска в планы поляков явно не входила.

Во-вторых, сами русские, как ни парадоксально, отправлялись вовсе не за Владиславом.

Кто вошел в руководящую группу посольства? Князь Голицын, сам строивший планы на престол. Митрополит Филарет (Романов), имевший в сыновьях еще одного претендента. Настоятель Новоспасского монастыря, прочно связанного с родом Захарьиных-Юрьевых-Романовых (там располагалась их семейная усыпальница), то есть с тем же Филаретом. Келарь Авраамий, ненавидевший польско-литовских захватчиков после того, как они истерзали осадой Троице-Сергиеву обитель. Ни один из них не был заинтересован в удачном исходе общей миссии. Их больше устроил бы провал, поскольку тогда появлялась возможность продолжить собственные политические игры.

Князь Мезецкий и думный дворянин Сукин могли дать слабину, пойти на компромисс — так и произойдет впоследствии. Но они являлись второстепенными лицами посольства. Кроме того, Мезецкий и особенно худородный Сукин по своим местническим позициям намного уступали Голицыну, высшему аристократу. Его слово при любых обстоятельствах получало бы более вескости, нежели их претензия какого угодно рода.

У Сигизмунда III был один-единственный шанс поладить с таким необычным посольством: согласиться на все требования боярского правительства. Тогда у Голицына с Филаретом просто не осталось бы оснований для спора. Но король вовсе не желал подобного исхода.

Таким образом, дипломатическая миссия, отправленная под Смоленск, провалилась уже на выходе из Москвы.

Патриарх Гермоген самым очевидным образом способствовал этому провалу.

Во-первых, представители духовенства, отправленные к Сигизмунду, явно отбирались по его слову. Возможно, патриарх повлиял и на отбор прочих представителей Москвы — из дворян и

дьяков. Летопись откровенно указывает на то, чем руководствовался Гермоген, оказывая подобное влияние: «Бояре же пришли к патриарху и начали говорить ему о том, чтобы выбрать послов из духовного чина и из бояр, а с ними, выбрав, послать ото всяких чинов людей добрых. Патриарх же их укреплял, чтобы выбрали из своего чина людей разумных и крепких, чтобы прямо стояли за православную христианскую веру непоколебимо: “А мы соборно выберем мужа крепкого, кому прямо стоять за православную христианскую веру…”»[{230}]. Яснее не скажешь.

Во-вторых, глава Русской церкви отправил с посольством такие сопроводительные грамоты, после которых всякий успех переговоров становился немыслимым.

Дело не в том, как составлены документы посольства, предписывающие его «начальным людям» определенный образ действий. Там ничего «крамольного» нет. Одно лишь простое отражение тех требований, которые уже были озвучены в бумагах, подписанных Жолкевским. Посольский наказ составлен от имени Гермогена, Освященного собора, знати, дворян, приказных, всяких служильцев и торговых людей Московского государства. Там содержатся слова, звучащие нейтрально, в почтительном тоне: «Королевичу… Владиславу Жигимонтовичу пожаловати креститися». Среди прочих бумаг обнаруживается текст речи, предназначенный для коллективного зачитывания главными людьми посольства в польском стане. Речь обращена к «Владиславу Сигизмундовичу». На князя В.В. Голицына возлагалась обязанность произнести первую ее часть, а продолжали чтение менее значительные участники посольства. Так вот, в наказе требование перейти в православие сформулировано спокойно и уважительно. Официальные посольские «статьи» звучат следующим образом: Владиславу — креститься, и чтоб он «будучи на Московском государстве, от папы Римского их закону о вере не просил и благословения не принимал, и с ним о том не ссылался». Тех, кто «отступит от греческой веры», Владислав, взойдя на русский трон, должен будет казнить смертью и конфисковывать имущество. Жестко — но опять в духе августовских соглашений. Вариант, что Владислав не перекрестится в православие или хотя бы не захочет этого сделать до прихода в Москву, посольскими инструкциями не предусмотрен. Послам велено говорить: «А иного нам приказу о том никоторого нет»[{231}]. Иными словами: Москва не готова открыть ворота перед Владиславом, если он пожелает въехать в город, оставаясь католиком.

Притом посольские люди очень скоро узнали: ворота-то уже открыты, и въехали в них самые настоящие, неподдельные католики в полном боевом вооружении, притом католики, не имеющие никакого отношения к королевскому сыну. Позиция Голицына и Филарета оказалась страшно ослабленной через десять дней после выезда из Москвы. Требовалось недюжинное мужество, а еще того более — твердость характера, чтобы отстаивать русское дело в условиях, когда Кремль занят поляками…

И вот такое посольство, имея за спиной капитулировавшую твердыню, передает королю Сигизмунду и королевичу Владиславу два письма Гермогена о вере. Оба они составлены как моление и «челобитье» от имени «всего освященного собора», «московских чинов», приказных, дворян, торговых людей и всяких служильцев, а не только патриарха. Однако всё это перечисление требовалось для одного: усилить позицию, обозначенную в грамотах Гермогеном. Его авторство не вызывает сомнений. И тон обоих документов разительно отличается от тона прочих посольских бумаг.

Как небо и земля…

В письме, адресованном Сигизмунду III, говорится: от великого князя Владимира на Руси всегда сияла, «яко солнце», православная вера. К польскому монарху возносится прошение: «Великий самодержавный королю, даруй нам сына своего, его же возлюби и избра Бог во цари,

в нашу православную греческую веру». Далее идет пространная хвала православной вере, начинаемая словами: «Ея же пророцы прорекоша, ея же апостоли проповедаша, ея же святи отцы утвердиша, ея же вси православнии христиане неблазненно и крепко содержаша, и по все время красуетца и светлеет и сияет яко солнце. Сия вера красна добротою паче всего сыном человеческим, на нея же божественная благодать излиявшись, и яко сладкая цевница, движущи новую и благолепную песнь духовную, в концы земли вскоре слышиму сотвори. Сия вера точащее нелестное млеко сосца непорочныя невесты Христовы, яко же есть писано, духовными наказаниями воспитает и в мере возраста исполнения Христова сподобляет верных достигнута добре. Сия вера преблаженными и пребожественными дуновении Параклитовыми от всея земли отгна всякую бесовскую губительную прелесть… О великий державнейший королю, великий государь! Даруй нам государя заповеди Божия соблюдати и державу Русскую сохраняти, и нас во тихости и в кротости и в любви и в милости содержати. Даруй нам царя, им же бы вера христианская не разорилась. Аще царь верен будет Богу, и Бог для его и людем его согрешения отпустит; аще ли царь будет Богу неверен, то большое зло наводит Бог на землю ту, понеже той есть глава земле и пастырь всему Христову стаду словесных овец…»[{232}]

В финале процитированного пассажа содержится смысловой заряд, явно оскорбительный и для Сигизмунда, и для Владислава. Если «царь верен будет Богу… Бог… людем его согрешения отпустит; аще ли царь будет Богу неверен, то большое зло наводит Бог на землю ту, понеже той есть глава земле и пастырь всему Христову стаду словесных овец». Но в начале-то письма сказано: отдай сына в «нашу православную греческую веру». Следовательно, пока царь пребывает вне «православной греческой веры», он Богу неверен. Выходит, сам Сигизмунд, католик, неверен Богу! Да и сын его всего лишь получает шанс на исправление души, а пока — сквернавец.

Но это еще цветочки. Ягодки пойдут в послании, адресованном королевичу.

Владиславу передают «моление ко крещению». Оно во многом повторяет послание Сигизмунду. Но есть отличия. Владислава упрашивают не противиться «суду Божию и нашему и всего собора и царского синклита и всех православных крестьян молению». Говорят: прими «веру непорочную», «прими убо, государь, сия благовоние и наслаждайся сим благочестие». Смысл: а пока, Владислав Сигизмундович, вера твоя порочна и смердит…

Моление о принятии православной веры весьма длительно и эмоционально: «Смилуйся, государь, прими веру, ея же благоверный великий князь Владимир… возлюбил паче всех вер… Прими веру, ею же Богу сам верен будеши; прими, государь, крещение, им же внидеши в небесное царствие… твоим крещением и правою к Богу верою Московское великое государство от мятения перестанет и тишину примет; твоим крещением кровь крестьянская перестанет литась…»[{233}] И так далее до самого конца. Смысл всё тот же: а пока, Владислав Сигизмундович, вера твоя — Богу измена. Нельзя, оставаясь в ней, войти в царствие небесное, но только став православным человеком.

Оскорбления, прямо нанесенные Гермогеном в этих двух грамотах, не имеют никакого отношения к всплеску чувств — раздражению против поляков, католиков, против бояр, нагло им потакающих, нет. Они вставлены в патриаршие послания с четким политическим расчетом, обдуманно. Повышенный эмоциональный фон — работа искусного публициста.

Надо понимать: для Гермогена нет и не может быть уступок на вероисповедной почве. Сама их возможность в его уме не существует. Он страж веры, не знающий компромиссов. И он никогда, ни при каких обстоятельствах не сдаст своих позиций. Нельзя быть немножко православным — так же, как женщина не может быть немножко беременной. Либо человек православен, либо нет. Царь живет у всех на виду. И русскому царю пристало быть безусловно

православным, никакие «смягченные варианты» не проходят. Русский царь не может быть католиком, милостиво относящимся к православию. Он не может быть православным, покровительствующим распространению католичества на просторах своей державы. Никак. Никогда. Иначе — смерть ему, как Лжедмитрию! Во всяком случае, трон из-под него следует выбить, и чем скорее, тем лучше. А значит — новая смута, новая кровь, новое разорение.

Гермоген едва дал уговорить себя: пусть явится поляк и сядет на престол, издавна принадлежавший Рюриковичам; пусть он сейчас католик; нехорошо и подозрительно, однако Россия еще может соблюсти себя, если претендент поступит с нею честно. Только честность должна быть прямой, ясной, нелицемерной, никаких полутонов!

Вот какова причина появления оскорбительных реплик в патриарших письмах. Они показывали: есть барьер, через который перешагнуть невозможно. Русский народ и Русская церковь считают, что в католицизме истины нет, а в православии она есть; скрывать подобное отношение — невозможно; либо Владислав примет это и будет править нами, либо он встретит перед собой стену неприятия.

Вопрос о вере государя был поставлен с крайней жесткостью. Он звучал как предупреждение: рассчитывать на какие бы то ни было проявления «гибкости» не стоит. Не та тема!

Сигизмунд III, твердый католик, мог воспринять слова Гермогена только с гневом и несогласием. Допустим, давно известно, что католики не видят истины в православии, а православные в католицизме, для польского короля это не новость. Но он надеялся обойти вероисповедный момент. Он надеялся: русские подчинятся, уж как-нибудь сдадут они свою веру, другое-то сдавали, ничего… И — полный крах его ожиданий.

С послами прежде поговорил «о крещенье, про королевича, и о вере» великий канцлер Великого княжества Литовского Лев Сапега. Проще говоря, политик номер один всей литовской части Речи Посполитой. Ничего утешительного он не сказал. Митрополит Филарет сейчас же сообщил Гермогену о сих печальных обстоятельствах[234]. Слова Сапеги не поколебали стремление послов добиваться своего.

Они продолжали упорно отстаивать ту позицию, с какой приехали из Москвы.

Затем последовал официальный ответ самого короля Сигизмунда. Он не обещал перекрещивания сына, приняв «благородную» позу человека, совершенно не готового применять насилие в отношении веры «нижайшего из своих подданных», а тем более — королевича. Отпустить Владислава в Москву он также не обещал, отделавшись пустыми словами: королевич-де поедет «на совершенно успокоенное господарство… когда будет воля Божья…»[235]. Смоленск он продолжал держать в осаде, не допуская и мысли о ее снятии.

Звучали его ответы издевательски. Мол, ждите, господа московитские послы, авось когда-нибудь и явится ваш королевич; ждите, благородные господа, авось захочет королевич, да и крестится в вашу варварскую веру. А может, и не крестится. Вы ведь ему уже целовали крест? Целовали. Войска в свою столицу впустили? Впустили. А что договаривались принять сына моего на царство лишь после того, как станет он православным, так ведь это вы с Жолкевским переговоры вели. Ни я, ни сын мой ничего подобного не обещали. Верно, господа послы? Не так ли, друзья мои?

Участников посольства начали обрабатывать в том духе, чтобы они оставили свои требования, связанные с верой, да и о кандидатуре Владислава перестали говорить, ибо сам Сигизмунд желал для себя русского трона. Ему-де следует оказать такие же «почести», как сыну. Уже

начали покрикивать на послов: что за договоренности с Жолкевским? «Нам до гетманской записи дела нет!» Представителей Москвы обижали «кормами», держали их в угнетающей скудости, порою прямо угрожали расправой.

Мало того, польский монарх еще и принялся отдавать распоряжения московскому правительству, как собственным подданным. Он жаловал земли и чины московские, не исключая высших — «думных». Он требовал, чтобы послы уговорили смолян открыть перед ним ворота, а потом дать присягу на имя Сигизмунда.

Посольство разделилось.

Филарет и князь Голицын, а также наиболее стойкие, наиболее отважные дипломатические представители Москвы сопротивлялись. Некоторые другие предпочли сдаться, признать Сигизмунда III своим господином. Получив от него знатные пожалования, одни разъехались по домам, другие вернулись в Москву, не довершив дела. Захарий Ляпунов, свергавший царя Василия Ивановича, вовсе перешел из русского стана в польский.

Король начал давить на посольство через Москву. Оттуда, от боярского правительства и пропольской администрации, летели инструкции: покориться! Филарет с Голицыным не покорялись.

Более того, они стали своего рода живым узлом большого военного заговора. Обличительные письма шли от них в города и земли России. Командир московского гарнизона поляков Александр Гонсевский впоследствии с яростью вспоминал о роли «великих послов» в организации сопротивления чужеземцам: «В тогдашных же часех (декабрь 1610-го — январь 1611 года. — *Д. В.)* иман на Москве в измене Федор Погожой, и тот в роспросе сказал и своею рукою весь злой завод и совет Филарета митрополита выписал: как он в слове с патриархом, едучи с Москвы, положил, штобы государю королевичу на Московском господарстве не быть, а патриярх ему имался всех людей к тому приводить, штобы сына его Михаила на царстве посадити; и как Филарет ис-под Смоленска смутные грамоты в Ярославль и в иные городы писал, будто (какое там «будто»! — *Д. В.)* король королевича на Московское господарство дати не хочет, и они ж бы от Москвы на время отложилися и стали заодно против нас, людей королевских»[{236}].

Нет смысла в подробностях пересказывать здесь историю «великого посольства». Она изложена во множестве монографий, статей, популярных изданий. К тому же судьба Гермогена связана с ним не долее чем до декабря 1610 года; позднейшие злоключения послов уже никак не касаются трудов патриарха. Остается лишь сказать, что представителей Москвы долго терзали, понуждая к подчинению. Незадолго до конца года им привезли из Москвы грамоты, подписанные боярским правительством. Там говорилось: во всем сдайтесь на волю Сигизмунда. Но послы не признали официальную силу грамот: во-первых, отсутствовала подпись патриарха; во-вторых, подписи князей И.М. Воротынского и А.В. Голицына, как они знали, вытребованы были у обоих насильственно. Весной 1611 года поляки, не сломив русских послов, ограбили их до нитки и вывезли неволей из-под Смоленска. Фактически несколько лет их содержали под стражей, забыв думать о какой-то дипломатической неприкосновенности. Не все вернулись домой…

Главных людей посольства следует ныне поминать с почтением: их мужество достойно самой высокой оценки. Смоленск же был взят Сигизмундом III летом 1611-го, после жестокого сопротивления, стоившего королю тяжких потерь.

Гермоген знал о бедственном положении посольства. Более того, он получил из-под Смоленска

корреспонденцию, извещавшую его и о политических амбициях Сигизмунда, и о том, что на участников посольства оказывается давление. На рубеже ноября-декабря 1610 года неприглядная картина смоленских переговоров стала известна патриарху во всей ее полноте.

Между тем накалялась обстановка и в самой Москве. Боярское правительство, чем дальше, тем больше превращалось в группу совершенно безвластных персон, исполняющих, как бы сказали сейчас, представительские функции. Действительную власть скоро прибрали к рукам Гонсевский со своим штабом, боярин Салтыков, казначей Федор Андронов, да еще десяток лиц, не имевших порой не только аристократического, но и дворянского достоинства. Они занимались делами, а «Семибоярщина» лишь тихо соглашалась с их решениями.

После отъезда гетмана Александр Гонсевский первое время поддерживал строгую дисциплину среди своих бойцов. Он стремился показать: поляки не настроены убивать, грабить, обижать москвичей; поляки честно исполняют союзнический долг. Его усилия заслуживают доброго слова. Этот человек как минимум старался держать в узде пришлое воинство.

Так, польский воин Тарновецкий, который ударил православного иерея до крови, получил от Гонсевского приговор: обезглавить! Ратник в ужасе бил челом патриарху и боярам, прося избавить его от смертной казни. Гермоген и боярское правительство сочли возможным заступиться за Тарновецкого: слишком уж тяжело наказание! Гонсевский, желая показать своим людям строгость, дабы им неповадно было совершать такие поступки и смуты бы не случилось, велел Тарновецкого не убивать, но отсечь ему руку. «Чому бояре и вси люди русские дивилися, — говорил впоследствии Гонсевский, — и мне то сам патриярх опосле вымовлял, што-де за такую малую вину, которая учинена попину, непригоже было жолнера так люто казнить, а полно было того, што у вязенью[60] его подержано. А после того гайдуки мои, вышед з Борисова Годунова подворья, где я стоял, сами промеж себе побранилися, крик и шум учинили; а патриярх в те поры в церкви был и о том учал кручинитися; и я, уведав о том, казал их изымати, и за то, что они такою промеж себе бранью не ушановали[61] церкви Божой и святителя, осудил есьми чотырех на горло»[{237}]. Той же ночью два «пахолика» занялись воровством и грабежом. Гонсевский осудил их на смерть. Патриарх призвал его к себе и вымолил жизнь для осужденных. Вместо смертной казни их «московским образцом», «по торгу водячи нагих», секли кнутьем до крови. Поляк-арианин по пьяному делу выстрелил в икону Владимирской Богородицы у Никольских ворот; ему отсекли руки и ноги, а тело сожгли.

Однако время шло, Владислав не приезжал, поляки не отправлялись драться со Лжедмитрием II. Роты их требовали пищи и денег, а когда того или другого недоставало, принимались безобразничать. Русские приспешники Сигизмунда грызлись между собою, беспардонно хозяйничали, обогащались, пользуясь удобным моментом. Москва начала понемногу набухать раздражением против иноземцев, а более того — против их слуг.

Первое серьезное выступление против поляков случилось 1 октября, еще при Жолкевском. Гермоген принял в нем самое активное участие. Фактически он возглавил возмущение москвичей.

Сами поляки рассказывают о том опасном для их власти событии следующее: «Патриарх… не перестал после выдачи Шуйских делать замешательство. Так, 10 октября (1 октября по юлианскому календарю XVII века. — *Д. В.)* он собрал великое множество людей, не столько из простого народа, сколько из дворян и служивых людей, и они… обсуждали, как бы нарушить крестное целование. Патриарх два раза посылал за боярами… Бояре отговаривались тем, что они заняты государственным делом. Патриарх послал в третий раз с таким заявлением, что если они не хотят прийти к нему, то он придет к ним со всеми… Бояре предупредили его [и пришли]. Там князь Мстиславский и другие, бывшие с ним, искренне держась принесенной

присяги, два часа всячески опровергали мятежнические их отзывы о гетмане и рыцарстве и давали суровые ответы на их речи»[238].

Сами поляки видели главную причину «волнения русских» в том, что гетман долго не вел боевых операций против Лжедмитрия II, а самих русских поставил в неудобное положение: поляков ввели в город, где «под угрозой от них оказались дети и жены русских», в то время как мужей и отцов разослали по службам вне Москвы. Гонсевский отправил к Мстиславскому князя Василия Черкасского с известием: ему, Гонсевскому, поручено сообщить, кого из польских офицеров с отрядами на завтрашний день направляют против Самозванца, а также договориться о месте встречи польско-литовского и русского войск для совместного похода, если, конечно, русские готовы к нему.

После явления Черкасского глава боярского правительства, князь Мстиславский, сейчас же громко передал патриарху всё сообщенное ему поляками. Далее Федор Иванович стал говорить, что гетман поступает с ними искренно, а шумное поведение народа и стало причиною того, что до сих пор не выслано войско: при таких-де «мятежах» русские полки не могут собраться в поход против Вора. Как искренний и последовательный сторонник проекта с Владиславом, князь еще прилюдно заявил, что никогда «не нарушал присяги, не изменял… и теперь готов умереть за того, кому целовал крест». При этом, по словам поляков, патриарх и все другие замолкли. Дело закончилось тяжелым оскорблением Гермогена со стороны раздосадованных бояр. «Расходясь, сказали патриарху, чтобы смотрел за Церковью, а в мирские дела не вмешивался — никогда прежде не было того, чтобы попы управляли делами государственными! Затем бояре ушли в палаты… Они были очень довольны объяснением, которое сделано так кстати. Четырех мятежников они приказали посадить в тюрьму»[239].

Но после отъезда гетмана в Москве не осталось столь же ловкого политика. Гонсевский сам по себе оказался, мягко говоря, простоват. Он не понимал, сколь мало сторонников у высшей аристократии, прилепившейся душой к полякам, и сколь мало шансов удержать русских в подчинении, если договоренности Жолкевского будут нарушены.

Глухое брожение постепенно отливалось в самую опасную форму, приобретая черты вооруженного заговора. По-видимому, род Голицыных оказался во главе тайной организации заговорщиков, копивших силы для удара по полякам. Для Гонсевского было истинным подарком одно безобидное на первый взгляд обстоятельство: князь В.В. Голицын, наиболее значительная персона в роду, уехал под Смоленск. Оттуда он мог лишь очень ограниченно влиять на происходящее в Москве. Тем не менее князь как минимум вел переписку с силами, от коих ждал поддержки. Среди прочего — с воеводами Лжедмитрия II.

Осенью 1610-го в Москве был пойман некий поп, «лазутчик», пришедший не в первый раз «с грамотами смутными от вора из Калуги». Его прилюдно пытали, а потом посадили на кол. На пытке поп сообщил следующее: «Князь Василей Голицын, идучи под Смоленск, з дороги к вору тайно в Калугу писал, и на Московском господарстве вора господарем видети хотел, а князь… Андрей Васильевич Голицын о том ведал же… Вот по ссылке с некоторыми со многими московскими людьми умыслил: пришод с войском ночью под Москву, войти в Кремль-город от реки Москвы Водяными вороты и тайниками… на… Александра Гонсевского… и на людей польских и литовских… а также на двор князя Федора Ивановича Мстиславского ударить… а потом в Китай-городе и в Белом городе обивши людей польских и литовских, также бояр всех и дворян больших родов и иных всяких людей московских, кои с ним в его воровском совете не были…»[240]

Позднее поляки захватили двух казаков-донцов из войска Лжедмитрия II. Один из них сознался добровольно и потом подтвердил на пытках, что некий священник по имени Илларион ехал

через Серпухов из Москвы к Самозванцу с письмами почти ото всех сословий. По словам польских офицеров, допрашивавших пленников, письма содержали призыв, «чтобы самозванец как можно скорее приехал к столице изгоном… русские хотят целовать ему крест помимо королевича, а наших истребить хитростию»[241]. Москвичи составили с воеводой Ф.С. Плещеевым, который возглавлял гарнизон Лжедмитрия II в Серпухове, заговор: он должен был подойти с войском к Москве, тайно договорившись «с боярами» (вероятно, с теми, кто состоял в негласной оппозиции к Мстиславскому и Салтыкову), незаметно ворваться в город, ударить в колокол 19 октября, за три часа до рассвета, а потом напасть на Кремль. В задачи Плещеева входило: перебить поляков (кроме самых знатных, кого можно было обменять у Сигизмунда III на русских послов), всех сторонников королевича истребить, а Мстиславского ограбить и в одной рубашке привести к Лжедмитрию II.

Позднее поляки схватили то ли того самого священника Иллариона, выданного казаком-донцом, то ли иного попа-вестника, по имени Харитон. Его предали пытке. Несчастный иерей, истерзанный польскими палачами, «показал во всем согласно с донцом; прибавил только, что князь Василий Голицын, когда ехал к королю, писал с дороги к Вору, а князь Андрей Голицын в совете с Вором». Он же сообщил имя тайного гонца: некий Живорко носил в Калугу, столицу Лжедмитрия II, послания от князя Ивана Воротынского и от князя Александра Голицына. Потом священник сознался, что на князя Андрея Голицына наговорил со страху. От прочих показаний он не отказался[242].

С теми, до кого Гонсевский мог дотянуться, спешно расправились. Князья Андрей Голицын и Иван Воротынский попали под арест. Штаб Гонсевского рассылал грамоты, где сообщалось: угроза устранена. Одна из них в середине ноября 1610 года добралась до станов Яна Петра Сапеги, литовского «полевого командира», «дрейфовавшего» между союзничеством со Лжедмитрием II и с королевской армией: «Пришли письма из Москвы от пана Гонсевского и прочих, в которых пишут, что находились в опасности до той поры, пока главарей не выявили, которые измену замышляли, а о чем узнав, тех покарали и измену отвели»[243].

Однако всех ли схватили, до конца ли уничтожен заговор — вопрос, который будет мучить поляков еще несколько месяцев. Разрешится он лишь в марте 1611 года, когда Москву охватит мощное восстание. Во главе его окажутся те, кто проскользнул меж пальцами неприятельских дознавателей.

Особенную досаду причиняла Гонсевскому позиция Гермогена. Как уже говорилось выше, Жолкевский изо всех сил старался подружиться с патриархом, сгладить трения, уверить в добропорядочности своих намерений, но Гермоген оставался при своем мнении. Гонсевский сначала принял линию гетмана. Он попытался установить доверительные отношения с главой Русской церкви. Тот, по внешней видимости, принял игру, не показывал сурового нрава. Но — именно что принял игру, вовсе не имея искреннего доверия к военному вождю поляков.

Гонсевский негодовал на Гермогена. По его словам, патриарх внешне выказывал всяческое благорасположение, но в глубине души таил враждебные намерения. Гетманский наместник ярился: как же так? Гермоген, как уверял Гонсевский, позвав поляков «для обороны себе самого от воров, тотчас… смуту и кровь учал заводить… Чего доводим письмом руки священника вашого московского, который в те поры в Москве мене, Александра, остерегал»[244].

Тонкий игрок, Жолкевский видел, разумеется, чего стоили его усилия. Он разглядел в Гермогене сильного, опасного для поляков политика. Простак Гонсевский думал по-военному незамысловато: не о судьбе царства идет речь и не о судьбе веры, а о том, чтобы польское

командование и русские духовные власти бесхитростно друг другу улыбались. Он даже размышлять себе не позволял о том, какая трагедия разыгрывалась под Смоленском, какая боль ложилась на сердце старого патриарха, когда худшие его опасения стали явью.

Гонсевскому обидно: «И за такими злыми и нехрестиянскими заводы от патриярха и Филарета и за их научением, люди… московские злые што над нашими людьми чинили? Везде наших поляков и литву, заманя на посад, в Деревянной город и в иные тесные места, или позвав на честь, давили и побивали нехрестиянским обычаем, чево и неверным делать не годится; и пьяных извощики приманя на сани, будто до двора отвезти, давили и в воду сажали. А торговые люди, помните, што над нами делали? На торгу нам живности, рыбы и мяса, все продавали дорожей вдесятеро…»[{245}]

Ему не приходило в голову задуматься на тему, неприятную, вероятно, для шляхетского сознания: гетман и офицеры польской армии подписались под документом, представлявшим собой договор о призвании королевича Владислава на царство. Присутствие польских войск и самого Гонсевского в Москве имело лишь одну законную основу, а именно ожидание его приезда. Но Владислав не ехал! Месяц минул, другой, третий ополовинился, а о королевиче — ни слуху ни духу. Так зачем Москве поляки? Биться со Лжедмитрием? Они не выходили на бой и не воспринимали себя как наемное войско. Между тем право их на пребывание в столице России стремительно превращалось в фикцию.

Знал ли Гермоген о военном заговоре? Одобрял ли его?

В распоряжении историка нет известий, позволяющих однозначно ответить на эти вопросы. Ясно одно: присутствие чужеземного гарнизона в Кремле, агрессивные действия поляков, недобрые вести от «великих послов» настраивали святителя против Гонсевского и его русских слуг самым худшим образом. Род Голицыных был ему близок. Патриарх допускал избрание князя В.В. Голицына на престол вместо Василия IV. Поэтому можно осторожно предположить: у Гермогена имелись сведения о заговоре. До какой степени он сам оказался вовлечен, сказать невозможно — пришлось бы пуститься в беспочвенные гадания. Во всяком случае, до зимы 1610/11 года патриарх не принимал на себя роль вождя заговорщиков — ни военного, ни даже духовного. Лишь позднее, видимо, ситуация изменилась.

Напряжение в московском обществе дошло до крайних величин под воздействием скверных новостей из-под Смоленска.

Большинство деятелей боярского правительства, а вместе с ними Салтыков и Андронов изготовились проявить покорность Сигизмунду. В Москве подготавливалась присяга на имя польского короля — помимо августовской, данной на имя королевича Владислава. Это означало: русская столица признает над собой власть монарха-католика, нимало не ожидая, что он переменит вероисповедание.

Патриарх переживал черные дни.

За несколько месяцев глава Русской церкви потерпел несколько политических поражений. Стоит напомнить их.

Гермоген четыре года поддерживал Василия IV как законного царя, но очередные бунтовщики все-таки свергли монарха.

Гермоген не сумел настоять на избрании нового царя из русских вельмож.

Гермоген согласился призвать на трон королевича Владислава — иноземца и католика.

Гермоген не смог воспрепятствовать занятию поляками московских твердынь.

Он отступал шаг за шагом, оставлял одну оборонительную позицию за другой. Он надеялся: на каком-то рубеже государственные мужи Российской державы опамятуют, устыдятся и поддержат его. Но те всякий раз требовали: «Уступим еще немного!»

И вот рушится последняя крепость, созданная его волей: «Семибоярщина» готова обойти «великих послов», отправленных — хотя бы формально! — в качестве «выборных людей» от «всей земли». Православию в России грозит невиданное унижение.

Отступать больше некуда. Страна подошла к тому, чего нельзя сдавать ни при каких условиях. Но правительство по-прежнему настроено уступать Сигизмунду ради каких-то высокоумных политических проектов. Неоткуда ждать патриарху помощи. Опереться он может лишь на самого себя и в себе одном отыскать твердость.

Ранее Гермоген вел негласную борьбу против поляков, известную лишь в правительственных кругах да среди офицеров Гонсевского. Отринув ее, святитель переходит к открытому сопротивлению. Глава Церкви наотрез отказывается подписать инструкции «великим послам», наполненные угодливым согласием с любой волей Сигизмунда. Ему угрожают физической расправой, но Гермоген остается непоколебим. Более того, он открыто выступает против крестоцелования польскому королю.

Весть об этом быстро расходится по всей России. Грамоты того времени запечатлели отвагу ветхого годами патриарха: «После Рожества Христова на пятой неделе в субботу писали с Москвы Федор… Андронов да Михайло Салтыков с товарыщи, что на Москве патриарх призывает к себе всяких людей явно и говорит о том: будет королевич не крестится в крестьянскую веру и не выйдут из Московский земли все литовские люди, и королевич де нам не государь; такие же де свои словеса патриарх и в грамотах своих от себя написал во многие городы»{246}. А вот известие более подробное: «Посылал патриарх по сотням к гостям[62] и к торговым людям, чтобы они были к нему в соборную церковь; и гости, и торговые и всякие люди, пришед в соборную церковь, отказали, что им королю креста не целовати. А литовские люди к соборной церкви в те поры приезжали… на конех и во всей зброе[63], и они литовским людям отказали ж, что им креста королю не целовати…»{247}

Проповедь Гермогена против целования креста Сигизмунду совершилась на Николин день зимний, 6 декабря.

Несколько дней спустя Москва узнает: убит Лжедмитрий II! Нет больше ложного «царика», страстно желавшего стать настоящим государем.

Наступает время, когда исчезает искусственное разделение русских на тех, кто оказался в стане Самозванца, и тех, кто им противостоит. Стало возможным политическое объединение нации. Глава Церкви получил возможность обратиться и к тем, и к другим с призывом стоять за веру, не поддаваться чужеземной власти, стремящейся пошатнуть православие.

И Гермоген говорит именно то, что должно прозвучать, то, чего требует вера, то, чего ждет от него народ. К проповедям патриарха прислушиваются со вниманием, какого не было доселе. Фигура его возносится в зенит общественной жизни.

Декабрь 1610 года — вот время поворота к открытому противостоянию и третий переломный месяц в судьбе святителя. В сентябре Гермоген то ли просчитал, то ли почувствовал, к каким бедствиям движется Москва. Теперь же он первым испытал на себе их тяжесть: встал во весь

рост и возвысил голос против чужого лукавства.

Патриарх знал, что ему всеми силами будут затыкать рот, но, как видно, сильна в нем была иноческая наука. Дряхлый, больной человек, коротающий последние месяцы жизни, вдруг оказался сильнее бояр и воевод — молодых, энергичных мужчин, поддавшихся робости и корыстолюбию. Дух его воспарил над ничтожными страстями политических интриг. Слов его теперь жадно ждали по городам и землям всего Московского государства: пока патриарх стоит, наше дело еще не проиграно!

Гермогена попытались изолировать от народа. Однако в полной мере сделать этого не удалось.

Великий книжник того времени князь Хворостинин восхищенно наблюдал за отважными обличениями Гермогена, ничуть не ослабевшими даже в тот момент, когда поляки начали откровенно давить на патриарха, отгораживать его от паствы. «А он, наш пастырь, — писал Хворостинин, — хотя и отлучен был от приходящих к нему, хотя в страхе многие отказались подходить к его благословению, все же он не оставил обычных своих наставлений, но продолжал говорить, и поносить врагов, и еретическое безумие сокрушать, как мужественный воин Христа или как лев в чаще леса. Он обличал словами книг божественного писания их еретические замыслы против нашего благочестия, неотступно нападал и немилосердно сокрушал красноречием своих слов врагов божественных установлений. Ведь был он искушен в науках и в книжной мудрости, каноны и жития святых написал, отцом церкви был, славным кормчим, славно направляющим корабль Христа»[248].

Другой книжник с таким же восторгом пишет о Гермогене: «Словно столп непоколебимо стоит он посреди нашей великой земли, посреди нашего великого государства, и православную веру защищает, а всех душепагубных наших волков и губителей увещевает. И стоит один против всех них, как муж-исполин, без оружия и без воинского ополчения, только учение, как палицу, держа в своей руке против великих агарянских полчищ и побеждая всех. Так и он, государь, вместо оружия только словом Божьим всем врагам нашим затворяет уста и, в лицо их посрамляя, ни с чем отсылает от себя. А нас всех укрепляет и поучает устрашения и угроз их не бояться и душами своими от Бога не отступаться, а стоять бы крепко и единодушно за дарованную нам Христом веру и за свои души, как и они, горожане, в том граде и как посланцы наши под тем же градом… Непоколебимый столп… мужественно и непреклонно духом своим стоит и не единые лишь стены великого нашего града держит, но и всех живущих за ними бодрит, и учит, и духовно им в погибельный ров впасть не велит. И более того, великое это безводное море словесами своими утишивает и укрощает. Сами все видите! Если бы не он, государь, все здесь держал, то кто бы другой такой же встал и нашим врагам и губителям мужественно противостоял?! Давно бы под страхом наказания от Бога отступились, душами своими пали и пропали»[249].

Глава пятая. Заточение и смерть

Последний год в жизни святителя Гермогена представляет собой одно сплошное стояние за веру и постепенно нарастающие муки. Патриарх, как пастырь православного «стада словесного», оказался самым опасным врагом для польского командования в Москве и боярской группировки, готовой подчиниться воле Сигизмунда III по вопросу о вере.

Гермоген не уступал, поскольку правильно было — не уступать. Он стоял, как волнолом, не рассуждая, разобьет его очередной шторм в крошку или пощадит и нельзя ли выдернуть из дна морского гранитные корни да отползти на безопасный берег. Он просто поступал так, как повелевал ему долг, связанный с патриаршим саном.

В Смуту, что ни возьми, всё сдвинулось со своих мест. Воин не дрался, а бежал с поля боя. Воевода не служил царю, а переходил на сторону его врагов. Крестьянин бросал плуг и подавался в казаки. Царем оказывался безродный самозванец с «ветром перемен» в голове. Редкие люди оставались тем, к чему предназначил их Господь. Среди них возвышается фигура патриарха. Гермоген не отступил в главном. Он являлся патриархом, говорил как патриарх и совершал поступки как патриарх. Страх поплатиться за неотступное следование духовному долгу ему был неведом.

В условиях Смуты оставаться тем, кто ты есть, — великое испытание. И одновременно великая нравственная высота. Твердость и прямота в эпоху хаоса и кривизны могут стоить состояния, здоровья, жизни.

Всем этим и заплатил за свою несокрушимость глава Русской церкви.

Гермоген пережил три периода ограничения свободы, притом каждый новый ставил патриарха во всё более тяжелое положение.

Приблизительно в конце декабря 1610-го — первых числах января 1611 года Патриарший дом подвергся разгрому. Поляки с яростью смотрели на то, как глава Церкви противится возведению на русский престол царя-католика. Они также всерьез опасались взрывного действия, которое могли иметь грамоты Гермогена, рассылаемые за пределы Москвы[64]. В итоге их начальник Гонсевский принудил пропольскую администрацию с боярином Салтыковым во главе к решительным действиям. Те поставили стражу на Патриаршем дворе и с тех пор содержали первоиерарха в режиме домашнего ареста.

Такова *первая* стадия изоляции патриарха от внешнего мира.

На Патриаршем дворе Гермогену жилось по-разному. Сначала он оказался лишен слуг, бумаги и чернил, а также всего ценного имущества.

Однако у святителя нашелся сильный защитник. Прокофий Ляпунов, рязанский воевода и лидер поднимающегося земского движения, прислал в Москву требование облегчить участь первоиерарха. Положение Гермогена изменилось к лучшему не позднее 8 января 1611 года: он уже мог писать послания{250}.

По прошествии недолгого времени эти льготы исчезли.

В стране поднималось земское освободительное движение. Оно стало прямой вооруженной угрозой для польско-литовской власти в Москве. Патриарх, отказавшись уговаривать земцев о замирении с Гонсевским и Салтыковым, оказался жертвой мщения последнего: «Он [Салтыков] позорил и ругал его (Гермогена. — *Д. В.)*, и приставил к нему приставов, и не велел никого к нему пускать»{251}.

Впрочем, в «Казанском сказании» — публицистическом памятнике, составленном вскоре после этих событий, инициатива «ужесточения режима» приписывается не Салтыкову, а самому Гонсевскому. Тот велел поставить стражу у ворот Патриаршего двора, «да никто же внидет»{252}.

Очевидно, охрана стерегла древнего старца без особой бдительности. Во всяком случае, он умел связаться с «внешним миром», когда требовалось. Так, до Гермогена добрались нижегородцы Пахомов и Мосеев, а от него по городам и отрядам собирающегося земского войска продолжали расходиться грамоты.

Еще один эпизод патриаршего вмешательства во «внешние» дела, кажется, произошел на Вербное воскресенье 1611 года.

Столица копила силы для большого вооруженного выступления, во главе которого встанут знатные дворяне и аристократы: И.М. Бутурлин, князь Д.М. Пожарский, И.А. Колтовский. Похоже, что заодно с ними действовал князь Андрей Васильевич Голицын, пусть и стесненный условиями домашнего ареста. По своему влиянию, родовитости, а также как брат В.В. Голицына он мог оказаться на самом верху иерархии повстанцев. Извне организаторы получали помощь от Ляпунова.

Им не удалось сохранить приготовления в тайне. Гонсевский знал о готовящемся восстании. Он предпочел нанести превентивный удар — устроить масштабную карательную акцию.

Эта акция подавления планировалась на Вербное воскресенье. В 1611 году оно пришлось на 17 марта.

До немецкого наемника Конрада Буссова, служившего тогда полякам, слухи о грядущем столкновении доходили в искаженном виде. Но кое-что он все-таки слышал. По его мнению, поляки сначала хотели запретить праздничное шествие на Вербное воскресенье из-за боязни беспорядков. Однако потом отказались от своего намерения. Они лишь выстроили войска в полном вооружении и готовности к бою. «Было достаточно ясно, — пишет он, — что в ближайшее время московиты учинят возмущение по той причине, что военачальник и полковники не хотели разрешить московитам празднование Вербного воскресенья (которое после Николина дня является у них самым большим праздником в году) во избежание мятежа и бунта… По их обычаю в этот день царь идет из Кремля пешком в церковь (которую они называют Иерусалимом), а патриарх едет, восседая на осле, и этого осла царь должен вести под уздцы… Для участия в этом празднестве стекаются бесчисленные тысячи людей. Все, что только может ходить, отправляется туда, и там происходит… скопление народа… Поскольку, однако, из-за запрещения этого праздника народ еще больше озлобился бы и получил повод говорить, что лучше умереть всем, чем отказаться от празднования этого дня, то им разрешили праздновать его, только вместо царя пришлось одному из знатных московитских вельмож, Андрею Гундорову[65], вести под уздцы осла… Но немецкий и иноземный полк и все поляки были в полном вооружении и начеку. Начальникам все же удалось разведать, что московиты задумали обман и что-то собираются затеять и что сам патриарх — зачинщик всего мятежа и подстрекает народ к тому, чтобы, раз в Вербное воскресенье мятеж не состоялся, поднять его на Страстной неделе»[{253}].

Один из польских военачальников считал, что подготовка к восстанию велась с крещенских празднеств, чуть ли не с Рождества. Пользуясь скоплением народа, русские, по его словам, «замышляли измену». В ответ поляки «целым войском держали стражу» и с Рождества до Крещения «не расседлывали коней» ни днем ни ночью. Тогда русские, заметив постоянную готовность иноземцев к бою, «отложили свое намерение до удобнейшего времени», желая захватить неприятеля врасплох, без потери своих. Поляки не оставляли своей настороженности. «Все мы утомлялись частыми тревогами, которые бывали по 4 и по 5 раз в день, — признается он, — и непрестанною обязанностью стоять по очереди в зимнее время на страже: караулы надлежало увеличить, войско же было малочисленно. Впрочем, товарищество сносило труды безропотно: дело шло не о ремне, а о целой шкуре»[{254}]. Точно так же польско-литовская рать провела и Вербное воскресенье: в доспехах, ожидая нападения, не расседлывая коней. «Вербное воскресенье прошло тихо: в крестном ходу народу было множество; но потому ли, что видели нашу готовность, или поджидали войск, шедших на помощь, москвитяне нас не трогали. Хотели, как видно, ударить все разом». Однако ударили первыми все-таки не русские,

а бойцы Гонсевского.

Поляк с неохотой проговаривается об этом: как только пришли известия о движении к Москве земцев, началась резня. «Во вторник поутру, когда некоторые из нас, — говорит он, — еще слушали обедню, в Китае-городе наши поссорились с русскими. По совести, не умею сказать, кто начал ссору: мы ли, они ли? Кажется, однако, наши подали первый повод к волнению, поспешая очистить[66] московские домы… кто-нибудь был увлечен оскорблением, и пошла потеха»[255].

Итак, русские всё замышляли, замышляли «измену», однако проворнее оказались поляки, первыми затеявшие драку.

Судя по русским источникам, поляки собирались устроить показательную акцию подавления. На сей счет наши летописцы выражают полную уверенность[256].

И тут Гермоген, пусть и пребывавший под домашним арестом, сыграл, видимо, особую роль. Он сообщил москвичам о приготовлениях поляков. Как минимум о том, что русские приспешники чужеземцев советуют им устроить на Вербное воскресенье большое побоище.

Псковская летопись сообщает: когда русские начали собираться на праздничное шествие, чтобы «зрети святительское шествие на осляти, умыслиша… польские люди в той день посети всех во граде собравшегося народа; святейший же патриарх, слышав сия, не восхоте ити на осляти ко Иерусалиму, а народам и священником повеле в тайне поведати, да не входят люди во град, хотят бо погани посещи всех…»[257]. Значит, заключение Гермогена на Патриаршем дворе было не столь уж крепким и непроницаемым. Те, кто хотел до него добраться, добирались. Да и он сам мог передать весточку.

Правда, к этому известию надо отнестись с долей сомнения, ибо оно содержит неточности, рассеянные по всей летописной повести о событиях в Москве.

«Новый летописец» излагает события иначе: Михаил Салтыков с офицерами польско-литовского гарнизона «начал умышлять, как бы Московское государство разорить и православных христиан порубить, и удумал убить патриарха и христиан в Цветную неделю, как патриарх пойдет с вербою». Все роты вражеские, конные и пешие, встали по площадям наготове. «Патриарха же Гермогена взяли из-под приставов и повелели ему священнодействовать». Но москвичи, «видя такое умышление», не пошли «за вербою», поскольку «час еще тот не подошел, чтобы православным христианам всем пострадать за истинную веру Христову». Тогда иноземцы, «видя, что христиан за вербою нет, начали сечь»[258]. Гермоген ли сообщил москвичам о намерениях Салтыкова с присными, сами ли москвичи рассмотрели это намерение, непонятно. Возможно, и то и другое. Шествие, судя по другим источникам, все же состоялось, а патриарх принял в нем участие. Но, вероятно, народу собралось меньше, чем обычно: боялись резни. Что ж, резня отсрочилась на двое суток…

То, что произошло после Вербного воскресенья, можно назвать «столкновением на контркурсах». Поляки начали свою превентивную операцию, не понимая, какая сила уже накоплена для восстания в Москве. Руководство московских патриотов рассчитывало нанести удар позже, когда войска лидеров земского ополчения — Ляпунова и Просовецкого — подойдут к столице. Иными словами, обе стороны начинали бой в ситуации, которую они тактически просчитать не сумели.

Плохо подготовленные действия обеих сторон могут показаться хаосом стихийно вспыхнувшей бойни, «спонтанщиной», беспорядочно совершаемыми жестокостями. Но это совсем не так.

Повстанцы среагировали на контрмеры Гонсевского очень быстро. Как только группы иноземцев начали расходиться по московским улицам, а офицеры поляков принялись ставить пушки в ключевых местах, им было оказано сопротивление. Дело не в рыночных драках, воспринятых некоторыми современниками в качестве причины будущей резни, и не в резком нарастании всеобщего озлобления. Гонсевский сделал ход раньше, чем от него ожидали. Повстанческое руководство бросило против его бойцов небольшие группы ратников, которые удалось собрать быстро, без всеобщего сосредоточения. К ним моментально присоединился московский посад, уставший терпеть бесчинства поляков. Тогда гарнизон принялся убивать всех посадских, не разбирая, где виноватые, а где невиновные. Бойцы Гонсевского разбрелись по лавкам Китайгорода, принялись резать хозяев и грабить{259}.

Москве предстояло пережить страшные дни.

19 марта 1611 года грянул бой, разошедшийся по многим улицам от Китай-города и Кремля.

Сражение за Великий город отличалось необыкновенным ожесточением: поляки штурмовали русские баррикады, а их защитники расстреливали толпы захватчиков из ружей и пушек. Именно тогда среди вождей «Страстного восстания» высветилась фигура Дмитрия Михайловича Пожарского.

Польские отряды устроили дикую резню в Китай-городе, положив тысячи русских, большей частью мирных жителей. Затем они вышли из-за стен и попытались утихомирить море людское, двигаясь по крупнейшим улицам русской столицы. Отряд, наступавший по Тверской улице, наткнулся на сопротивление в стрелецких слободах и остановился. Движение по Сретенке также затормозилось, обнаружив мощный очаг сопротивления: «На Сретенской улице, соединившись с пушкарями, князь Дмитрий Михайлович Пожарский начал с ними биться, и их (поляков. — *Д. В.)* отбили, и в город втоптали, а сами поставили острог у [церкви] Введения Пречистой Богородицы»{260}. Дмитрий Михайлович применил наиболее эффективную тактику: использование баррикад, завалов, малых древо-земляных укреплений. Против них тяжеловооруженная польская конница оказалась бессильна. Ее напор, ее мощь, ее организованность пасовали в подобных условиях.

По названию церкви, близ которой Дмитрий Михайлович приказал соорудить острог, можно определить, где проходил оборонительный рубеж. Очевидно, летописец имеет в виду древний Введенский храм на Большой Лубянке. Выстроенный еще при Василии III, он дошел до советских времен. К сожалению, его снесли в 1924–1925 годах и пока не восстановили. Он стоял на углу Кузнецкого Моста и Большой Лубянки, а значит, совсем недалеко от Китайгородской стены. Надо полагать, столь близкое соседство острога с Китай-городом, твердо контролируемым поляками, заставляло Гонсевского нервничать и бросать на разгром Пожарского всё новые силы. Но 19-го Дмитрий Михайлович успешно выдержал натиск противника.

Здесь же неподалеку, на Сретенке, располагалась родовая усадьба Пожарских. «На так называемом “Сигизмундовом плане” Москвы, снятом польскими картографами в 1610 г., в начале Сретенки, справа (если стоять спиной к Китай-городу и Кремлю) виднеется довольно большое деревянное двухэтажное здание с башенкой посередине в окружении мелких построек-служб. На противоположной стороне улицы показаны Пушечный двор, прямо через дорогу — чей-то дворец с причудливыми бочкообразными крышами теремов и башен, а далее — приходская церковь Введения Богородицы. Можно предположить, что первый из описанных домов и есть усадьба Пожарского (сейчас примерно на этом месте находится каменное здание XVII–XIX вв., изначально принадлежавшее ему)»{261}. Очень удобно: прячась на задворках собственной усадьбы, договариваться с мастерами Пушечного двора, стоявшего неподалеку. В

нужный час они выкатили новенькие орудия и по приказу Пожарского окатили вражеских копейщиков огнем.

В тот же день, 19-го, карательные отряды поляков удалось остановить на нескольких направлениях. Выйдя из Китайгородских ворот, они устремились к Яузе мимо Всехсвятской церкви на Кулишках. Не сразу, с трудом, но их атаки отбил Иван Матвеевич Бутурлин. Он занял крепкую позицию «в Яузских воротах»{262}.

Вражескую группу, устремившуюся в Замоскворечье по льду, встретил Иван Колтовский с сильным отрядом. Там карателям пришлось туго.

Позднее поляки в своих воспоминаниях признавали: как только они перешли на территорию Белого города, охватывавшего полукольцом Кремль и Китай-город, их дела пошли хуже некуда.

«Тут нам управиться было труднее, — говорит один из них, — здесь посад обширнее и народ воинственнее. Русские свезли с башен полевые орудия и, расставив их по улицам, обдавали нас огнем. Мы кинемся на них с копьями; а они тотчас загородят улицу столами, лавками, дровами; мы отступим, чтобы выманить их из-за ограды: они преследуют нас, неся в руках столы и лавки, и лишь только заметят, что мы намереваемся обратиться к бою, немедленно заваливают улицу и под защитою своих загородок стреляют по нам из ружей; а другие, будучи в готовности, с кровель, с заборов, из окон бьют нас самопалами, камнями, дрекольем. Мы, то есть всадники, не в силах ничего сделать, отступаем; они же нас преследуют и уже припирают к Кремлю… Тут мы послали к пану Гонсевскому за пехотою; он отрядил только 100 человек: помощь слабая, в сравнении с многолюдством неприятеля, но не бесполезная. Часть наших сошла с коней и, соединясь с пехотою, разбросала загороды; москвитяне ударились в бегство; только мы мало выиграли: враги снова возвратились к бою и жестоко поражали нас из пушек со всех сторон. По тесноте улиц, мы разделились на четыре или на шесть отрядов; каждому из нас было жарко»{263}.

Вскоре, однако, поляки нашли страшный, безжалостный способ совладать с восставшими. Они запалили город, и методично выжигали его, ведя наступление вслед за стеной огня. Повстанцы не могли одновременно усмирять огненное буйство и драться с врагом. Отчаянно сражаясь, они уступали улицу за улицей. 21 марта русское дело окончательно потерпело поражение в Москве. Столица, обугленная, занесенная пеплом, умылась кровью.

Земское ополчение опоздало всего на несколько дней…

Сразу после восстания, как пишет Авраамий Палицын, Гермогена «безчестно с престола изринули и в месте нужне[67] затворили»{264}. «Новый летописец» уточняет: «Гермогена с патриаршества свели в Чудов монастырь и приставили к нему крепких приставов, не повелели никого к нему пускать»{265}, а на патриаршество беззаконно возвели Игнатия, «фаворита» Лжедмитрия I. Игнатий еще в 1606 году лишился не только патриаршеского сана, но и просто архиерейского. Лжепатриарх хотя и совершил в день Пасхи (24 марта 1611 года) богослужение в Кремле, но верно понимал, как будут смотреть на него духовенство и все православные в России, а потому счел за лучшее бежать в Литву. Осенью его в Москве уже не было[68]. Гермогену же, истинному главе Русской церкви, позднее сделали еще большее «утеснение» за несговорчивость{266}.

В приведенном выше летописном тексте содержатся явные неточности: во-первых, Гермогена свели с Патриаршего двора *на кремлевское подворье Кирилло-Белозерского монастыря* (оно располагалось около Фроловских ворот, при древней Афанасьевской обители). Лишь потом он оказался в Чудове. Об этом ясно говорит создатель Пискаревского летописца: «Да немногое

время спустя[69] патриарха с патриаршества скинули, и сан с него сняли святительской, и велели ему быти на Кирилловском подворье и после в Чюдове монастыре»[267]. Столь же ясно свидетельствует и Конрад Буссов, очевидец тех событий: «Поляки… велели, чтобы 30 стрелков стерегли его в Кирилловском монастыре до прибытия господина Владислава, в ожидании возмездия, которое он заслужил подстреканием к такому бунту и мятежу, из-за которого плачевно погибло столько людей»[268]. То же сообщает и архиерей грек Арсений Елассонский, бывший тогда в Кремле: «Бояре московские изгнали и святейшего патриарха кир Гермогена из патриархии и заключили его в подворье святого Кирилла [Белозерского], снявши с него архиерейские одежды без архиерейского собора, одели его в монашеские одежды, так как имели на него большое подозрение и гнев, говоря, что при его содействии произошло народное восстание»[269].

Во-вторых, собственно перевод на новое место уже *после Кирилловского подворья* и явился новым «утеснением».

Итак, *второй* стадией ограничения свободы Гермогена стало изгнание с Патриаршего двора и отправка на Кирилловское подворье в роли простого, безвластного инока.

Знаменитый русский публицист князь И.А. Хворостинин вообще был уверен, что еще до Страстного восстания (или, возможно, накануне) Гермоген оказался ввергнут в чудовское узилище: «Святейшего патриарха в монастыре святого архистратига Михаила в том же городе Москве заточили и мучили его скудостью пищи и питья. Потом они подожгли город и перебили людей: будто враги, были они заодно с иноплеменниками, и сжигая и убивая нас!»[270]

Откуда такое расхождение? И кто прав? Вглядевшись в судьбу Хворостинина и в творческую его манеру, впору усомниться в точности свидетельств князя.

Иван Андреевич на небосклоне эпохи играл роль яркой звезды: красавец, интеллектуал, родовитый аристократ, да еще и видный военачальник. Блистательный книжник, надменный в своей начитанности, князь в сочинениях своих не заботился о точности излагаемых фактов. Гораздо более увлекали его игра ума да сила художественных образов. Литературный дар, а вместе с тем и своего рода снобизм иной раз толкали Ивана Андреевича на путь упрощения событийного ряда ради придания историческим сюжетам оттенка высокой трагедии. Хворостинин знал Гермогена лично. После кончины патриарха князь посетил место его погребения в Чудовой обители. Духовная твердость патриарха, его небрежение телесными страданиями восхищали Ивана Андреевича, страдавшего от шатости ума. Но князь рисовал портрет святителя крупными мазками, не опускаясь до пошлых дат и бытовых деталей. Как опытный писатель, Хворостинин мог и опустить «мелочь», вроде предварительного заключения патриарха на Кирилловском подворье. По наитию. Ради цельности композиции. Даже если и твердо знал об этом обстоятельстве в судьбе Гермогена…

Но мог и не знать.

Хворостинин провел в Москве 1610–1611 годов совсем немного времени. Он вернулся ко двору из ссылки, а потом оставил столицу, чтобы присоединиться к земскому ополчению. Присутствовал ли он вообще при Страстном восстании? Или, может быть, покинул город задолго до него? В конце концов ратники Ляпунова обозначены в его сочинениях словом «мы»… Личные воспоминания князя о Гермогене, скорее всего, обрываются на событиях зимы 1610/11 года, на первом аресте патриарха и первой попытке отгородить его от людей.

Отсюда — хронологическая ошибка Хворостинина.

Когда же именно Гермоген оказался на Кирилловском подворье?

Литовский военачальник Ян Сапега, находившийся в Усвяте, 15 апреля получил из-под Смоленска письмо, где говорится о заключении патриарха «в тюрьму»[271]. От Смоленска до Усвята — два дня конного пути. От Москвы до Смоленска — дней десять. Еще один день — на само написание грамот из смоленского лагеря поляков Сапеге. Итого получается, что Гермоген не мог попасть в Кирилловскую темницу позже 2 апреля. Но, скорее, это произошло задолго до указанной даты.

Обращает на себя внимание неточное, но показательное свидетельство польского шляхтича Мартина Стадницкого, побывавшего в России смутных лет. По его словам, после разгрома Страстного восстания «поляки никого не щадили. Тогда погибло более 150 тысяч народу; погиб Голицын… *погиб и сам патриарх, которого выволокли наружу и разрубили на части…* После столь славной победы польскому войску досталась неоценимая добыча. Почти невероятные сокровища находились в царском дворце, *в подворье убитого патриарха,* в монастырях и церквах и притом в таком изобилии, что пехота, которой уже надоел и опротивел жемчуг, набивала самыми крупными жемчужинами мушкеты и стреляла ими в воздух. Алмазы, драгоценные камни, рога единорогов, украшенные алмазами и жемчугом, и иные драгоценности: золото, серебро — были распределены между вождями и воинами»[272]. Конечно, Гермоген тогда не погиб. Стадницкий ошибается. Святителю предстояло претерпеть заключение, продлившееся еще 11 месяцев. Но сами бесчинства иноземного гарнизона, ограбление Патриаршего двора и, возможно, жестокое избиение самого патриарха, получили у Стадницкого яркую иллюстрацию. Притом слова шляхтича заставляют предположить, что разгром палат первоиерарха случился уже при подавлении восстания, то есть 20–21 марта.

Польские дипломатические документы говорят о том же: «Патриарха Гермогена с патриарша двора после битвы велели есьмо звести для того, что смута всчалась и кровь хрестиянская пролилася от него, и з городов люди пришли и городы отложилися по его ж ссылке…» Судя по контексту — речь идет о времени сразу же после восстания[273].

Итак, между 20 марта и 2 апреля, притом, вероятнее всего, ближе к началу этого срока, Гермоген сменил Патриарший двор на Кирилловское подворье. Условия его содержания ухудшились. Возможно, он подвергся избиению или даже получил раны от польских сабель.

Однако на этом страдания святителя далеко не закончились. Ему еще предстоит узнать жизнь в темном подземелье…

Третье и последнее ограничение свободы Гермогена явилось ужасающим испытанием для измученного старика.

Гермоген был заключен в подвальном (погребном) этаже Архангельской церкви Чудова монастыря. Туда спускали на веревке пищу и воду — через окно.

Дореволюционный исследователь В. Борин указал на печальные подробности заточения патриарха: «Прежде туда (в подземелье Чудова монастыря. — *Д. В.)* можно было попасть через особое замурованное отверстие с помощью винтовой (круглой) лестницы… При обнаружении нижнего подземелья в нем были найдены железные вериги и человеческие черепа и кости… Это темница в буквальном значении этого слова: свет заходил сюда в виде слабой белой полоски, чрез маленькие оконца, находящиеся в двухсаженной стене толщиной и перегороженные железной решеткой»[274]. Следовательно, если одно или два последних послания Гермогена[70] писаны (надиктованы?) в подобных условиях, то доступ к патриарху, получение от него бумаг и последующий их вынос за пределы Кремля являлись делом

смертельно опасным.

Как добирались до опального первоиерарха посланцы земского воинства?

Установить истину до конца невозможно. Остается строить более или менее правдоподобные версии.

Суть первой из них состоит в том, что у Гермогена нашлись доброхоты — то ли среди кремлевских бояр, то ли среди охранников. Они-то и открывали посланникам земского ополчения двери к узнику. Ничего необычного, ничего невиданного подобное предположение не содержит. Однако и четких подтверждений не имеет. Оно бы пригодилось для исторического романа — славная вышла бы линия романтических приключений: тайный гонец обращается с тайным словом к тайному патриоту, «своему среди чужих», а тот, пылая душой и рискуя жизнью, ведет посланца восставших в узилище… С точки зрения исторической науки подобную конструкцию можно в лучшем случае именовать «смелой гипотезой».

Такого же рода «смелая гипотеза» связана с чудесными свойствами московской серебряной копеечки. Невелика она, но очень удобна. Нетрудно ее, малютку, ласково зовомую «чешуйкой», тихонько положить на правильную ладонь. И тогда не понадобится никакого патриотизма — разом подобревший поляк, литвин или русский человек из числа стражников отомкнет дверь, укажет лестницу, даст бумаги с чернилами…

Опять исторический роман.

Более обоснованное предположение высказал крупный дореволюционный историк С.А. Белокуров.

Он обратил внимание на текст одного разрядного[71] документа, где рассказывается о заточении Гермогена. Среди прочего там сообщалось: «А как собрався Московского государства всякие люди Москву осадили, и польские люди ото всего рыцерства послали к патриарху Гермогену на Кирилловское подворье полковника Казановского с товарыщи, да бояр князь Бориса Михайловича Лыкова, да Михаила Глебова [сына Салтыкова] да дьяка Василья Янова, а велели патриарху говорить и бить челом, чтоб он в полки к московским людем отписал, и велел им с полки от города отступить, а они пошлют к королю послов, чтоб он по прежнему договору королевича на Московское государство дал вскоре, а учинить бы с Московскими людьми о том срок, в кою пору послы по королевича сходят». Как можно убедиться, после Страстного восстания и, самое раннее, до того, как Москву обложили отряды Первого земского ополчения, *патриарх оставался на Кирилловском подворье.*

Русская летопись, кстати, подтверждает и явку некой группы переговорщиков, склонявших патриарха написать умиротворяющее письмо земцам, и то, что впоследствии один из них, а именно Салтыков, «еще больше сделал… утеснение» патриарху.

Казановскому с боярами Гермоген решительно отказал. Тогда Гонсевский «с товарыщи», как сообщает разрядная запись, велели его «свести в Чюдов монастырь и уморить злою смертью… а к королю послали в послех полковника, да князь Юрья Трубетцкого, да Михаила Глебова [сына Салтыкова] да дьяка Василья Янова»[275].

Эту запись можно толковать двумя способами: или Гермогена перевели с Кирилловского подворья на новое место заключения вскоре после того, как ляпуновцы взяли столицу в осаду (конец марта — апрель 1611-го), или незадолго до того, как посольство Казановского — Трубецкого — Салтыкова — Янова отбыло к Сигизмунду III. Отправка посольства совершилась

осенью 1611 года, документы указывают сентябрь; послов задержал гетман Ходкевич, явившийся под Москву, и миссию свою они начали исполнять лишь в октябре 1611-го.

Белокуров предпочитает вторую трактовку.

Автору этих строк его выбор представляется резонным. Разрядная запись составлена так, что между составом делегации, посетившей патриарха на Кирилловском подворье, и составом посольства к Сигизмунду III очевидна связь.

Более того, у поляков тогда появилось самое серьезное основание беспокоить патриарха. Летом 1611 года они сгубили подложным письмом Ляпунова, и у них появилась надежда на распад земского ополчения; к Москве явился даровитый литовский военачальник Ян Петр Сапега с войском; земцы уступили с бою часть своих позиций; словом, дела польско-литовского гарнизона шли на лад. Однако сентябрь отобрал у осажденных доброе упование: Сапега тяжело заболел. Он покинул войско и занял палаты царя Василия IV, где вскоре и умер{276}. Земцы не разошлись по домам, а укрепились. Пришедший на помощь гетман Ходкевич вел под своими стягами слишком малую силу, чтобы разгромить ополченцев. У московских сидельцев, обложенных русскими, как волк красными флажками, оставались ничтожные шансы на выживание.

Логично было бы предположить, что они попытали счастья у Гермогена, дабы тот своим духовным авторитетом способствовал умирению земцев. А когда ничего не получилось, отправили посольство за помощью к Сигизмунду.

Один из участников событий, ротмистр Мархоцкий, свидетельствует: «Когда пришел гетман [Ходкевич], москвитяне ожили, вновь набрались смелости и отваги. Они уже и до этого видели, что сил у гетмана мало, потому и не очень-то его испугались… войско приуныло, пребывая в ожидании гетмана и без подкреплений, и без надежды. Поэтому мы снарядили на сейм 1611 года послов: пана Мартина Казановского, меня, пана Ежи Трояна, пана Войцеха Средзинского, пана Войтковского, пана Яна Оборского и других. Был с нами и пан Петр Борковский, он был отправлен от иноземцев, которыми командовал. Мы должны были справиться о жалованьи и сообщить, что войско задержится в столице не далее чем до 6 января [1612 года]. Если Е[го] В[еличество] Король желает эту войну продолжить, пусть подумает о жалованьи для нас и о другом войске для себя… Москвитяне тоже направили вместе с нами послов к королю и к Речи Посполитой с просьбой дать королевича на свое государство. Но это посольство не отвечало намерениям короля, и пан литовский гетман, встретившись с нами около Вязьмы, завернул москвитян, желая добиться от них присылки другого посольства, хотел он вернуть и нас, но мы его не послушали»{277}.

Как можно убедиться, исторический контекст также свидетельствует в пользу концепции Белокурова.

Окончательную точку ставит сообщение польского офицера Маскевича. Он находился как никто близко к эпицентру борьбы, стоял рядом с самим Гонсевским. Итак, Маскевич пишет: «Патриарха, как главного виновника мятежей Московских, отдали под стражу товарищу из роты Малынского, Малицкому, и стерегли так исправно, что без ведома и позволения Малицкого, никого к нему не допускали, а сам и за порог не мог переступить. Чрез полгода он умер в сем заключении»{278}. Маскевич говорит о строгом заключении, когда сами поляки взялись стеречь патриарха, не доверяя русским. Отсчитав полгода от момента кончины Гермогена, приходим ко второй половине августа. А это совсем близко к датам, на которые указывает Белокуров — начало осени.

Можно сказать определенно: Гермоген перешел в подвал Чудова монастыря лишь осенью, а не весной 1611 года.

Таким образом, с конца декабря 1610-го — начала января 1611-го глава Церкви пребывал под своего рода домашним арестом, «за приставами», на разгромленном Патриаршем дворе; из-за Страстного восстания он подвергся переводу под стражу на подворье Кирилло-Белозерского монастыря; там он томился с полгода; оттуда его осенью 1611 года (скорее всего, в сентябре-октябре) отправили в страшное подземелье Чудовой обители, где Гермоген провел последние четыре-пять месяцев жизни{279}.

На подворье Кирилло-Белозерского монастыря у патриарха имелось гораздо больше возможностей общаться с внешним миром, принимать посланцев от земского воинства, писать поучения, нежели в каменном коконе чудовского подвала. Приняв построения Белокурова, можно больше не ломать голову над тем, какие тайные патриоты и какие взятки позволяли земцам поддерживать связь с Гермогеном.

Святитель ушел из жизни, когда на севере уже собиралось Второе земское ополчение князя Пожарского и Козьмы Минина — сила, которая освободит Москву. Сила, вызванная к жизни посланиями Гермогена… До прихода северного воинства под стены столицы патриарх не доживет.

Летописи на разные лады сообщают о насильственной смерти патриарха. Подробнее всего извещает о ней «Новый летописец». Там убийство Гермогена поставлено в прямую связь с успехами Второго земского ополчения: «Литовские люди, услышав в Москве, что в Нижнем Новгороде собираются ратные люди, посылали к патриарху, чтобы он писал, чтоб не ходили на Московское государство. Он же, новый великий государь исповедник, отвечал им: “Да будут те благословенны, которые идут на очищение Московского государства; а вы, окаянные московские изменники, будете прокляты”. И после этого начали морить его голодом, и уморили голодной смертью, и предал свою праведную душу в руки Божий в лето 7120 (1612) году, месяца февраля в 17 день, и погребен был в Москве, в монастыре Чуда архистратига Михаила»{280}. Дата земной кончины святителя, попавшая на страницы «Нового летописца», признается достоверной[72].

Хронограф подтверждает эту версию: «Гладом уморен бысть от безбожныя литвы»{281}.

Так же пишет и князь И.А. Хворостинин: «Мучили его (Гермогена. — *Д. В.)* скудостью пищи и питья… Спустя некоторое время после пожара[73] подошли воины наши с ополчением и победили врагов, а многих из них осадили в городе… А вышеназванный и святой патриарх Гермоген, славные дела совершив, к Богу отошел после многих страданий и мучений, по своей воле мучеником став»{282}.

То же самое, только короче, сообщают одна из псковских летописей и «Вельский летописец»: «А великого святителя патриарха нового исповедника Ермогена умориша нужною смертью за его крепкий и непоколебимый разум, и прият от Бога неувядаемый венец»{283}.

Встречаются «экзотические» варианты: «затхошася от зноя», «удавлен»{284}. Однако они вряд ли имеют хотя бы самое слабое отношение к реальности. Печной угарный «зной» может погубить человека лишь в отапливаемом помещении, но откуда печь в подвале? И к чему душить дряхлого старца, пребывающего под крепкой стражей и ставшего абсолютно безопасным для власти? Поляки сделали много зла в Москве Смутного времени, но всё же не стоит видеть в них исчадий ада.

«Пискаревский летописец» предлагает иную версию: насильственной смерти не было. Забытый всеми, включая тюремщиков, Гермоген медленно угасал в каменном склепе под Чудовской обителью, пока не пришел его последний час: «И жил тут в великой нуже и в голоде, и в той нуже и преставися, а положен в Чюдове монастыре. А против литвы и против бояр, которые прямили королю, стоял великою жесточью и жил с ними в преке, а стоял за православную крестьянскую веру»[{285}]. Примерно так же рассказывает о смертном часе Гермогена и его соратник, троице-сергиевский келарь Авраамий Палицын: «...[Гермогена] в месте нужне затворишя, в нем же и преставися новый исповедник, скончав течениа своего подвиг»[{286}].

Из двух этих версий можно извлечь рациональное зерно: во-первых, поляки не решились прилюдно казнить самого упорного и самого убежденного своего неприятеля; во-вторых, большинство источников говорит о смерти святителя от голода, только одни приписывают ее злой воле поляков, а другие видят в ней результат обстоятельств. Трудно сказать, кто прав. Автор этих строк склоняется ко второму варианту.

Польско-литовский гарнизон, благодаря нераспорядительности своих командиров, нерасчетливому поведению солдат и противодействию земского воинства, остался без продовольственных запасов. Зиму 1611/12 года в голодной, разоренной Москве он пережил тяжело. Собирались ли офицеры стражи уморить Гермогена специально, или же они, потуже затягивая пояса, просто сократили рацион в первую очередь узникам, — результат один. Сытой жизнью из кремлевских сидельцев жили очень немногие. Опальный патриарх мог на нее рассчитывать в последнюю очередь. А много ли надо душе истерзанного старца, чтобы покинуть тело?

Глава шестая. Грамоты Гермогена

Самый важный и самый сложный вопрос в биографии патриарха Гермогена связан с тайной его грамот, адресованных вождям земского освободительного движения. Вот уже второй век вокруг них ведутся жесточайшие споры.

Среди историков, писателей, публицистов образовались два лагеря.

Те, кто входит в первый из них, уверены: в декабре 1610 или, может быть, в январе 1611 года Гермоген принялся рассылать грамоты в города и земли Московского царства, «разрешая» в них от присяги королевичу Владиславу и призывая собрать полки, прийти к Москве, изгнать из столицы иноверцев и иноплеменников. Послания патриарха сыграли роль дрожжей, добавленных в тесто. Началось брожение. Из этого народного брожения, мутного и беспорядочного, выросло великое подвижническое дело земского ополчения. Земские рати явились под стены Белокаменной, а внутри нее созрело большое восстание против иноземного гарнизона.

Те, кто входит во второй лагерь, рисуют принципиально иную картину. Гермоген, с их точки зрения, никаких грамот, призывающих отбить столицу у поляков с литовцами, не писал. Возможно, какие-то письма составляла влиятельная «патриотическая партия», воспользовавшаяся именем патриарха в своих целях. Возможно, вообще не было никаких посланий: лидеры ополчения выдумали их, дабы придать своему делу вид борьбы за веру, получившей благословение от главы Церкви. Возможно, Гермоген все-таки сыграл важную роль при рождении земского воинства, но заключалась она не в прямом призыве «бить поляков», а в нравственном примере. Патриарх стойко сопротивлялся несправедливым и дерзким требованиям иноземцев, крепко «стоял в вере»; сам факт его духовной стойкости воодушевил русских людей, павших духом в годы черного междуцарствия. Видя, как глава

Церкви проповедует не отступаться от православия даже в малом, вся земля взяла за образец столь чистое и возвышенное поведение, поднялась, нахлынула полками на Москву…

Во втором лагере нет единства по части точной исторической реконструкции. Предлагают несколько вариантов развития событий. Притом варианты эти весьма значительно различаются в деталях. Одна идея скрепляет всех его представителей: никаких грамот, звавших народ очистить Москву, Гермоген не писал.

Не бывает вполне объективных историков. Даже самый рафинированный специалист, сознательно прикладывающий усилия к тому, чтобы выяснить историческую истину и не поддаться стереотипам, все-таки хоть в чем-то покоряется веяниям времени. Какой прекрасный идеал — писать «без гнева и пристрастия»! Но в чистом виде он не имеет шансов на осуществление. Лишь в виде интенции, заложенной в сознание историка-профессионала. Честен тот, кто открыто провозглашает свою точку зрения, предъявляет читателям источники, на основе которых он работал, методы получения достоверной информации, логику, приводящую к тем или иным выводам, а потом дает возможность судить самостоятельно — верна ли эта точка зрения, или же выводы притянуты к ней искусственно. Великое лукавство — тысячу раз воззвать к объективности, встать в позу главного ее защитника, а потом все-таки провести в своем исследовании какую-нибудь тенденцию. Политическую, например, или религиозную, родовую, тендерную, провинциальную или же столичную — какая разница?! И всё это с видом святой невинности: «Я пришел к озвученной платформе путем совершенно объективных исследований».

Превосходный российский историк XIX столетия М.О. Коялович выразился по этому поводу исчерпывающе точно: «Занимая столько лет кафедру русской истории, я не мог не полюбить исторической истины. И не менее других могу уважать научные приемы знания, облегчающие достижение ее. Но чем дальше, тем больше я приходил также и к тому убеждению, что в истории область объективных истин весьма невелика, а все остальное субъективно и неизбежно субъективно, нередко даже в области простейших, голых фактов. И наш древнейший летописец, писавший бесхитростно свою летопись, и последний подьячий московских времен, составлявший простую бумагу, и ученейший русский историк новейших времен — всё высказывали и высказывают так или иначе свое понимание дел. Я не думаю, чтобы позволительно было скрывать это или следовало стыдиться»[287]. Эти слова легли на бумагу 130 лет назад. С тех пор ничего не изменилось.

Вот и в спорах по поводу грамот Гермогена явственно прослеживается одно пристрастие, разделившее «лагеря». Первый из них собрал людей, для которых естественно православное миросозергание, притом в той его форме, которая исходит от Русской церкви. Соответственно, никто из них не станет принижать роль Церкви в нашей истории. Их оппоненты либо безрелигиозны, либо принадлежат к иным церквям, либо придерживаются слишком «прогрессивных» взглядов, чтобы признание какой-либо значительной государственной или общественной работы Церкви было для них удобным.

Этот конфессиональный «водораздел» объясняет очень многое.

Автор этих строк не станет скрывать своей «платформы» — он русский православный человек, прихожанин одного из московских храмов. Но пусть будут представлены аргументы обеих сторон, источники, нити исследовательской логики. Тогда читатель получит возможность судить, кто прав, а кто ошибается в этом большом споре. В конце концов, вся жизнь святителя Гермогена сходится в нескольких грамотах, словно в высшей точке горного пика; тут не должно быть неясностей, недосказанностей, нюансов, забытых намеренно или по недосмотру.

Виток его биографии, связанный с посланиями к городам и воеводам русской провинции, занял около года и закончился мученической смертью патриарха. Хронологическое пространство невелико, финал принадлежит высокой трагедии и неподдельной святости. «Заблудиться» — негде, всё должно быть высказано ясно, прямо.

Итак, современная наука знает две грамоты Гермогена, дошедшие до наших дней.

Первая из них широко известна как ученым, так и простым любителям отечественной истории. Ее опубликовали еще в позапрошлом веке.

Опальный патриарх написал ее примерно в середине августа 1611 года. 25 августа свияженин Родион Мосеев доставил послание Гермогена в Нижний Новгород. Глава Церкви, находясь в заключении, призывает власти города писать «из Нижнего в Казань к митрополиту Ефрему, чтоб митрополит писал в полки к бояром учительную грамоту, да и к казацкому войску, чтоб они стояли крепко в вере, и бояром бы говорили и атаманье безстрашно, чтоб они отнюдь на царство проклятого Маринкина паньина сына… не благословляю. И на Вологду ко властем пишите ж. Также бы писали в полки; да и к Рязанскому [владыке] пишите тож, чтоб в полки также писали к бояром учительную грамоту, чтоб уняли грабеж, корчму, блядню и имели б чистоту душевную и братство, и промышляли бы, как реклись, души свои положити за Пречистая дом и за чудотворцов, и за веру, так бы и совершили. Да и во все городы пишите, чтоб из городов писали в полки к бояром и атаманье, что отнюдь Маринкин на царство не надобен: проклят от святого собору и от нас». И далее: «А вам всем от нас благословение и разрешение в сем веце и в будущем, что стоите за веру неподвижно. И яз должен за вас Бога молити»[{288}].

В той же бумаге упоминаются люди, ранее ездившие к Гермогену: «А прислати прежних же, коих естя присылали ко мне с советными челобитными, безстрашных людей, свияженина Родиона Мосеева да Ратмана (Романа?) Пахомова…»[{289}]

«Полки» и «бояре», упомянутые в грамоте, — дворянско-аристократическая часть Первого земского ополчения, вот уже несколько месяцев осаждавшего Москву в попытке изгнать оттуда иноземный гарнизон. Пока это благое намерение не удавалось вождям русского воинства… «Атаманья» — вторая часть того же ополчения, казачья. Гермоген благословлял «стоять в вере неподвижно», призывал сохранять душевную и телесную чистоту. Вероятно, до него дошли слухи о бесчинствах, которые происходили в подмосковных «таборах» и округе. Их творили в основном казаки, и Гермоген, сам бывший казак, отлично понимал, до каких злодеяний может дойти этот полуразбойничий элемент ополчения, когда люди озлобятся от долгой бесплодной борьбы, голода, скверного управления.

Одно время среди земцев получила популярность кандидатура «воренка» (малолетнего сына Марины Мнишек), предлагавшегося на русский престол. Впоследствии главным сторонником «воренка» и самой Марины Мнишек окажется атаман Иван Мартынович Заруцкий — чуть ли не самый влиятельный вождь ополчения. Он произведет раскол в рядах земцев и уведет с собой из-под Москвы половину бойцов. Заруцкого и некоторых других столпов земской армии прельщала роль действительных управителей при особе царя-младенца, бессильного и безвластного. Ничего доброго, ничего чистого не содержалось в их намерениях. Не дай бог, они осуществились бы в полной мере, и у подножия трона российского встали бы хищные временщики! Смута продлилась бы надолго. Гермоген прозревал опасность, происходившую от подобных планов, и слал свое проклятие ложному царевичу, отпрыску ложного царя.

Стоит вдуматься в простые и понятные формулировки письма. Кого и на что благословляет патриарх? Полки, ведущие тяжкую вооруженную борьбу, на стояние в вере, то есть на

дальнейшее противостояние иноверцам, засевшим в сердце России. Иначе говоря, он, несомненно, одобрял их боевую работу. В письме не сказано прямо: «Бейтесь!» — но какой иной вывод можно сделать из бумаги, содержание которой обращено к воинам и содержит призыв «промышлять», «как реклись», души положить «за Пречистыя дом и за чудотворцов, и за веру»? Что иное могло обещать воинство, кроме боевых усилий? Иное толкование придумать трудно.

Вторая грамота известна лишь специалистам. Ее отыскали и ввели в научное обращение гораздо позже.

Текст этого послания обнаружен в «Вельском летописце» — памятнике середины XVII века[74]. Однако составитель или составители включили в него несколько документов намного более раннего времени. Среди них оказалось и письмо Гермогена. Как сообщает летописец, его «выписал из Москвы втайне Гермоген… к бояром и к воеводам, и ко всем служилым людем», преследуя две цели. Во-первых, «чтоб не смущались всякие люди никакою прелестию»; во-вторых, чтобы они «стояли… заодин единодушно, вкупе, против врагов и разорителей, и крестопреступников Московского государства, против поляк и литвы».

Таким образом, владельцы копии патриаршего поучения видели в нем прямой и ясный смысл — ободрение земских ополченцев, сражающихся за Москву. И первые строки письма не оставляют сомнений в правильности этого видения: «Просите у Бога милости и призывайте на помощь крепкую нашу Заступницу, и святых и небесных сил, и всех святых и отринута от себя женскую немощь, и воспринять мужескую храбрость, и стояти противо врагов Божыих и наших губителей крепко, уповая и на Бога, и на пречистую Богородицу, и на всех святых, понеже с нами Бог и заступленье Пречистые Богородицы…»[290]

Далее Гермоген обращается к земцам с требованием «поотринуть от себя всякое зло». Патриарх и в другой грамоте, как легко убедиться, повелевал унять бесчинства и отказаться от скверны в рядах войска, стоящего за святое дело. Тут он повторяет свое повеление и расширяет его: «Токмо отриньте от себя всякую ересь и всякое нечестие, его же ненавидит Бог. Кто… блудник — возлюби целомудрие, еже есть чистота телесная, и кроме жены своея со иными не блудите. Или кто разбойник или тать, или клеветник, или судья неправедной, или посульник, или книги гадательные и волшебные на погибель держит, или ведует, — впредь обещайся Богу таковых дел не творить. То чистое покаянье именуетца, что от грех престати, а не отчайся никако же никто — несть… того греха, которого Божие человеколюбие не превосходит»[291].

Как видно, к 1611 году хаос, ограбление храмов, издевательства над священниками, унижение патриарха привели к тому, что сама вера пошатнулась в умах. И ей на смену из темных трюмов общества повыползли «волшба», гадание и чернокнижие. Отойдя от Бога, люди качнулись к бесу…

В Московском государстве, пусть оно и Третий Рим, и Второй Иерусалим, и Дом Пречистой, народ — весь, от нищих до царей — к несчастью, был падок на разнообразную «тайную науку». То бабку-ведунью на двор пригласят, то «лопских»[75] колдунов привадят, дабы они наворожили преуспеяния — кривой дорогой, мимо Христа. А то великородный и благонравный боярин втихую приобретет книжку о «тайном знании» — «Аристотелевы врата», или, скажем, «Зелейник», или вовсе какой-нибудь «Чаровник», верный ад[76]. В годы кризисов, когда судьба страны скрывалась в туманном будущем, а люди как никогда чувствовали собственную слабость, расцветали пышным цветом «волшебные» способы раздобыть знание о будущем и сверхчеловеческую мощь. Гермоген опасался, что среди последних ратников России вся эта

душегубительная темень получит широкое распространение. И вразумлял их, как мог.

В летописце сказано: Гермогеново письмо появилось в том году, когда, «вооружаясь, князь Дмитрей Михаилович Пожарской да Кузьма Минин со многою силою пошли из Ярославля на помощь под Москву на безбожных поляк». Россия отсчитывала годы от 1 сентября. Ополчение Минина и Пожарского родилось в Нижнем Новгороде осенью 1611 года, а вышло из Ярославля и добралось до Москвы летом 1612-го. По понятиям русских людей того времени, период с осени 1611 года по август 1612-го составлял один год, а именно 7120-й от Сотворения мира. И, следовательно, грамота патриарха могла быть написана не раньше сентября 1611 года и не позже февраля 1612-го, когда он ушел из жизни. Причем правдоподобнее, конечно, как можно более ранняя датировка: последние месяцы Гермоген жестоко страдал от голода, силы его угасали, вряд ли он мог в столь тяжелом состоянии составить обширное поучение и тем более передать его на волю из чудовского подземелья. Скорее всего, грамота появилась осенью 1611 года[77].

Обе грамоты недвусмысленно говорят: отношение Гермогена к земскому ополчению — самое положительное. Патриарх поддержал его своим благословением, заботился о нравственной и духовной его чистоте.

Однако вопрос о том, был ли Гермоген зачинателем земского освободительного движения, а не только его союзником, остается открытым. Движение это начало складываться зимой 1610/11 года, а обе процитированные грамоты появились намного позже. Между рождением земского воинства и ними — более семи месяцев!

А патриарших посланий, современных изначалью земского дела, до наших дней не дошло. Скептики уверены: их и не существовало.

Напрашивается вопрос: отчего так мало дошло до нашего времени текстов, принадлежащих перу Гермогена? Особенно тех, что связаны с рождением земского дела. Не является ли само их отсутствие «говорящим»?

Их могло бы быть намного больше. Но как раз на период патриаршества Гермогена приходится большой московский пожар 1611 года, а в 1626 году, уже после завершения Смуты, грянул другой, еще страшнее, еще разрушительнее. В огненной стихии погибли архивы целых ведомств. Сильно пострадал и архив Патриаршего дома. Документированность истории Смуты вообще оставляет желать лучшего. Жизни крупных политических деятелей, воевод, архиереев, работа целых учреждений едва видны сквозь густой туман архивных утрат.

Несмотря на это, кое-какие документы сохранились, и ими можно воспользоваться, реконструируя судьбу святителя. Кроме того, существуют летописи, исторические повести, записки иностранцев, так или иначе приподнимающие завесу неизвестности над черной громадой Смуты.

Остается «послушать» иные источники, свидетельствующие в пользу того, что земское движение проистекло от призывов патриарха, а не как-нибудь иначе.

Итак, слово русским летописям.

В «Пискаревском летописце» сказано прямо: «По его патриаршескому велению пришли под Москву воеводы князь Дмитрей Тимофеевич Трубецкой да Ивашко Заруцкой, да воевода с Резани Прокофей Ляпунов со многою силою...»[292] Трое перечисленных воевод — вожди Первого земского ополчения. Получается, что они явились под стены столицы по указанию

Гермогена. Но автор «Пискаревского летописца» неизвестен, точнее, кандидатур называлось несколько[78]. Ни один из предполагаемых создателей летописца не был вполне осведомлен в делах большой политики. Так что на страницы летописного памятника попало, как говорится, «общее мнение».

Одна из псковских летописей сообщает даже о некоем заговоре Гермогена вкупе с несколькими родовитыми людьми против литовцев и поляков: «Во 118-м году[79] прииде из Новагорода князь Иван Мещерской с немецкими и с русскими людьми подо Псков, октября в 1 день. В то же время на Москве и в Торопце, и в Новегороде при Салтыкове целовали крест королевичу литовскому Жижигонту; да и во Псков прислаша грамоту с Москвы от Ермогена патриарха и от всех московских бояр больших: как де вам стояти против московского и литовского и польского царства. И псковичи, уповая на живоначальную Троицу, креста не целовали королевичу»[293]. Значит, еще до того, как начали собираться земские рати, Гермоген уже начал отводить города от присяги королевичу Владиславу и тем более его лукавому отцу — королю Сигизмунду.

Так называемый «Хронограф Столярова», или, иначе, «Карамзинский хронограф», самым очевидным образом свидетельствует в пользу выдающейся роли Гермогена в становлении земского воинства. Там говорится следующее: «Гермоген писал свои святительские грамоты во многие городы… чтоб они… собрався из городов со всеми людьми шли к Москве Московское государство оборонить от разорителей… от польских и от литовских людей… А посланы грамоты в Переяславль Рязанской к думному дворянину… Ляпунову, да во Владимир к окольничему… Измайлову, в Муром к окольничему князю Мосальскому-Литвинову… да в Нижней… к воеводе князю Репнину, в Суздаль к Андрею Просовецкому… в Ярославль и на Кострому и в иные городы»[294].

Казалось бы, вот полная картина большого заговора с персоною Гермогена в самом центре его! Чего ж еще, каких еще доказательств надобно по поводу деятельности патриарха, поднимающего русский народ против иноземной власти? Однако автора вошедших в Хронограф заметок о Смутном времени (и сего известия среди прочих) можно заподозрить в том, что он постфактум приписал получение патриарших грамот всем городам, откуда явились на земское дело полки. А значит, к обширному списку городов, явленному на страницах Хронографа, следует относиться с сомнением.

«Новый летописец» — самое подробное изложение событий Смуты, какое только можно сыскать в русском летописании, — рисует сложную картину.

По словам летописца, в конце 1610 года боярское правительство и пропольская администрация обратились к патриарху с требованием подписать грамоты к смоленскому посольству. В этих бумагах содержались удивительные инструкции переговорщикам: во всем положиться на волю Сигизмунда и не препятствовать даже крестоцелованию на имя самого короля — помимо королевича Владислава. Кроме того, Гермогена просили отговорить воеводу Прокофия Ляпунова от похода на Москву — после того, как он узнает о такой политической капитуляции.

Патриарх отказался и пригрозил: «К Прокофию Ляпунову стану писать: если будет королевич на Московское государство и крестится в православную христианскую веру, благословляю его служить, а если королевич не крестится в православную христианскую веру и литвы из Московского государства не выведет, я их благословляю и разрешаю, которые крест целовали королевичу, идти на Московское государство и всем помереть за православную христианскую веру».

Тогда Михаил Салтыков попытался испугать его ножом. Но Гермоген не поддался страху —

сказывалась монашеская выучка. «Сие крестное знамение против твоего окаянного ножа, — ответил патриарх, — да будешь ты проклят в сем веке и в будущем». Боярину же князю Ф.И. Мстиславскому патриарх объявил: «Твое есть начало[80], тебе за то хорошо пострадать за православную христианскую веру; а если прельстишься на такую дьявольскую прелесть, пресечет Бог твой корень от земли живых, да и сам какою смертью умрешь»[295].

Несколько месяцев спустя Прокофий Ляпунов с первыми полками земцев двинулся на Москву. Речь идет о феврале — марте 1611 года. Литовцы явились к боярам с требованием: «Уговорите патриарха — пусть убедит земских воевод воротиться по своим местам». Они уверены в особенном влиянии Гермогена на восставших.

Михаил Салтыков безоговорочно обвинил главу Церкви: «Ты писал к ним, чтобы они шли под Москву, а ныне ты же к ним пиши, чтобы они воротились вспять!» Очень хорошо видно: у русских сторонников Сигизмунда нет ни малейших сомнений в тайных сношениях патриарха с Ляпуновым. Но Гермоген отрицает свою причастность к земскому движению: «Я… к ним не писал, а ныне стану писать; если ты, изменник Михаил Салтыков, с литовскими людьми из Москвы выйдешь вон, я им не велю ходить к Москве, а если будете вы сидеть в Москве, я их всех благословлю помереть за православную веру, потому что уже вижу поругание православной вере и разорение святых Божиих церквей и слышать латинского пения не могу». И тут летописец поясняет: «В то же время был у них костел на старом царя Бориса дворе, в палате». Салтыков, услышав ответ Гермогена, «позорил и ругал его, и приставил к нему приставов, и не велел никого к нему пускать»[296]. Стоит запомнить: арестовали святителя не поляки и не литовцы, а свой, русский маленький Иуда…

Слова патриарха можно трактовать разными способами. Либо он просто сказал правду и на самом деле не писал никаких грамот Ляпунову, но теперь задумался: а не стоит ли впрямь его поддержать? Либо он и прежде поддерживал Ляпунова с его людьми, но почел за благо не раскрывать карты перед явным пособником врага.

На Страстную неделю 1611 года в Москве разразилось вооруженное восстание. Вскоре после его поражения к столице подошли отряды земцев. Началась долгая осада Москвы. Спокойные дни перемежались со стычками и настоящими большими битвами.

Патриарх оказался в заточении.

По прошествии некоторого времени комендант московского гарнизона и глава пропольской администрации сделали новую попытку договориться с Гермогеном. Летопись не дает понять, когда именно это произошло, ясно лишь одно — в период осады Москвы земским ополчением: «Литовские люди Александр Гашевский (Гонсевский. — *Д. В.)* да Михаил Салтыков с товарищами посылали к патриарху Гермогену и сами к нему приходили [говоря ему], чтобы они послал к боярам и ко всем ратным людям [грамоты], чтоб они отошли от Москвы прочь: “А пришли они к Москве по твоему письму; а если де ты не станешь писать, то мы тебя велим уморить злой смертью”. Он же отвечал им: “Что де вы мне угрожаете, одного Бога я боюсь; если вы пойдете, все литовские люди, из Московского государства, я их благословлю отойти прочь; а если будете стоять в Московском, я их благословлю всех против вас стоять и помереть за православную христианскую веру”. Тот же Михаил, услышав такие речи от патриарха, еще больше сделал ему утеснение»[297].

Любопытная деталь: Гермоген уже не отрицает своей тайной связи с ополченцами, не отрицает того, что писал им. Более того, глава Церкви подтверждает свое духовное водительство над осадившими Москву русскими полками. Московские воинские разряды излагают этот разговор иначе, наполняя слова патриарха более острым содержанием: «А как

собрався Московского государства всякие люди Москву осадили, и польские люди ото всего рыцерства послали к патриарху Гермогену на Кириловское подворье полковника Казановского с товарыщи, да бояр князь Бориса Михайловича Лыкова, да Михаила Глебова [сына Салтыкова] да дьяка Василья Янова, а велели патриарху говорить и бить челом, чтоб он в полки к московским людям отписал, и велел им с полки от города отступить, а они пошлют к королю послов, чтоб он по прежнему договору королевича на Московское государство дал вскоре, а учинить бы с Московскими людьми о том срок, в кою пору послы по королевича сходят. И патриарх Ермоген в том отказал и говорил, что он их (земских ополченцев. — *Д. В.)* благословляет за Московское государство пострадать не токмо до крове, и до смерти, а их треклатых (то есть боярское правительство и пропольскую администрацию. — *Д. В.)* за неправду проклинает. И Олександра Гасевской с товарыщи святейшего патриарха Ермогена велели свести в Чюдов монастырь»[{298}].

Следовательно, с точки зрения составителя разрядов, Гермоген всё же благословил земское ополчение, хотя и после подхода земских полков к столице. Наконец, августовская грамота 1611 года самым очевидным образом показывает: земцы получили патриаршее благословение.

Авторы исторических повестей и трактатов о Смутном времени по поводу роли Гермогена не имеют согласия между собой.

Еще при жизни Гермогена или же вскоре после его кончины появилось «Казанское сказание». Этот источник говорит: «Твердый же адамант святейший патриярх Ермоген Московский седяше в заточении и тайно писаше писания на Резань и во многия грады христоименитым людем, яко вручи себе Москву король польский прелестью и взял из царствующаго града вся сокровища царские и извезоша в Польшу, а хочет Москву предати конечному разоренью»[{299}].

Другое сказание (принадлежащее перу князя С.И. Шаховского) рассказывает, в сущности, о том же самом: «Великий патриарх, новый исповедник, почувствовав сполна нынешнее несчастье, сзывает народ и повелевает мужественно против поляков за христианскую веру встать и бороться. И отправляет послания во все города Российской державы в поддержку людям, а сверх того посылает в Рязанскую землю, в город Переяславль, к воеводе и управителю рязанских земель, к Прокофью Ляпунову, и молит его, чтобы он не допустил разорения и окончательного падения царствующего града Москвы»[{300}].

А вот знаменитый книжник первой половины XVII века князь Иван Андреевич Хворостинин создает иное полотно деятельности Гермогена. В большом историософском трактате «Словеса дней и царей и святителей московских» Иван Андреевич делает патриарха главным действующим лицом. Князь имел возможность лично общаться с Гермогеном, что придает его свидетельству особую ценность.

По его словам, однажды первоиерарх собрал людей, «сведущих в книжных премудростях», и обратился к ним с речью. Хворостинин не мог тогда ни записать ее, ни запомнить наизусть, но пересказ ее в устах Ивана Андреевича весьма точен: в этом убеждают любимые слова и выражения патриарха, которые легко обнаружить в других, дошедших до наших дней его сочинениях: «Рассказывают про меня смутьяны наши, что я призываю воинов и воодушевляю их противоборствовать этому враждебному и иноверному войску, которое, нарушив клятву, владеет нами вопреки словам своим. Но я ничего такого никогда вам не говорил, ведь вы свидетели моих слов. И одно я только вам повторял: “Облачитесь в оружие Божье, в пост и в молитвы. Кто научен грамоте, псалмами пусть вооружается; кто несведущ в книжной грамоте, молитву Иисуса пусть возьмет как оружие спасения; кто разбойник, пусть оставит это занятие; кто грабитель, пусть прекратит это делать; а кто стяжатель, пусть избавится от этого; а кто

блудник, пусть отбросит от себя порок свой, — тогда все спасутся, обратятся к Богу и будут исцелены. И поможет нам Господь Бог…” Вот оружие православия, вот противоборство за веру, вот предписание устава! А что касается того, кого признали царем, то, если он не будет одной веры с нами, не царь он нам! Не будучи единоверным, пусть не будет он у нас владыкой и царем!»[{301}]

Уже за одно это заявление — да не будет иноверец русским царем! — Гермоген жестоко пострадал. Даже от его благословляющих рук отгоняли людей неробкого десятка, а те, кто боялся сурового наказания, и сами не дерзали подойти к своему патриарху. Однако он «продолжал говорить, и поносить врагов, и еретическое безумие сокрушать как мужественный воин Христов или как лев в чаще леса».

Хворостинин помнил разговоры, согласно которым «патриарх вселил в души искушение и смятение и возбудил людей на борьбу с врагами, пленившими нас; все они были врагами истреблены, и много крови пролилось из-за его поучений, и он в Рязанских и Северских землях поднял воинов, ободряя их посланиями»[{302}]. Князь задумался и поделился с читателями своим сомнением: достойно ли человеку в духовном сане призывать в поучениях к кровопролитию? Он не отрицал факта: какие-то послания существовали. Вероятно, после того, как мирное христианское оружие — смирение, пост и молитва — не возымело действия, Гермоген мог призвать паству к вооруженной защите веры. За ответом на этот вопрос Иван Андреевич обратился к рязанскому владыке Феодориту. Тот отыскал бережно хранимое послание, «написанное рукой самого патриарха». В письме было следующее: «Возлюбленный ради Христа брат наш и помощник нашего смирения…»[{303}] — на этих словах сочинение Хворостинина обрывается.

Известно несколько рукописных копий произведения Ивана Андреевича, ни одна из них не идет дальше этих слов, а потому, к сожалению, концовка его трактата до сих пор — тайна. Без нее понять смысл действий Гермогена невозможно. Были какие-то послания, Хворостинин видел одно из них, но ходили слухи о многих. Каково содержание посланий? Сочинение князя не позволяет ответить на этот вопрос. А потому, даже если первоиерарх во время встречи с книжниками и сказал правду Хворостинину, правду эту можно расшифровать множеством способов.

Вот, например:

1. Патриарх сказал правду: он не писал никаких наставлений в города. Это суждение беспочвенно, поскольку известно как минимум четыре наставления: псковское, нижегородское, из «Вельского летописца», а также хранившееся у Феодорита.

2. Патриарх сказал правду: он не писал никаких наставлений *до встречи с «книжниками»,* но потом он их все-таки начал писать; в них не содержалось открытых призывов к вооруженной борьбе с иноземцами. Это суждение не вполне основательно, поскольку грамота из «Вельского летописца» боевой призыв все-таки содержит: «Отринуть от себя женскую немощь и воспринять мужескую храбрость, и стоять против врагов Божьих и наших губителей крепко».

3. Патриарх сказал правду, поскольку *первые* его послания не содержали ничего, помимо призывов к нравственному очищению и стоянию в вере (такое читается в двух известных науке грамотах), да еще, может быть, там говорилось: «Кто не будет одной веры с нами — не царь нам».

Достаточно ли третьего варианта для того, чтобы вспыхнуло земское освободительное движение? Для накаленной обстановки конца 1610 года — более чем достаточно! Хотел этого

сам Гермоген или не хотел. Но формально он никого не звал на бой, не приказывал собирать полки… Весь вопрос в том, как прочитывались на местах подобные грамоты.

Этот третий вариант выглядит правдоподобно, и его можно было бы назвать самым вероятным, если бы не существовало четвертого: Гермоген правду Хворостинину не разгласил. А правда заключалась в существовании заговора против поляков, связывавшего патриарха с видными русскими аристократами и провинцией, уже готовой взорваться. Возможно, даже с выходцами из Тушинского лагеря.

Но как мог глава Церкви прилюдно солгать?!

А вот так!

Не историкам исповедуются архиереи былых времен, а отцам духовным. На них лежало чудовищное бремя ответственности за многомиллионную паству. И беря грех на душу, Гермоген, возможно, стремился избежать горших бед для своего «стада словесного», для своей Церкви. Как минимум спасал всех, кто оказался вовлечен в дело. Ведь следующий вопрос, который задали бы ему: «А кто и к кому возил от тебя грамоты?» И далее по программе: «Не стоит отмалчиваться. Если мы вздернем на дыбе близких тебе людей, друзей твоих, а то и просто священников московских, тогда — скажешь?» Резонно ожидая подобного развития событий, патриарх мог и утаить правду.

Если, конечно, он действительно солгал Хворостинину. А в этом еще следует разобраться.

Очень важно понимать одну деталь. Несколько серьезных академических специалистов и множество публицистов строили свое скептическое отношение к самому факту рассылки патриарших грамот, основываясь на этическом соображении: Гермоген не опустился бы до лжи! Зададимся вопросом: почему? Допустим, потому, что это грех, потому, что такие грамоты неизбежно вели к новому раунду кровопролития, да еще потому, что для первоиерарха естественно быть образцом христианского благочестия. А теперь зададим себе тот же вопрос, приняв во внимание практические обстоятельства дела. Если Гермоген действительно находится в центре заговора, если от него кровно зависят десятки ближних людей и тысячи дальних, если на кон поставлена судьба православия по всей стране, появляются ли веские причины все-таки солгать? Дать на прямой вопрос кривой ответ? Да. Как поступил бы патриарх? Если рассуждать, основываясь на одних нравственных особенностях его личности, можно дать лишь один ответ: *Неизвестно.* Положа руку на сердце остается только гадать…

А это пустое занятие.

В сущности, на страницах этой книги проводится детективное расследование. И самое время отойти от «улик» и «свидетельских показаний» на десять шагов назад, а потом взглянуть на всё «дело» с других ракурсов.

Как воспринимала действия Гермогена русская провинция? То есть именно те люди, к которым, теоретически, и могли быть направлены поучения патриарха?

И как смотрела на слова и поступки главы Русской церкви польско-литовская братия, во множестве сидевшая за стенами Кремля, бродившая по нашим землям, грабившая наши города?

Допустим, восприятие провинции понятно. Там в любом письме из Москвы с критикой поляков видели слова: «Пора бы нам взяться за оружие!» И периферийные города сразу возвели патриарха в духовные отцы очистительного движения.

Содержание патриарших посланий известно из переписки между теми городами, где в первую очередь забродило земское движение.

Так, из Нижнего в Вологду отправилось письмо: «Генваря [1611] в 27 день писали нам с Резани воевода Прокопей Ляпунов и дворяне и дети боярские и всякие люди Рязанской области, что они, по благословению святейшаго Ермогена… собрався со всеми Сиверскими и Украйными городами, и с Тулою, и с Колужскими со всеми людьми, идут на польских и литовских людей к Москве; а нам бы також, свестяся с окольними и повольскими городы, и собрався с тех городов со всякими ратными людьми, идти во Владимир, к Москве, и к ним бы тотчас отписати». «Да того ж дни прислал к нам святейший Ермоген… две грамоты: одну ото всяких московских людей, а другую — что писали московские люди из-под Смоленска к Москве, и мы те грамоты, подклея под сю грамоту, послали к вам на Вологду; да приказывал к нам святейший Ермоген патриарх, чтоб нам, собрався с окольными и повольскими городы, однолично идти на польских и на литовских людей к Москве…»[304]

Итак, нижегородцы получили весть от Ляпунова, согласно которой движение благословлено патриархом. Сам патриарх своей грамоты им не прислал, но устно дал распоряжение собирать войска. Это его повеление относится к самому началу января 1611 года.

Почему Гермоген не написал сам, становится ясно из свидетельств Прокофия Ляпунова: «Генваря… [1611] в 12 день приехали с Москвы к вам в Нижней сын боярской Роман Пахомов, да посадский человек Родион Мосеев, которые посланы были от вас к Москве, ко святейшему Ермогену… а в роспросе, господа, вам сказывали, что приказывал с ними в Нижней к вам святейший Ермоген… речью, а письма, господа, к вам не привезли, что де у него писати некому, дияки и подьячие и всякие дворовые люди пойманы, а двор его розграблен». Далее Ляпунов пишет: Гермогену, всему Освященному собору и «христоименитому народу» в Москве от бояр и поляков с литовцами «гоненье и теснота велия». Но ополченцы вступились за патриарха: «А как, господа, мы к бояром о патриархе и о мирском гонении и о тесноте писали, с тех мест патриарху учало быть повольнее и дворовых людей ему немногих отдали»[305]. Грамот нет, поскольку патриарх оказался «за приставами», лишен помощников, ограблен и, видимо, стеснен во внешних сношениях. С другой стороны, можно быть уверенным: Ляпунов не имел возможности «озвучить» Гермогена (как иной раз утверждают скептики), то есть выступить от его имени, не получив на то никаких полномочий. Ведь в Москву ездили не соратники Ляпунова, а нижегородские посланцы Пахомов с Мосеевым, они беседовали с патриархом лично и вернулись домой 12 января 1611 года[306].

Что касается двух других грамот, присланных в Нижний, то содержание московской ведомо, да и смоленская отлично известна. Москвичи писали: «Мы… видим вере христианской переменение в латынство и церквам Божиим разорение; а о своих головах что писать нам много? Сами правду ведаете, что в тех во всех городах сделалось: литовские люди владеют святыми церквами и над иконами образа Божья, Не везде ли разорено и поругано?» Но немногие идут вместе с поляками и их пособниками, патриарх Гермоген «душу свою за веру христианскую полагает несомненно, а ему все христиане православные последуют»[307]. А в смоленской грамоте среди прочего говорилось: «После Рожества Христова на пятой неделе в субботу писали с Москвы Федор… Андронов да Михайло Салтыков с товарыщи, что на Москве патриарх призывает к себе всяких людей явно и говорит о том: будет королевич не крестится в крестьянскую веру и не выйдут из Московския земли все литовские люди, и королевич-де нам не государь; такие же де свои словеса патриарх и в грамотах своих от себя написал во многие городы»[308].

Как уже говорилось в предыдущей главе, непризнание государем королевича Владислава, если

он не перейдет в православие, и требование вывести чужие гарнизоны воспринимались поляками в качестве, мягко говоря, заведомо невыполнимых устремлений русских патриотов. Настаивать на них означало вести дело к столкновению.

Те же слова, звучащие от имени Гермогена и «московских людей»: «…идти на польских и на литовских людей, к Москве, и Московскому б государству помочь учинить вскоре», обнаруживаются также в грамоте, направленной из Ярославля на Вологду в феврале 1611 года{309}.

Прямо ссылается на письма Гермогена (именно на письма, а не на устно высказанное повеление) игумен Соловецкого монастыря Антоний. 12 марта 1611 года в послании к шведскому королю Карлу IX настоятель говорит: «Писал с Москвы великий святитель святейший Гермоген, патриарх Московский и всеа Руси, в Великий Новгород и во Псков, и в Казань, и в Нижней Новгород, и на Вологду, и в Ерославль, и в Северские городы, и на Резань, и во все городы Московского государства… велел съезжаться к Москве ратным воинским людям и стояти и промышляти единомышленно на литовских людей. И на совет к Москве сходятся… а хотят выбирати на Московское государство царя и великого князя из своих прирожденных бояр… а иных земель иноверцев никого не хотят»{310}.

О «благословении Гермогена» пишут костромичи и владимирцы, отправившие свои отряды в земское ополчение к Москве. К июню 1611 года относится грамота ярославцев, адресованная казанцам. Там говорится следующее: «Господь на нас еще не до конца прогневался… отцем отец святейший… Ермоген… стал за православную веру несумненно и, не убоясь смерти… призвал всех православных христиан, говорил и укрепил, за православную веру всем велел стояти и померети, а еретиков при всех людех обличил; и только б не от Бога послан и такого досточудного дела патриархе не учинил, и за то было кому стояти?.. И в городы патриарх приказывал, чтоб за православную веру стали, а кто умрет, будут новые страстотерпцы. И то все слыша от патриарха и видя своими очами, городы все обослались и пошли к Москве»{311}.

Вывод: русская провинция стягивала силы к русской столице, нимало не сомневаясь, что ее позвал туда сам патриарх.

Точно так же считали и захватчики.

Пожалуй, их слова и поступки показывают еще более уверенности в том, кто явился духовным наставником Первого земского ополчения. Ни малейшего колебания в этом вопросе. Один из них выразил общее отношение врагов Руси к Гермогену лаконично и красноречиво, назвав патриарха *dux und author omnis seditionis.* Это значит: «князь и зачинщик всех беспорядков».

Поляки и их открытые сторонники пылали гневом на Гермогена. По их сочинениям видно: кабы не патриарх, всё дело с Россией сладилось бы мирно, тихо и к выгоде короля Сигизмунда. Но вот вмешался один старый схизматик, и огромное, головокружительно прибыльное дело треснуло по швам.

В этом духе пишет Самуил Маскевич — знатный шляхтич, офицер Гонсевского. Всё то время, когда Гермоген мог писать послания в города, Маскевич провел в Москве и был превосходно осведомлен о главнейших делах поляков. Он передает не только личное мнение о Гермогене, но и мнение польского командования в целом.

Вот его слова: «Пришла в столицу весть, что Царик, бывший в Калуге, убит татарином Петром Урусовым в поле, когда он гонялся за зайцами. Москвитяне были вне себя от радости: до сих пор, имея в виду этого врага, они не смело нападали на нас; теперь же, когда его не стало,

начали приискивать все способы, как бы выжить нас из столицы. Виною замысла была медленность королевича вступить на престол Московский: ибо в России междуцарствие никогда не продолжалось более трех дней, притом же носился слух, что не королевич, а сам король хотел царствовать в Москве. Для лучшего в замысле успеха и для скорейшего вооружения русских, патриарх Московский тайно разослал по всем городам грамоты, которыми, разрешая народ от присяги королевичу, тщательно убеждал соединенными силами как можно скорее спешить к Москве, не жалея ни жизни, ни имуществ, для защиты Христианской веры и для одоления неприятеля. “Враги уже почти в руках наших, — писал патриарх, — когда же ссадим их с шеи и освободим государство от ига; тогда кровь христианская престанет литься, и мы, свободно избрав себе царя от рода русского, с уверенностью в ненарушимости веры православной, служащей оплотом нашему государству, не примем царя Латинского, коего навязывают нам силою и который влечет за собою гибель нашей стране и народу, разорение храмам и пагубу вере христианской”. О грамотах патриарха известили нас доброжелательные бояре, обходившиеся с нами откровенно; чтобы еще более удостовериться в замыслах москвитян, послан был 25 декабря (15 декабря по юлианскому календарю XVII века. — *Д. В.)* Вашинский с 700 всадников добыть языка в окрестностях: он перехватил гонца с подлинными патриаршими грамотами»[{312}].

Свидетельство Маскевича — аргументированное, ведь его доводы основываются на документах, захваченных поляками. Одна из патриарших грамот даже цитируется, правда, непонятно, насколько цитата исправна. Стиль послания совершенно не похож на манеру письма, усвоенную Гермогеном. У Маскевича приведен, скорее, самый грубый пересказ, нежели перевод.

С его слов, поляки встревожились и усилили караул. Они осматривали в городских воротах все телеги, нет ли в них оружия: в столице отдан был приказ, чтобы никто из жителей под смертною казнью не скрывал в доме своем оружия и чтобы каждый отдавал его в царскую казну. В подтверждение худших своих опасений захватчики обнаруживали порой целые телеги с ружьями, засыпанными сверху хлебом. Гонсевский в ярости приказывал сажать возниц под лед[{313}].

Другой осведомленный представитель неприятельского войска, гетман Жолкевский, покинул Москву еще осенью 1610 года. Однако благодаря высокому положению и связям он многое знал о положении в российской столице.

Жолкевский сообщает о переписке, завязавшейся между московским боярским правительством и первым воеводой всей Рязанской земли Прокофием Ляпуновым. Последний сначала вел себя мирно. Он даже доставлял в столицу припасы. Но как только на Рязанщине получили повод сомневаться в скором прибытии Владислава, Ляпунов сейчас отправил боярам строгое письмо: «Будет ли королевич по условию, ученному с Жолкевским?» Бояре отправили его послание под Смоленск, Сигизмунду. Оттуда не поступило положительного ответа. Тогда Ляпунов написал второе послание, весьма суровое. Там открыто объявлялось о желании воеводы выбросить поляков из столицы. От Рязани сейчас же поскакали гонцы с «универсалами», настраивавшими на борьбу против поляков.

Гетман без тени колебания объясняет мотив решительного выступления Ляпунова: «Побудительной причиной к тому был… патриарх, возбуждавший и подстрекавший его на таковой поступок, ибо Патриарх знал, что делал[81]. Иные обвиняли в том и Василия Голицына, который будто бы возбуждал и подстрекал Ляпунова, но Голицын упорно стоял в том, что он не имел никаких сообщений с Ляпуновым; сознаваясь в том, однако, что писал к патриарху, что Е.В. Король не хочет дать королевича Владислава и желает лучше сам быть

государем. Патриарх, уже уведомленный о сем Голицыным и митрополитом Ростовским, рассеивал и сообщал письмами эту весть в города, ускорив, таким образом, кровопролитие, о котором сказано будет ниже. За сим последовало замешательство в делах, больше всех предыдущих; народ возмутился в Столице, и города Ярославль, Переяславль, Вологда, Новгород Великий, Коломна, Серпухов, Тула и другие стали отлагаться»[{314}].

Немецкий офицер Конрад Буссов, к началу 1611 года ставший наемником на службе у Сигизмунда III, разумеется, не столь высокого полета птица, как Маскевич и тем более Жолкевский. Но он оказался в рядах московского гарнизона поляков. Иноземное воинство с дикой свирепостью подавляло любые вспышки недовольства со стороны русских, а затем спалило город, не сумев иными способами подавить восстание. Буссов знал и видел то, что знали и видели прочие офицеры-наемники. Он дрался с ними в одном строю, он обсуждал с ними общие страхи и чаяния.

По его мнению, вооруженный конфликт назрел задолго до восстания на Страстной неделе — еще к Вербному воскресенью. Здесь имеет смысл частично повторить слова Буссова, уже цитировавшиеся в рассказе о Страстном восстании москвичей. Когда должно было происходить шествие патриарха на осляти, сообщает Буссов, «немецкий и иноземный полк и все поляки были в полном вооружении и начеку. Начальникам… удалось разведать, что московиты задумали обман и что-то собираются затеять и что сам патриарх — зачинщик всего мятежа и подстрекает народ к тому, чтобы, раз в Вербное воскресенье мятеж не состоялся, поднять его на Страстной неделе. Узнали они также, что все князья и бояре держат на своих дворах множество саней, нагруженных дровами, дабы, как только начнется смута, вывезти их на улицы и поставить поперек, так что ни один всадник не сможет проехать по улицам, и поляки не смогут выручить друг друга, так как они рассеяны в разных местах по городу»[{315}].

Итак, с точки зрения Буссова, Гермоген — зачинщик восстания.

В 1671 году шведский придворный историк Юхан Видекинд издал книгу «История шведско-московитской войны». Она посвящена столкновениям Швеции с Московским государством с середины XVI века по правление Михаила Федоровича. Подробнее всего Видекинд описал боевые действия и дипломатическую борьбу времен Смуты, притом пользовался он архивными документами. А среди них могли присутствовать и донесения шведских агентов из Москвы[82].

Видекинд сообщает: «С уходом Жолкевского из города всё полно было мрачного ропота против Сигизмунда: по всему государству пошла молва, что только из-за притязаний короля рушится формула договора, по какой присягали Владиславу… Первым поднялся и подал сигнал патриарх всей Московии Гермоген. Имея силу в народе благодаря авторитету высшего духовного сана и известному благочестию, он повсюду сеял мрачные предсказания, что греческой религии, по воцарении Владислава, грозит верная гибель и уничтожение от римской. Это распространялось сначала путем рассылки тайных писем к населению и купечеству более крупных городов, по скрытому уговору с Василием Голицыным»[{316}].

Любопытная деталь: Гонсевский, опасавшийся восстания, обратил внимание на Гермогена, велел схватить и посадить под стражу; Видекинд сообщает, что почва к аресту была подготовлена Гонсевским заранее — он «уличил» патриарха некими «показаниями»[{317}]. Значит, поляки вели настоящее следствие по «делу» Гермогена, видели в нем весьма опасную фигуру.

Таким образом, шведский историк добавляет несколько мазков к общей картине.

Дошли до наших дней «показания» и наиболее осведомленного из врагов патриарха — самого

Александра Гонсевского, главы польского гарнизона в Москве.

Осенью 1615 года, тремя с половиной годами позднее кончины Гермогена, Гонсевский участвует в русско-польских переговорах под Смоленском. Прения дипломатов шли трудно, представители России осыпали поляков обвинениями в жестокости и лукавстве. Значительная часть упреков касалась того времени, когда Гонсевский являлся главным распорядителем в Москве. Ему пришлось отвечать, притом ответы давались задиристые, эмоциональные, искры так и сыпались во все стороны.

Прежде всего, Гонсевский сам обвинил Гермогена в коварстве: «А Гермоген патриярх мне Александру, наместнику гетманскому, будто ласку и любовь свою показывал; и я тоеж против делал, и сам у него бывал, навещал, чтил… а он не так, как бы пристало такому святительскому чину… [утрач.] зверху целовал, а на сердце гнев без причины против господаря своего Владислава и против нас, слуг его держал. Воззвавши и впровадивши нас в город для обороны себе самого от воров, тотчас сам смуту и кровь учал заводить; священникам на Москве повелевал, штоб вас, сынов своих духовных против нас без вины наше в гнев и ярость приводили»[{318}].

Правду говорит Гонсевский или же его заносит, а справедливости ради стоит отметить: патриарх никогда не просил у поляков защиты от Тушинского вора, он являлся упорным врагом самой идеи пустить их в Москву.

Вскоре после того, как погиб Лжедмитрий II, в калужский стан отправился князь Юрий Никитич Трубецкой — приводить бывших соратников Самозванца к присяге на имя королевича Владислава Сигизмундовича. По словам Гонсевского, сразу после его отъезда глава Церкви тотчас «по городом смутные, неправдивые грамоты, крови розлитие московскому господарству вновь заводячи писал; бояр всех московских, людей знаменитых, правдивых, кои в крестном своем целованьи к господарю и ко всему Московскому господарству крепко и непоколебимо стояли… невинно и неправдиво оскаржал. А обличаючи неправды, лукавства и завод крови от него его властным (собственным. — *Д. В.)* письмом, читаем перед вами лист за печатью его году.. [1611] месяца генваря (пробел. — *Д. В.),* писанный до Просовецкого и до Михаила Черкашенина и до войска их, которые были при Воре, а в ту пору хотечи добить челом господарю своему царю Владиславу, прислали были с тым послов своих к патриярху и к бояром; и в том листе патриярх писал к ним, по совету с боярами, как пригоже, штоб крест господарю целовали, а он за них у господаря царя и великого князя Владислава Жигимонтовича готов печаловаться. А днем перед тым, того ж месяца генваря 8 дня, писал тайно в городы и отослал с Васильем Чертовым в Нижний Новгород грамоту смутную, а из Нижнего рассылано в Кострому, в Галич и в иные городы; а што писал, и мы вам грамоту читаем. Видите с того письма, как патриярх с своими советниками… смуту в господарстве заводити почал и бояр московских… оскаржал, хотечи нас, невинных, лютой смерти придати и нашу невинную кровь пролити»[{319}].

Следуя версии Гонсевского, можно реконструировать первые переговоры Гермогена с нижегородцами. В самом начале января их представители Пахомов и Мосеев явились к патриарху, получили послание от москвичей и смоленскую грамоту, а вместе с ними — устное благословение Гермогена, лишенного в ту пору возможности писать. Назад они вернулись 12 января 1611 года. Сколько заняло их возвращение — десять дней? Восемь? Даже если нижегородцы летели, загоняя лошадей, самое малое — неделю. Следовательно, из Москвы они выехали не позднее 5 января, но, вероятнее, все-таки раньше. За несколько суток положение Гермогена могло измениться — в силу угрожающего послания от Прокофия Ляпунова, например. Патриарх так или иначе раздобыл перо, чернила и усердного писца. И тогда он

написал грамоту, отправленную с Василием Чортовым вдогонку нижегородцам.

Гонсевский добавляет: в заговоре участвовал и митрополит Ростовский Филарет. Патриарх, как свидетельствует Гонсевский, договорился с Филаретом, «штобы государю королевичу на Московском господарстве не быть». Вместо Владислава он собирался возвести на русский трон сына Филарета — Михаила Федоровича. Несколько лет спустя воля Гермогена исполнится: Михаил Федорович взойдет на престол. Только самого первоиерарха к тому времени уже не будет в живых… Филарету поручалось писать послания ярославцам и в иные города, «будто король королевича на Московское господарство дати не хочет, и они ж бы от Москвы на время отложилися и стали заодно против нас, людей королевских…»[{320}]. Гонсевский вырвал подробности тайного диалога между двумя архиереями, допрашивая некоего Федора Погожего, схваченного «на Москве в измене».

Опять-таки стоит внести поправку: какое там «будто» король не дает Владислава на русский трон! Дипломатические документы ясно говорят: Сигизмунд не желал отправлять сына безо всякого «будто». Вместо него король сам хотел сделаться государем московским. Реакция Гермогена с Филаретом имела самое очевидное фактическое обоснование. Гонсевский здесь явно лукавит.

Далее Гонсевский рассказывает, к чему привела рассылка грамот Гермогеном и Филаретом: «В городах грамотам патриярховым и Филаретовым веру давши, городы от Москвы отложилися, и до Прокофия Ляпунова, большого вора и заводчика крови христианской пристали, и к московским людем в столицу, а з столицы к ним шточас ссылалися, штоб нас побить и наши животы все розграбить, а бояр и всех честных людей, братью свою, которые с ними в злом совете не были, збесчествовать»[{321}].

Таким образом, осведомленнейший свидетель с польской стороны выводит прямую связь между началом земского освободительного движения и рассылкой грамот патриархом, а также — по договоренности с ним — митрополитом Ростовским. Прямее и сформулировать невозможно!

Гонсевский приводит небольшой фрагмент из патриаршего письма, представленного им русским дипломатам. Этот отрывок имеет очевидное сходство с январской грамотой от нижегородцев к вологжанам, где кратко передана суть велений Гермогена. Вот он: «Князь Федор Иванович Мстиславской со всеми иными боярами и думными людьми Москву литве выдали, а вора-де в Калуге убито; и они б собрався в збор со всеми городы, шли к Москве на литовских людей»[{322}]. Для сравнения, вот соответствующий пассаж из нижегородской грамоты: «Да приказывал к нам святейший Ермоген патриарх, чтоб нам, собрався с окольными и повольскими городы, однолично идти на польских и на литовских людей к Москве».

Гонсевский уверен: писем было несколько.

Русские дипломаты ему отвечают: ничего подобного патриарх не писал, грамота поддельная, а печать к письму приложена в условиях, когда Гонсевский мог распоряжаться ею, разграбив Патриарший двор. Тогда Гонсевский выкладывает еще два послания — из Нижнего Новгорода и из Костромы о том же. А вслед за тем комментирует: «В Нижнем ни один человек з наших не бывал. Вам можно познать печати и письма чиими руками писаны…»[{323}]

Это, конечно, более серьезный аргумент. Поляки действительно по смутной поре изощрялись с подложными письмами; одно из них погубило Прокофия Ляпунова. Но вот вопрос: зачем подделывать подписи нижегородцев… образцы коих могли оказаться в руках поляков лишь после начала восстания?[83] Восстания-то уже не избежать! Патриаршую грамоту, допустим,

поляки могли сфальсифицировать, дабы иметь основания к аресту упорного врага. Но если в подделку вставили призыв патриарха собирать полки для наступления на Москву, известный Гонсевскому по другим грамотам, то это… уже не подделка, а копия.

Получается парадоксальная ситуация: самый страшный неприятель Гермогена оказывается самым лучшим свидетелем героической деятельности патриарха. Неприятельский офицер перед лицом потомков красноречиво повествует о тайной страде его. И голос Гонсевского вливается в хор иных голосов польско-литовского воинства, осуждающих заговорщическую работу Гермогена.

Более того, вина патриарха Московского, как «пострекателя мятежников», к весне 1611 года перешла из разряда личных мнений в разряд официальной позиции польско-литовского правительства. Сигизмунд III в апреле 1611-го писал нашим боярам: «Учинилось нам ведомо: по вражью действу и умыслу лихих людей, которые не хотят видети в хрестиянстве покоя и тишины, будто мы, государь, сына своего на ваше государство дати не хотим, а хочем будто Московского государства доступати к Польше и к Литве. И после того по ссылке и по умышлению Ермогена, патриярха Московского, с Прокофием Ляпуновым почала на Москве во всех людех бытии великая смута, и на наших польских и литовских людей ненависть… и хотели наших людей выслати из Москвы неволею… и с нашими… людьми бои учинили…»[{324}] Московское правительство прекрасно знало, что Сигизмунд действительно желал занять русский престол, оттеснив сына; первенствующее лицо среди московских бояр, князь Ф.И. Мстиславский, лично принимал участие в попытках получить на то благословение у Гермогена. Так зачем же сообщать сведущим людям заведомую ложь, зная, что они никак иначе это сообщение не воспримут? Причина тут одна: декларативно утвердить преступный, изменнический характер деятельности Гермогена.

Лишь один иноземец, греческий архиерей, волей судьбы перешедший под руку московских патриархов, нисколько не враг ни полякам, ни русским, а просто умная щепка, закрученная водоворотом общего неистовства, высказался расплывчато. Это Арсений Елассонский, пребывавший на пике Смуты, при «Семибоярщине», в сане архиепископа. По его словам, «все жители Москвы и города России, услышавши, что великий король не желает давать сына своего в цари им и, поправ договоры, утвердить написанное, заключенное с главнокомандующим Жолкевским, бесчестили воинов великого короля. Восставшие города — Калуга, Рязань и другие города назначили воеводу боярина Прокопия Ляпунова из города Рязани и другого с ним, Ивана Мартыновича Заруцкого, командующими войсками, — помимо согласия и желания бояр и народа великой Москвы, потому что Москва еще ожидала сына короля. Некоторые говорили, что восстание городов и народа произошло по совету патриарха кир Гермогена, хотя истину ведает Господь, потому что сам он отрицал это»[{325}].

Мудрый грек, пытавшийся выжить и сохранить благочестие в самом центре русского урагана, выразился максимально уклончиво. Последняя его фраза — образец того, как много можно сказать, ничего не сказав с решительной твердостью. «Некоторые говорили, что восстание городов и народа произошло по совету патриарха кир Гермогена», — значит: «Я не могу сказать это от своего имени». «Сам он отрицал это», — значит: «Публично он отрицал это». Собственно, Хворостинин сообщает то же самое, тут полное совпадение. «Хотя истину ведает Господь», — значит: «Можно сомневаться и в слухах об участии патриарха в заговоре, и в правдивости его отрицаний этого участия». Арсений Елассонский 1610 и 1611 годы провел в Кремле. Он видел и знал всё, что там происходит. Он сослужил Гермогену. Неоднократно находился на расстоянии вытянутой руки от него, беседовал с ним. И… остался в сомнениях. Очевидно, его не пригласили в кружок русских патриотов-заговорщиков, но обрывки разговоров, касавшихся их планов, носились вокруг осторожного грека. А он почитал за благо

не слушать и не прислушиваться: смертью пахли случайно оброненные фразы…

Суммируя данные русских по происхождению документов, летописей, исторических повестей, а также записок иностранцев, нетрудно составить довольно подробную реконструкцию событий, связанных с грамотами Гермогена.

Военный заговор, составленный русской аристократией (князья Голицыны, князья Воротынские, Плещеевы), а также большими группами москвичей и отрядами из воинства Лжедмитрия II существовал еще в октябре 1610 года. Ничего не известно об участии в нем патриарха, оно выглядит сомнительно. В качестве гонцов между столичными заговорщиками и провинциальными использовались священники, но из этого еще не следует, что распоряжения отдавал им глава Церкви[84]. Гермоген придерживался линии мирных переговоров с поляками, пока оставалась надежда, что королевич Владислав явится в Москву, примет православие, а иноземный гарнизон покинет Кремль.

Однако события развивались иначе.

Сигизмунд обставил отправку Владислава условиями, позволяющими оттянуть ее на неопределенный срок. Более того, он сам вознамерился принять от русских присягу и, следовательно, править Россией вместо Владислава. В октябре-ноябре 1610 года Гонсевский «…для большей безопасности… ввел в Кремль несколько сот немцев, вооружил их хорошо пушками, взял в полное свое управление ворота, стены и весь город… а участников заговора одних казнил, а к другим, из опасения волнений, должен был отнестись с послаблением и снисхождением»[{326}]. Уже с ноября в Москве принялась хозяйничать покорная Сигизмунду пропольская администрация во главе с боярином М.Г. Салтыковым. Боярское правительство утратило власть и влияние. Король раздавал направо и налево поместья и должности, как полновластный государь московский.

О королевских намерениях насчет Владислава, высказанных ясно, однозначно, в официальных документах, Москва узнала в начале декабря 1610 года, не позднее 6-го. О желании Сигизмунда занять место русского государя — самое позднее 30 ноября, за шесть суток до празднования Николина дня[{327}]. Салтыков со своим приспешником Федором Андроновым явились к патриарху с требованием благословить крестоцелование на имя Сигизмунда, но потерпели неудачу. Тогда они привели к Гермогену формального лидера боярского правительства князя Ф.И. Мстиславского и повторили требования. Гермоген отказал им. Более того, в Николин день святитель собрал москвичей и добился у них отказа присягать Сигизмунду. Патриарх обличил криводушие поляков, ни во что поставивших прежние договоренности.

11 декабря был убит Лжедмитрий II. Через несколько дней об этом узнали в Москве.

Чуть погодя Сигизмунд известил, что готов отправить Владислава на царство, москвичам лишь надо набраться терпения. После того, как были нарушены основные русско-польские договоренности, это заявление прозвучало откровенным издевательством. В ответ патриарх отправил столь же издевательское послание.

Всё это — известия о смерти Самозванца, письмо короля с обещанием отправить Владислава а Москву и ответ патриарха — дела второй половины декабря 1610 года.

Очевидно, к декабрю 1610 года относится и собрание книжников, о котором рассказывает князь Хворостинин.

25 декабря по католическому стилю или 15-го по православному, поляки обнаруживают первые патриаршие грамоты, отправленные на юг — воинству, которым еще несколько суток назад управлял Тушинский вор. А уже в первых днях января 1611 года Гермоген встречает нижегородцев Пахомова с Мосеевым, сидя на разграбленном дворе, не имея ни бумаги, ни писцов. В этот промежуток уместились первый открытый конфликт патриарха с поляками и Салтыковым, «уличение» Гонсевским, первое ограничение свободы Гермогена, первый нажим на него — угрозы, разорение Патриаршего двора, отъем слуг.

Итак, самые ранние грамоты Гермогена, о которых известно из исторических источников, относятся к десятым числам декабря 1610 года. Затем, в конце декабря — начале января, главу Церкви лишили возможности писать. Но он снабдил представителей Нижнего Новгорода грамотами москвичей, смолян, а также дал устное *благословение на сбор земского войска.*

К 8 января 1611 года Гермоген вновь получил возможность писать. Вдогонку нижегородцам он отправил письмо, где подтверждал все то, о чем сообщил устно при личной встрече с Пахомовым и Мосеевым. 9 января другое письмо полетело к первым вождям начинающегося движения — Просовецкому, Черкашенину. Оба послания оказались в руках поляков, но Гермоген вряд ли ограничился только их отправкой, поскольку известна еще как минимум одна его грамота, сохраненная владыкой Рязанским и предъявленная впоследствии князю Хворостинину. Примерно тогда же — во второй половине декабря или первой декаде января — устно ли, письменно ли, патриарх побудил к действию и Прокофия Ляпунова. Возможно, именно ему было адресовано послание, оставшееся у рязанского архиерея.

Отчего же патриарх не составлял подобных посланий раньше?

По трем причинам.

Во-первых, оставалась надежда на то, что Владислав примет православие.

Во-вторых, Сигизмунд не высказывал явно своих притязаний на русский престол.

В русской дипломатической документации четко обрисованы побудительные мотивы Гермогена. Весной 1613 года, после того, как Земский собор избрал новым царем Михаила Федоровича Романова, к Сигизмунду III отправился гонец Денис Оладьин. Его бумаги среди прочего содержали ретроспективное изложение русско-польской борьбы. О событиях конца 1610 года говорилось следующее: Владислав не приехал, договорные статьи, скрепленные крестоцелованием Жолкевского, оказались отставлены, а пропольская администрация принялась «в Московском государстве всяких людей прельщати и приводити на то, чтобы всякие люди в Московском государстве целовали крест… Жигимонту королю мимо сына его Владислава королевича, и быти б Московскому государству под государем вашим Жигимонтом… к Польше и к Литве; а о сыне его о королевиче Владиславе все учали отказывать, что быть ему на Московском государстве не мочно. И видя такие злые дела, великий святейший Ермоген… разжегся во Христе верою и поборая по нашей истинной православной хрестьянской вере греческого закона, как… истинный пастырь наш и учитель, не хотя дать Богом избранного стада своего волком и хищником в разхищенье, тех изменников Михаила Салтыкова с товарыщи в их злых делех обличал, и многих от них, злодеев, и от Олександра Гасевского (Гонсевского. — *Д. В.)…»*[{328}].

В-третьих, оставался в живых Лжедмитрий II — странный государь эфемерной южнорусской державы со столицей в Калуге. Куда, на какие освободительные подвиги, на какое стояние за веру звать его бойцов, когда их возглавляет мошенник, фальшивка?!

Московская знать, допустим, переписывалась со Лжедмитрием II еще в те времена, когда Василий IV оставался на троне. Так, в дневнике литовского военачальника Яна Петра Сапеги имеется запись, прямо свидетельствующая о тайных сношениях между Москвой и Калугой в конце июня 1610-го: «В тот же день… Е[го] М[илость] царь (Лжедмитрий II. — *Д. В.)* получил известие из Москвы от патриарха и других бояр, сообщавших о большой расположенности всех к Е[го] М[илости] царю»[{329}]. Речь идет о «тушинском патриархе» — митрополите Филарете (Романове), который в ту пору находился в столице. Настоящий же патриарх до последней крайности честно поддерживал государя Василия Ивановича. Мог ли он вести переписку с бывшими тушинцами после падения Василия IV, но до смерти Лжедмитрия II? Теоретически — да, мог. Армия Самозванца включала в себя некоторое количество немецких наемников, литовцев, татар, черемисы, однако основная ее часть состояла из русских православных людей — паствы Гермогена. Там хватало, конечно, отпетых злодеев, в основном из казаков, давно не веривших ни в Бога, ни в беса. Но казаки бывают разные: даже в ту неистовую пору и даже среди самого антигосударственного элемента Смуты встречались люди большой веры. Кроме того, под стягами Лжедмитрия шли не только казаки, но и дворянские сотни, а предводительствовал ими знатный человек, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой. Стоит приглядеться к одному нюансу: первое послание Гермогена изо всех, нам известных, поляки перехватили 15 декабря. Между тем известие о гибели Лжедмитрия могло дойти в Москву в самом лучшем случае дня за три-четыре — при большом поспешении. Выходит, Гермоген должен был отреагировать на эту весть моментально, его враги столь же быстро доложить Гонсевскому, а он сей же час отрядить конный отряд на перехват, чтобы патриаршая грамота попала в руки поляков *на четвертый день после смерти Самозванца.* Возникает сомнение: так ли быстро сел за письмо Гермоген? Или, может быть, он давно имел связи с кем-то из формальных сторонников Самозванца, давно переписывался с ними и в решающий момент мог рассчитывать: с этой стороны беда не придет, скорее, оттуда стоит ждать помощи? Ушел Лжедмитрий, освободив руки людям, которые давно искали другого руководства, так надо действовать! Впрочем, лучше оставить это предположение в ранге гипотезы — нечем его доказывать.

Можно констатировать: к середине декабря 1610 года у патриарха не осталось причин поддерживать мирную линию отношений с поляками, зато для призыва русских православных людей к оружию появились очень серьезные основания.

Земское ополчение собиралось и шло к Москве на протяжении двух с лишним месяцев. В январе-феврале 1611-го шла концентрация сил, во второй половине марта земские полки явились к столице. Чуть раньше восстание созрело в самой Белокаменной.

Нет никаких известий о том, рассылались ли Гермогеном новые грамоты между 9 января и началом марта 1611 года, имел ли он хотя бы малейшую возможность влиять на дела земского движения. Но перед Вербным воскресеньем первоиерарх, вероятно, сумел известить москвичей, что поляки вооружились и могут устроить настоящую резню.

После поражения восставших, оказавшись в узилище, глава Церкви должен был лишиться даже самых ничтожных шансов донести свою волю до земских воевод. Сначала, наверное, так и было. Патриарха крепко стерегли, притом за надежность охраны отвечали иноземцы. Но с течением времени польские офицеры утратили бдительность. Гермоген смог передать на волю как минимум еще два письма. Первое из них отправилось в августе к нижегородцам, а второе не ранее осени ушло к земскому руководству в целом.

Вывод: *святитель Гермоген сыграл весьма значительную роль при зарождении земского освободительного движения.* Глава Церкви устными распоряжениями и в грамотах призвал паству не только к «стоянию за веру», не только к отказу от присяги Сигизмунду III, но также к

вооруженному сопротивлению иноземцам. Действовать подобным образом его вынудили сами поляки, поскольку в ином случае русский престол занял бы католик, а судьба православия на просторах Московского государства приняла бы столь же скверный оборот, что и на территории Речи Посполитой. К середине декабря 1610 года иных резервов «стояния за веру», помимо спешных сборов земского ополчения, просто не оставалось. Впоследствии патриарх как минимум дважды посылал земцам благословение.

Так или приблизительно так представляет себе историю с патриаршими грамотами большая группа историков и публицистов. Самые крупные величины среди них — митрополит Макарий (Булгаков), протоиерей Николай Агафонов, Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, Н. Мансветов, И.Е. Забелин, Н.И. Костомаров, С.Ф. Платонов, С.И. Кедров, Л.Е. Морозова{330}. Однако ими эта группа далеко не исчерпывается. Во «втором ряду» стоит несколько иных значительных фигур{331}.[85]

У Карамзина сказано не столько о письмах патриарха, сколько о тайных беседах его, имевших смысл и значение грамот: «Что может народ в крайности уничижения без вождей смелых и решительных? Два мужа, избранные Провидением начать великое дело… и быть жертвою оного, бодрствовали за Россию: один старец ветхий, но адамант Церкви и государства — патриарх Гермоген; другой, крепкий мышцею и духом, стремительный на пути закона и беззакония — Ляпунов Рязанский… Ермоген в искренних беседах с людьми надежными. Ляпунов в переписке с духовенством и чиновниками областей. Убеждали их не терпеть насилия иноплеменников». Таким образом, земское движение, по Карамзину, вытекло из слов и действий двух равновеликих основателей — Гермогена и Прокофия Ляпунова.

Забелин прямо пишет о грамотах. По его мнению, тайное хождение патриарших писем оказалось достаточным поводом, чтобы вызвать в городах настроение активного протеста. Но Гермоген еще и поучаствовал в заговоре против поляков как руководитель практических действий (Бог весть, насколько верно это смелое утверждение): «Семибоярский подвиг вскоре должен был встретить сильный отпор и негодование по всей земле. Коварство врагов тотчас было почувствовано и понято вполне, и Земля стала собираться на свою защиту. Первое слово было произнесено патриархом Гермогеном. Оно было сказано в самом Кремле, посреди врагов; оттуда сначала прокрадывалось в города таинственно, раздавалось в городах все громче, а затем охватило все умы одним торжественным кликом: стать всем заодно и очистить Землю от врагов… На той же неделе как только поляки вошли в Кремль под начальством Гонсевского и вместе с боярами составили правительство, стольник Вас. Ив. Бутурлин, отпросясь у бояр в свое поместье, съехался в Рязани с Пр. Ляпуновым, и положили они тайно на слове, поляков в Москве побить и стоять войною против короля и королевича. *Можно с большою вероятностью предполагать, что поездка Бутурлина была справлена по мысли патриарха Гермогена».*

Платонов также дает патриарху роль духовного вождя земского движения: «На Гермогена и на его личную стойкость с надеждой начали смотреть все патриоты, считая, что в ту минуту именно патриарх должен был стать первым борцом за народное дело… Тем более, должен был почувствовать свое значение сам Гермоген. Сбывались его опасения; его подозрительность и недоверие к полякам и тушинским дьякам получили свое оправдание. На его плечи ложилось тяжкое бремя забот о пастве, потерявшей своих правителей. Сам он, несмотря на старость, готов был нести это бремя с обычным упорством, с той “грубостью” и “косностью”, которые поражали в нем его современников… Но в окружающей среде патриарх не находил никакой поддержки… по словам писателя-современника, патриарху не было помощников… Помощь патриарху могла идти только из-за московских стен, — оттуда, где еще было цело и могло действовать привычное земское устройство, не задавленное польскою властью. Служилые

люди, державшиеся вокруг городских воевод, поставленных еще при Шуйском, да тяглый городской люд со своими выборными старостами — вот те общественные силы, на которые мог рассчитывать Гермоген, задумывая борьбу с “врагами”. Необходимо было сплотить эти силы, организовать их в видах борьбы за народную независимость и с помощью их решить не разрешенный боярством вопрос о восстановлении государственного порядка. Как увидим, Гермоген понял правильно эту задачу, но он не сразу получил возможность взяться за ее исполнение… Во второй половине 1610 года Гермоген, наконец, решился на то, чтобы открыто призвать паству к вооруженному восстанию на утеснителей. Он начал посылать по городам свои грамоты…»

В маленькой статье, специально посвященной Гермогену и троице-сергиевскому архимандриту Дионисию, Платонов выразился радикальнее: «Когда стало ясно, что Москва обманута Сигизмундом, Гермоген первый бестрепетно и с непреклонной силою или точного исполнения договора Москвы с представителем короля Жолкевским, или же его расторжения. Отчаявшись в первом, он пошел на второе со всею решимостью своего крепкого духа. Явная опасность для веры и для русской народности была осознана патриархом настолько, что он даже благословил свою паству “на кровь дерзнути”! Робости и колебаний Гермоген не знал, и в то время, когда бояре и владыки малодушествовали и страха ради молчали перед польской властью, он… сурово “разил” своим словом тайных изменников и явных врагов своей Церкви и родины»[{332}].

Рядом с этими громкими именами, которые отлично известны не только специалистам, но и всякому сколько-нибудь серьезному любителю русской истории, имя полузабытого историка Церкви С.И. Кедрова звучит далеко не столь громко. Однако именно он посвятил Гермогену самое объемное биографическое исследование и охватил в своей работе наибольший круг источников. Кедров очень хорошо знал научную литературу, связанную с дискуссией вокруг писем патриарха, сам много полемизировал. Таким образом, мнение его должно иметь солидный вес. А этот светский биограф Гермогена пришел к однозначному выводу: «Мы… думаем, что первое ляпуновское ополчение было созвано по благословению патриарха, устными его речами и грамотами, что имя его, воля его сорганизовали это ополчение и направили на спасение родины. Без него и его воззваний невозможно было бы и самое ополчение. Как ни измалодушествовались русские в Смуту, но без освобождения патриархом от присяги Владиславу едва ли бы, скованные этою присягою, они пошли на поляков: Гермоген благословил ее нарушить»[{333}].

Можно констатировать: позиция, в рамках которой Гермоген мыслится как первоустроитель и духовный наставник земского ополчения, имеет за собой весьма значительную историографическую традицию. А свидетельства источников, приведенные выше, придают ей большую устойчивость. Автор этих строк, как можно было убедиться, сознательно присоединяется к ней.

Но существует, как уже говорилось, и совершенно иная традиция, противоположная первой. Самое время дать слово тем, кто представляет ее в исторической науке.

Н.И. Костомаров еще в 1860-х годах разделял точку зрения Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева и других сторонников первостепенной роли Гермогена в дни зарождения земской армии. Затем (1870-е) он перешел на несколько иную платформу. Да, он пишет о «подвиге» Гермогена, но в то же время резко сужает рамки этого подвига. Костомаров реконструирует события следующим образом: 6 декабря 1610 года, на следующий день после того, как бояре потребовали у патриарха подписать грамоту к послам под Смоленск, где говорилось, что надо во всем положиться на волю короля, а он отверг эту идею, Гермоген «приказал собираться народу в соборной церкви и слушать его слово. Поляки испугались и окружили церковь войском. Некоторые из русских успели, однако, заранее войти в церковь и слышали проповедь

своего архипастыря. Гермоген уговаривал их стоять за православную веру и сообщать о своей решимости в города. После такой проповеди приставили к патриарху стражу». Далее Ляпунов, безо всякого послания от Гермогена, просто услышав о такой его проповеди, собрал грамоты патриотического содержания (но не Гермогеновы) и присовокупил к ним свои, призывавшие к действию. Они-то и стали зерном, из которого выросло земское освободительное движение, начало расти ополчение. Костомаров отдает патриарху только одну грамоту — в Нижний, о непризнании царем «Маринкина сына». Грамота эта «по его приказанию была рассылаема по разным городам и подготовляла русский народ к новому восстанию»[{334}]. Таким образом, Ляпунов «оттесняет» фигуру Гермогена от роли первой скрипки в «увертюре» к рождению земского воинства.

Несколько работ, где значение грамот святителя так же, как и у Костомарова, снижается, вышло в начале XX века.

Так, публицистическая книжка Е. Волковой снимает фокус внимания образованных читателей со значительных персон и переносит его на народную массу. Среди прочего Е. Волкова пишет: «Не патриарх Гермоген поднял русских людей против поляков… Это движение вызвали сами поляки, затронув интересы всех классов русского общества. Патриарх Гермоген только поддержал его силою своего слова, стойкостью своего поведения. И это движение, широкой волной разлившись по русской земле, захватило самого патриарха и приподняло его на недосягаемую высоту борца и мученика за народное дело»[{335}]. Е. Волкова толкует слова и призывы святители как исключительно религиозные, касающиеся существа веры, но не политики. Например, в тот день, когда Гермоген собрал москвичей в Успенском соборе и призвал не присягать Сигизмунду, он начал писать грамоты по городам с призывом стать за православную веру и не принимать иноверцев, но «как лицо духовное не мог открыто призывать к восстанию…» А потому говорил о «поругании христианской вере» и желании поляков «в латинство обратить православный народ». И только Прокофийй Ляпунов повернул слова Гермогена к делу вооруженного ополчения[{336}]. Но и он бы не смог этого сделать, если бы сам народ не устал от обмана и гнета со стороны иноземцев, не разгневался бы на них, не пришел в состояние готовности к борьбе.

Д. Успенский идет по этому пути гораздо дальше и пускается в полемику с противоположной ученой «партией». Своего рода «девизом» его книжки стали слова: «Не хитрым политиком, как думают некоторые, а просто искренним, правдивым человеком был Гермоген… Живой пример самоотверженной деятельности Гермогена воодушевил и увлек за собой русский народ»[{337}].

По мнению Успенского, сами обстоятельства превратили патриарха в «народного вождя»: он сыграл важную роль в уже «начавшемся народном движении», которое явилось естественным протестом оскорбленного народа против произвола и гнета иноплеменников. Таким образом, не воля Гермогена двинула народ к определенной цели, но воля поднимающегося народа увлекла самого первоиерарха. Успенский целенаправленно подбирает аргументы на подрыв мнения, согласно которому «первое ополчение против поляков поднялось… благодаря тайной рассылке грамот Гермогеном».

Вот они: во-первых, «несогласными представляются возбудительные грамоты и с общим характером миросозерцания Гермогена: человек, признавший Божие руководство в избрании царей и строго относившийся к нарушению крестного целования, не способен на скорую перемену политических убеждений…». Как было показано выше, Гермоген крестного целования Владиславу не давал. И о каком «Божьем руководстве» может идти речь, если Владислав не венчался на царство по православному обряду, а стало быть, законным русским государем так и не стал?!

Во-вторых, Успенский критически оценивает содержание патриарших грамот, которые, по словам поляков попали к ним в руки. Имеются в виду грамоты от декабря 1610 года, а также от 8 и 9 января 1611 года. По его мнению, «знакомясь ближе с содержанием грамот, приписываемых Гермогену, нельзя признать их подлинными. Прежде всего совершенно невозможно примирить содержание этих грамот с ответом Гермогена на грамоту Сигизмунда от 23 декабря 1610 года. Благодаря за выраженную королем в грамоте готовность отпустить сына на московский престол, Гермоген в своем ответе, вместе с Освященным собором и боярской Думой, просил о скорейшем прибытии Владислава в Москву, так как, по его словам, русские люди "такова тяжка времени долго терпети не могут, яко овца без пастыря, или яко зверь велик главы не имеет". Для чего было приглашать королевича, когда Патриарх желал вовсе устранить его от русского престола? Приглашение королевича и одновременно с этим вооружение против него русского народа могли вести лишь к усилению смуты, чего, конечно, не мог желать Гермоген…». Хотелось бы напомнить, что сама переписка между Гермогеном и Сигизмундом имела декларативный характер. Сигизмунд *уже* высказал намерение занять русский престол вместо сына, русские его сторонники *уже* пытались принудить Гермогена к полной покорности воле короля, патриарх *уже* отверг их притязания. И тут Сигизмунд дает твердое обещание сделать то, чего он, как твердо знает патриарх, *уже* не сделает. Что ж, каков привет, таков и ответ. Ничего нелогичного в поведении Гермогена не видно.

Наконец, в-третьих, «в приписываемых Гермогену грамотах обнаруживаются данные, которые прямо противоречат фактам, устанавливаемым другими современными известиями. Так, например, поляки заявляют о грамотах Гермогена в Нижний Новгород от 8 и 9 января; между тем, из переписки нижегородцев с Ляпуновым мы узнаем, что Патриарх тогда "приказывал" им "речью", а письма от него не было, — "что де у него писати некому, дьяки и подьячие и всякие дворовые люди пойманы, а двор его весь разграблен"…» Однако грамота от 9 января адресовалась отнюдь не в Нижний Новгород, а казачьим атаманам Просовецкому и Черкашенину. Что же касается грамоты от 8 января, то, как уже говорилось, патриарх «приказывал» нижегородцам устно за несколько дней (возможно, за неделю) до 8 января, не имея возможности написать, а когда такая возможность у него появилась, отправил письмо вдогонку послам из Нижнего.

Успенский подводит итог: «Не колеблясь, можно сказать, что приписываемые Гермогену грамоты, относящиеся к декабрю 1610 г. и январю 1611 г., принадлежат подложным патриотическим грамотам, довольно распространенным в то время. Гермоген возбуждающих грамот против поляков не писал». Не колеблясь… Лучше в таких случаях испытывать колебания, нежели с уверенным видом сообщать оппонентам непродуманные доводы.

Между тем Успенский с какой-то странной торопливостью, не выбирая слов, то и дело высказывает совершенно необоснованные суждения. Вот, например: «Как ставленник нелюбимого народом царя и как его невольный защитник, патриарх, естественно, не мог приобрести себе расположение паствы. При этом у него не было выдающихся внешних качеств, которые могли бы доставить ему популярность…»[{338}]. Правда состоит в том, что историческая наука просто не располагает сведениями о внешности Гермогена. Имел он «выдающиеся внешние качества» или не имел, неизвестно.

Но у Волковой и Успенского, допустим, работы популярного жанра. Гораздо весомее прозвучало выступление серьезного специалиста — Л.М. Сухотина.

Он решительно отрицал побуждающую роль патриарха в восстании Ляпунова на Рязанщине, а также скором распространении земского дела на новые города и земли.

Сухотин привел солидный аргумент против этого. Он подметил: земское движение не имело

внутри себя единства. В нем участвовало два принципиально разнородных элемента. Первый из них, ненадежный, наполненный бунташным духом, как раз и составляли ляпуновцы. В их воинство входили дворяне, казаки, «низы украинного общества» и всякий «сброд», — люди, давно зараженные мятежной стихией и действующие по прежнему образцу болотниковцев, тушинцев. И сам Ляпунов, главный вожак южнорусской части земцев, принадлежал к числу «прежних заводчиков». Второй элемент земского освободительного движения, более твердый и чистый, составили города Замосковья, вставшего на защиту «исконного порядка»[{339}]. И разве мог Гермоген, защитник старой России, твердая опора царя Василия IV, враг тушинцев, призывать к восстанию и поддерживать «смутьяна» Ляпунова? Собранная рязанским воеводой армия являлась, по мысли Сухотина, идейно чуждой патриарху[{340}]. Частично ученый был прав, когда указывал на слабость ляпуновской части земского движения, слишком уж привычной к неверности и бунтовскому неистовству. Тут не с чем спорить! И, разумеется, Гермоген не мог не видеть эту гнильцу, впоследствии разъевшую тело земского ополчения изнутри. Но в целом этот аргумент Сухотина подрывается двумя обстоятельствами. Во-первых, патриарх выступал в качестве врага тушинцев, когда рядом с ним стоял законный православный государь Василий Иванович, живая ось русского державного порядка; но со времен его падения минуло много месяцев, а новый государь не появился. Во-вторых, «тушинский лагерь» возглавлялся откровенным Самозванцем; ушел в могилу Самозванец, а вместе с ним ушла и самая серьезная причина вражды между патриархом и южнорусским воинством. Иными словами, идейное противоречие, каковое можно бы, теоретически, обнаружить меж Гермогеном и южной вольницей, к исходу 1610 года сильно смягчилось.

По мнению Сухотина, в лучшем случае нравственный пример Гермогена, его стойкость и его ободряющие речи возымели какое-то влияние, трудно поддающееся подсчету. Но никаких писем, призывающих к силовому сопротивлению, он не писал. Окончательная формулировка Сухотина звучит категорично: «Не отрицая сношений патриарха Гермогена с Нижним в январе 1611 года через нижегородских посланцев, бывавших в Москве у патриарха и беседовавших с ним, признавая, что в деле присоединения Нижнего, а за ним и других городов Замосковья к восстанию Ляпунова слухи о стойкости патриарха и его ободряющее слово (но не призывные грамоты, каковых не было вовсе) *должны были сыграть известную роль,* мы настаиваем на том, что… само восстание Ляпунова и присоединение к его восстанию городов Рязанских, Украинных и Заоцких произошло независимо от Гермогена»[{341}]. Работа Сухотина сохраняла актуальность, пока в научный оборот не было введено послание Гермогена из «Вельского летописца», где патриарх без обиняков призывает храбро стоять против поляков и литовцев. В.И. Корецкий, публикатор послания, буквально похоронил статью Сухотина, поскольку письмо, как он замечает, «…несомненно свидетельствуя о связях патриарха с ополченцами, серьезно подрывает мнение Л.М. Сухотина о непричастности Гермогена к делу первого ополчения»[{342}]. Тут и добавить нечего.

Советское время принесло с собой негласный запрет показывать выдающую роль каких-либо представителей духовенства на общественную жизнь. На них возложили клеймо «мракобесов», «хранителей вековечной отсталости», «прислужников царизма» и, конечно, людей социально не близких рабоче-крестьянскому социуму прогрессивной Страны советов.

Гермоген, еще недавно воспринимавшийся обществом как один из величайших героев и подвижников Смутного времени, на одном уровне с Мининым и Пожарским, просто исчез со страниц исторических монографий. А там, где патриарха нельзя было обойти, он либо оказывался жертвой марксистской идеологии, либо уходил в тень — труды его обставлялись сверхосторожными формулировками, внимания ему уделялось ничтожно мало.

В 1960–1970-х годах вышла колоссальным тиражом «Советская историческая энциклопедия».

Микроскопический очерк о Гермогене туда попал — уже своего рода достижение, понятное ныне только для тех, кто помнит, с какой тяжестью двигались жернова советской энциклопедической печати. С.М. Каштанову, автору очерка, пришлось проявить своего рода дипломатичность, чтобы донести до читателя хоть какие-то позитивные сведения о патриархе. Вот соответствующий фрагмент очерка: «В кон. 1610 [Гермоген] выступил против предложения бояр о присяге польск. королю Сигизмунду III. Во время оккупации польск. феодалами Москвы Г. со 2-й пол. дек. 1610 стал рассылать грамоты по городам с призывом к всенар. восстанию против интервентов, рассчитывая на помощь отрядов П.П. Ляпунова»[{343}]. В таких обстоятельствах святитель никак не мог быть подан в качестве одного из основателей народного освободительного движения. Как говорится, «ну хоть так».

Совсем иначе повернул дело Р.Г. Скрынников — один из признанных авторитетов советской исторической науки, притом ученый, специализирующийся по периоду Московского царства. Руслан Григорьевич имел легкое перо, много издавался как автор научно-популярной литературы, взгляды его на какое-то время овладели громадной аудиторией. Миллионы советских граждан знали царствование Ивана Грозного и события Смутного времени «по Скрынникову», а не как-либо иначе. С Гермогеном историк обошелся весьма сурово.

Вся история патриарших грамот, рассылаемых по городам и областям, у Скрынникова предстает как часть процесса, инспирированного Гонсевским и Салтыковым. Оба мечтали «расправиться с патриотами». Поскольку среди тех, кто не одобрял власть поляков с их русскими клевретами, оказались князья Голицыны, Воротынские и сам патриарх, им, разумеется, предъявили обвинения. Однако, по мнению историка, «ни патриарх, ни Голицын с Воротынским не имели никакого отношения к назревавшему выступлению низов. Своих казаков[86] эти люди боялись гораздо больше, чем иноземных солдат». Скрынников даже пишет о большом «недоверии» патриарха к земскому ополчению, когда оно начало складываться…[{344}] Когда поляки приписали Гермогену тайную переписку с «Вором», нелепость этого обвинения была очевидна для всех. Скрынников напоминает: «Московскому патриарху принадлежали обширные земельные владения. Владыку окружали вооруженные дети боярские и дворяне, получавшие поместья из его рук. У главы Церкви были свой дворецкий, казначей и другие проверенные и преданные чиновные люди. Боярский суд предъявил Гермогену обвинение в государственной измене, которое позволило применить к Церкви неслыханные со времен опричнины меры. Суд постановил распустить весь штат патриарших слуг — дьяков, подьячих и дворовых людей… Отныне главу Церкви окружали одни соглядатаи Гонсевского. Вмешательство в церковные дела, инспирированное иноземным командованием, вызвало возмущение в столице»[{345}].

Скрынников приписывает польским офицерам изощренно-иезуитский образ действий. «Официальная версия, изложенная в королевской грамоте в апреле 1611 года, сводилась к следующему: “По ссылке и по умышлению Ермогена патриарха московского с Прокофьем Ляпуновым почала на Москве во всяких людех бытии великая смута”. Следуя польским отпискам из Москвы, Жолкевский сообщал, будто Гермоген признал свою вину». А это, как справедливо замечает Скрынников, сомнительно: Арсений Елассонский и «Новый летописец» говорят об обратном[{346}]. Что получается? Поляки оболгали Гермогена, приписав ему заговорщическую деятельность, подстрекательские грамоты и т. п., но сам он и вся Москвы должны были воспринимать подобные обвинения как наглую ложь, направленную к одной цели — разгрому Церкви, мешавшей диктату короля-католика Сигизмунда. Притом Гонсевский сообщил Жолкевскому, что добился у Гермогена признания в том, чего, по логике Скрынникова, при любых обстоятельствах совершаться не могло. О каких-либо пытках нигде речь не идет. Запугивание на патриарха не действовало. Как же тогда Гермоген мог признаться в том, чего не совершал?! Нонсенс. Выходит, поляки из московского гарнизона то

ли надули собственное начальство, то ли… сами поверили в ими же созданный фантом.

Признавался ли в чем-то Гермоген, не признавался ли, но ему, получается, это признание приписали. А королю и его окружению всё равно: виновник найден, «убран с доски», официальная версия событий создана, чего ж еще? Не копаться же в делах второстепенных персон, вроде Гонсевского?

Всё это выглядит красиво, но… вместо ссылок на источники — сплошные логические спекуляции. Правдоподобнее выглядит хотя бы частичное признание Гермогена в связях с русской провинцией — после того, как поляки предъявили ему перехваченные грамоты.

Но, допустим, Скрынников прав, и патриарх никаких воззваний к народу не рассылал. Откуда в таком случае появились многочисленные упоминания патриарших грамот в источниках?

Скрынников уверен: никаких грамот, способствовавших подъему земского движения, не существовало. Более того, их в принципе существовать не могло! Да, Гермоген всеми силами противился новым уступкам в пользу короля и его московских агентов, но вовсе не собирался окончательно порывать с «Семибоярщиной». Патриарх нуждался в поддержке бояр, чтобы они защитили церковное землевладение от потенциальных посягательств Сигизмунда III. Кроме того, Гермоген и его окружение, как полагает Скрынников, «прекрасно понимали, что конфликт с Боярской думой чреват многими затруднениями… Царская власть считалась оплотом православной Церкви, и царь-католик никогда не мог занять московский трон. Король отказался крестить царя Владислава в православную веру, и лишь избрание нового государя могло положить конец смуте и анархии. Но в соответствии с вековой традицией избрать царя не мог никто, кроме Боярской думы. Именно по этой причине Гермоген упорно избегал разрыва с боярским правительством и думой»[{347}]. Наконец, Скрынников апеллирует к нравственному облику святителя. Как же так, картинно изумляется исследователь, ведь в ответ на послание польского короля от 23 декабря 1610 года Гермоген благодарил его за готовность отпустить сына на московское царство и просил, чтобы королевич поскорее прибыл в Россию; он же призывал присягать Владиславу; «если при этом Гермоген рассылал по городам тайные грамоты с призывом к восстанию против Владислава и бояр, тогда придется сделать вывод о том, что его действия являют собой образец чудовищного двуличия и лицемерия. Однако такой вывод вступает в противоречие со всем, что известно о Гермогене. Он всегда поступал с редкостной прямотой, нередко во вред себе»[{348}].

Вот другие аргументы Скрынникова: в грамотах, датированных концом января 1611 года, Ляпунов сообщает всей России: «Я спешу к Москве по благословению Гермогена!» — но не говорит, что у него имеется патриаршее послание на сей счет. Вполне ли доверял патриарх мятежному, неистовому Ляпунову? И уж точно патриарх вряд ли доверял казакам, стекавшимся из южных городов к столице: «Гермоген сам происходил из донских казаков и нисколько не сомневался в том, что, очистив Москву, атаманы постараются посадить на трон “воренка”, который в глазах власть имущих был в тысячу раз хуже Владислава… Гермоген яростно противился вступлению иноземных войск в Москву. Инспирированный Гонсевским суд лишь укрепил его репутацию патриота и страдальца за родную землю. Последующие притеснения окружили его имя ореолом мученичества. При таких обстоятельствах патриарх, независимо от своей воли, стал знаменем земского освободительного движения»[{349}]. Но, как выходит из слов Скрынникова, это было неподвижное, бездеятельное знамя.

Слухи о «грамотах Гермогена», расходившиеся по всей России, выросли из недоразумения. Эти грамоты представляют собой фантом. Его отчасти создали своими неуклюжими усилиями поляки, отчасти же — само патриотическое движение.

Так, все бумаги, на которые ссылаются Гонсевский и прочие польские военачальники, — фальсификат. Во время переговоров 1615 года Гонсевский предъявил их русским дипломатам, но обмануть их было трудно, так как они являлись очевидцами и участниками московских событий. Они сейчас же объявили письмо от 8 января 1611 года, которое Гонсевский пытался выдать за патриаршее, подложным. Скрынников уверен в их правоте, так как, по его словам, 12 января 1611 года в Нижний из Москвы вернулись ездившие к Гермогену гонцы. Они передали устное послание, а писем не привезли. «Итак, у Гермогена не было нужды составлять 8 января 1611 года писаную грамоту, ибо он только что передал все необходимые устные распоряжения нижегородцам через верных людей»[{350}].

Скрынников также пытается показать, откуда взялось «ложное» сведение о получении жителями Перми копии с особой патриаршей грамоты из Нижнего. В феврале 1611 года нижегородцы «в собственной грамоте так передали содержание полученного ими от патриарха наказа: “Приказывал нам святейший Ермоген патриарх, чтоб нам, собрався с окольными и поволскими городы, однолично идти на польских и литовских людей к Москве вскоре”. Гермоген отнюдь не призывал нижегородцев к тому, чтобы они соединились с мятежными казаками-тушинцами из Калужского лагеря, а также с мятежными рязанцами… в наказе не было ничего, что было бы направлено против Мстиславского или других вождей семибоярщины»[{351}]. Ведь, с точки зрения Скрынникова, Гермоген по одному своему социальному положению обязан был сохранять лояльность в отношении боярского правительства. Выходит так: ну не мог он плохо о «Семибоярщине» отозваться, не такой он человек! Не предал бы социально-близких феодалов, в коих так нуждался! Проглядывает во всем этом вульгарный социологизм. Скрынников как будто загоняет патриарха в каморку социального статуса, притом обрисованного с исключительной примитивностью, и не позволяет совершать никаких поступков, выходящих за пределы этой тесной «жилплощади».

По двум причинам столь много места уделено здесь мнению Р.Г. Скрынникова. Во-первых, оно высказано пространно и получило обширную аргументацию. Во-вторых, оно разошлось по всей России, чему способствовала широкая популярность книг Руслана Григорьевича.

Но если всмотреться в суть его аргументов, то придется многое в них поставить под вопрос.

По поводу «боязни» ввязываться в общее дело со Лжедмитрием и его «казаками»: выше уже говорилось, что под руководством Лжедмитрия находились не только они, но и значительные дворянские отряды. Кроме того, вопрос о страхе перед восшествием на престол «вора» или «воренка» снимается самыми простыми контраргументами. Лжедмитрий II в декабре 1610 года ушел из жизни, и его можно было не опасаться; а против «воренка» Гермоген ясно и прямо высказался в хорошо известном послании нижегородцам, одновременно благословляя земское дело. Значит, призыв к восстанию против поляков и полное отрицание кандидатуры «воренка» на престол вполне совмещались в уме патриарха.

Опасение Гермогена поссориться с Боярской думой выглядит надуманным. Во-первых, Боярская дума никогда на Руси царя не выбирала. И в 1613 году не она выберет Михаила Федоровича, а земский собор. Во-вторых, в подручниках у поляков оказалась не вся русская аристократия и даже не вся Боярская дума. Если на одной стороне выступили князь Мстиславский и боярин Салтыков, то на другой оказались Голицыны, Воротынские, Одоевские, деятельные патриоты. В-третьих, как Гермоген мог ждать от тех же Мстиславского и Салтыкова, что они станут защищать от Сигизмунда церковную недвижимость после их требования во всем покориться воле того же Сигизмунда? Почему, ради чего они стали бы защищать *от своего государя* земли Патриаршего дома? Никакой логики.

Соображение ученого, согласно которому Гермоген «всегда поступал с редкостной прямотой»,

даже во вред себе, а потому не стал бы лгать Сигизмунду, наивно. Откуда нам известно о «редкостной прямоте» патриарха? Из его открытых укоризн Шуйскому в ошибках и бездеятельности? Тут видна, скорее, твердость нрава: царь поступает неверно, надо повернуть его в правильную сторону, а если потребуется — нажать! Гермоген — чрезвычайно опытный политик, сторонник жестких мер (судя по его казанскому опыту «вразумления» новокрещенов). К нему пришли и сказали: поклонись Сигизмунду, он отказался; вскоре от Сигизмунда же пришло письмо: «Ждите Владислава!» — а он уже начал поднимать земское дело. Как было отвечать? «Извините, лимит ожидания исчерпан, я решил поднять против вас города, ваше величество?!» Так поступил бы не просто «прямой человек», а откровенный глупец. И странно видеть, как советский ученый пытается приписать церковному иерарху XVII века точь-в-точь такую степень безгрешности, какая обеспечит его гипотезам правдоподобие. Дореволюционный историк Кедров предложил близкие по смыслу контраргументы: первосвятитель старался избегнуть огласки своих действий и намерений; поэтому «нельзя серьезно ссылаться на грамоту Гермогена и русских людей Сигизмунду от последних чисел декабря 1610 года, где патриарх благодарит короля за обещание дать Владислава. Мы знаем, что Сигизмунду посылались грамоты с именем Гермогена в их начале, но без его подписи в конце. С другой стороны — самая эта грамота не что иное как деликатная отписка на деликатное сообщение Сигизмунда о том, что он дает сына Владислава на царство. Официально так оно и было; и после поляки говорили, что Сигизмунд никогда не отказывался от дачи королевича, но… за кулисами действовала совсем другая политика, с которой и приходилось бороться Гермогену». Ничего деликатного в обоих письмах нет. Кедров подобрал абсолютно неверный эпитет. Но в остальном он прав: огласка имела бы гибельные последствия[{352}].

Ляпунов нигде не написал, что имеет патриаршую грамоту, а упоминал одно лишь благословение Гермогена? Но Ляпунов точно так же никогда не заявлял и того, что подобной грамоты у него нет.

Русские дипломаты признали в посланиях, представленных Гонсевским, фальсификат? Но во время переговоров 1615 года, хотелось бы напомнить, Гонсевский предъявил грамоту из Нижнего Новгорода, до которого поляки не добрались, а в ней призыв к восстанию выражен вполне ясно. Сфальсифицировать ее полякам было бы, мягко говоря, затруднительно. Скрынников о ней даже не упоминает.

Итак, платформа Р.Г. Скрынникова, взятая в целом, сколько-нибудь серьезной аргументации под собой не имеет.

Однако влияние на историческую литературу, которая возникла позднее, эта платформа оказала.

Так, например, те же аргументы повторил и А.П. Богданов в большом биографическом очерке, посвященном Гермогену. Целую главу отдал он «загадке патриарших грамот». Историк считает, что с момента отъезда Жолкевского «патриарх явно потерял способность влиять на политические решения». Однако во второй половине декабря 1610-го — начале 1611 года слово Гермогена обрело особое звучание, поскольку Россия осталась «безгосударна». Патриарх не прекращал проповеди даже «в полупустом соборе, утверждая все то же: если Владислав “не будет единогласен веры нашея — несть нам царь; но верен — да будет нам владыка и царь”»[{353}]. Но он не возбуждал народного движения грамотами; массовое народное движение само поднялось. Переписывая и пересылая друг другу грамоты, «участники патриотических ополчений первоначально лукавили, ссылаясь на волю патриарха». Из рассуждений А.П. Богданова следует: призывы Гермогена возникли из страстного желания первых, еще робеющих участников восстания опереться на авторитет главы Церкви. Лишь летом 1611 года

патриарх, наконец, взял в руки перо: «Гермоген, не призывавший паству к борьбе… но лишь служивший примером стойкого непризнания поражения своей страны, выступил… с воззванием в Нижний, Казань, во все полки и города. Патриарх не нарушил своей линии и ни словом не упомянул ни интервентов, ни бояр-изменников, против которых народ поднялся не по его указанию, а сделав свои выводы из ситуации. Но он был весьма обеспокоен целостностью ополчения после смерти Ляпунова, в частности тем, что претендентом на престол мог стать сын Марины Мнишек… Этой грамотой… патриарх впервые и единственный раз официально признавал, что народ сделал правильный вывод из его рефреном звучавшей проповеди: коли крестится Владислав — будет нам царь, коли нет — не будет нам царем. Признал, что народное восстание было законным и справедливым»[{354}].

Для Богданова важно в первую очередь свидетельство «Нового летописца», где патриарх, беседуя с Салтыковым, отрицает, что писал какие-либо грамоты Ляпунову и прочим земским воеводам.

Но что такое «Новый летописец»? Сочинение весьма позднее. В него, конечно, вошли материалы, современные Смуте, даже, быть может, сам Гермоген вел летописные заметки, позднее вошедшие в него. Но окончательная редакция памятника появилась около 1630 (!) года, она имела официальный характер и родилась в придворных кругах, скорее всего, среди приближенных патриарха Филарета[{355}].[87] А в переговорах с Речью Посполитой московское правительство заявило крайне жесткую точку зрения: во всем виноваты сами поляки, безоглядно и бездумно производившие насилия в Москве, да еще напрасно предавшие Гермогена мучениям; изгнание их — закономерный итог бесчинств гарнизона, а также вероломного поведения Сигизмунда III[{356}]. Какой же может быть заговор? Какое восстание? И какой из патриарха подпольщик, если он — мученик? Соответственно, и формулировки бесед Гермогена с пособниками поляков были приведены к «правильному», то есть «официальному» виду. «Живые» сцены из «Нового летописца» — итог долгой, вдумчивой редактуры первоначального текста.

Гораздо осторожнее и основательнее в своих суждениях другой современный историк, В.Н. Козляков. Для него важно мнение дореволюционного специалиста Л.М. Сухотина, в сущности, отказавшего Гермогену в сколько-нибудь значимой роли при рождении земского движения. Однако сам Козляков придерживается более мягкой позиции. По его мнению, после проповеди патриарха, направленной против крестоцелования на имя польского короля, «…началась рассылка патриарших обращений по городам — с тем, чтобы там добивались твердого исполнения прежнего договора. Все это происходило “перед Николиным днем”, то есть ранее 6 декабря 1610 года…»[{357}]. В этом еще нельзя усмотреть прямого, явного воззвания собирать полки, идти к Москве, бить поляков и т. п. Гермоген повлиял на умы «словом правды среди моря лжи», дал духовную опору многим людям, в том числе и Ляпунову, — это не вызывает сомнений. Но Козляков почитает за благо воздержаться от окончательного заключения о каком-либо призыве патриарха к Ляпунову насчет организации земского ополчения уже в декабре 1610 года. «Было бы ошибочным приписывать главе Церкви какие-то конкретные шаги в этом направлении…» — пишет он[{358}].

Однако существуют независимые друг от друга свидетельства поляков и нижегородцев о грамотах и устных распоряжениях Гермогена, призывающих собирать полки против иноземцев. Те и другие в одинаковых выражениях пересказывают слова патриарха. Можно, как Р.Г. Скрынников, объявить грамоты, предъявленные или пересказанные поляками, фальсификатом, можно даже нарисовать эпическую картину фальшивого заговора, якобы придуманного врагом ради разгрома Русской церкви. Но объяснить совпадение «показаний» польских офицеров и восставших нижегородцев в этом тонком вопросе как-нибудь иначе,

помимо того, что и у тех, и у других имелись подлинные грамоты Гермогена, невозможно. Еще один независимый источник — сочинение Хворостинина — сообщает о некой грамоте, посланной в Рязань и сохранившейся у тамошнего владыки. Следовательно, и область, где воеводствовал Прокофий Ляпунов, главный вождя Первого земского ополчения, не осталась без патриаршего послания.

Поэтому, в конечном счете, надо признать: глава Церкви, храня тайну земского заговора от поляков и их пособников, призвал города и земли русской провинции «идти на польских и на литовских людей к Москве». Решительность действий Гермогена объясняется посягательством поляков на православие: они устроили костел в Кремле, они собирались посадить на русский трон короля-католика. Иначе говоря, мотив действий патриарха — чисто религиозный. Но способ исправления сложившейся ситуации — чисто политический. Видимо, Гермоген уверился в том, что поста и молений в данном случае окажется недостаточно.

Следовательно, патриарх стоял у истоков земского освободительного движения. Следовательно, *не сам народ, лишенный какого-либо побудительного импульса и координирующей воли, поднялся одновременно во множестве городов для похода на Москву, а духовная власть подняла его на борьбу за веру.* Ничего удивительного! Святой Макарий, митрополит Московский и всея Руси, благословлял полки, идущие брать Казань, а десять лет спустя — Полоцк. Сам патриарх Гермоген всей мощью своего духовного авторитета поддержал решительное подавление Болотниковщины. Полустолетием позже Никон сподвигнет царя Алексея Михайловича на войну за Украину. Во всех этих случаях боевые действия мыслились как война за веру или как минимум война против изменников православному царству. Иначе говоря, своего рода православные крестовые походы. В ту пору у России была воинствующая Церковь. Ее иерархи, когда требовалось, говорили светской власти: меча духовного ныне недостаточно, следует подкрепить его мечом булатным!

Таким образом, Гермоген поступил в духе своего времени, своей веры и своего практического опыта. Дальнейшие события показали его правоту.

Глава седьмая. Великий консерватор. Общественное значение грамот Гермогена

Узкий, частный вопрос о грамотах патриарха Гермогена потребовал очень большого объема. Однако узость его — кажущаяся. Разгадывание тайны патриарших посланий дает возможность перейти к обобщениям, затронуть самую суть магистральных процессов Смуты.

Поднятая усилиями патриарха вооруженная борьба, помимо религиозного, получила также национальный, а вслед за тем еще и политический оттенок. Она превратилась из одного только православного дела еще и в русское национально-освободительное.

Не напрасно дореволюционные консервативные публицисты старались соединить в его пастырском служении понятия «русское» и «православное», хотя для Гермогена второе всегда занимало самостоятельное, притом иерархически более высокое место и не нуждалось ни в каком слиянии с первым.

А.Н. Эшенбах, например, писал: «После смерти Тушинского вора… и распадения великого Московского посольства, отправленного под Смоленск… патриарх решил выступить открыто на борьбу с поляками, рассылая по городам и областям свои знаменитые грамоты, призывая сплотиться против общего врага — поляков, указывая на коварство короля, его тайные замыслы — присоединить к Польше, ополячить и облатинить искони православную русскую

землю, и разрешая русских людей от присяги, данной королевичу Владиславу»[{359}]. Публицист В. Шукин высказался еще прямее: «Вложив свою основную черту [общительность] и, так сказать, всю свою национальную душу в православное христианство, русский народ самое это православное христианство превратил в свою душу, в свою русскую природу, в мерило русской национальности… Вот за такое-то русское православие, а в лице его и за главную основу всей русской национальности и подвизался и умер мученически приснопамятный… патриарх Гермоген… Личная жизнь патриарха Гермогена тесно была связана с такими чрезвычайными религиозными фактами, в которых разительнее всего осуществлялась… религиозно-национальная идея Руси как земного Царствия Божия, обильного проявлениями чудодейственной Божией благодати»[{360}].

Борьба с поляками у Эшенбаха показана как нечто нераздельное с борьбой против «облатинивания». Между тем для святителя вооруженное давление на «польских и литовских людей» являлось всего-то инструментом для защиты православия. Гермоген не имел ничего против иноземцев самих по себе, в этническом смысле. Он ополчался на урон, наносимый ими восточному христианству. Так же и само восточное христианство в глазах миссионера, много лет потратившего на укрепление Креста среди татар, вряд ли могло выглядеть «душой» одного только русского народа. Просто на тот момент главной силой православия в отстаивании себя от посягательств извне служила русская рать, и ничто иное.

В земском движении, помимо национальной, ярко выражена еще одна производная от его православной сути. Ее можно назвать политической или, точнее, — государственнической. Прекрасно уловил ее знаменитый духовный писатель Евгений Поселянин. По его словам, значение Гермогена — «не местное и не временное». Поселянин дает Гермогену иной масштаб: «Он удержал Россию, готовую сорваться с исторических путей своих. Он подхватил готовую ринуться в бездну колесницу русской государственности и, сам задавленный, спас свою Родину». Патриарха, как полагает Поселянин, вдохновляла идея, за которую он «положил свою душу», имя же этой идеи: «Свободная самобытная Россия!»[{361}]

И вот на этом стоит остановиться особо.

На протяжении примерно полугода — с августа 1610-го до марта 1611-го — Россия имела чрезвычайно странное, можно сказать, аварийное устройство высшего государственного управления. Пока на троне сидел Василий IV, Московское государство сохраняло традиционный государственный строй — каким он был, скажем, при Иване IV или Федоре I. При слабом монархе, да еще с рядом законодательных уступок, сделанных царем в самом начале правления[{362}], но всё же — именно традиционный государственный строй. Русский государь из рода Рюриковичей, Боярская дума как аристократический консультативный совет при нем, приказное устройство административного аппарата, местнические преимущества знати, безраздельное главенство Русской православной церкви в духовной жизни народа. С марта 1611 года (разгром Страстного восстания) и до освобождения Москвы высшая государственная власть осуществлялась польским гарнизоном и пропольской администрацией. Притом последняя выглядела для всей страны как сборище подручников при иноземных офицерах, не более того. Территория, где эта власть сохраняла действительную силу, ограничивалась несколькими районами Москвы. Патриарх утратил власть и оказался в заключении. Боярская дума утратила власть и выполняла чисто декоративные функции. Местнический порядок разрушился. Государя не было. Действительный контроль за жизнью страны постепенно переходил к вождям земского движения. Иными словами, можно констатировать полное разрушение государственности. Наступило время «полевых командиров». Политические институты в России перестали работать, их нельзя назвать ни традиционными, ни реформирующимися, ни модернизационными, поскольку они просто на

время пришли в состояние хаоса.

Но как управлялась Россия между падением царя Василия Ивановича и Страстным восстанием? Ответ на этот вопрос чрезвычайно поучителен.

Полгода три силы так или иначе пытались заполнить собой пустоту, возникшую после пленения государя. Это прежде всего боярское правительство во главе с первенствующим аристократом — князем Ф.И. Мстиславским; затем — поляки, представленные воинским командованием и группой русских администраторов, назначенных по воле Сигизмунда III; и, наконец, Священноначалие Русской церкви, возглавленное Гермогеном.

Польская политическая элита преследовала две цели: инкорпорировать Московское государство в Речь Посполитую, а также открыть новую территорию для миссионерской деятельности католицизма. При этом благом представлялось *по минимуму* соблюдать договоренности с национальной политической элитой России. Сам руководящий класс Речи Посполитой не имел единства по вопросу о генеральном политическом курсе в России. Задолго до начала Смуты в политике Речи Посполитой наметились две политические линии по отношению к России. Первой из них придерживались прежде всего Сигизмунд III и его ближайшее окружение. Она предполагала «завоевание России и ее военную колонизацию укрепленными поселениями шляхты по образцу деятельности конкистадоров в Новом Свете». Представителем второй являлся, например, коронный гетман Жолкевский. Суть ее — несколько мягче: военное вмешательство в дела Московского царства, по мнению ее сторонников, сочетать с мерами, направленными к соглашению с русским дворянством. Разумеется, такое соглашение мыслилось в виде «неравноправной унии», когда в обмен на предоставление шляхетских «свобод» и «вольностей» русское дворянство одобрило бы «превращение Русского государства в политический придаток Речи Посполитой»[{363}]. Летом 1610 года Жолкевский, следуя этой второй линии, заключил договоренности с московской знатью и московским дворянством. Но потом… коса нашла на камень. Во время переговоров под Смоленском позиция представителей Москвы показала неосновательность расчетов на то, что государственное устройство Речи Посполитой покажется русскому дворянству привлекательным: «Составители инструкций для “великого посольства” не проявили никакого стремления к рецепции польско-литовских государственных институтов»[{364}]. Проект соглашения, предложенный ими, представлял собой лишь договор о обычном военно-политическом союзе между государствами… Православная Церковь, значительная часть русского дворянства и горожан относились враждебно ко всякой идее соглашения с Речью Посполитой. В России мало кто изъявил готовность пойти на подчинение Речи Посполитой ради получения шляхетских «свобод» и «вольностей». Разве что небольшой слой высшей аристократии. Сигизмунд рассматривал русское общество как послушную массу, повинующуюся командам сверху. Исходя из этой, мягко говоря, бесхитростной посылки, он пошел по пути силового захвата власти в Москве, полного подчинения боярского правительства, прямого назначения послушных администраторов. В итоге его русские союзники потеряли всякий авторитет, появились настроения недовольства, которые подготовили почву для грандиозного земского движения против иноземной власти[{365}].

Итак, фантастическая самонадеянность короля помешала польским управленцам в России занять вакуум, появившийся на верхнем этаже власти после падения Василия IV.

Политическое направление большинства членов «Семибоярщины» вполне ясно: помимо князей Голицыных, Воротынских и Одоевских, они стремятся к модернизации политического строя. Они готовы принять царя-иноверца, если законодательные и управленческие прерогативы Боярской думы расширятся. Это значит: роль самого монарха уменьшится, его

права и возможности сдвинутся от традиционного самодержавия в сторону республики с королем-президентом во главе, как в Речи Посполитой. Мстиславский со товарищи не просто от страха сдают полякам одну позицию за другой, не просто призывают покориться Сигизмунду, они пытаются заменить сильного русского царя на слабого польского. Это не трусость, а политическая программа, направленная к усилению роли первостепенной знати в государственном строе России. В перспективе такие изменения могли открыть для верхушки нашей знати путь к превращению в русскую магнатерию.

Но глубокий сервилизм в отношениях с поляками оттолкнул от боярской верхушки всё остальное русское общество. Столь своекорыстная модернизация, притом купленная столь дорогой ценой, никого, кроме высшей знати, не устраивала.

Что же касается Церкви, то она, как ни парадоксально, перетянула на себя важные функции высшей светской власти.

Ряд историков нашего времени воспринимают роль Церкви в организации земского движения как самую значительную, возможно, решающую. Ведь во времена Первого и Второго ополчений «представителями высшей центральной власти на местах считаются местные церковные иерархи с Освященными соборами, которые начинают выполнять функции глав местных правительств»[{366}].

Но это, допустим, труды провинциальных архиереев. А роль первоиерарха гораздо масштабнее.

Изначально политическая позиция святителя была проста — он стоял на стороне православия и всегда вел дело к торжеству истинной веры. Защита веры — дело чисто церковное — привела Гермогена к полностью самостоятельному политическому курсу. Этот курс пролагался независимо от поляков и, чем дальше, тем больше в пику их самовластию. А значит, он, чем дальше, тем больше расходился и с курсом боярского правительства, готового чрезвычайно далеко зайти в уступках Сигизмунду. Подобная самостоятельность и очистительная направленность сделали образ действий Гермогена весьма привлекательным для широких слоев населения. И в их глазах патриарх частично занял место царя. Иными словами, именно он в какой-то мере заполнил пустоту на высшем этаже власти. Недаром смоленские послы митрополит Филарет и князь Василий Голицын отвергли пришедшую из Москвы, от боярского правительства грамоту, указывавшую во всем положиться на волю Сигизмунда, поскольку не нашли под нею патриаршей подписи. Разгневанным полякам они так объяснили свое решение: «Изначала у нас в Русском царстве при прежних великих государях так велось: если великие земские или государственные дела начнутся, то великие государи наши призывали к себе на собор патриархов, митрополитов и архиепископов и с ними о всяких делах советовались, без их совета ничего не приговаривали… теперь мы сделались безгосударны, *и патриарх у нас человек начальный* (курсив мой. — *Д. В.),* без патриарха теперь о таком великом деле советовать непригоже… Как патриарховы грамоты без боярских, так боярские без патриарховых не годятся»[{367}].

Грамоты Гермогена, содержавшие приказ собирать полки для похода на Москву, также исполнялись на местах с большим рвением — словно писал их не патриарх, а царствующая особа.

Почему так произошло? Почему большие слои русского общества восприняли призыв к сопротивлению, исходящий от главы Церкви, как манну небесную? Только ли дело тут в православной нравственности, предписывающей смиренно повиноваться духовному владыке? Тем более что Смута успела изрядно пошатнуть эту самую нравственность…

Видимо, особую роль Гермогена в создании земского движения подготовили обстоятельства не только духовного, но и материального характера.

Власть поляков, государь-иноверец (и к тому же иноземец), а также аристократическая модернизация в глазах очень многих русских людей выглядели *страшно невыгодным, разорительным делом*. Гермоген, поставивший себя на место главного консерватора страны, хранителя давно сложившегося ее государственного строя, вероисповедных устоев, политической традиции, был безоговорочно признан ими как персона, защищающая их интересы.

Сколь велик тот правящий круг московской первостепенной знати, которому противостоял патриарх и который оказался столь угоден полякам? Менее десятка крупных фигур!

Князь Ф.И. Мстиславский, боярин М.Г. Салтыков, князь Ю.Н. Трубецкой, князь И.С. Куракин — главные «начальники злу». К ним можно добавить князя А.В. Трубецкого, князя Б.М. Оболенского-Лыкова и боярина Ф.И. Шереметева, далеко не столь активных сторонников Владислава и тем более Сигизмунда; поведение Шереметева выдает колебания. Примыкал к ним боярин И.Н. Романов. Однако последний и вовсе мог вести самостоятельную игру — приходясь родным братом смоленскому послу митрополиту Филарету и дядей будущему царю Михаилу Федоровичу, он, помимо благоволения Сигизмунда, имел целый веер возможностей для большой политической интриги.

Столь же родовитые люди — род Голицыных, князь И.М. Воротынский, князь И.Н. Одоевский избрали для себя путь сопротивления полякам. А князь Д.Т. Трубецкой вообще возглавил дворянскую часть Первого земского ополчения.

Иными словами, у проекта «аристократической модернизации», ориентированной на поляков, имелась очень узкая социальная база.

А вот против поляков и за восстановление прежнего политического устройства России выступали многие.

Прежде всего, посады крупных городов. Тамошнее торгово-ремесленное население за годы Смуты убедилось: придут поляки с литовцами — наступит разорение. Настанет бесконтрольное управление знати — опять жди разорения! К шведам на Новгородчине такого отношения не сложилось: они властвовали иначе.

Православное духовенство ничего доброго не ждало от иноверной власти. Пример «Литовской Руси», где католицизм вел планомерное наступление на позиции восточного христианства, был у всех на виду.

Второ- и третьестепенная аристократия (к ней относился, кстати, и род Пожарских), да и просто знатное дворянство, попадавшее в круг «родословных людей», вовсе не горело желанием вместо одного сильного царя посадить себе на шею кучку властных магнатов. Не имея особенных земельных богатств, завися от службы, эти люди крепко держались за права, которые давала им местническая система. Благодаря ей они могли претендовать на высокие служебные посты. Както с ней обойдутся поляки и свои доморощенные «магнаты»? Уж верно, периоды «боярского правления», время от времени случавшиеся в русской истории, настраивали на скептический лад по поводу такой перспективы. Один «природный» русский самодержец виделся им более выгодным вариантом, чем целая свора бояр с иноземцем во главе.

Наконец, в Московском государстве существовала большая прослойка «служилых людей по

прибору» — стрельцов, воротников, затинщиков и т. п. Поляки опасались их как организованной военной силы и постарались разослать в дальние города, оторвав от семей и от хозяйства. Тем самым они вооружили против себя тысячи хороших бойцов — стрельцов в первую очередь.

Остается сделать вывод: консерватизм патриарха оказался в гораздо большей степени востребован русским обществом, нежели модернистские устремления высшей знати. Гермоген стоял против нововведений, угрожавших прежде всего вере; его политический курс обрел национально-консервативные черты; именно этого и хотели, помимо духовенства, посадские люди, стрельцы, тысячи дворян и даже большая группа аристократов.

Глава Церкви оказался вождем земского дела и в какой-то степени невенчанным государем вовсе не из-за того, что сама традиция выталкивала на передний план высшую духовную власть при ослаблении высшей светской. Не было на Руси Московской такой традиции! В XIV веке митрополит Алексий возглавлял боярское правительство при малолетстве князя Дмитрия Ивановича, но это единичный факт, а не традиция. И даже не из-за того, что в годину испытаний патриарх сохранил крепость духа и поднялся до высот самопожертвования. Всё это так. Но… нельзя не замечать самого важного: огромная часть русского народа страстно желала вернуться в ту старую Россию, которую разрушила Смута; патриарх показал путь; все, кто хотел двинуться к восстановлению старого порядка, пошли по нему. Народ искал сохранения Московского царства, а не раскола его, не перехода под руку иноземного монарха и не обновления. Народ помнил, в какой стране жил при святом блаженном государе Федоре Ивановиче, и проявлял готовность на большие жертвы, лишь бы возвратить ту спокойную золотую эпоху.

Как ни парадоксально, святитель *Гермоген оказался самым востребованным политическим деятелем времен Смуты.* За ним шли охотно. За другими — постольку-поскольку. Народ оглядывался в поисках подобного вождя, несокрушимого консерватора, и лучшую кандидатуру отыскал в Гермогене — как впоследствии, после заточения Гермогена, найдет ее в другом благочестивом консерваторе — князе Пожарском. Оттого патриарх и пользовался у русских людей горячей любовью.

Глава восьмая. Посмертное почитание

Заканчивая книгу о большом святом — а патриарх Гермоген ныне быстро поднимается в умах верующих к положению одного из знаменитейших православных святых, — уместно рассказать о его канонизации, о днях поминовения, о святынях, так или иначе прикосновенных к его личности.

Однако в отношении Гермогена этого будет явно недостаточно. Он удостоился не только прославления в лике святых, но и гражданского почитания — как великий политик, как неподдельный патриот. Повествуя о посмертной судьбе его имени, следует различать первое и второе.

Современный историк В. Ульяновский считает, что «патриархи Иов и Гермоген стали первыми общегосударственными освященными Героями Смуты уже в середине XVII века». В 1652 году из Старицы в Успенский собор Кремля был перенесен прах патриарха Иова, тогда же было создано его Житие и началось почитание, еще до канонизации. По мнению Ульяновского, «прославлять Гермогена стали еще авторы сказаний и повестей Смутного времени, его почитание существовало параллельно с почитанием Иова и также предшествовало официальной канонизации»[{368}]. Это и верно, и неверно одновременно.

Верно в том, что Гермогену достались искренняя любовь русского народа, уважительное отношение властей и восхищение «книжных людей» его времени. Да, о нем писали в самых светлых тонах.

Иван Тимофеев называл Гермогена «мужем апостолообразным», который одним лишь «языком единым со устами», как мечом, «посекал» антихристовых пособников — сторонников латынства и польского короля Сигизмунда[369].

Князь С.И. Шаховской именует патриарха «новым исповедником», автор «Казанского сказания» — «твердым адамантом и непоколебимым столпом»[370].

А ершистый и высокомерный Хворостинин, никого, кажется, не считавший себе ровней, одному Гермогену высказывает поклонение и восторг. И такой искренностью, такой пронзительной правдой веет от слов этого человека, изъязвленного сумасшедшей гордыней! Осенью 1612 года, после того, как поляки сдали Кремль земским ополченцам, Хворостинин с несколькими боевыми товарищами явился в Чудову обитель. Он искал могилу Гермогена. «Добравшись до монастыря, — пишет князь, — мы воздали хвалу божественному архангелу Михаилу, чудесам его подивились и великого святителя чудотворца Алексея прославили. Здесь же, поредевшую братию встретив, мы спросили о мученике и страдальце за Христа патриархе Гермогене такими словами: “Где вы положили пострадавшего от еретиков за Христа, нашего учителя, скажите нам? Где успокоенное слово лежит у вас, где положена втайне драхма царя небесного, где священный, незаслуженно отвергнутый церковный сосуд положен, где воин и заступник веры нашей, ответьте нам? Где спит недремлющая мысль о Боге, где сладостные слова наши втайне положены, где вовеки неприкосновенное богатство, где испытанное серебро втайне лежит у вас, где изрекающие истину честные золотые уста? Не таите не могущего утаиться!” И найдя тело его, мы горячие хвалы страданию его воздали и говорили: “Учитель святой! Не прогневайся на нас, не внимающих словам твоим и проклятие безрассудно заслуживших, но прости наши провинности и очисти нас от беззаконий, чтобы, укрепившись словами твоими, мы победили прежнюю дерзость твоими молитвами к Богу, так как мы считаем тебя живым и после смерти. Не смогли еретики отклонить тебя от православия, и ты за веру поистине жестоко пострадал, людей вразумил и церковь спас. Помоги же и мне, недостойному!” Поклонился я гробу его и из-за великой его любви ко мне долго я у гроба оплакивал то, что он удостоился венца мученичества за Христа в дни наши последние»[371]. В глазах князя Хворостинина Гермоген — святой человек, великий мученик за веру.

Но при всем том Русская церковь причислила Гермогена к лику святых лишь в начале XX столетия. А всё происходившее до того можно назвать «гражданским» почитанием.

Патриарха, исповедничавшего за православие, считали святым некоторые его современники, быть может, многие, но не Церковь как единый организм. Вне всякого сомнения, Гермоген считался истинным героем, подвижником.

Автор этих строк верит в то, что всякая канонизация — не плод каких-то политических или культурных устремлений Церкви, и даже если они есть, то не имеют первостепенного значения; основа у этого церковного действия совсем другая.

Канонизация стоит на мистическом фундаменте. Бог вселяет в церковную иерархию мысль о ней, наполняет архиереев жаждой осуществить ее. И происходит это тогда, и только тогда, когда людям потребно явление нового святого — может быть, через год, а может быть, через 300 лет после его земной кончины.

Уравнивать отношение к Гермогену *до канонизации* с отношением к Иову *до канонизации* не

стоит. Первый патриарх Русской церкви не удостоился ярко выраженного почитания у современников и близких потомков. Его чтили, может быть, в старицком Успенском монастыре, где святитель Иов принял постриг, а впоследствии был погребен. Да еще высшее духовенство наше понимало, сколь значительна роль Иова в судьбах Церкви. Но народ в целом долгое время являл мало почтения к его памяти. Как мученик и подвижник он все-таки не воспринимался — тут его отличие от Гермогена несомненно.

Это различие в какой-то степени сохранилось до наших дней. Канонизированный в 1989 году, Иов по сию пору не прославлен в достаточной степени: смысл и благость его деяний не получили необходимого разъяснения.

Почтительное отношение к Гермогену могло привести к канонизации еще в середине XVII века, но этого не произошло.

Молодой царь Алексей Михайлович по совету знаменитого Никона сделал несколько важных шагов, укреплявших духовный авторитет церковной иерархии. Среди прочего, он велел из иногородних и столичных монастырей доставить в Успенский собор мощи нескольких архиереев, снискавших добрую славу своим благочестием.

Именно тогда, между 1651 и 1653 годами, останки патриарха Гермогена были перенесены из подземелья Чудовой обители в Успенский собор. Там их поставили у юго-западного угла здания, в деревянной гробнице, обитой синим бархатом, по соседству с великой святыней — Ризой Господней. Почитатели Гермогена впоследствии легко находили место, где покоилось его тело, — по высокому медному шатру над соседствующей Ризою.

Перенесение останков святителя произошло, скорее всего, близ февраля — марта 1652 года[372].

При Алексее Михайловиче Гермогена уже считали «новым исповедником и блаженным», числили среди «царствующего града Москвы святых». Сам царь Алексей Михайлович именовал его таковым. В Успенском соборе по понедельникам после Фоминой недели пели панихиду «по новом исповеднике»[373]. Имя святителя попало в некоторые месяцесловы и святцы.

Дело самым очевидным образом шло к канонизации, но всё же ею не закончилось. Благому начинанию, скорее всего, помешали бурные обстоятельства проводившейся тогда никоновской церковной реформы, а также конфликт между ее зачинателем и государем.

Вспышки местного почитания Гермогена постепенно рассеялись. Всероссийское причисление его к лику святых так и не состоялось.

В XVIII веке о Гермогене вспоминали мало; разве только Василий Никитич Татищев помянул его добрым словом[374]. Следующее столетие принесло его имени большую славу. С любовью написал о святителе Н.М. Карамзин, но особенно важен отзыв владыки Макария (Булгакова), автора многотомной «Истории Русской Церкви».

По словам последнего, «имя патриарха Гермогена должно остаться бессмертным в истории России и Русской Церкви, потому что он ревностнее, мужественнее, непоколебимее всех постоял за ту и другую, он преимущественно спас их в самую критическую минуту их жизни, когда им угрожала крайняя опасность попасть под власть Польши и иезуитов и потерять свою самобытность. Неудивительно, если первосвятителя этого так высоко ценили и уважали современные ему русские люди»[375].

Когда в Новгороде Великом сооружался мемориал «Тысячелетие России», вспомнили и о святителе Гермогене. В составе многофигурного новгородского монумента есть и его скульптурный портрет.

В начале XX века вновь начались разговоры о канонизации Гермогена. Российская империя готовилась торжественно отметить два великих юбилея: 300 лет освобождения Москвы от поляков (1912) и 300 лет пребывания Романовых на русском престоле (1913). Военных и духовных вождей русского народа, сумевших вывести его в ту пору со дна глубокой пропасти, вновь поминали с теплотой. Именно тогда вложил Бог в сердца русского духовенства идею прославить Гермогена не как героя и подвижника, а как святого. И оказалось легко приступить к подобному делу — народ церковный давно был к нему духовно подготовлен, он даже подталкивал Священноначалие.

Сторонники причисления Гермогена к лику святых нашли немало аргументов в свою пользу, обратившись к далекому прошлому. За несколько лет вышло множество научных, популярных, журналистских трудов о нем. Среди фактов его земной, исторической судьбы издания того времени сообщают и другое, а именно то, что принадлежит судьбе мистической, загробной.

По словам одного из церковных биографов Гермогена, московское духовенство трижды могло убедиться в нетленности его останков. Еще при Алексее Михайловиче обнаружили: «...его останки в распавшемся гробе, по раскрытии могилы, оказались нетленными, вследствие чего не были опущены в вырытую уже могилу, а поставлены в новом гробе сверх пола Успенского собора под каменным надгробием... В 1812 году французы, отыскивая сокровища, святотатственно выбросили тело святителя из гробницы; по выходе неприятелей из Москвы мощи Гермогена найдены на соборном полу нетленными; во время реставрации Успенского собора к коронованию Александра III со стены упал камень, пробил надгробие и самый гроб, в котором опять открылись нетленные мощи святителя...»[{376}]

Другое издание тех лет сообщает: «В течение трехсот лет около мощей святейшего Гермогена постоянно совершаются исцеления...»[{377}] Подробное описание *многочисленных* чудес, происходивших у его гробницы, обнаруживается во многих статьях и брошюрах[{378}].

Идея канонизации зародилась в русских монархических кругах около 1909 года, да и поддерживалась в основном ими же. «Русский монархический союз и Русское монархическое собрание в Москве... решили соорудить храм на месте блаженной кончины патриарха... в подземелье... Чудова монастыря... Потекли пожертвования». В 1910 году было получено официальное соизволение на строительство храма[{379}]. Его в конечном итоге создали на территории чудовской темницы — там, где святитель Гермоген провел последние месяцы жизни.

На западной стене храма находилась памятная медная доска с выгравированной надписью: «Храмъ сей въ молитвенную память святейшаго Патриарха Гермогена здесь скончавшегося мученической смертью за родину 17 февраля 1612 г. Устроенъ усердіемъ Русскаго Монархическаго Общества и Русскаго Мо-нархическаго Союза въ Москве въ мае 1913 года въ ознаменованіе 300-летія Августейшаго Дома Романовыхъ и благополучнаго царствованія Госуд. Императ. Николая Александровича по благословенію Митрополитовъ Московскаго и Коломенскаго Владимира и Макарія. Зодчій Н.Д. Стрюковъ[88]. Председатель Русск. Монарх. Собранія и Русск. Монарх. Союза протоиерей Іоаннъ Восторговъ».

В день кончины патриарха Гермогена и в следующие затем дни 17–19 февраля 1912 года Москва, а с ней и множество иных русских городов торжественно совершили молитвенное поминовение святителя. В начале 1913 года жители Москвы направили «Ходатайство о

прославлении Церковью святейшего патриарха Ермогена» в адрес Макария, митрополита Московского. Митрополит представил ходатайство и запись чудес, совершившихся у гробницы Гермогена, в Синод. Синодальная комиссия постановила «составить тропарь, кондак, молитву и службу святителю Гермогену», а также написать его Житие. 14 апреля 1913 года Синод обнародовал свое «Деяние», где говорилось о прославлении Гермогена в лике святых. Его торжественно зачитывали во всех храмах и монастырях. На докладе Синода по делу о канонизации святителя император Николай II начертал резолюцию: «Прочел с чувством истинной радости». 11 мая, накануне прославления святого Гермогена, во всех православных храмах империи совершились всенощные бдения «новопрославленному угоднику Божию». Или, где это не принято, 12 мая — утренние богослужения по общему чинопоследованию службы святителям, затем, в тот же день, — божественные литургии, а по окончании их — молебствия[{380}].

Прославление совершилось 12/25 мая 1913 года, при громадном скоплении духовенства и богомольцев. К нему специально прибыл митрополит Санкт-Петербургский Владимир. Из императорской фамилии ко всенощному бдению явились великая княгиня Елизавета Федоровна и князь Иван Константинович. Богослужения в Московском Кремле возглавлял патриарх Антиохийский Григорий IV. Император Николай II в тот день возвращался из Берлина в Царское Село и направил на имя обер-прокурора В.К. Саблера телеграмму: «Поручаю вам передать святейшему патриарху Григорию… а также всем помолившимся за меня и мою семью в день прославления священномученика Ермогена мою сердечную благодарность. Искренно сожалею, что не мог быть на прославлении».

Днем позже московские монархисты устроили торжественное освящение первого храма, освященного во имя Гермогена.

Через несколько дней император с супругой приехал в Москву. Николай II посетил подземную Гермогеновскую церковь, и там представители монархических организаций поднесли ему икону святителя Гермогена. Монарх также подходил к другой иконе святого патриарха, установленной в Успенском соборе, и, преклонив колени, приложился к образу.

Царская чета приняла деятельное участие в прославлении Гермогена. Государь на свои средства «устроил» новый гроб и раку для него. На средства императрицы Александры Федоровны были изготовлены облачения для мощей святителя: патриарший куколь, епитрахиль и мантия. Проект раки составил художник С.И. Вашков, наблюдал за исполнением работ князь М.С. Путятин, консультировал обоих профессор живописи В.М. Васнецов. Все рисунки и модели как гроба, так и раки государь одобрил лично. Кипарисовый гроб и серебряная рака изготавливались на фабрике и мастерских Товарищества П.И. Оловянишникова. Их выполнили «с большой художественной тонкостью и техническим совершенством»[{381}].

11 и 12 мая 1914 года в Московском Кремле состоялось торжественное открытие и переложение мощей святителя в новую раку. Торжества возглавил митрополит Московский Макарий (Невский). В1916 году в девятом номере «Богословского вестника» были опубликованы служба и акафист святителю Гермогену.

О печальной судьбе драгоценных предметов, связанных с гробницей Гермогена, известно немногое: «После 1918 года в Московском Кремле начала работать Комиссия по изъятию церковных ценностей из соборов. 27 марта 1922 года из Успенского собора было вывезено 65 пудов серебряных предметов, и среди них драгоценная рака Патриарха Гермогена. Все это поступило в Гохран. Дальнейшая судьба серебряной с драгоценными камнями раки… неизвестна… В 1929 году за несколько дней был разобран Чудов монастырь; часть памятников

прикладного искусства… была передана в музеи-соборы Московского Кремля. Очевидно, именно тогда бронзовое покрытие, изготовленное товариществом И.П. Хлебникова, вновь вернулось в Успенский собор на раку Патриарха Гермогена. Серебряный гроб с мощами Патриарха Гермогена, изготовленный товариществом П. Оловянишникова, сохранился до настоящего времени и находится внутри раки»[382].

О проекте памятника духовным пастырям времен Смуты сохранилось гораздо больше сведений.

Речь идет о двух личностях — патриархе Гермогене и настоятеле Троице-Сергиевой обители Дионисии. Им предстояло соседствовать на одном постаменте. Московская православная общественность собиралась установить двойной монумент на Красной площади. Императорское Московское археологическое общество объявило конкурс на памятник. Ни один из присланных на конкурс двадцати восьми проектов не подошел для исполнения, хотя проект скульптора Андреева и удостоился первой премии. Члены жюри склонялись к тому, что лучше поставить памятник по проекту В.М. Васнецова (он не участвовал в конкурсе) — многофигурный монумент «Спасение России», где скульптуры патриарха Гермогена и архимандрита Дионисия представляли собой всего лишь центральную часть очень большой композиции, а главенствовало скульптурное изображение святого Георгия Победоносца[383].

На сооружение грандиозного мемориала была объявлена народная подписка. Однако… сначала мировая война, затем революционные события, а потом идейные предпочтения новой власти помешали осуществиться замечательному начинанию.

До 1932 года в Москве существовала еще одна святыня, прямо связанная с патриаршим служением Гермогена, — Ермолаевский храм. Многие относили его возникновение к трудам святителя. Московская Синодальная контора разрешила отделить частицу святых мощей Ермогена для Ермолаевской церкви[384]. Но при большевиках этот храм подвергся варварскому разрушению.

Советская эпоха испытывала своего рода избирательную глухоту к некоторым великим именам русского прошлого. На протяжении многих десятилетий персоны, давно вошедшие в пантеон отечественной истории, как бы не существовали, сделались невидимками. Гермоген? Духовный пастырь времен Великой смуты? Кто таков?! Какой-нибудь реакционеришка, дитя невежественной поповщины? Не знаем! Да хоть бы он и существовал, хоть бы и делал нечто значительное, а все равно — социально неблизок! Попрощаемся с ним.

Имя его более неразличимо в шуме времени. Поступки его утонули в болоте забвения.

Если и писали историки о величайших деятелях Церкви до 1980-х, то либо в тоне разоблачения, либо в связи с культурой, политикой, то есть «по касательной». Об их главной роли — духовных водителей нашего народа — говорили ничтожно мало. А ежели и сообщалось что-либо, то в основном скверные вещи.

История Русской церкви начала медленно выплывать из небытия в конце 1980-х — в связи с торжествами, посвященными 1000-летию Крещения Руси. В 1990-х о роли Церкви стали говорить больше. Но титаническая глыба Гермогена, неподъемная, неудобная, всё еще оставалась «подводной» частью русской судьбы. С поверхности ее не замечали…

Лишь в «нулевых», особенно с приближением четырехсотлетия памятного освобождения Москвы от поляков, о Гермогене вновь заговорили. Появились новые статьи, новые популярные брошюры. Медленно, очень медленно выкристаллизовывалась мысль — святитель Гермоген

достоин памятника в центре столицы.

Прежде всего, требовалось объяснить общественную значимость такого мемориала для нашего времени.

Для православного верующего ясна и не требует комментариев суть христианского подвига святого Гермогена: как первоиерарх Русской церкви он отстаивал незыблемость ее устоев в Московском царстве.

Для тех, кто не верует или не воцерковлен, следовало сделать очевидной светскую или, если угодно, гражданскую суть деяний патриарха. В конце 1610-го — начале 1611 года Россия как независимое государство перестала существовать. На окраинах ее всем распоряжались интервенты, шайки воровских казаков, войска самозванцев или же просто царило безвластие. В Москве сидело безвластное же, но к тому же еще и беззаконное боярское правительство. Оно во всем подчинялось польскому гарнизону Кремля и пропольской администрации, которую утвердил сам король Сигизмунд III. Только через два года Россия будет восстановлена — ценой величайших жертв и огромных усилий. Это возрождение станет возможным благодаря земскому освободительному движению, родившемуся в русской провинции. А у истоков его стоял именно патриарх Гермоген — он стоял на своем, не уступал захватчикам и посланиями взывал к здоровым силам, остававшимся в дальних городах и землях. Его твердость, его духовная непримиримость дали русским людям тот нравственный образец, который так нужен был в условиях всеобщего распада, гнили, корысти и предательства. Оступись он, умолкни, благослови ложную власть, и не собрали бы, скорее всего, отечества нашего, распалось бы оно на куски, только память бы осталась об исчезнувшей великой державе. У него требовали этого ясно и неотступно, его пугали, мучили, но он остался непреклонен. Могучая фигура, человек, достойный уважения даже среди тех, кто не готов обращаться к нему молитвенно. И, наконец… разве много в России памятников героям Смутного времени? Тем, кто спас нашу страну? Тем, кто пал за нее, оставшись честным, не струсив и не предав родину? Мало, ничтожно мало! Так пусть в центре Москвы, на видном месте, навсегда утверждена будет память об одном из таких людей.

Гермогена поминая, общество воздаст по заслугам тем, кто по воле патриарха встал за веру и отечество.

Понемногу образованное общество перестало с порога отвергать все эти доводы, их вновь начали воспринимать как нечто естественное для русской исторической мысли.

Летом 2008 года в Институте философии Российской академии наук прошел круглый стол, организованный общественным движением «Народный собор» и литературно-философской группой «Бастион», где впервые заговорили: «Надо ставить памятник патриарху Гермогену!» Дело двигалось неспешно, трудно. Каждый шаг стоил больших усилий. Получить разрешение на постройку. Собрать деньги (люди опять, как 100 лет назад, опустошали кошельки ради святого дела). Провести конкурс на лучший проект. Создать монумент. Соблюсти тысячу административных процедур. Никакая личность сама по себе, никакая организация в одиночку не своротили бы такую гору. Очень много потрудился общественный фонд во главе с Галиной Ананьиной. Огромные средства дал фонд «Вольное дело». Помогали журналисты, священники, православные братства… Иными словами, по старой русской традиции монумент ставили «всем миром».

Осенью 2011 года состоялся крестный ход с новонаписанной иконой священномученика Ермогена. Он вышел из Нижнего Новгорода и завершился на Красной площади в Москве.

25 мая 2013 года в полдень на территории Александровского сада, близ Кремлевской стены, был открыт памятник священномученику Гермогену (Ермогену), патриарху Московскому и всея Руси. Произошло то, чего православный мир нашей страны ждал на протяжении пяти лет.

Патриарх Кирилл после совершения молебна освятил памятник и обратился к присутствующим с речью. Он, среди прочего, напомнил, что нынешнее событие — исполнение русской мечты вековой давности. Памятник поставлен, сказал Святейший патриарх, не в том месте, где планировалось до революции, — «то место на Красной площади занято», — но его воздвигли неподалеку от Чудова монастыря, разрушенного большевиками, где 400 лет назад томился и принял мученическую смерть Гермоген.

Значимость события видна из того, сколь значительные персоны участвовали в нем. Помимо Святейшего патриарха Московского открытие памятника посетил Блаженнейший патриарх Иерусалимский Феофил III, глава администрации президента России Сергей Борисович Иванов, управляющий делами президента России Владимир Игоревич Кожин, представители высшего духовенства, крупных общественных организаций, благотворительных фондов. С.Б. Иванов зачитал обращение президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина. Прозвучали очень важные слова: открытие памятника Гермогену названо примером соработничества государства, общества и Русской православной церкви.

Ныне это один из самых удачных памятников столицы. Возможно, лучший. Ничего лишнего: могучая фигура, стоящая прямо и твердо, суровое лицо, посох, воздетый крест. Суть духовного подвига, совершенного Гермогеном, монумент передает с большой силой. Думается, со временем он станет одной из московских достопримечательностей. Надо отдать должное его создателям: архитектору Салавату Щербакову и художнику Игорю Воскресенскому — их творение идеально вписывается в ландшафт и отвечает религиозному чувству православных москвичей.

Казалось бы, закончен великий марафон, связанный с этим памятником, и можно с удовлетворением утереть пот со лба. Вот монумент занял подобающее место.

Всё?

О, нет. Счастливое завершение одного марафона означает начало другого, еще более длительного и не менее трудного. Патриарх Кирилл в своей речи при открытии памятника сказал, что монумент должен «отворить народной памяти дверь» к тем временам, когда наш народ боролся и победил в ходе одной из величайших трагедий России.

Это значит: мало поставить бронзовую фигуру посреди «первопрестольного града», мало призвать прессу и добиться информационной волны, мало прописать в путеводителях место, где стоит новый памятник. Мало! О судьбе патриарха Гермогена следует рассказывать в учебниках по истории, в популярной литературе, в романах, в статьях публицистов; нужны фильмы о нем и его времени; требуется живой разговор о его жизни в социальных сетях.

Кое-что делается.

Появились иконы нового письма с изображением святителя. Он предстает в саккосе, правою рукой делает благословляющее движение, а в левой держит Евангелие.

Незадолго до 25 мая 2013 года вышла книга протоиерея Николая Агафонова «Адамант земли русской». Она представляет собой первое подробное жизнеописание Гермогена после века молчания о святителе. Это легкое, прозрачное, написанное простым и понятным языком повествование. Оно предназначено и для тех, кто недавно вошел под своды храма, и для тех,

кто находится за его пределами, но интересуется христианским измерением русской истории. Все основные события в жизни святителя там изложены, все главные его литературные труды упомянуты, а все спорные трактовки выведены в Приложение. Дополнительную ценность книге отца Николая придает одно примечательное обстоятельство. Автор предложил читателям развернутый очерк христианизации Казанской земли, а также целую галерею русских святых, способствовавших ее конечному успеху. Одно с другим связано нерасторжимо: ведь и Гермоген явился одним из духовных просветителей бывшего Казанского ханства.

Вскоре после появления монумента театр «Камерная сцена» поставил пьесу «Царский путь». Это историческая драма, посвященная русской Смуте. Творцы спектакля уместили в рамках сценического действия колоссальный период исторического времени. Действие «Царского пути» начинается в 1605 году, когда жив еще Борис Годунов, а заканчивается в 1612-м: уходят из земной жизни два центральных персонажа — патриарх Гермоген и царь Василий Шуйский. Содержание спектакля очень мало расходится с действительной историей России. Оно почти документально. К событиям четырехвековой давности постановщики отнеслись весьма бережно. Всё происходившее в течение этих лет подано с христианской точки зрения. Патриарх Гермоген как духовный пастырь и просто как православный человек дает образец абсолютной духовной непоколебимости. Он представлен в образе несокрушимой скалы, в которую с остервенением бьют волны Смуты. Ему страшно, ему больно, ему порой просто мерзко от происходящего, но он всегда знает, как поступить правильно. Иными словами, как должен поступать христианин. И он никогда, ни в жесте, ни в слове, ни в действии не отступает от христианского долга.

Замечательный памятник, новые иконы, превосходный спектакль, полезная книга… Есть чему радоваться? Но даже в сумме они дают весьма скромный итог. Необходимы новое прославление этой личности и новый поворот в исторической памяти к тому единству, к той вере и той общей силе, которые помогли одолеть непримиримого врага четыре столетия назад.

Тут еще работать и работать.

И очень славно было бы когда-нибудь войти под своды храма, освященного во имя священномученика Ермогена[89].

* * *

Патриарх Гермоген — фигура, залитая светом, прозрачная, все главные его дела высвечены солнцем, всякое его поучение ясно. Как пастырь духовный, он говорил: следует стоять за веру, не колеблясь. Вокруг ложь и беснование? Будь тверд. Требуется претерпеть мучения? Претерпи, только не отступай от истины. Потребовалось смерть принять? Прими, это большое благо. И сам он поступал так, как требовал от «словесного стада»: не шатался в истине, терпел муки и отдал жизнь, когда ничего, кроме жизни, у него уже не оставалось. Его и канонизировали в 1913 году как священномученика.

Гермоген — камень веры. Он из тех, кого можно положить в фундамент любого здания, и здание будет стоять прочно.

Приложение. Грамоты патриарха Гермогена 1606–1609 годов

1. Богомольная грамота о прекращении гражданской войны и даровании войскам царя Василия IV победы над приступающей к Москве мятежной армией Болотникова.

1606 год[{385}]

Благословение великого господина святейшего Ермогена, патриарха Московского и всеа Русии, о Святем Дусе сыну и сослужебнику нашего смирения Филарету, митрополиту Ростовскому и Ярославскому.

Божиим попущением, за безчисленные наши всенароднаго множества грехи, над Московским государьством и на всей великой Росийской земли учинилась неудобьсказаема напасть: в прошлых годех, вражиим советом, отступник православныя нашия крестьянские веры и злый льстец, сын дьявола, еретик, чернец-рострига Гришка Отрепьев, бесосоставным своим умышлением назвав себя сыном великого государя нашего царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, царевичем Дмитрием Ивановичем всеа Русии, и злым своим чернокнижьем прельстя многих литовских людей и казаков, пришел в Северскую украйну и прельстил Северские многие городы и Рязанскую украйну.

И дерзнул без страха к Московскому государьству, и, назвав себя царем, а после и цесарем, и коснулся царьскому венцу. И владея таким превысоким государьством мало не год, и которых злых дьявольих дел не делал, и коего насилия не учинил!

Святителей от престола сверг. Преподобных архимаритов, и игуменов, и иноков не токмо от паств, но и от монастырей отлучил. Священнический чин от церквей, аки волк, розгнал. Бояр, и дворян, и приказных людей, и детей боярских многих городов, и гостей, и всяких служивых и торговых людей многих крови пролия и смерти предал, а у иных имение аки разбойник разбил. И многим всяким женам и детем злое блудное насилие учинил.

В великую соборную апостольскую церковь пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успения многих вер еретиков аки в простый храм введе. И безо всякого пристрашия, не усумнясь нимало, великое зло учинил: к чудотворному образу Пречистыя Богородицы, еже евангелист Лука Духом Святым наставляем написа, и ко всем честным образом, и к чудотворцовым Петровым и Иониным мощем приводя, велел прикладыватися скверной своей люторския веры невесте, с нею же в той же великой церкве и венчася. Все злое свое желание получил.

И после того все святыя церкви и монастыри честные хотел разорите, и римские костелы в наших церквах поделати. И истинную православную и Богом любимую нашу крестьянскую веру хотел разорити. Его же самого вскоре Бог разруши. И видя такое злое начинание, кто тогда от православных не восплакал?.. (И по этим молитвам Бог…) вскоре услыша стояние раб своих, не даде в попрание святых икон, и в разрушение святых церквей, и в разорение крестьянския веры: по его еретическим злым делом возда ему вскоре месть, ея же сам злодей делы своими уготова себе и с любящими его.

И злосмрадное и скверное тело его извлечено… (из) Большого града и покинуто на торжище. И всего царьствующаго града Москвы и всех окрестных и дальних градов всего Московского государьства всякими многими людьми видимо было три дни, и после того православными крестьяны… огню предано, и не обретеся и пепел сквернаго его тела…

(После чего Бог) не хотя нас, создания своего, видети конечной и расхищенной погибели, воздвиг от прежеизбывшаго царьского корени благоцветущую ветвь, и избра по своей ему воли, и посла нам, его же возлюби: царя благочестиваго, и поборателя по православной нашей крестьянской вере, и велегласно оного врага злокозному его пронырству обличителя (и за сию истинную проповедь не токмо множество бед претерпе от того злодея, но и мученные смертные главные сосуды пред очима своима видев, и преславно от смерти Богом избавлен),

воистинну свята и праведна истиннаго крестьянского царя государя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии самодержца.

И мы, царьские богомольцы, митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимариты, и игумены, и весь освященный собор, тако ж и царьский синклит, бояря, и окольничие, и дворяня, и приказные люди, и дети боярские, и гости, торговые и всякие служивые люди всего Московского государьства, всех городов православные крестьяня… (радостно молили небесные силы) о его царьском многолетном здравии и о душевном спасении.

Тако ж его царьская держава, бояре, и окольничие, и дворяне, и приказные люди, и дети боярские, и гости, и всех городов всякие служилые и торговые люди, и все православные крестьяня, любящий Христа, и в тех Северских городех всякие служивые и торговые люди ему, государю, крест целовали.

И те люди, которые в Московском государьстве… иных многих вер: немцы, и литва, и татаровя, и черемиса, и нагаи, и чуваша, и остяки, и многие неверные языцы и дальние государьства, которые в его царьской державе, — кийждо по своей вере все утвердися твердо, что ему, православному государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русии, во всем добра хотети и лиха никоторого ни в чем не мыслити.

А ныне, по своим грехом, забыв страх Божий, восста плевел, хощет поглотити пшениценосные класы. Окопясь разбойники, и тати, и бояр и детей боярских беглые холопи в той же прежепогибшей и оскверненной Северской украйне, и сговорясь с воры с казаки, которые отступили от Бога и от православные веры и повинулись Сатане и дьявольским четам, и оскверня всякими злыми делы Северские городы, и пришли в Рязанскую землю и в прочая городы, и тамо тако ж святыя иконы обесчестиша, церкви святыя конечно обругаша, и жены и девы безстудно блудом осрамиша, и домы их разграбиша, и многих смерти предаша.

Московский же Богом соблюдаемый народ, государевы бояре, и князи, и христолюбивое воинство, и вси православные крестьяня от мала до велика, слышавше таковую Богом ненавистную прелесть, еже мертваго живым нарицаху, и святым Божиим иконам и святым церквам таковое злое безчестие творяху, и братию свою православных крестьян не токмо конечному стулу, но и смерти предаяху… вси единодушно укрепишася целованием животворящего креста Господня, еже от таковых крепко стояти, даже и до смерти, и быта во всех любви и в мире с одного, на врагов Божиих и на всех супостатов стояти, и не попускати таковым злодеем таковых скаредных и богоненавистных дел содевати.

Еже окаянный, забыв страх Божий, и час смертный, и судный страшный день, не престаша сами собя воевати. Пришли к царьствующему граду Москве, в Коломенское, и стоят, и разсылают воровские листы по городом. И велят вмешати в шпыни, и в боярские, и в детей боярских люди, и во всяких воров всякие злые дела на убиение и грабеж. И велят целовати крест мертвому злодею и прелестнику ростриге, а сказывают его проклятаго жива.

И которые городы, забыв Бога и крестное целование, убоявся их грабежев, и насилия всякого, и осквернения жен и дев, целовали крест — и те городы того ж часу пограблены, и жены и девы осквернены, и всякое зло над ними содеялось. А которых городов люди их, воров и хищников, не устрашилися, — и те милостию Божиею от тех воров целы сохранены.

Приходили те богоотступники и разбойники, и злые душегубцы, и сквернители к государевой вотчине ко граду Твери и во Тверском уезде служивых и всяких людей привели ко кресту сильно. А во Твери государев богомолец, а наш сын и богомолец Феоктист архиепископ Тверский и Кашинский, положа упование на Бога, и на пречистую Богородицу, и на всех

святых, призвав к себе весь священный собор, и приказных государевых людей, и своего архиепископля двора детей боярских, и града Твери всех православных крестьян — и укрепяся все единомышленно… тех злых врагов, и грабителей, и разорителей под градом Тверью многозлой их проклятой скоп побили, и живых многих злых разбойников и еретиков поймав к Москве прислали — и они восприяли месть по своим делом.

… Сицевая же видеша окольние тамошних градов люди, которые забыв Бога и устрашася их, злых мучителей, преступили крестное целование, целовали по их веленью крест неведомо кому — Ржева, Зубцов, Старица, Погорелое Городище — и тех городов… (люди по примеру Твери), аки от сна пробудяся, и ныне на тех проклятых богоотступников пришли к Москве вооружився.

Да к Москве же прислали государевы вотчины Смоленского города дворяне, и дети боярские, и всякие служилые и посадские люди, и из уезду все православные крестьяня многих добрых детей боярских. А с ними писали к государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русии и к нам, что пошли к Москве из Смоленска, и из Вязьмы, и из Дорогобужа, и из Серпейска дворяне и дети боярские, и всякие служилые люди.

И идучи, милостию Божиею и пречистыя Богородицы и всех святых молитвами и помощию новаго страстотерпца царевича князя Дмитрея… на тех богоотступников, воров, и еретиков, и разорителей, где они ни были — тех всех побили, а иных поймав живых мучению смертному и казни предали, коемуждо же их по их злым делом.

И ополчася вся Смоленская, и Вяземская, и Дорогобужская, и Серпейская рать, и пришла в Можаеск ноября в 15 день. Да к Можайску ж пришел со многою ратью государев царев и великого князя Василья Ивановича всеа Русии окольничей воевода Иван Федорович Колычев, очистив от тех воров Волок, и Иосифов монастырь, и прочие окрестные грады и села. И в Можайске те воры государю добили челом.

И тем всем ратным людем по государеву указу велено быти к Москве ноября в 29 день. И те все ратные люди тех прежереченных всех городов Смоленския и Ржевския украйны пришли к Москве, а иные идут, храбры, светлы душами и веселыми сердцы вооружаясь на оных злых разорителей и еретиков.

Да к Москве же ноября в 15 день от них, злых еретиков, и грабителей, и осквернителей, из Коломенского приехали к государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русии с винами своими рязанцы Григорей Сумбулов да Прокопей Ляпунов, а с ними многие рязанцы дворяня и дети боярские, да стрельцы московские, которые были на Коломне.

И милосердый государь царь, по своему царьскому милосердому обычаю, приемлет их любезно, аки отец чадолюбив, и вины их вскоре им отдает. И после того многие всякие люди от них, воров и еретиков, из Коломенского и из иных мест прибегают. И государь царь, милостивым оком на них взирая, жалует их не по их винам своим царьским жалованьем.

А тех воров, которые стоят в Коломенском и в иных местех (царские советники и весь народ)… государя молят беспрестани и бьют челом, чтобы государь их пожаловал, велел им итти в Коломенское… (Тем временем) умыслили, бесом вооружаеми, те проклятые богоотступники и крестьянские губители бесом собранный свой скоп разделити надвое.

И послали половину злого своего скопу из Коломенского через Москву реку к тонной к Рогожской слободе. И ноября в 26 день, на праздник великого страстотерпца Христова Георгия, вниде слух во уши государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русии, что те злодеи перешли Москву реку. Он же, милосердый государь, не на них, злодеев, на

(оборону) загородных слобод послал за город бояр своих и ратных людей. А велел с великим терпением оберегати слобод, а ждати их, чтобы ся обратили ко спасению.

Те же злые и суровые, бесом подстрекаеми на свои души, забыв Бога, пришли от слободы гонныя яко за поприще. Московская же Богом собранная рать, видя безстудный их приход, положа упование на Бога и призывая в помощь великомученика Христова Георгия, и вооружася кийждо ратным оружием, опернатев яко непоборнии орли в шлем спасения, ополчаяся по достоянию и устремилися на них, проклятых злых губителей; поймав... живых всяких многих воров прислали к государю царю, а тех всех без остатка побиша. И корысти их всякия поймали, по писанному: «Ров изры и ископа и впадеся в яму, юже содела», и «обратися болезнь их на главы их». И государь царь и о тех побитых всего мира супостат душею скорбит и молит Бога о достальных, чтобы их Бог обратил ко спасению...

Здесь же, далее, Гермоген требует в течение нескольких дней читать эту грамоту в соборной церкви, сделать с нее копии и разослать по городам и монастырям. Кроме того, он велит Филарету со всем ростовским духовенством устроить большой молебен о мире, о благосостоянии святых Божьих церквей, о здравии государя Василия Ивановича и о покорении ему всякого врага и супостата.

2. Богомольная грамота о победе царских войск над болотниковцами на Восьме. 1607 год{386}

Грех ради наших и всего православнаго християньства от востающих на церкви Божий и на християнскую нашу истинную веру врагов и крестопреступников межусобная брань не престанет. И бояр, и дворян, и детей боярских, и всяких служивых людей беспрестанно побивают, и отцов, и матерей, и жен, и детей их всяким злым поруганием бесчестят. И православных хрестьян кровь, иже поборают за благочестивую християньскую веру и за святыя Божия церкви, аки вода проливается. И смертное посечение православным християном многое содевается, и вотчины их и поместья разоряются, и земля от воров пуста чинится.

И благочестия рачитель, великий государь наш царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии, видев святыя церкви разоряемы и православную кровь напрасно проливаему, прося у... (всех небесных сил) милости, пошел сам против тех злодеев и немилостивых губителей, подобяся древним благочестивым християнским государем, иже за благочестивую християнскую веру крепце и мужественне поборая.

И июня в 9 день государь царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии ко мне, богомольцу своему, прислал свою царьскую грамоту с стольником своим с Иваном Васильевичем Измайловым.

А в государеве грамоте написано, что писали к нему, государю, с Коширы его государев боярин и воеводы князь Ондрей Васильевич Голицын с товарыщи, что идут с Тулы собрався многие воры с нарядом. А хотят итти к Серпухову и к Москве. И как де, сыну, послышали его государев поход, что пришел он, государь, в Серпухов — и они де и поворотилися к Кошире на осад[90].

И он, государь царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии, послал тотчас к боярину своему и воеводам ко князю Ондрею Васильевичу Голицыну с товарыщи из Серпухова голов с сотнями, а велел им, прося у Бога милости, над теми воры промышляти, сколько им Бог помощи подаст. И июня в 5 день писал к нему, государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русии, его государев боярин и воеводы князь Ондрей Васильевич с товарыщи, что они с воры сошлись на речке Восме, от Коширы верст за двенадцать, июня в 5 день.

И Божиею помощию и пречистыя Богородицы и великих чудотворцов молитвами его государевы бояре и воеводы и всякие ратные люди тех воров наголову побили, и их воровских воевод наряд, и набаты, и знамена, и коши[91] все поймали, и живых языков больши пяти тысяч взяли. А имали их и побивали на тридцати верстах.

А достальные воры и лутчие их промышленники, терские, и яицкые, волские, доньские, и путивльские, и рыльские атаманы и казаки, сели в буяраке и городок себе сделали. И его деи государевы бояре и воеводы, и дворяне, и дети боярские, и ратные всякие люди к тому городку приступали. И Божиею милостию тех воров взятьем взяли.

И такая, сыну, великая победа благочестивому государю нашему… (совершилась милостью небесных сил). И ты бы, сыну, велел (прочесть богомольную грамоту в соборе всем «во услышание» и молебствовать за здоровье государя и воинства, победе над всеми врагами, «обращении» государевых изменников и гражданском мире).

3. Обращение к изменникам, пытавшимся свергнуть царя Василия IV. 1609 год{387}

Аз, смиренный Ермоген, Божиею милостию патриарх Богом спасаемого града Москвы и всеа Русии, воспоминаю вам, преже бывшим господием и братием, и всему священническому и иноческому чину, и бояром, и окольничим, и дворяном, и дьяком, и детем боярским, и гостем, и приказным людем, и стрельцом, и казаком, и всяким ратным, и торговым, и пашенным людем — бывшим православным християном всякого чина, и возраста же, и сана.

Ныне же, грех ради наших, сопротивно обретеся, не ведаем, как вас и назвати: оставивши бо свет — во тьму отойдосте, отступивше от Бога — к сотоне прилепистеся, возненавидевше правду — лжу возлюбисте, отпадше от соборныя и апостольския Церкви пречистыя владычицы нашея Богородицы, крестьянския непогрешительныя надежи, и великих чюдотворцев Петра, и Алексея, и Ионы, и прочих святых, просиявших в Русии.

И чужившимся православных догмат и святых Вселенских седми соборов, и невосхотевшим святительских настольник и нашего смирения благословения, и отступившим Богом венчанного, и святым елеом мазанного, и ото всего мира и от вас всех самех избраннаго царя и великого князя Василья Ивановича всеа Русии, туне или не знаючи, яко Вышний владеет царством человеческим и ему же хощет — и дает.

Вы же, забыв обещания православныя крестьянския нашея веры, в нем же родихомся, в нем же крестихомся, и воспитахомся, и возрастохом, и бывши во свободе — и волею иноязычным поработившимся, преступивше крестное целование и клятву, еже стояти было за дом пречистыя Богородица и за Московское государьство до крови и до смерти, сего не воспомянувше — и преступивше клятву ко врагом креста Христова и к ложно-мнимому вашему от поляк имянуемому царику приставши.

И что много глаголю? Не достает ми слово, болезнует ми душа, болезнует сердце, и вся внутренняя утерзается, и вся состави мои содрагают! И плачуся, глаголю и рыданием вопию: помилуйте, помилуйте, братия и чада единородныя, своя душа, и своя родителя отшедшая и живая, отец своих и матерей, и жены своя, и чада, и сродники, други — возникните, и вразумейте, и возвратитеся!

Видите бо Отечество свое чюждими росхищаемо и разоряемо, и святыя иконы и церкви обругаемы, и неповинных кровь проливаема, еже вопиет к Богу, яко праведнаго Авеля, прося отмщения. Воспомяните, на кого воздвизаете оружие, и не на Бога ли сотворшаго нас, не жребия ли пречистыя Богородица и великих чюдотворцов, не на своих ли единоплеменных

братию? Не свое ли Отечество разоряете, ему же иноплеменных многая орды чюдишася, — ныне же вами обругаемо и попираемо?!

И аще воспомянем вам от Божественных писаний, и мню, яко тягостно будет слуху вашему. Сами бо весте, яко ни в котором языце, ни в которых родех, ниже в памятных книгах обретается сицевая страсть, якоже ныне в вас. Точию древле богоубийственный и мятежный род июдейский в четыредесятое лето по спасенней страсти Спасителя нашего Бога Иисуса Христа, заратившеся Июдея по градом и царя своего Ирода Агрипу изгнаша. И избравши мужа убийца, Аханана глаголю, и Семиона Идуменина (яко же и вы ныне), и самохотными стремленьми и междоусобными браньми вси скончашася. И пришедши римляне святая святых разориша, Иерусалим плениша и вся мечу, и огню, и работе предаша — и в запустение сотвориша даже и до днесь.

Вы же сему ли ревнуете? Сего ли хощете? Сего ли жадаете? — От них же, Господи, пощади душа наша, по реченному: «Не бойся малое мое стадо, яко благоизволи Отец мой дата вам царство». Аще бо и многи волны, и люто потопление, но не бойся погрязновения: на камени бо веры и правды стоим, да ся пенит море и бесит, но Иисусова корабля не может потопити. И не даст бо Господь в поношение уповающих нань, ни жезла на жребий свой, ни зубом вражиим раб своих, но сохранит нас, якоже хощет святая воля его.

Заклинаю же вы имянем Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа отстати таковаго начинания, дондеже время есть к познанию, да не до конца погибнете душами вашими и телесы. А мы, по данней нам благодати Святого Духа, обращающихся и кающихся восприимем и о прощении вашего согрешения, вольного и невольного, общим советом, соборне со возлюбленными единомысленными нашими росийскими митрополиты, и архиепископы, и епископы, и со всем освященным причтом молити Бога должни есмя.

И о винах ваших у государя упросим: милостив бо есть, и непамятозлобен, и весть, яко не вси своею волею сицевая творят. И которая ваша братья в суботу Сыропустную возстали на него, государя, и ложныя и грубныя слова изрицали, яко же и вы, — тем вины отдал и ныне у нас невредимы пребывают. И жены ваши и дети також во свободе в своих домех пребывают.

Се ли есть не милость, и невоздаяние зла за зло? Аще и малое наказание было кому за толикия вины — и то ничтоже есть. И аще в ком душа и льва некроткаго, но того благодеяние преодолеет ему. И аще чины или имения еще дает вам льстец он чюжая, а не своя, и аще восхощет Бог, а вы исправитеся, и того не лишени будете, токмо помилуйте душа своя и реченное слово воспомяните: «Аще человек и весь мир приобрящет, душу же свою отщетит, что даст измену на души своей?»

Основные даты жизни и посмертного прославления святителя Гермогена (Ермогена)

Не позднее 1549 года — рождение Ермолая (будущего Гермогена); произошло оно, скорее всего, в семействе посадских людей или дворян невысокого рода.

1579, 23 июня — большой пожар в Казани; пересуды, направленные против христиан и православной церкви.

8 июля — чудесное явление Казанской иконы Божией Матери; Гермоген участвует в крестном ходе с чудотворным образом в руках; впоследствии он подробно расскажет о событиях того дня в «Повести о честном и славном явлении образа пречистой Богородицы в Казани и о чудесах,

бывших от него».

1587 — принятие Гермогеном иноческого пострига.

1588, не ранее 15 мая — принятие Гермогеном сана архимандрита в казанском Спасо-Преображенском монастыре.

1589, 13 мая — рукоположение Гермогена в митрополиты Казанские.

Предположительно, весна — разговор Гермогена и царя Федора Ивановича, обещавшего выстроить каменный Богородичный храм в казанской Спасо-Преображенской обители. Обещание исполнено 27 октября 1594 года.

1591, февраль — поучения Гермогена новокрещенам в соборной церкви, продолжавшиеся несколько дней.

Сентябрь — погребение Гермогеном честных останков святителя Германа Казанского, перенесенных из Москвы.

1592 — введение в Казанской митрополии по инициативе Гермогена ежегодного поминания православных воинов, погибших под Казанью, а также канонизация трех новых казанских святых (Иоанна Нового, Стефана и Петра).

1593, лето — введение по инициативе Гермогена суровых мер против уклонения в ислам и иные вероисповедания.

1594 — создание Гермогеном «Повести о честном и славном явлении образа пречистой Богородицы в Казани и о чудесах, бывших от него»

1595, октябрь — обретение мощей святых Гурия и Варсонофия при личном участии Гермогена.

1596 или 1597 — создание Гермогеном житий казанских чудотворцев.

1598 — участие в Земском соборе, утвердившем Бориса Годунова на русском престоле.

1605, сентябрь — пребывание Гермогена в Угличе, свидетельствование им мощей и чудес святого Романа Углицкого.

Осень — церковный Собор, решавший, каким чином следует переводить Марину Мнишек из католичества в православие. Гермоген выступил за более «тяжелый» чин «перекрещивания», но большинство решило удовлетвориться «легким» чином «миропомазания». Митрополита Казанского за неуступчивость по велению Лжедмитрия I выслали из столицы в его епархию.

1606, 1 июня — участие Гермогена как ведущего лица от Церкви в церемонии венчания на царство Василия Шуйского (вопрос о пребывании Гермогена в Москве окончательно не решен). *Первые числа июня* — участие Гермогена уже как «нареченного патриарха» в торжествах, связанных с перенесением мощей святого Димитрия Углицкого в Москву.

3 июля — поставление Гермогена в сан патриарха Московского и всея Руси.

Ноябрь — рассылка Гермогеном «богомольных грамот» в поддержку царя Василия IV и против болотниковцев.

Осень — участие Гермогена в торжественном перезахоронении останков Годуновых.

22 декабря — отправка в Казань, к митрополиту Ефрему, патриаршей грамоты о милосердном отношении к жителям Свияжска, раскаявшимся в измене.

1607, 3 февраля — общий совет Василия IV и Гермогена о приглашении бывшего патриарха Иова в Москву.

9 февраля — подтверждение Гермогеном несудимой грамоты, выданной патриархом Иовом в 1594 году арзамасскому Спасо-Преображенскому монастырю.

14 февраля — приезд в Москву бывшего патриарха Иова, доставленного ради того, чтобы он принял общенародное покаяние. Гермоген прилюдно обращается к Иову за прощением и благословением и получает его.

16 февраля — общий совет Иова вместе с Гермогеном и другими представителями духовенства; определен порядок всеобщего покаяния.

20 февраля — молебен Гермогена в Успенском соборе; Иов, Гермоген и весь Освященный собор «простили», «разрешили» и благословили собравшееся в Успенском соборе «всенародное множество». *9 марта* — участие Гермогена в совместном совещании Боярской думы и Освященного собора, итогом которого стал ввод в действие «Уложения о крестьянах и холопах».

Март — благословение Гермогена на строительство нового Никольского храма в селе Чернышеве Костромского уезда.

Конец мая — первые дни июня — рассылка Гермогеном «богомольных грамот» в поддержку царя Василия Ивановича, возглавившего войско в походе против болотниковцев.

Первые дни июня — рассылка Гермогеном «богомольных грамот», извещавших о победе князя А.В. Голицына над болотниковцами на реке Восьме.

Ноябрь (приблизительно) — заседание Боярской думы, где обсуждался вопрос о браке царя Василия IV; Гермоген присутствовал там и выступил против брака, очевидно, считая его несвоевременным; но царь все-таки женился, не послушав мнения святителя.

1608, июнь (приблизительно) — проповедь Гермогена, призывавшего царя Василия Ивановича к активному отпору войскам Лжедмитрия II.

Июль — участие Гермогена в совещании Боярской думы, по итогам которого Марину и Юрия Мнишков отправили домой.

1609, первая половина февраля — Гермоген во главе Освященного собора требует у Василия Шуйского отправки воинского отряда в помощь осажденной Троице-Сергиевой обители; вопреки собственному нежеланию царь 15 февраля отряжает 60 казаков на поддержку монастыря.

25 февраля, «суббота сыропустная» — волнения в Москве против Василия Г.У. Бунтовщики вывели Гермогена на Лобное место, где он спорил с ними и обличал их. Его ораторский дар способствовал тому, что мятежники начали расходиться.

Конец февраля — начало марта — рассылка Гермогеном грамот, обличающих изменников

царю и призывающих к покаянию.

1610, 7 февраля — вьщача Гермогеном жалованной ставленой грамоты некоему Ермолаю Иванову сыну на протопопство в Костроме.

23 апреля — кончина воеводы князя М.В. Скопина-Шуйского. Патриарх созывает весь Освященный собор для «надгробного пения», сам идет за гробом и во главе высшего московского духовенства совершает погребальное богослужение.

25 апреля — появление первого в России печатного церковного Устава под названием «Око церковное»; Гермоген благословил издание.

29 июня — отправка в Ярославль патриаршей грамоты об изготовлении списка чудотворной иконы Казанской Божией Матери в ярославском Богородичном девичьем монастыре и отсылке его в город Романов.

17 июля — свержение Василия Шуйского заговорщиками. Патриарх Гермоген пытается остановить заговорщиков, но безуспешно.

19 июля — попытка постричь Василия Шуйского и его жену в иноческий чин; поскольку сам царь и его супруга протестовали, а слова иноческих обетов вместо них произносили другие люди, Гермоген объявил пострижение несостоявшимся.

17 (27) августа — заключение договора между боярским правительством во главе с князем Ф.И. Мстиславским и польской армией во главе с гетманом Жолкевским о призвании королевича Владислава Сигизмундовича на русский престол и об отправке русского посольства к Сигизмунду III — для переговоров насчет перевода претендента на трон из католичества в православие, а также насчет решения участи Смоленска. Гермоген не одобряет намерения бояр принять на трон иноземца, но вынужден подчиниться.

10 сентября — отправка из Москвы посольства к Сигизмунду III под Смоленск с письмами боярского правительства и грамотой Гермогена, где патриарх призывает Владислава перейти в православие.

17 сентября — неудачная попытка ввода польско-литовских войск в Москву, сорванная неким «чернецом». Выдача Жолкевскому царя Василия Шуйского и его братьев.

21 сентября — ввод польско-литовских войск на территорию Москвы, в том числе в Кремль и Китай-город. Эта акция совершилась по инициативе боярина М.Г. Салтыкова, при поддержке боярина князя Ф.И. Мстиславского, вопреки мнению патриарха Гермогена и ряда высших аристократов, принадлежащих к «русской партии».

22 сентября — отправка патриархом Гермогеном весьма значительного вклада в Троице-Сергиеву обитель.

1 октября — народное выступление против поляков в Москве, возглавленное Гермогеном. Окончилось мирно.

Октябрь — ноябрь — военный заговор против поляков в Москве с участием княжеских родов Голицыных и Воротынских. Был открыт А. Гонсевским (начальником польского гарнизона) и разгромлен, как минимум частично. Степень участия в нем Гермогена неизвестна. Отношения между патриархом и Гонсевским портятся. Гонсевский считает, что патриарх велит духовенству настраивать паству против поляков.

Конец ноября — начало декабря — в Москву приходят официальные известия о том, что приезд королевича Владислава откладывается на неопределенный срок, переход его в православие поставлен под сомнение, Смоленск деблокирован не будет, а Сигизмунд III желает полной покорности его воле со стороны послов и присяги на его имя (наряду с именем Владислава) Москвы со всей подчиненной ей территорией.

6 декабря — публичная проповедь патриарха Гермогена против принесения присяги Сигизмунду III.

11 декабря — смерть Лжедмитрия II, о которой вскоре становится известно в Москве.

15 декабря — известие о первой грамоте Гермогена, содержащей призыв к противодействию иноземной власти (перехвачена поляками).

Последние числа декабря (возможно, первые числа января 1611 года) — разграбление Патриаршего дома по распоряжению Гонсевского и Салтыкова, первое ограничение свободы Гермогена — пребывание на Патриаршем дворе под стражей.

1611, первые числа января (не позднее 8 января) — облегчение положения Гермогена, обретение им возможности писать послания.

8 января — написание и отправка в Нижний Новгород грамоты с призывом собирать силы против поляков.

9 января — написание и отправка грамоты к вожакам собирающегося земского войска — Андрею Просовецкому и Михаилу Черкашенину.

17 марта — выход Гермогена из заточения для участия в традиционном «шествии на ослята» на Вербное воскресенье. Возможно, незадолго до начала шествия патриарх тайно сообщил москвичам о подготовке карательной акции со стороны поляков и предостерег от больших сборищ на улицах.

19–21 марта — Страстное восстание в Москве, главным зачинщиком которого поляки считали Гермогена.

Между 20 марта и 2 апреля — перевод Гермогена с Патриаршего двора на подворье Кирилло-Белозерского монастыря в Кремле.

Август — написание грамоты, обращенной к земскому ополчению и содержащей проклятие в адрес сына Марины Мнишек — «воренка».

Осень (?) — написание грамоты, обращенной к земскому ополчению и содержащей повеление отринуть ересь, нечестие и ведовство.

Сентябрь — октябрь — перевод Гермогена с Кирилловского подворья в подземелье Чудова монастыря.

1612, 17(27) февраля — кончина патриарха Гермогена в подземелье Чудова монастыря. Скорее всего, смерть наступила от голода и общего физического истощения.

1652 (вероятнее всего, февраль — март) — перенесение мощей из Чудова монастыря в Успенский собор Московского Кремля.

1862 — воздвижение в Новгороде Великом памятника «Тысячелетие России». В составе восточной часта многофигурной композиции, в нижнем ярусе, среди «государственных людей» есть и изображение патриарха Гермогена. Авторами проекта являются скульпторы Михаил Осипович Микешин, Иван Николаевич Шредер и архитектор Виктор Александрович Гартман.

1913, 12 (25) мая — прославление патриарха Гермогена в лике святых.

13 (26) мая — освящение первого храма во имя святителя Гермогена — в подземелье Чудова монастыря.

1914, 11 (24) и 12 (25) мая — открытие и перенесение мощей святителя Гермогена в новую раку, созданную на средства Николая II.

1929 — разрушение Чудова монастыря и Гермогеновского храма вместе с ним.

2008, 27 июня — проведение в Институте философии РАН «круглого стола», организованного общественным движением «Народный собор», литературно-философской группой «Бастион», региональной общественной организацией «Бородино-2012» и Лигой консервативной журналистики, где было инициировано воздвижение памятника патриарху Гермогену.

Июнь — первые шаги по сбору денег на монумент.

2009, 17 августа — зарегистрирован Региональный общественный фонд содействия инициативе общественных организаций по постановке памятника патриарху Гермогену.

2010, 4 ноября — получено благословение патриарха Московского и всея Руси Кирилла на труды по установлению памятника патриарху Гермогену.

2011, 21–23 сентября — крестный ход из Нижнего Новгорода в Москву с новонаписанной иконой священномученика Ермогена.

2012, 3 марта — установка патриархом Московским и всея Руси Кириллом закладного камня на месте будущего памятника.

20 декабря — премьерный показ спектакля «Царский путь», поставленного московским Театром русской драмы по пьесе Михаила Григорьевича Щепенко. Два главных героя постановки — патриарх Гермоген и царь Василий IV Иванович.

2013, 25 мая — открытие памятника священномученику Гермогену (Ермогену), патриарху Московскому и всея Руси. Автор проекта и скульптор — Салават Александрович Щербаков. Художник — Игорь Николаевич Воскресенский.

Церковь установила особые дни поминовения священномученика Ермогена:

17 февраля (преставление) и 12 мая (прославление в лике святых).

5 октября он поминается в соборе Московских святителей.

Список литературы о святителе Гермогене (Ермогене)[92]

Агафонов Николай, прот. Адамант земли русской. М., 2012.

Альбов И., священник. Гермоген, святейший патриарх всея Руси // Русский паломник. 1912. №

6, 7.

Бекетов П.П. Портреты именитых мужей Российской Церкви с приложением их краткого жизнеописания. М., 1843.

Белокуров С.А. О месте заключения патриарха Гермогена в 1611–1612 гг. // Сборник статей в честь М.К. Любавского. Пг., 1917.

Богданов А.П. Русские патриархи (1589–1700). М., 1999. Т. 1.

Борин В.М. Святейший патриарх Гермоген и место его заключения. М., 1913.

Васенко П. 1611–1613 гг. Патриарх Гермоген. Н. Новгород, 1909.

Васенко П.Б. Патриарх Гермоген 1611–1613 гг. Б. м., 1906.

Васенко П.Б. Новые данные для характеристики патриарха Гермогена // Журнал Министерства народного просвещения. 1901. № 7.

Вовина-Лебедева В. Г., Чугреева Н.Н. Ермоген // Православная энциклопедия. М., 1997. Т. 18.

Волин Ан. Подвиг Патриарха (к 300-летию со дня кончины патриарха Гермогена) // Русский паломник. 1912. № 7, 8.

Володихин Д.М. Пожарский. М., 2012.

Волкова Е. Патриарх Гермоген. Исторический очерк из эпохи Смутного времени. 1610–1612. СПб., 1913.

Восторгов И. И., прот. Во славу св. Гермогена, патриарха Всероссийского: Слова, сказанные в ожидании прославления его и после прославления. М., 1913.

Галахов А.Д. Историческая хрестоматия церковнославянского и русского языка. М., 1848. Т. 1.

Георгиевский В.Т. Рака и облачение для мощей святителя Гермогена // Светильник. 1914. № 9.

Глаголев Д.М. Краткая заметка на мнение С.Ф. Платонова о происхождении патриарха // Русский архив. 1901. Вып. 3.

Глаголев Д.М. Род великого господина святейшего Гермогена // Русский архив. 1902. Кн. 2.

Глаголев Д.М. Святейший патриарх Гермоген // Русский архив. 1902. Кн.3.

Гречев Б. Русская Церковь и русское государство в смутные годы. Патриарх Ермоген и архимандрит Дионисий. М., 1918.

Грюнберг П.Н. О «разрешительной грамоте» двух святых патриархов // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института, 29–31 янв. 1998 г. Материалы. М., 1998.

Дементьева Н. Патриарх Гермоген. Рассказ из истории Русской церкви. М., 1914.

Дмитриев Д.С. Патриарх Гермоген. М., 1906.

Дробленкова Н.Ф. Гермоген // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XTV–XVI в.). Ч. 1. А — К. Л., 1988.

Житие св. святителей Гурия, Варсонофия и Германа, Казанских чудотворцев. Казань, 1871.

Журавлев В.К. Священномученик Ермоген, Патриарх Московский и Всея Руси // Держава. 2000. № 1.

Забелин И.Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1999.

Зотов А.М. Патриарх Гермоген и митрополит Филарет: об идее духовного наставничества в «Новом летописце» 1630 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 4.

Карамзин Н.М. История Государства Российского. В 12 т. В 3 кн. Любое издание.

Карпов А. Ю., Юрьев А.А. Самые знаменитые святые и чудотворцы России. М., 2000.

Каштанов С.М. Гермоген // Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 4.

Кедров С. Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912.

Коварская С. Рака священномученика Патриарха Московского Ермогена в Успенском соборе Кремля // Журнал Московской патриархии. 1996. №10.

Кожевникова М. Святые покровители Москвы. Священномученик Ермоген, Патриарх Московский и всея Руси // Истина и жизнь: христианский журнал. 1997. № 11.

Козляков В.Н. Василий Шуйский. М., 2007 (серия «ЖЗЛ»).

Козляков В.Н. Герои Смуты. М., 2012 (серия «ЖЗЛ»).

Козляков В.Н. Лжедмитрий I. М., 2009 (серия «ЖЗЛ»).

Корецкий В.И. Послание патриарха Гермогена // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник. 1975. М., 1976.

Костомаров Н.И. Господство дома св. Владимира: Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Любое издание.

Костомаров Н.И. Повесть об освобождении Москвы от поляков в 1612 году и избрание царя Михаила. СПб., 1897.

Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1991.

Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия // *Он же.* Собрание сочинений. Кн. 2. СПб., 1904.

Кремлевский А. Гермоген, патриарх Всероссийский (исторический очерк). СПб., 1903.

Крылов Георгий, прот. Книжная справа при патриархе Гермогене // Журнал Московской патриархии. 2012. № 11.

Лебедев Е.М. Спасский монастырь в Казани (историческое описание). Казань, 1895.

Липаков Е.В. Архипастыри Казанские, 1555–2007. Казань, 2007.

Майков В. Послание к патриарху Гермогену о злоупотреблении в церковном пении «хабува» // Сергею Федоровичу Платонову. Ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911.

Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 6.

Мансветов И. Патриарх Гермоген // Духовная беседа. 1861. Т. 1. №35.

Морозова Л.Е. Гермоген, патриарх всея Руси // Вопросы истории. 1994. № 2.

Мятлев Н.В. Патриарх Гермоген и князья Шаховские // Летопись Историко-родословного общества в Москве. 1905. Вып. 2.

Назаревский В.В. Святейший Гермоген, патриарх всея России. Трехсотлетие его кончины 17 февруария 1612–1912. М., 1912.

Назаревский В.В. Новопрославленный святитель святейший Ермоген, патриарх всея России. Б. м., изд. церковной юбилейной комиссии, 1910.

Назаревский В.В. Патриарх Гермоген, народные ополчения Д.М. Пожарского и К. Минина и избрание на царство Михаила Федоровича Романова. К трехвековым юбилеям 1912 и 1913 годов. М., 1911.

Насонов А.Н. Летописные памятники хранилищ Москвы (Новые материалы) // Проблемы источниковедения. М., 1955. Т. 4.

Патриарх Ермоген: Жизнеописание, творения, ист. предания, чудеса и прославление / Сост. и коммент. Е.А. Смирнова. М., 1997. (Сборник статей и материалов.)

Перевезенцев С.В. Смутное время: опыт свободы // Смута как исторический и социокультурный феномен. Материалы Всероссийской научной конференции. М., 2013.

Пичета В. Патриарх Гермоген // Общество славянской культуры. Москва. Известия. Т. 1. Кн. 2. М., 1912.

Платонов С.Ф. О происхождении патр. Гермогена // *Платонов С.Ф.* Статьи по русской истории. СПб., 1903.

Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995.

Платонов С.Ф. Патриарх Гермоген и архимандрит Дионисий. СПб., 1912.

Поздеева И. В., Турилов А.А. «Тетрати… печатаны в Казане»: К истории и предыстории Казанской типографии XVI в. //ДРВМ. 2001. № 2(4), № 4(6).

Покровский И.М. Гермоген, митрополит Казанский и Астраханский, а затем патриарх Всероссийский, и его заслуги для Казани с 1579 по 1606 год. Казань, 1908. То же // Православный собеседник. 1907. Вып. 3. То же // Патриарх Ермоген: Жизнеописание, творения. Исторические предания, чудеса и прославление. М., 1997.

Поселянин Е. Святитель Ермоген (к годовщине со дня прославления 17 февраля) // Русский паломник. 1914. № 7, 22. То же // Патриарх Ермоген: Жизнеописание, творения. Исторические предания, чудеса и прославление. М., 1997.

Россиев П. Великий печальник за родину Патриарх Гермоген. М., 2012 (факсимиле с издания 1912 года).

Рублевский П. Гермоген, патриарх Всероссийский // Странник. СПб., 1864. Май, июнь.

Рукописи древлехранилища при Нижегородской духовной семинарии // Русский архив. 1897. Кн. 3.

Рыков Ю.Д. Малоизвестная рукописная книга святителя Гермогена из собрания Е.Е. Егорова (К 100-летию канонизации Святейшего Патриарха Гермогена) // Румянцевские чтения. 2013. Ч. 2. Материалы международной научной конференции (16–17 апреля 2013). М., 2013.

Самохин А. Патриарх Гермоген. Непобедимый // Люди Смуты. История народного подвига. М., 2012.

Святейший патриарх Гермоген и чудеса от его мощей. 17 февраля 1612–1912 г. М., 1911.

Серафим (Курчинский), игумен. Торжество долга (прославление святейшего патриарха — патриарха Ермогена — и майские торжества в 1913 году). Кунгур, 1914.

Скрынников Р.Г. Святители и власти. Л., 1990.

Соболевский А.И. Две молитвы святейшего патриарха Ермогена Московского и всея Руси. М., 1916.

Соколов В., свящ. Святейший патриарх Гермоген. М., 1912.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен // *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 4. М., 1989.

Солодкин Я.Г. Патриарх Гермоген как деятель книжной культуры (спорные вопросы и неучтенные памятники) // Церковь и ее деятели в истории России. Воронеж, 2001.

Солодкин Я.Г. Существовал ли летописец патриарха Гермогена? // Очерки феодальной России. Вып. 13. М.; СПб., 2009.

Сухотин Л.М. К вопросу о причастности патриарха Гермогена и князя Пожарского к делу первого ополчения // Сборник статей в честь М.К. Любавского. Пг., 1917.

Татищев В.Н. История Российская // Собрание сочинений. В 8 т. Т. 5–6. Ч. 4. М., 1996.

Творения святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912.

Ульяновский В. Смутное время. М., 2006.

Усачев А.С. Об одном читателе Чудовского списка Степенной книги // Летописи и хроники. Новые исследования 2009–2010. М.; СПб., 2010.

Успенский Д. [И.] Страдальцы за землю русскую. Патриарх Гермоген и Троицкий архимандрит Дионисий. М., 1911. Переиздано в 1999 году петербургским издательством «Шпиль» без имени автора.

Хрусталев А.Г. Очерк распространения христианства между иноверцами Казанского края // Миссионерский противомусульманский сборник. Казань, 1905.

Царевский А. Гермоген, святейший патриарх Всероссийский в его самоотверженном служении бедствующему отечеству. Казань, 1907.

Цветков Л. Святейший Гермоген, патриарх Московский и всея России. М., 1913.

Чернышев С. Святейший Всероссийский патриарх Гермоген в его самоотверженном служении бедствующему отечеству. Киев, 1912.

Шапошников Л.Е. Церковь в «смутное время» // Мининские чтения. Н. Новгород, 1992.

Щукин В. Патриарх Гермоген как представитель и поборник национальной религиозности (1612–1912 г.). Рига, 1921.

Эскин Ю.М. Дмитрий Михайлович Пожарский. М., 2013.

Эшенбах А.Н. Великий печальник земли русской святейший патриарх Гермоген. М., 1913.

Основные сокращения, использованные в книге

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею императорской Академии наук.

АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России.

ДРВМ — Древняя Русь. Вопросы медиевистики.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РИБ — Русская историческая библиотека.

Сб. РИО — Сборник Императорского русского исторического общества.

СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел.

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР.

ЧОИДР — Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских.

[1] Статья начинается словами: «Год рождения Е[рмогена] определяется на основании свидетельств поляков, в 1615 г. утверждавших, что в 1610 г. им противился только “осьмидесятилетний патриарх”» (АЗР. Т. 4. С. 51). См.: *Бовина-Лебедева В. Г., Чугреева Н.Н.* Ермоген // Православная энциклопедия. М., 1997. Т. 18. С. 633. Но на странице 51 указанного в статье издания нет ни слова о Гермогене, там опубликованы бумаги даже близко не 1615 года.

[2] Хотя обычно Немцевич называет свои источники.

[3] Настоящая книга о святителе называется «Гермоген», да и сам он в тексте именуется «Гермоген», а не «Ермоген», лишь по причине установившейся литературной традиции, хотя, строго говоря, это не совсем правильно.

[4] О печальной судьбе Ермолаевского храма в Москве см. последнюю главу этой книги.

[5] Имеется в виду казанский Спасо-Преображенский монастырь.

[6] Это тяжелая ошибка Е.М. Лебедева: в той же писцовой книге Казани, на которую он ссылается, четко сказано, что храму Николы Гостинодворского положено «государева жалованья годовой руги» попу четыре рубля серебром, а также хлеба на прокорм; церковной же руги «за воск и за ладан, и за темьян, и за вино церковное» — 41 копейка, да пономарю 50 копеек серебром и хлеба на прокорм. — Список с писцовых книг по городу Казани с уездом. Казань, 1877. С. 38. Об оплате «церковного строения» речь не идет.

[7] Собственно, это не совсем так: ранние писцовые книги Казани, на которые он ссылается, не имеют четкой датировки. Судя по данным публикаторов, они должны быть отнесены к периоду в пределах 1565–1568 годов. — Список с писцовых книг по городу Казани с уездом. Казань, 1877. С. 5. Это же замечание относится и к труду Е.М. Лебедева, почему-то твердо датировавшего писцовую книгу Казани 1567 годом, не имея на то оснований.

[8] Список с писцовых книг по городу Казани с уездом. С. 16. Беда только, что по этой ссылке, проставленной у Е.В. Липакова, не обнаруживается никаких сведений о дворе попа Григория в Кремле. Более того, в том месте писцовой книги, где перечислены дворы, расположенные внутри Кремля и принадлежащие духовенству (Список с писцовых книг по городу Казани с уездом. С. 35), двор Никольского священника Григория также не упомянут. Правда, здесь в публикации писцовой книги сделаны сокращения. Возможно, Е.В. Липаков работал с оригиналом писцовой книги, нашел там упоминание двора, но ссылку дал почему-то неверно и по публикации. В противном случае его соображения выглядели бы очень странно.

[9] 1631 год от Рождества Христова

[10] Справедливое замечание Кедрова поддержал протоиерей Николай Агафонов: «Очевидно, и человек, занимавший в этой церкви место священника, должен был обладать такими духовными дарованиями, которые выделяли бы его среди остального духовенства. Это подтверждается уже тем, что именно Ермогену Казанский архиепископ Иеремия благословляет взять от земли явленный чудотворный образ Божией Матери и нести этот образ на руках до храма св. Николая Тульского и далее до Покровского собора. Ему же архиепископ поручает наблюдать за порядком всего торжественного шествия крестного хода по городу»; *Агафонов Николай, прот.* Адамант земли русской. С. 115.

[11] Святых Гурия и Варсонофия.

[12] *Полевы* — аристократический род, хотя и не из высшего слоя знати. Это Рюриковичи Смоленского княжеского дома, потерявшие титул.

[13] В старой литературе, включая и церковную, кончина святителя Германа датирована неверно — концом 1568 года. Верная датировка определена В.А. Колобковым: это декабрь (или, возможно, ноябрь) 1567 года. — *Колобков В.А.* Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004. С. 124–126, 132, 241, 260–261, 268–269.

[14] «В 1889 году на главу святителя Германа возложена была новая митра. Присутствовавшие при этом лица вполне убедились, что святитель Герман умер не от моровой язвы, а был убит». — Святитель Христов Герман. Казань, 1901. Убийство совершилось с особым зверством: «Голова святителя Германа была отрублена двумя ударами — одним спереди, отсекшим нижнюю челюсть, другим сзади по шее». — Материалы для истории города Старицы Тверской

губернии. Вып. 1. Старица, 1905. С. 112. Гермоген рассказывает о Германе совсем немного, осторожно обходит факт насильственной смерти его (пишет, что Герман умер в то время, когда свирепствовал «мор», но не говорит, что «мор» сгубил владыку Казанского), но выражает благоговение к его памяти.

[15] Во множестве публикаций стоит другая дата — сентябрь 1592 года. Она ошибочна. Сам святитель указал: погребение мощей в Свияжске состоялось в сентябре 7100 года от Сотворения мира, что переводится в летосчисление от Рождества Христова как сентябрь 1591-го. Перенесение мощей святителя Германа отмечается Церковью 25 сентября по старому стилю.

[16] Обретение мощей отмечается 4 октября по старому стилю

[17] Иеремия был настоятелем Спасо-Преображенского монастыря в Казани.

[18] Возможно, строительство Дмитриевского храма связано было с желанием митрополита «освятить и укрепить в своей ближайшей пастве память о загадочно погибшем, но дорогом русскому сердцу царевиче Димитрии» *(Покровский И.М.* Ермоген, митрополит Казанский и Астраханский, а затем патриарх Всероссийский, и его заслуги для Казани с 1579 по 1606 год. С. 312).

[19] Автор этих строк уже высказывал предположение, согласно которому инициатором и организатором убийства царевича Дмитрия Ивановича в 1591 году являлся не Борис Федорович Годунов, а его дядя и прежний благодетель Д.И. Годунов. Борис Федорович, вероятно, лишь постарался избавить свое семейство от справедливой кары за содеянное // *Володихин Д.М.* Царь Федор Иванович. М., 2011 (серия «ЖЗЛ»). С. 201–203.

[20] Удельный князь, скончавшийся в 1285 году.

[21] В мае 1604 года Лжедмитрий I заключил своего рода «брачный договор». Среди прочих условий его женитьбы на Марине Мнишек там значилось вот что: «Панне жене нашей дам два государства великие, Великий Новгород да Псков, со всеми уезды, и з думными людми, и з дворяны, и з детми боярскими, и с попы и со всеми приходы, и с пригородки, и с месты и с селы, со всяким владеньем, и с поволностью, со всем с тем, как мы и отец наш треми государствы владели и указывали; а мне в тех в обеих государствах, в Новегороде и во Пскове, ничем не владети… Также вольно ей… что в своих в прямых удельных государствах монастыри и костелы справити римские, и бискупы и попы латынские, и школы поставляти… а самой жити с нами; а попы свои себе держати безо всякие забороны, якож и мы сами, з Божиею милостию, соединение сие приняли; и станем о том накрепко промышляти, чтоб все государство Московское в одну веру римскую всех привести, и костелы б римские устроити». — Документы и материалы о свадьбе Лжедмитрия I и Марины Мнишек // Дневник Марины Мнишек. М., 1995. Приложение II. С. 168.

[22] 1604/05 год от Рождества Христова.

[23] Документ, содержащий последовательность действий при торжественной церемонии.

[24] Прежде всего, он не имел чина думного дьяка, который предполагал присутствие в Боярской думе во время ее заседаний, а также участие в крупнейших совещаниях по политическим вопросам.

[25] Описание грамоты обнаруживается между описаниями иных документов, относящихся к

7114 году от Сотворения мира (сентябрь 1605-го — август 1606-го). Лжедмитрий I венчался на царство в самом конце июля 1605-го. А в сентябре — октябре 1605-го уже прошел тот самый Собор о «перекрещивании» Марины Мнишек, где присутствовал и Гермоген. Позднее Гермогена отправили в Казань. Таким образом, бумага, скорее всего, датируется сентябрем 1605 года.

[26] «Летописная книга», или, иначе, «Повесть о Смуте», «Повесть книги сея от прежних лет», приписывалась специалистами разным авторам — князю И.М. Катыреву-Ростовскому, князю И.А. Хворостинину, С.И. Кубасову. Исследование авторства «Летописной книги» количественными методами дало слабый, не вполне определенный аргумент в пользу Катырева-Ростовского. Вопрос не закрыт окончательно до настоящего времени. — *Платонов С.Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник // *Платонов С.Ф.* Собрание сочинений. В 6 т. М., 2010. Т. 1. С. 376–383; *Державина О.А.* К истории создания «Летописной книги», приписываемой князю Катыреву-Ростовскому // Ученые записки (Московский городской педагогический институт). Т. 48. Кафедра русской литературы. Вып. 5.1955. С. 80–82; *Гудзий Н.К.* К вопросу о составе «Летописной книги», приписываемой Катыреву-Ростовскому//ТОДРЛ. Л., 1958. Т. 14. С. 297; *Кукушкина М.В.* Семен Шаховский — автор Повести о Смуте // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1974. М., 1975. С. 77; *Милов Л. В., Бородкин Л. И, Иванова Т.В. и др.* От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства. М., 1994. С. 282–287. Автор этих строк солидарен с позицией, высказанной М.В. Кукушкиной в 1975 году на основе изучения нового списка «Летописной книги» с припиской, где автором называет себя князь С.И. Шаховской: текст принадлежит его перу и лишь редактировался, дополнялся, дорабатывался более поздними авторами.

[27] После него в великих князьях бывали исключительно государи московские.

[28] Окончательно установить истину можно лишь двумя способами: отыскать оригинал документа или подвергнуть текст клиометрическому исследованию по методике Л.В. Милова — Л.И. Бородкина, разработанной на историческом факультете МГУ как раз в целях атрибуции нарративных источников. Но это — дело будущего.

[29] Конрад Буссов оставил весьма эмоциональное свидетельство. Бог весть откуда происходит его уверенность в том, что святость Димитрия — ложная. Буссов с недюжинным упорством обличает ее, выдумывая новые и новые аргументы. Возможно, сыграло роль предубеждение протестанта, скверно относившегося к православному вероисповеданию. Вот его слова: «Шуйский, которому это было важнее, чем кому-либо иному, решил вывести русских из заблуждения и поэтому послал 30 июня в Углич вырыть труп настоящего Димитрия, убитого там в детстве, пролежавшего в земле 17 лет (так у Буссова. — *Д. В.) и* давно истлевшего, перевезти его в Москву и похоронить в той же церкви, где лежат прежние цари. Сделано это было лишь для того и с той целью, чтобы простонародье узнало и увидело, как дерзко оно было обмануто Димитрием, а теперь снова может дать себя обмануть второму появившемуся Димитрию. А чтобы эта дурацкая затея выглядела как можно лучше, Шуйский приказал сделать новый гроб. Он приказал также убить одного девятилетнего поповича, надеть на него дорогие погребальные одежды, положить в этот гроб и отвезти в Москву. Сам же он вместе со своими князьями, боярами, монахами и попами выехал с крестами и хоругвями встретить тело царя, которое он велел пышной процессией внести в церковь усопших царей. По его повелению было всенародно объявлено, что князь Димитрий, невинно убиенный в юности, — большой святой у Бога, он, мол, пролежал в земле 17 лет, а его тело так же нетленно, как если бы он только вчера умер. И орехи, которые были у него в руке на площадке для игр, когда его убили, еще тоже не сгнили и не протухли, точно так же и гроб не попорчен землей и сохранился, как

новый. Кто желает его видеть, пусть сходит в царскую церковь *(nach der Kayser Kirche),* где он поставлен; церковь всегда будет отперта, чтобы каждый мог туда пойти и поглядеть на него. Шуйский подкупил нескольких здоровых людей, которые должны были прикинуться больными. Одному велели на четвереньках ползти к телу св. Димитрия, другого повели туда под видом слепца, хотя у него были здоровые глаза и хорошее зрение. Они должны были молить Димитрия об исцелении. Оба, конечно, выздоровели, параличный встал и пошел, слепой прозрел, и они сказали, что им помог св. Димитрий. Этому поверило глупое простонародье, и такое неслыханное и страшное идолопоклонство началось перед телом, что Господь Бог разгневался и одного человека, представившегося слепым и хотевшего, чтобы св. Димитрий снова сделал его зрячим, там же в церкви лишил зрения. Другого, прикинувшегося больным и велевшего нести себя к Димитрию, чтобы найти там помощь, Бог наказал так, что в церкви он умер. Когда это кривляние привело к тому, что даже дети стали замечать, что это только чистый обман и подлог, Шуйский приказал закрыть церковь и никого больше в нее не пускать, объявив, что слишком много людей беспокоило св. Димитрия. Они его рассердили, нужно оставить его на некоторое время в покое и до той поры ему не досаждать, пока он не придет в хорошее расположение духа». — *Буссов К.* Московская хроника. 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 134–135. Примерно то же пишет и Петрей: *Петр Петрей.* О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 325–326. Исаак Масса оценил всё происходившее вокруг гроба царевича как «плутовство», но сам он так и не смог пробиться сквозь толпу к телу, чтобы как следует разглядеть его: *Исаак Масса.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 161–162.

[30] В 1620-х годах патриарх Филарет и царь Михаил Федорович дали А.С. Крылову земельное пожалование в память о подвигах Гермогена и его собственных службах.

[31] Ныне город Приозерск.

[32] На самом деле около года.

[33] Марина Мнишек была католичкой и к протестантизму никакого отношения не имела. Но в России время от времени «люторовой верой» называли и католичество, чаще именуемое «латынством», «папежской верой». Видимо, непонятное слово «люторова» по звучанию напоминало родное слово «лютая», имевшее подходящий смысл, а потому стало общим для негативной оценки любого инославия.

[34] Речь идет о казаках из Поволжья.

[35] Трус — здесь землетрясение

[36] В литературе встречаются высказывания, согласно которым Гермоген мог не одобрить обращение царя за помощью к шведам, ибо не желал вмешивать иноземцев в русские дела. См., напр.: *Васенко* Я. 1611–1613 гг. Патриарх Гермоген. Н. Новгород, 1909. С. 9. Но это всего лишь логические спекуляции: ни один источник не сообщает о каких-либо конфликтах Василия IV и Гермогена на почве договоренностей с Карлом IX. А.П. Богданов считает, что серьезной причиной раздражения Гермогена против царя могла стать неоправданная жестокость последнего при расправе с попавшими в плен болотниковцами *(Богданов А.П.* Русские патриархи (1589–1700). Т. 1. С. 219). Но и этому мнению не находится подтверждения в источниках.

[37] Царица Мария Петровна родила Василию Шуйскому двух девочек — Анастасию и Анну. Обе умерли в младенчестве.

[38] Январь 1608-го

[39] Главная цель Уложения 1607 года — остановить бегство крестьян с помещичьих земель и вывоз их более богатыми соседями на льготных условиях в свои владения. Устанавливался пятнадцатилетний срок подачи челобитных по делам об отъездах крестьян. Те, кто принимал беглых крестьян, подговаривал их к бегству или вывозу, по новому Уложению облагались тяжелыми штрафами. Эти меры были призваны укрепить дворянское ополчение, составлявшее ядро русской армии.

[40] К несчастью, Печатный двор жестоко пострадал от великого московского пожара 1611 года

[41] Церковный устав является всеобъемлющим справочником по правилам церковной и монашеской жизни. Устав, или Типикон, призван упорядочить службы и играть роль надежного руководства для священнослужителя. В нем даются подробные указания, в какие дни и часы, при каких божественных службах и в каком порядке необходимо читать или петь молитвословия, содержащиеся в Служебнике, Часослове, Октоихе и других богослужебных книгах. В нем также содержатся правила вычисления пасхалии — времени празднования Пасхи в разные годы. Имеются также указания о каждении, об открытии алтарных врат и завесы, о возжигании свечей, о том, как следует устроить иноческую жизнь.

[42] Прежде всего, Логгина Коровы, сыгравшего роль своего рода редактора-составителя.

[43] В Московском государстве не говорили: «купить икону», но только «выменять икону». Такова была норма общественного этикета.

[44] Вероятно, в сентябре 1610 года.

[45] В оригинале: «А нравом груб и к бывающим в запрещениях косен к разрешениям».

[46] В оригинале: «Слуховерствователен бысть».

[47] В оригинале: «Строптивно».

[48] В оригинале: «Отчелюбно».

[49] В оригинале: «По народе пастыря непреоборима показати себе хотя».

[50] Имеются в виду обличение и пророчество об адских муках.

[51] Существуют лишь косвенные данные о том, кто оказался в составе боярского правительства. Список, приведенный в тексте, показывает семь персон наиболее влиятельных политиков из его состава. Очевидно, правительственный круг был шире этого списка. В него явно входил также князь В.В. Голицын. Князь Ю.Н. Трубецкой, князь И.С. Куракин и М.Г. Салтыков оказались в полной зависимости от польского короля, стали его прямыми орудиями — куда им в правительство! Оно хотя бы проводило интересы русской знати и лучших русских дворянских верхов, в то время как эти трое стояли за один интерес — польский. Впрочем, историк В.Н. Татищев уверен, что князь Ю.Н. Трубецкой в боярское правительство все-таки входил, а князь А.В. Трубецкой — нет (*Татищев В.Н.* История Российская // Собрание сочинений. В 8 т. Т. 5–6. Ч. 4. М., 1996. С. 339). Любопытно, что князь Д.Т. Трубецкой в ту пору возглавлял думу у Лжедмитрия II на Калуге, то есть другой правительственный центр *(Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVIXVII вв. С. 295–296).

[52] Сын Никиты Романовича Захарьина-Юрьева — Федор (во иночестве Филарет) Никитич, в

1610 году занимавший Ростовскую митрополичью кафедру.

[53] Речь идет о бегстве князя Д. Шуйского с поля битвы под Клушином.

[54] Четверть — старинная мера площади, составляла чуть менее 0,55 гектара

[55] Возможно, имеется в виду римский консул Гай Лутаций Катул, который создал флот на пожертвования богатейших римлян и победил с ним карфагенян в морском сражении

[56] Письмо Сигизмунда об особых полномочиях М.Г. Салтыкова «с товарыщи» датировано 18 августа 1610 года. Следовательно, они получили в Москве значение административных представителей короля приблизительно в конце августа — самом начале сентября.

[57] Среди прочего за Молчановым числилось участие в убийстве членов царственного семейства Годуновых.

[58] Жолкевский рассказывает о себе в третьем лице.

[59] Это далеко не весь перечень проблем, составлявших компетенцию посольства. Их намного больше: так, послы должны были, среди прочего, договориться о том, чтобы Владислав женился на православной девице, чтобы он не имел сношений с папой римским по делам веры и т. п. Здесь указаны лишь основные, наиболее острые.

[60] Вязенье — заключение.

[61] Ушановать — оказать почтение.

[62] Гость — представитель высшей привилегированной корпорации купцов в Московском государстве. Помимо корпорации «гостей» существовали также привилегированные корпорации «Гостиной сотни» и «Суконной сотни».

[63] Здесь: боевое снаряжение.

[64] Об этих грамотах Гермогена подробно — в следующей главе.

[65] *Князь Андрей Гундоров* — маловлиятельный русский аристократ «третьего сорта», выглядевший крупной персоной лишь в глазах простого наемника.

[66] То есть ограбить

[67] Нужное место — так в XVII веке называли место, где человек будет испытывать нужду, подвергнется утеснению.

[68] Близ Смоленска Игнатий был схвачен поляками и представлен королю Сигизмунду III, который предложил ему на выбор — или возвратиться в Москву, или остаться в польских владениях. Игнатий избрал последнее и пожелал поселиться в виленском Троицком монастыре, находившемся тогда во власти униатов. Здесь Игнатий, сочувствовавший и прежде унии, открыто принял ее от архимандрита Велямина Рутского, вскоре сделавшегося униатским митрополитом. В январе 1615 года король Сигизмунд пожаловал Игнатию на содержание его фольварк с приселками, принадлежавший Витебской архиерейской кафедре. В конце 1616 года польский королевич Владислав, вступив в пределы России, чтобы отвоевать себе царский престол, некогда ему предложенный, писал русским в своей грамоте (от 25 декабря): «Мы

нашим царским походом к Москве спешим и уже в дороге, а с нами будут патриарх Игнатий да архиепископ Смоленский Сергий (находившийся в плену со взятия Смоленска)», хота, как известно, королевич не достиг своей цели. В Вильне оказывали Игнатию его новые единоверцы, то есть униаты, надлежащее уважение и даже позволяли иногда служить в кафедральной церкви. Скончался Игнатий около 1640 года. См.: *Макарий (Булгаков)*. История Русской Церкви. Кн. 6. С. 104–105.

[69] После неудачи Страстного восстания.

[70] Подробнее см. о них в следующей главе — письмо к нижегородцам, составленное летом 1611 года, и более позднее письмо, найденное учеными в «Вельском летописце».

[71] Разряд — список должностных лиц, отправляемых для вершения какого-либо государственного дела: воинского похода, строительства крепости, присутствия на свадьбе монарха и т. п. Кроме того, словом «Разряд» в Московском государстве сокращенно называли учреждение — Разрядный приказ, где составлялись такие списки.

[72] Карамзинский хронограф, он же «Рукопись Филарета», дает другую дату — 17 января 1612 года, однако вслед за тем идет ссылка на «житие» Гермогена в «летописании», а летопись указывает на 17 февраля. Поэтому иная дата в «Рукописи Филарета», очевидно, — плод писцовой ошибки. — Рукопись Филарета [Романова], патриарха Московского и всея России. С. 57.

[73] Имеются в виду Страстное восстание в марте 1611 года и последовавшее за ним сожжение Москвы.

[74] О том, когда и где был составлен «Вельский летописец», в науке ведется полемика. По мнению В.И. Корецкого, летописец создали во второй половине 1630-х годов в западных районах России, возможно, в районе города Белая; вышел он из кругов местного служилого дворянства. — *Корецкий В.И.* Новое о крестьянском закрепощении и восстании Болотникова // Вопросы истории. 1971. № 5. С. 130–152. По мнению Я.Г. Солодкина, «Вельский летописец» был окончательно доработан не ранее 1667/1668 года и происхождением своим связан, возможно, с аристократическим семейством князей Прозоровских. — *Солодкин Я.Г.* История позднего русского летописания. М., 1997. С. 139.

[75] Лопь, лапяне — обозначение народа саамов, славившегося большими познаниями в колдовстве.

[76] «Чаровник» — «отреченная», то есть запрещенная Церковью книга об оборотничестве.

[77] Публикатор послания В.И. Корецкий был уверен, что в летописи «оказалась нарушенной хронологическая последовательность событий», а ее составитель сделал «неудачную вставку»; поэтому послание Гермогена следует отнести не ко Второму, а к Первому земскому ополчению, к тому времени, когда оно «уже стояло под Москвой» (весна — лето 1611 года). — *Корецкий В.И.* Послание патриарха Гермогена // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1975. М., 1976. С. 22–23. Однако ссылка на год, когда состоялись сборы и поход Второго земского ополчения, носит развернутый характер и не допускает столь произвольного толкования.

[78] Вероятнее всего, это дьяк Нечай Перфирьев (далеко не самое крупное и влиятельное лицо в приказной братии), но полной уверенности в его авторстве нет. — *Солодкин Я.Г.* История позднего русского летописания. С. 67.

[79] Речь идет о событиях глубокой осени 1610 года.

[80] То есть «ты — начальствующее лицо». Имелось в виду формальное первенство князя Мстиславского в Боярской думе.

[81] В другом варианте перевода: «Ибо патриарх сам сознался, что делал это…» — Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871. С. 115.

[82] Впрочем, книга Видекинда появилась через полвека после тайной борьбы Гермогена с иноверной властью и кончины его. Возможно, ученый швед опирался на мнения польских писателей.

[83] Например, поляки могли обнаружить письма нижегородцев в других городах или же перехватить гонцов.

[84] См. предыдущую главу, историю попа Иллариона.

[85] Нетрудно убедиться, что основная масса книг о Гермогене, где он показан как человек, стоявший у истоков земского освободительного движения, относится к началу XX века и так или иначе связана с тремя крупными событиями — 300-летием освобождения Москвы от поляков (1912), 300-летием дома Романовых на русском престоле (1913) и канонизацией Гермогена (1913). Чаще всего это научно-популярные или научно-художественные издания, где от раза к разу повторяются аргументы, логика и лексика. Все они в интеллектуальном смысле зависят от научных исторических, а также историософских трудов «первого ряда».

[86] Казаками Скрынников назвал ратников Лжедмитрия II.

[87] Тот же Я.Г. Солодкин уточняет: «Летописец, который велся Гермогеном или под его наблюдением, а после ареста и смерти этого “нового страстотерпца” мог быть продолжен неким лицом из патриаршего клира, допустимо отнести к повествовательным источникам обширной “книги о выслугах и изменах”, сложившейся в придворных кругах незадолго до кончины Филарета, в частности, глав, отражающих судьбу “апостолообразного” патриарха». — *Солодкин Я.Г.* Существовал ли летописец патриарха Гермогена? // Очерки феодальной России. Вып. 13. М.; СПб., 2009. С. 210.

[88] Правильнее — Струков.

[89] Ныне строятся три храма, получившие освящение во имя Ермогена. Их возведение идет в московских районах Крылатское, Гольяново и Зюзино.

[90] Так в тексте.

[91] Кош — обоз.

[92] Список далеко не полон. Как в начале XX века, в преддверии канонизации святителя Гермогена, так и недавно, в связи с открытием памятника ему в Москве, появилось громадное количество популярных изданий, не несущих никакой новой информации о святителе, никаких новых трактовок его судьбы и деяний, никаких новых художественных образов. Подобного рода издания исключены из списка.

Ссылки

[{1}] АЗР. СПб., 1851. Т. 4. С. 481.

[{2}] *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Т. 12. СПб., 1829. С. 251.

[{3}] Там же. Примечания к Т. 12. СПб., б/д. Прим. 625.

[{4}] *Niemcewicz J. U.* Dzieje panowania Zygmunta III. Kraków, 1860. Т. II. С 256–257.

[{5}] *Жолкевский С.* Начало и успех Московской войны // Русские летописи. Т. 4. Рязань, 1999. С. 597.

[{6}] *Zołkiewski St.* Początek i Progres wojny moskiewskiej. Wrocław, 2003. С. 142–143. Специфическая польская графика передана здесь простой латиницей.

[{7}] Повесть о честном и славном явлении образа пречистой Богородицы в Казани и о чудесах, бывших от него // Патриарх Ермоген: Жизнеописание, творения, исторические предания, чудеса и прославление / Сост. и коммент. Е.А. Смирнова. М., 1997. С. 47–49.

[{8}] *Журавлев В.К.* Священномученик Ермоген, патриарх Московский и всея Руси // Держава. 2000. № 1. С. 26.

[{9}] ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 7, 57, 58, 61, 73, 74, 169, 194; *Корецкий В.И.* Летописец с новыми известиями о восстании И.И. Болотникова // История СССР. 1968. № 4. С. 129; *Корецкий В. И., Морозов Б.Н.* Летописец с новыми известиями XVI — начала XVII в. // Летописи и хроники. 1984 г. М., 1984. С. 215; Вельский летописец // ПСРЛ.Т. 34. С. 244; Псковские летописи. Окончание списка Оболенского // ПСРЛ.Т. 5. Вып. 1. С. 126; Рукопись Филарета [Романова], патриарха Московского и всея России. М., 1837. С. 38–39.

[{10}] Сказание… о расстриге Гришке Отрепьеве и о похождении его // ЧОИДР. 1847. Т. 9. Отд. II. С. 20; Новый летописец// ПСРЛ.Т. 14. С. 69.

[{11}] Липаков дает ссылку: Грамота Гермогена патриарху Иову и ответная грамота Иова 1592 года. — Архимандрит Платон (Любарский). Сборник древностей Казанской епархии. Казань, 1868. С. 66–74.

[{12}] Например, официальный ответ из Москвы на грамоты владыки Казанского: ААЭ. Т. 1. СПб., 1836. № 358.

[{13}] *Агафонов Николай, прот.* Адамант земли русской. М., 2012. С. 53.

[{14}] *Кедров С.* Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912. С. 7.

[{15}] *Агафонов Николай, прот.* Адамант земли русской. С. 260.

[{16}] *Лебедев Е.М.* Спасский монастырь в Казани. Казань, 1895. С. 125–127.

[{17}] *Липаков Е.В.* Дворянство Казанского края в конце XVI — первой половине XVII в. Формирование. Состав. Служба. Дисс. канд. ист. наук. Казань, 1990. С. 67–68.

{18} *Липаков Е.В.* Архипастыри казанские (1555–2007). Казань, 2007. Глава «Священномученик Гермоген (Ермоген). Митрополит Казанский и Астраханский с 13 мая 1589 года, Казанский и Свияжский с 1602 года по 3 июля 1606 года».

{19} *Воробьев Г.А.* Смутное время. Деятельность русского духовенства // Русский архив. 1892. Вып. 3. С. 15 (подстраничная сноска П.И. Бартенева); *Бартенев П.И.* О Смутном времени // Русский архив. 1898. Вып. 11. С. 456.

{20} *Глаголев Д.* Краткая заметка на мнение С.Ф. Платонова о происхождении патриарха Гермогена // Русский архив. 1901. Вып. 3. С. 125; *Мятлев Н.В.* Патриарх Гермоген и князья Шаховские // Летопись Историко-родословного общества в Москве. 1905. Вып. 2. С. 7.

{21} Дневник Марины Мнишек с 1605 года по 1608 // Сказания современников о Димитрии самозванце. Т. 4. СПб., 1834. С. 102 (взято из письма Николая де Мело).

{22} Дневник Марины Мнишек. М., 1995. С. 98. Эдикт, упомянутый в тексте, вернее всего, — одно из патриарших посланий конца 1606-го — первой половины 1607 года — ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 57 или 73, но скорее всего № 58.

{23} Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. Т. 2. СПб., 1842.

{24} *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 402.

{25} *Назаревский В.В.* Святейший Гермоген, патриарх всея России. Трехсотлетие его кончины 17 февраля 1612–1912. М., 1912. Без пагинации.

{26} *Глаголев Д.М.* Род великого господина святейшего Гермогена // Русский архив. 1902. Кн. 2.

{27} *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 402; *Васенко П.* 1611–1613 гг. Патриарх Гермоген. Н. Новгород, 1909. С. 2.

{28} *Кедров С.* Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. С. 6–7.

{29} *Мятлев Н, В.* Патриарх Гермоген и князья Шаховские. С. 7–8.

{30} Там же. С. 8–9.

{31} Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 219, 222.

{32} *Солодкин Я.Г.* Патриарх Гермоген как деятель книжной культуры (спорные вопросы и неучтенные памятники) // Церковь и ее деятели в истории России. Воронеж, 2001. С. 67; *Бовина-Лебедева В.Г., Чугреева Н.Н.* Ермоген. С 633–634.

{33} Пермская летопись с 1263–1881 гг. Второй период. С. 1613–1645 гг. / Сост. В. Шишонко. Пермь, 1882. С. 470–474.

{34} Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 213, 214.

{35} *Журавлев В.К.* Священномученик Ермоген, патриарх Московский и всея Руси. С. 26.

{36} *Покровский И.М.* Ермоген, митрополит Казанский и Астраханский, а затем патриарх Всероссийский, и его заслуги для Казани с 1579 по 1606 год // Патриарх Ермоген: Жизнеописание, творения, исторические предания, чудеса и прославление. М., 1997. С. 302; *Кедров С.* Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. С. 6.

{37} *Агафонов Николай, прот.* Адамант земли русской. С. 61–62.

{38} Повесть о честном и славном явлении образа Пречистой Богородицы в Казани и о чудесах, бывших от него // Патриарх Ермоген: Жизнеописание, творения, исторические предания, чудеса и прославление. С. 44.

{39} Там же. С. 43–57.

{40} Список с писцовых книг по городу Казани с уездом. С. 36–43.

{41} *Кедров С.* Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. С. 14.

{42} Жития святых Гурия, первого архиепископа Казанского, и Варсонофия, епископа Тверского, казанских чудотворцев,// Патриарх Ермоген: Жизнеописание, творения, исторические предания, чудеса и прославление. С. 59–60, 64, 67–68, 70, 72–73; Повесть о честном и славном явлении образа пречистой Богородицы в Казани и о чудесах, бывших от него // Там же. С. 57.

{43} *Богданов А.Л.* Русские патриархи (1589–1700). М., 1999. Т. 1. С. 204; *Агафонов Николай, прот.* Адамант земли русской. С. 101–102, 110–112; *Кедров С.* Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. С. 8.

{44} *Рублевский П.* Гермоген, патриарх Всероссийский//Странник. 1864. Май. С. 92–93.

{45} *Кедров С.* Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. С. 8, 25–26.

{46} Жития святых Гурия, первого архиепископа Казанского, и Варсонофия, епископа Тверского, казанских чудотворцев. С. 64.

{47} *Агафонов Николай, прот.* Адамант земли русской. С. 101.

{48} Там же.

{49} Перенос мощей святителя Филиппа из Твери на Соловки // Первая международная научная конференция «Духовное и историко-культурное наследие Соловецкого монастыря»: Сборник научных статей и докладов. Соловки, 2011.С. 44–45.

{50} *Кедров С.* Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. С. 17; *Агафонов Николай, прот.* Адамант земли русской. С. 122–124.

{51} *Кедров С.* Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. С. 17.

{52} Творения святейшаго Гермогена, Патриарха Московскаго и всея России. С приложением чина поставления в Патриарха. М., 1912. С. 58–62.

{53} Повесть о честном и славном явлении образа Пречистой Богородицы в Казани и о чудесах, бывших от него. С. 56.

{54} *Лебедев Е.М.* Спасский монастырь в Казани. Казань, 1895. С. 128–129.

{55} *Лебедев Е.М.* Спасский монастырь в Казани. Казань, 1895. С. 127.

{56} *Корецкий В.И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 241.

{57} *Агафонов Николай, прот.* Адамант земли русской. С. 145.

{58} Новый летописец. С. 38.

{59} Напр.: *Корецкий В. И., Морозов Б.Н.* Летописец с новыми известиями XVI — начала XVII в. С. 215; Пискаревский летописец // ПСРЛ.Т. 34. С. 196; *Корецкий В.И.* Летописец с новыми известиями о восстании И.И. Болотникова. С. 129.

{60} *Богданов А.П.* Русские патриархи (1589–1700). Т. 1. С. 204.

{61} *Агафонов Николай, прот.* Адамант земли русской. С. 139–142.

{62} Известен синодик по убиенным на бранех при взятии Казани. — Историческое описание Казанского Успенского второклассного Зилантова монастыря и Казанского памятника, сооруженного в воспоминание убиенных при взятии Казани вождей и воинов на общей их могиле. Казань, 1840. С. 18–26.

{63} Грамота святейшему Иову патриарху всея России о дозволении совершать в пределах Казанской митрополии память о христианских воинах, погибших в борьбе с татарами, и о казанских мучениках, пострадавших за веру — Иоанне Новом, Стефане и Петре // Патриарх Ермоген: Жизнеописание, творения, исторические предания, чудеса и прославление. С. 83–86.

{64} *Исаак Масса.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1936. С. 36.

{65} Разрядная книга 1559–1605 гг. М, 1974. С. 293.

{66} ААЭ. Т. 1.С. 436–437.

{67} *Мансветов Н.* Патриарх Гермоген // Духовная беседа. 1861. № 36. С. 424.

{68} ААЭ. Т. 1. С. 437–438.

{69} Патриарх Гермоген и архимандрит Дионисий. СПб., 1999. С. 7. В современном издании фамилия автора не указана, однако известно, что это Д.И. Успенский.

{70} *Кедров С.* Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. С. 21–22.

{71} Там же. С. 9.

{72} *Богданов А.П.* Русские патриархи (1589–1700). Т. 1. С. 204.

{73} *Дробленкова Н.Ф.* Гермоген // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1. А — К. Л., 1988. С. 154.

{74} *Рыков Ю.Д.* Малоизвестная рукописная книга святителя Гермогена из собрания Е.Е. Егорова (К 100-летию канонизации Святейшего Патриарха Гермогена) // Румянцевские чтения, 2013. Ч. 2. Материалы международной научной конференции (16–17 апреля 2013). М., 2013. С. 127–131.

{75} *Левина И.В.* Сквозные мотивы и христианская символика в «Повести о Петре и Февронии» московского книжника Ермолая-Еразма // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2014. Вып. 3. С. 25–43.

{76} Повесть о Петре и Февронии / Подг. текста и исслед. М.П. Дмитриевой. Л., 1979. С. 134–135,146, 203–204, 275–287.

{77} *Поздеева И. В., Турилов А.А.* «Тетрати… печатаны в Казане»: К истории и предыстории Казанской типографии XVI в. //ДРВМ. 2001. № 2(4). С. 45–49; № 4(6). С. 17–21; *Гусева А.А.* Издания кирилловского шрифта 2-й пол. XVI в. М., 2003. Кн. 2. С. 680, 711, 908–909, 946–947.

{78} *Кедров С.* Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. С. 22.

{79} *Покровский И.М.* Ермоген, митрополит Казанский и Астраханский, а затем патриарх Всероссийский, и его заслуги для Казани с 1579 по 1606 год. С. 312–313.

{80} Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. М., 1997. Т. 1. № 216. С. 187.

{81} ААЭ. Т. 2.С.41.

{82} Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 316.

{83} Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 218.

{84} Там же. С. 129–134.

{85} Новый летописец // ПСРЛ.Т. 14. С. 304.

{86} *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 6. С. 74.

{87} *Ульяновский В.* Смутное время. М., 2006. С. 221.

{88} СГГД. СПб., 1819. Ч. 2. № 93; *Ульяновский В.* Смутное время. С. 220–221.

{89} *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 6. С. 82–83.

{90} ААЭ. Т.2.С. 106–115.

{91} *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. В 12 т. В 3 кн. М., 2004. Кн. 3. С. 552; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 4. М., 1989. С. 436; *Костомаров Н.И.* Господство дома св. Владимира: Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1993. С. 721; *Кедров С.* Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. С. 30; *Каштанов С.М.* Гермоген

// Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 4. Стб. 397.

{92} Сказание… о расстриге Гришке Отрепьеве и о похождении его // ЧОИДР. 1847. Т. 9. Отд. II. С. 20.

{93} *Ульяновский В.* Смутное время. С. 237.

{94} СГГД. Ч. 2. С. 298; РИБ.Т. 13. СПб., 1891. Стб. 80–81.

{95} *Ульяновский В.* Смутное время. С. 238–239.

{96} Там же. С. 242–243.

{97} Там же. С. 240–241.

{98} Документы и материалы о свадьбе Лжедмитрия I и Марины Мнишек//Дневник Марины Мнишек. Приложение II. С. 182.

{99} Временник Ивана Тимофеева. СПб., 2004. С. 258.

{100} Новый летописец. С. 306.

{101} *Арсений Елассонский.* Мемуары из русской истории // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 180.

{102} Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1. С. 318–319.

{103} *Шаховской С.И.* Летописная книга // Памятники литературы Древней Руси: Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 383.

{104} *Мансветов Н.* Патриарх Гермоген // Духовная беседа. 1861. № 36. С. 424.

{105} *Арсений Елассонский.* Мемуары из русской истории. С. 182.

{106} *Исаак Масса.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1936. С. 100.

{107} *Васенко П.Б.* 1611–1613 гг. Патриарх Гермоген. Н. Новгород, 1909. С. 14; *Богданов А.П.* Русские патриархи (1589–1700). М., 1999. Т. 1. С. 228.

{108} *Рублевский П.* Гермоген, патриарх Всероссийский // Странник. 1864. Июнь. С. 112–113.

{109} *Кедров С.* Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912. С. 48.

{110} *Щукин В.* Патриарх Гермоген как представитель и поборник национальной религиозности (1612–1912 гг.). Рига, 1921. С. 14.

{111} *Самохин А.* Патриарх Гермоген. Непобедимый // Люди Смуты. История народного подвига. М., 2012. С. 92.

{112} *Костомаров Н.И.* Господство дома св. Владимира: Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1993. С. 721.

{113} ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. С. 289.

{114} Новый летописец//ПСРЛ.Т. 14. С. 69.

{115} ААЭ. Т.2.С. 104.

{116} *Арсений Елассонский.* Мемуары из русской истории // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 183–184.

{117} *Кедров С.* Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. С. 48.

{118} *Козляков В.* Василий Шуйский. М., 2007 (серия «ЖЗЛ»). С. 106.

{119} *Агафонов Николай, прот.* Адамант земли русской. М., 2012. С. 170.

{120} *Богданов А.Л.* Русские патриархи (1589–1700). Т. 1. С. 213.

{121} *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 175.

{122} *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 199–201.

{123} *Талахов А.Д.* Историческая хрестоматия церковнославянского и русского языка. М., 1848. Т. 1. С. 364–365. Некоторые историки оспаривают авторство Гермогена, приписывают речь Исидору, но сколько-нибудь значительных аргументов в пользу авторства Исидора не приводилось. См.: *Воробьев Г.А.* Смутное время. Деятельность русского духовенства // Русский архив. 1892. № 1. С. 13, 39–40; *Солодкин Я.Г.* Патриарх Гермоген как деятель книжной культуры (спорные вопросы и неучтенные памятники) // Церковь и ее деятели в истории России. Воронеж, 2001. С. 65.

{124} *Галахов А.Д.* Историческая хрестоматия церковнославянского и русского языка. Т. 1. С. 365–366.

{125} Там же. С. 365.

{126} Александро-Невская летопись. Приложение // ПСРЛ.Т. 29. С. 222.

{127} Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 207.

{128} Временник Ивана Тимофеева. СПб., 2004. С. 49. О «сретении» мощей Василием Шуйским совместно с патриархом говорится и в «Новом летописце»: Новый летописец. С. 70–71. То же читается и в некоторых хронографах, напр.: Рукопись Филарета (Романова], патриарха Московского и всея России. М., 1837. С. 8.

{129} Пермская летопись с 1263–1881 гг. Второй период. С 1613–1645 гг. / Сост. В. Шишонко. Пермь, 1882. С. 471.

{130} *Зотов А.М.* Патриарх Гермоген и митрополит Филарет: Об идее духовного наставничества в «Новом летописце» 1630 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 4. С. 20.

{131} Хронограф 1617 года // Памятники литературы Древней Руси: конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 337.

{132} Творения святейшаго Гермогена, Патриарха Московскаго и всея России. М., 1912. С. 105.

{133} Сказание Авраамия Палицына // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2006. Т. 14. Гл. 54.

{134} Хронограф Погод. 1451 // Повесть о победах московского государства. М., 1982. С. 86.

{135} Писание о преставлении и погребении князя Скопина-Шуйского // Памятники литературы Древней Руси: конец XVI — начало XVII в. М., 1987. С. 65–67.

{136} *Петр Петрей.* О начале войн и смут в Московии. С. 327–328.

{137} Новый летописец. С. 71.

{138} *Исаак Масса.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 167.

{139} ААЭ. Т. 2. С. 148–149.

{140} Там же. С. 149–156.

{141} Там же. С. 157–159.

{142} Там же. С. 126–127.

{143} Там же. С. 128.

{144} См.: Приложение к настоящей книге «Грамоты патриарха Гермогена 1606–1609 годов», грамота № 1; ААЭ. Т. 2. С. 129.

{145} ААЭ. Т. 2. С. 164.

{146} Приложение к настоящей книге «Грамоты патриарха Гермогена 1606–1609 годов», грамота № 2; ААЭ. Т. 2. С. 167–168.

{147} Там же. С.288.

{148} Там же. С. 288–289.

{149} Приложение к настоящей книге «Грамоты патриарха Гермогена 1606–1609 годов», грамота № 2; ААЭ. Т. 2. С. 167.

{150} Рукопись Филарета [Романова], патриарха Московского и всея России. С. 46–48.

{151} *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. С. 309.

{152} *Кедров С.* Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. С. 52–66.

{153} *Богданов А.П.* Русские патриархи (1589–1700). Т. 1. С. 217.

{154} *Морозова Л.Е.* Гермоген, патриарх всея Руси // Вопросы истории. 1994. №2. С. 161.

{155} Хронограф 1617 года. С. 339–341.

{156} Вельский летописец // ПСРЛ.Т. 34. С. 244.

{157} Новый летописец. С. 87.

{158} ААЭ. Т. 2. С. 289.

{159} Сказание Авраамия Палицына. Гл. 54.

{160} Новый летописец. С. 76.

{161} Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Сост. А. Попов. М., 1869. С. 338.

{162} Сказание Авраамия Палицына. Гл. 36.

{163} Новый летописец. С. 75, 81, 92.

{164} *Смирнов И.И.* Новый список Уложения 9 марта 1607 года // Исторический архив. Т. 4. М.; Л., 1949. С. 82–83.

{165} *Крылов Георгий, прот.* Книжная справа при патриархе Гермогене // Журнал Московской патриархии. 2012. № 11. С. 40–42.

{166} *Дробленкова Н.Ф.* Гермоген // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1. А — К.С. 155; *Мансветов Н.* Патриарх Гермоген //Духовная беседа. 1861. № 36. С. 424; *Солодкин Я.Г.* Патриарх Гермоген как деятель книжной культуры… С. 68.

{167} *Кедров С.* Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. С. 40.

{168} Обретение честных и многоцелебных мощей святого отца нашего Алексия, митрополита Киевского и всея Руси, чудотворца // Патриарх Ермоген: Жизнеописание, творения, исторические предания, чудеса и прославление. М., 1997. С. 75–79.

{169} *Дробленкова Н.Ф.* Гермоген. С. 158.

{170} Патриарх Ермоген: Жизнеописание, творения, исторические предания, чудеса и прославление. С. 80–81.

{171} ААЭ. Т. 2. С. 290–291.

{172} *Насонов А.Н.* Летописные памятники хранилищ Москвы (Новые материалы) // Проблемы источниковедения. М., 1955. Т. 4. С. 266–267; *Солодкин Я.Г.* Существовал ли летописец патриарха Гермогена? // Очерки феодальной России. Вып. 13. М.; СПб., 2009. С. 210.

{173} Грамота благословенная патриарха Гермогена на построение в селе Чернышеве храма // Творения святейшаго Гермогена, Патриарха Московскаго и всея России. М., 1912. С. 77–78.

{174} Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 204. Общество истории и древностей российских. Акты № 22. 23. Л. 1 об. Сообщено А. Богомазовой.

{175} Из рукописей при Нижегородской духовной семинарии // Русский архив. 1897. Кн. 3. С. 154–155.

{176} *Антонов А.В.* Перечни актов Переславских, Ярославских, Костромских и Галичских монастырей и церквей XIV — начала XVII в. // Русский дипломатарий. Вып. 1. М., 1997. С. 151.

{177} Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной библиотеки. Ф. 29. Беляев Иван Дмитриевич. № 132. Л. 5–5 об. Сообщено А. Богомазовой.

{178} *Исаак Масса.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. С. 162.

{179} Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. С. 199.

{180} *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. Кн. 3. С. 709.

{181} *Жолкевский С.* Начало и успех Московской войны // Русские летописи. Т. 4. Рязань, 1999. С. 583–584.

{182} Сказание Авраамия Палицына. Гл. 60.

{183} Там же.

{184} Новый летописец. С. 100.

{185} *Хворостинин И.А.* Словеса дней и царей, и святителей московских// Памятники литературы Древней Руси: конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 451.

{186} *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 55–56.

{187} Сказание Авраамия Палицына. Гл. 60.

{188} Новый летописец. С. 100.

{189} Пискаревский летописец // ПСРЛ.Т. 34. С. 212.

{190} ААЭ. Т. 2. С. 276–277.

{191} Хронограф 1617 года // Памятники литературы Древней Руси: конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 350–351.

{192} Статьи о Смуте, извлеченные из Хронографа 1617 года, и отповедь в защиту патриарха Гермогена. СПб., 1909. С. 39–40.

{193} Там же. С.40.

{194} Там же. С. 40–41.

{195} *Кедров С.* Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912. С. 32.

{196} *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 309.

{197} *Васенко П.Б.* Новые данные для характеристики патриарха Гермогена//ЖМНП. 1901. № 7. С. 144.

{198} ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. С. 138–139.

{199} Там же. С288.

{200} Там же. С. 288–289.

{201} Дневник Яна Петра Сапеги (1608–1611). М., 2012. С. 221; *Жолкевский С.* Начало и успех Московской войны // Русские летописи. Т. 4. Рязань, 1999. С. 587.

{202} *Жолкевский С.* Начало и успех Московской войны. С. 587.

{203} АЗР. СПб., 1851. Т. 4. С. 475.

{204} Псковские летописи. Окончание списка Оболенского // ПСРЛ.Т. 5. Вып. 1. С. 126.

{205} *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 160–161.

{206} Сказание Авраамия Палицына // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2006. Т. 14. Гл. 61.

{207} *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 128.

{208} *Жолкевский С.* Начало и успех Московской войны. С. 583.

{209} Там же. С.587.

{210} *Володихин Д.М.* Проблема хронологической трактовки статьи Судебника 1550 года о введении новых статей // Историческое обозрение. Вып. 14. М., 2013. С. 27–30.

{211} АЗР. Т. 4. С. 314–316.

{212} Сб. РИО. Т. 142. М., 1913. С. 93–104.

{213} *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 56–57.

{214} *Мельникова А.С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989. С. 115–118. Таблица 20 в приложении «Фототаблицы».

{215} Новый летописец // ПСРЛ.Т. 14. С. 100–101; Рукопись Филарета [Романова], патриарха Московского и всея России. С. 34–35.

{216} ААЭ. Т. 2. С. 280.

{217} Сказание Авраамия Палицына. Гл. 61.

{218} Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 122.

{219} Новый летописец. С. 101.

{220} Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 37.

{221} Рукопись Филарета [Романова], патриарха Московского и всея России. С. 38–39.

{222} *Хворостинин И.А.* Словеса дней и царей, и святителей московских // Памятники литературы Древней Руси: конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 453.

{223} *Тихомиров М.Н.* Новый источник по истории восстания Болотникова. Казанское сказание // Исторический архив. Т. 6. М.; Л., 1951. С. 128–129.

{224} Поход его королевского величества [Сигизмунда III] в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 679.

{225} Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 216.

{226} АЗР. Т. 4. С. 477.

{227} Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871. С. 97–98.

{228} Там же. С. 597.

{229} Там же. С.598.

{230} Новый летописец. С. 101–102.

{231} Сб. РИО. Т. 142. М., 1913. С. 132, 134, 142, 146–147, 154.

{232} Там же. С. 174–175.

{233} Там же. С. 178–180.

{234} Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1. С. 115.

{235} Сб. РИО. Т. 142. С. 191–192.

{236} АЗР. Т. 4. С. 482.

{237} Там же. С.479.

{238} Поход его королевского величества [Сигизмунда III] в Москву [Россию] 1609 года. Стб. 680.

{239} Там же. Стб.682.

{240} АЗР. Т.4. С.481.

{241} Поход его королевского величества [Сигизмунда III] в Москву [Россию] 1609 года. Стб. 691.

{242} Поход его королевского величества [Сигизмунда III] в Москву [Россию] 1609 года. Стб. 691.

{243} Дневник Яна Петра Сапеги (1608–1611). С. 257.

{244} АЗР. Т.4. С.481–482.

{245} Там же. С. 482–483.

{246} ААЭ. Т. 2. С. 300.

{247} СГГД. Ч.2. С.491.

{248} *Хворостинин И.А.* Словеса дней и царей, и святителей московских. С. 457.

{249} Новая повесть о преславном Российском царстве // Памятники литературы Древней Руси: конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 33–37.

{250} ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. С. 301.

{251} Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. С. 107.

{252} *Тихомиров И. Н.* Новый источник по истории восстания Болотникова // Исторический архив. Т. 6. М.; Л., 1951. С. 129.

{253} *Буссов К.* Московская хроника. 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 185.

{254} Дневник Маскевича 1594–1621 // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Т. 1. СПб., 1859. С. 49–50.

{255} Там же. С. 61.

{256} Напр.: Плач о пленении и конечном разорении Московского государства // Памятники литературы Древней Руси: конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 143; Рукопись Филарета [Романова], патриарха Московского и всея России. М., 1837. С. 44–45; *Шаховской С.И.* Летописная книга // Памятники литературы Древней Руси: конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 409.

{257} Псковские летописи. Окончание списка Оболенского // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 127.

{258} Новый летописец. С. 107–108.

{259} *Володихин Д.М.* Пожарский. М., 2012. С. 75–82.

{260} Новый летописец. С. 108.

{261} *Эскин Ю.М.* Дмитрий Михайлович Пожарский. М., 2013. С. 51.

{262} Новый летописец. С. 108.

{263} Дневник Маскевича 1594–1621. С. 61–62.

{264} Сказание Авраамия Палицына // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2006. Т. 14. Гл. 65.

{265} Новый летописец. С. 109.

{266} Новый летописец. С. 110.

{267} Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 216.

{268} *Буссов К.* Московская хроника. 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 188.

{269} *Арсений Елассонский.* Мемуары из русской истории // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 190.

{270} *Хворостинин И.А.* Словеса дней и царей, и святителей московских // Памятники литературы Древней Руси: конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 459.

{271} Дневник Яна Петра Сапеги (1608–1611). С. 289.

{272} *Стадницкий М.* История Димитрия, царя Московского… // Иностранцы о древней Москве (Москва XV–XVII веков). М., 1991. С. 237–238.

{273} Сб. РИО. Т. 142. М., 1913. С. 486.

{274} *Борин В.* Святейший патриарх Гермоген и место его заключения. М., 1913. С. 27–28.

{275} *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). С. 22; Новый летописец. С. 110.

{276} Дневник Яна Петра Сапеги (1608–1611). С. 327.

{277} *Мархоцкий Н.* История московской войны. М., 2000. С. 104.

{278} Дневник Маскевича 1594–1621. С. 68–69.

{279} *Белокуров С.А.* О месте заключения патриарха Гермогена в 1611–1612 гг. // Сборник статей в честь М.К. Любавского. Пг., 1917. С. 625–626.

{280} Новый летописец. С. 117.

{281} Статьи о Смуте, извлеченные из Хронографа 1617 года, и отповедь в защиту патриарха Гермогена. С. 41.

{282} *Хворостинин И.А.* Словеса дней и царей, и святителей московских. С. 459.

{283} Псковские летописи. Окончание списка Оболенского // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 128; Вельский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 260.

{284} Рукопись Филарета [Романова], патриарха Московского и всея России. С. 57; *Бантыш-Каменский Н.Н.* Переписка между Россиею и Польшею по 1700 г., составленная по дипломатическим бумагам // ЧОИДР. 1860.4.2. Кн. 1. Отд. 2. С. 116.

{285} Пискаревский летописец. С. 216.

{286} Сказание Авраамия Палицына. Гл. 65.

{287} *Коялович М.О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. М., 2011. С. 37–38. Михаил Осипович Коялович без малого четверть столетия преподавал на кафедре Русской гражданской истории при Санкт-Петербургской духовной академии.

{288} ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 194. С. 343–344.

{289} Там же. С. 343.

{290} Вельский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 259.

{291} Там же. С. 259–260.

{292} Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 216.

{293} Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 273–274.

{294} Изборник славянских и русских сочинений и статей / Собр. и изд. А. Попов. М., 1869. С. 349.

{295} Новый летописец// ПСРЛ. Т. 14. С. 106.

{296} Там же. С. 107.

{297} Там же. С. 110.

{298} *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 22.

{299} *Тихомиров М.К.* Новый источник по истории восстания Болотникова. Казанское сказание // Исторический архив. Т. 6. М.; Л., 1951. С. 130.

{300} *Шаховской С.И.* Летописная книга // Памятники литературы Древней Руси: конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 407–410.

{301} *Хворостинин И.А.* Словеса дней и царей, и святителей московских // Там же. С. 457.

{302} Там же. С. 461.

{303} Там же. С. 463.

{304} СГГД. Ч. 2. М., 1819. С. 499; ААЭ. Т. 2. С. 297.

{305} ААЭ. Т. 2. С. 301

{306} СГГД. Ч.2. С. 497.

{307} Там же. С. 496.

{308} Там же. С. 494; ААЭ. Т. 2. С. 301.

{309} ААЭ. Т. 2. С. 305.

{310} Там же. С. 305.

{311} Там же. С. 321, 324.

{312} Дневник Маскевича 1594–1621 // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Т. 1. СПб., 1859. С. 48–49.

{313} Там же. С. 49.

{314} *Жолкевский С.* Начало и успех Московской войны // Русские летописи. Т. 4. Рязань, 1999. С. 598.

{315} *Буссов К.* Московская хроника. 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 185.

{316} *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000. С. 156.

{317} Там же. С. 163.

{318} АЗР. Т.4. С.481–482.

{319} Там же. С. 482.

{320} Там же. С. 482–483.

{321} Там же. С.483.

{322} Там же. С. 493.

{323} Там же.

{324} Сб. РИО. Т. 142. М., 1913. С. 238.

{325} *Арсений Елассонский.* Мемуары из русской истории // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 189.

{326} Поход его королевского величества [Сигизмунда III] в Москву [Россию] 1609 года // Русская историческая библиотека. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 693.

{327} СГГД. Ч. 2. С. 491; Предисловие//Сб. РИО. Т. 142. С. X–XI.

{328} Сб.РИО. Т. 142. С. 331.

{329} Дневник Яна Петра Сапеги (1608–1611). М., 2012. С. 197.

{330} *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 6. С. 99–104; *Агафонов Николай, прот.* Адамант земли русской. М., 2012. С. 222–245; 280; *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. В 12 т. В 3 кн. М., 2004. Кн. 3. С. 734–741; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 4. М., 1989. С. 604–605, 615;

Мансветов Н. Патриарх Гермоген // Духовная беседа. 1861. № 34. С. 388–394; *Забелин И.Е.* Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1999. С. 80–81, 275–277; *Костомаров Н.И.* Повесть об освобождении Москвы от поляков в 1612 году и избрание царя Михаила. СПб., 1897. С. 11; *Он же.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия // *Он же.* Собрание сочинений. Кн. 2. СПб., 1904. С. 509–513 (обе работы Костомарова, на которые сделана ссылка, впервые опубликованы в 1860-х годах); *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 311–314; *Он же.* Патриарх Гермоген и архимандрит Дионисий. СПб., 1912. С. 3–5; *Кедров С.* Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912. С. 85–93; *Морозова Л.Е.* Гермоген, патриарх всея Руси // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 162–163.

{331} *Дмитриев Д.С.* Патриарх Гермоген. М., 1906. С. 18; *Царевский А.* Гермоген, святейший патриарх всероссийский, в его самоотверженном служении бедствующему отечеству. Казань, 1907. С. 32–36; *Васенко П.* 1611–1613 гг. Патриарх Гермоген. Н. Новгород, 1909. С. 19–22; *Росшее П.* Великий печальник за родину Патриарх Гермоген.М., 2012. С. 17; *Соколов В., свящ.* Святейший патриарх Гермоген. М., 1912. С. 11; *Цветков Л.* Святейший Гермоген, патриарх Московский и всея России. М., 1913. С. 19; *Эшенбах А.Н.* Великий печальник земли русской святейший патриарх Гермоген. М., 1913. С. 9–10; *Дементьева Н.* Патриарх Гермоген. Рассказ из истории Русской церкви. М., 1914.2-е изд. С. 39,44–46,56; *Тренев Б.* Русская церковь и Русское государство в смутные годы. Патриарх Гермоген и архимандрит Дионисий. М., 1918. С. 20; *Дробленкова Н.Ф.* Гермоген // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XTV–XVI в.). Ч. 1. А-К. Л., 1988. С. 157; *Журавлев В.К.* Священномученик Ермоген, патриарх Московский и всея Руси // Держава. 2000. № 1. С. 28; *Перевезенцев С.В.* Смутное время: опыт свободы // Смута как исторический и социокультурный феномен. Материалы Всероссийской научной конференции. М., 2013. С. 20–22.

{332} *Платонов С.Ф.* Патриарх Гермоген и архимандрит Дионисий. СПб., 1912. С. 4.

{333} *Кедров С.* Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. С. 93.

{334} *Костомаров Н.И.* Господство дома св. Владимира: Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1993. С. 725–731.

{335} *Волкова Е.* Патриарх Гермоген. Исторический очерк из эпохи Смутного времени. 1610–1612. СПб., 1913. С. 58.

{336} Там же. С. 46–50.

{337} *Успенский Д. [И.]* Страдальцы за землю Русскую. Патриарх Гермоген и Троицкий архимандрит Дионисий. М., 1911. С. 24–25.

{338} Там же. С. 21–25. С этой работой Д. Успенского некрасиво поступили наши современники. В 1999 году ее вновь опубликовало петербургское издательство «Шпиль»… «забыв» указать автора.

{339} *Сухотин Л.М.* К вопросу о причастности патриарха Гермогена и князя Пожарского к делу первого ополчения // Сборник статей в честь М.К. Любавского. Пг., 1917. С. 319–324.

{340} Там же. С. 336.

{341} Там же. С. 338.

{342} *Корецкий В.И.* Послание патриарха Гермогена. С. 23.

{343} *Каштанов С.М.* Гермоген // Советская историческая энциклопедия. М., 1963. Т. 4. Стб. 397.

{344} *Скрынников Р.Г.* Святители и власти. Л., 1990. С. 305, 311.

{345} Там же. С. 306.

{346} Там же. С. 321.

{347} Там же. С. 324.

{348} Там же. С. 310.

{349} Там же. С. 311.

{350} Там же. С. 313–314.

{351} Там же. С. 314.

{352} *Кедров С.* Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. С. 92.

{353} *Богданов А.П.* Русские патриархи (1589–1700). М., 1999. Т. 1. С. 239–242.

{354} Там же. С. 245–247.

{355} *Солодкин Я.Г.* История позднего русского летописания. С. 84.

{356} Сб. РИО. Т. 142. С. 331–333.

{357} *Козляков В.И.* Герои Смуты. М., 2012 (серия «ЖЗЛ»). С. 46.

{358} Там же. С. 47.

{359} *Эшенбах А.Н.* Великий печальник земли русской святейший патриарх Гермоген. М., 1913. С. 9–10.

{360} *Щукин В.* Патриарх Гермоген как представитель и поборник национальной религиозности (1612–1912 г.). Рига, 1921. С. 10.

{361} *Поселянин Е.* Святитель Ермоген // Патриарх Ермоген: Жизнеописание, творения. Исторические предания, чудеса и прославление. М., 1997. С. 319–321.

{362} Н.М. Рогожин пишет об «аристократическом варианте ограничения царской власти» при Василии Шуйском, каковой выразился в «отправлении монарха и Боярской думы». — *Рогожин Н.М.* Смута начала XVII века и ее влияние на развитие государственности в России // Смута как исторический и социокультурный феномен. Материалы Всероссийской научной конференции. М., 2013. С. 10.

{363} *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1979. Автореферат дисс. на соискание ученой степени д-ра ист. наук. С. 32–33.

{364} Там же. С. 33.

{365} *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978. С. 270–285.

{366} *Шульц Э.Э.* Русская церковь в политической борьбе первой трети XVII в. Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 2001; *Перевезенцев С.В.* Смутное время: опыт свободы // Смута как исторический и социокультурный феномен. Материалы Всероссийской научной конференции. М., 2013. С. 21.

{367} Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. 4. М., 1989. С. 610–611.

{368} *Ульяновский В.* Смутное время. М., 2006. С. 107–108.

{369} Временник Ивана Тимофеева. СПб., 2004. С. 144.

{370} *Шаховской С.И.* Летописная книга // Памятники литературы Древней Руси: конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 407–409; Казанское сказание // Исторический архив. Т. 6. М.; Л., 1951. С. 129.

{371} *Хворостинин И.А.* Словеса дней и царей, и святителей московских // Памятники литературы Древней Руси: конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 459–461.

{372} *Кедров С.* Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912. С. 106.

{373} Там же. С. 106–107.

{374} *Татищев В.Н.* История Российская // Собрание сочинений. В 8 т. Т. 5–6. Ч. 4. М., 1996. С. 358.

{375} *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 6. С. 109–110.

{376} *Соколов В., свящ.* Святейший патриарх Гермоген. М., 1912. С. 24.

{377} Святейший патриарх Гермоген и чудеса от его мощей. 17 февраля 1612–1912 г. М., 1911. С. IV.

{378} *Соколов В., свящ.* Святейший патриарх Гермоген. М., 1912. С. 26–30; Святейший патриарх Гермоген и чудеса от его мощей. 17 февраля 1612–1912 г. С. IV; *Серафим, игумен.* Торжество долга (Прославление святейшаго патриарха-патриота Ермогена и майские торжества в 1913 г. по случаю празднования 300-летия царствующего Дома Романовых). Кунгур, 1914. С. 11–16. Последний автор сообщает о множестве чудес, совершившихся «по молитвам святейшего патриарха Гермогена» между 1904 и 1913 годами, используя как источник «шнуровую книгу» Успенского собора (Указ. соч. С. 137–156).

{379} *Иоанн Восторгов, прот.* Храм на месте кончины свт. Ермогена // Патриарх Ермоген:

Жизнеописание, творения, исторические предания, чудеса и прославление. М., 1997. С. 204–205.

{380} Ходатайство жителей Москвы о прославлении Церковью святейшего патриарха Ермогена // Патриарх Ермоген: Жизнеописание, творения, исторические предания, чудеса и прославление. М., 1997. С. 208; *Серафим, игумен.* Торжество долга (Прославление святейшаго патриарха-патриота Ермогена и майские торжества в 1913 г. по случаю празднования 300-летия царствующего Дома Романовых). С. 104–115.

{381} *Георгиевский В.* Рака и облачение для мощей святителя Гермогена. М., б/д. С. 9–10.

{382} *Коварская С.* Рака священномученика Патриарха Московского Ермогена в Успенском соборе Московского Кремля // Журнал Московской патриархии. 1996. № 10. С. 68.

{383} *Рождественский Н.В.* О памятнике в Москве патриарху Гермогену и архимандриту Дионисию // Патриарх Ермоген: Жизнеописание, творения, исторические предания, чудеса и прославление. М., 1997. С. 326–327.

{384} *О. Василий Протопопов.* Торжество в Ермолаевской церкви // Патриарх Ермоген: Жизнеописание, творения, исторические предания, чудеса и прославление. М., 1997. С. 332–333.

{385} ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. С. 129–134. Печатается в незначительном сокращении и адаптации.

{386} ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. С. 166–168. Печатается в незначительном сокращении.

{387} ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. С. 286–287.

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/fiction

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch